

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Бубновская О.В., Калита В.В., Лысова А.В., Соколовский М.Л.
Профиль саморегуляции и социальной активности в портрете учащейся российской молодежи 11
- Емелин В.А., Рассказова Е.И.
Субъективные критерии предпочтения профессии и работы в старшем подростковом и юношеском возрасте 23
- Маленова А.Ю., Потапова Ю.В., Маленов А.А., Потапов А.К.
Особенности субъективного благополучия и карьерных ориентаций у подростков с признаками одаренности в разных сферах активности 41

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Журавлев А.Л., Зинченко Ю.П., Китова Д.А., Первачева О.А.
Ценностно-смысловые детерминанты профессиональной ответственности в обыденном представлении россиян 56
- Трифорова А.В., Лебедева Н.М.
Контекстуальные и индивидуально-личностные предикторы адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане 77
- Черемская М.А.
Подходы к пониманию профессионального самоопределения в социальной психологии 90

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

- Корнева О.Г., Абдуллаева М.М., Барабанщикова В.В.
Разработка и апробация методики субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач 101
- Денисова Е.Г., Бовдуй Д.А., Гостева А.О.
Психологическое благополучие работников сферы образования в связи с различными психологическими аспектами их профессиональной деятельности 114
- Семенова Н.А.
Формирование компонентов метаресурса жизненной успешности сотрудников ОВД с помощью тренинга профессионально-личностного роста 130
- Собченко А.М.
Определение эффективности психологических технологий тренинга в предупреждении и преодолении психологического стресса у пилотов 144

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ

- Гусев А.Н., Баев М.С., Лебедева С.А., Савинкина А.О.
Изменение эмоционального состояния испытуемых по лицевым экспрессиям в условиях 7-суточной сухой иммерсии 158
- Кружкова О.В., Воробьева И.В., Матвеева А.И., Жданова Н.Е.
Стресс-факторы городской цифровой среды: личностные детерминанты восприимчивости 175

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Бердникова Д.В.
Психологические предикторы профессиональной активности преподавателей вузов 187
- Шишова Е.О.
Влияние профессионального мастерства и личностных особенностей педагога на психическое развитие ребенка в разных типах образовательной среды 197

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Bubnovskaia O.V., Kalita V.V., Lysova A.V., Sokolovskii M.L.
 Profile of self-regulation and social activity in the portrait of Russian youth 11

Emelin V.A., Rasskazova E.I.
 Subjective criteria for the preference of profession and work in senior adolescence and young adulthood 23

Malenova A.Yu., Potapova Yu.V., Malenov A.A., Potapov A.K.
 Subjective well-being and career orientations of adolescents with the signs of giftedness in different areas of activity 41

SOCIAL PSYCHOLOGY

Zhuravlev A.L., Zinchenko Yu.P., Kitova D.A., Pervacheva O.A.
 Value and meaning determinants of professional responsibility in ordinary representations of Russians 56

Trifonova A.V., Lebedeva N.M.
 Contextual and individual-personal predictors of Russians' adaptation in Estonia and Kyrgyzstan 77

Cheremenskaia M.A.
 Approaches to professional self-determination in social psychology 90

OCCUPATIONAL PSYCHOLOGY

Korneva O.G., Abdullaeva M.M., Barabanshchikova V.V.
 Development and approbation of a questionnaire for subjective assessment of the level of work tasks regulation 101

Denisova E.G., Bovdui D.A., Gosteva A.O.
 University staff well-being and various psychological aspects of their professional activity 114

Semenova N.A.
 Development of a meta-resource for the life success in police officers using professional and personal growth training 130

Sobchenko A.M.
 Efficiency of stress management training in prevention and overcoming psychological stress in pilots 144

METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Gusev A.N., Baev M.S., Lebedeva S.A., Savinkina A.O.
 Change in subjects' emotional states as observed through facial expressions during a seven-day dry immersion experiment . . . 158

Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V., Matveeva A.I., Zhdanova N.E.
 Stress factors of the urban digital environment: personal determinants of susceptibility 175

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Berdnikova D.V.
 Psychological predictors of professional activity in university teachers 186

Shishova E.O.
 Influence of professional skill and personal characteristics of a teacher on the mental development of a child
 in different types of educational environment 197

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0101>
УДК/UDK 159.923, 159.9.07

Профиль саморегуляции и социальной активности в портрете учащейся российской молодежи

О.В. Бубновская¹✉, В.В. Калита², А.В. Лысова³, М.Л. Соколовский⁴

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

² Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Российская Федерация

³ Университет Саймона Фрейзера, Ванкувер, Канада

⁴ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

✉ bubnovskaia.ov@dvvfu.ru

Резюме

Актуальность. Актуальность изучения социальной активности молодежи в контексте саморегуляции определяется уязвимостью молодых людей в сложных условиях трансформирующегося общества, подверженного неопределенности. Через социальную активность молодежь социализируется, проявляет себя в ее различных формах, в связи с чем необходимо понимать факторы, мотивы вовлеченности и препятствия реализации, а также риски и угрозы безопасности и благополучию.

Цель. Определить роль саморегуляции в вовлеченности молодежи в социальную активность с учетом региональной и половой специфики.

Выборка. В исследовании приняли участие 1492 респондента ($M_{\text{возраст}} = 19,2$; 1013 — девушки), студенты различных направлений подготовки из российских регионов.

Методы. Для сбора данных использован опросный дизайн с применением методик «Стиль саморегуляции поведения — ССМП» В.И. Моросановой и диагностики структуры социальных установок Г. Айзенка, опросника межличностных отношений В. Шутца, Британской шкалы благополучия, шкал привлекательности российских партий и общественно-политических организаций, оценки интенсивности социальных контактов и участия в мероприятиях, неформальных объединениях и спонтанных событиях, а также социально-демографической анкеты. Для обработки данных применены методы описательной статистики, кластерного (метод k-средних) и сравнительного (t-Студент и H-критерий Краскела — Уоллиса) анализа.

Результаты. Установлено, что ведущими регуляторными процессами и свойствами в профиле саморегуляции молодых людей являются настойчивость, программирование действий и гибкость. Саморегуляция в большей степени связана с такими формами социальной активности молодежи, как досуговые мероприятия, участие в клубах и кружках, спонтанных и неформальных событиях в роли организатора этих форм с преобладающей значимостью для девушек.

Выводы. Исследование показало типичность профиля саморегуляции молодежи, ее обусловленность возрастной спецификой. Ограниченное влияние процессов и свойств саморегуляции на формы социальной активности, особенно в отношении юношей, говорит о необходимости учета комплекса факторов социальной активности при их рассмотрении.

Ключевые слова: саморегуляция, безопасность и благополучие, молодежь, студенчество, социальная активность, региональная и гендерная специфика

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке в рамках реализации договора пожертвования денежных средств от 19.05.2022 № Д-156-22 Фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов-победителей открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов на период с 07.02.2022 по 31.12.2024 Школы экономики и менеджмента ДВФУ из дохода от доверительного управления целевым капиталом «Стратегические проекты ДВФУ», тема проекта «Безопасный кампус: разработка системы мониторинга вовлеченности в девиации и межличностное насилие в контексте благополучия студенчества».

Для цитирования: Бубновская, О.В., Калита, В.В., Лысова, А.В., Соколовский, М.Л. (2024). Профиль саморегуляции и социальной активности в портрете учащейся российской молодежи. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 11–22. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0101>

Profile of Self-Regulation and Social Activity in the Portrait of Russian Youth

Olesia V. Bubnovskaia¹✉, Vitaliy V. Kalita², Alexandra V. Lysova³, Maksim L. Sokolovskii⁴

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

²Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russian Federation

³Simon Fraser University, Vancouver, Canada

⁴North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

✉ bubnovskaia.ov@dvfu.ru

Abstract

Background. The relevance of studying the social activity of young people in the context of self-regulation is determined by the vulnerability of young people in difficult conditions of a transforming society subject to uncertainty. In social activity, young people socialize, manifest themselves, and therefore it is necessary to understand its factors, motives for inclusion in one or another of its forms, obstacles to its implementation, as well as risks and threats to the safety and well-being. **Objectives.** The aim is to establish the role of self-regulation in the involvement of young people in social activity, considering regional and gender specifics.

Study Participants. This study involved 1492 respondents ($M_{age} = 19.2$; 1013 women), students of various majors from Russian regions.

Methods. The research had a survey design, the questionnaires and scales were used in this work for collecting data: V.I. Morosanova's "Style of self-regulation of behavior", Eysenck's three-factor model, FIRO-B, British scale of well-being, Scale of Russian parties and socio-political organizations attractiveness, Assessment of social contacts intensity and participation in events, and informal associations, a socio-demographic survey. Methods of descriptive statistics, cluster (k-means method) and comparative (t-Student and H-Kraskel-Wallis criterion) analyses were used for data processing.

Results. It is established that the leading regulatory processes and properties in the profile of self-regulation of young people are persistence, programming of actions, and flexibility. Self-regulation has a greater impact on such forms of social activity of young people as leisure activities, participation in clubs, spontaneous events as the organizer of these forms with a predominant value for girls rather than for boys.

Conclusions. The study showed the typical features of the self-regulation profile of young people. This profile is mostly conditioned by the age specifics of this social group. The limited influence of the processes and properties of self-regulation on the forms of social activity, especially in relation to young men, suggests the need to consider other factors of social activity in a complex.

Keywords: self-regulation, safety and well-being, youth, students, social activity, gender and regional specifics

Funding. This study has been supported as part of the implementation of the donation agreement No. D-156-22 of the FEFU Endowment Fund dated 05/19/2022 to finance projects-winners of the open competition for the support of research and applied projects for the period from 07.02.2022 to 12/31/2024 of the School of Economics and Management (FEFU) from the income from the trust management of the target capital "Strategic projects of FEFU" (The intended purpose is the donation of the public stock company SBER for the development of SEM), the project "Safe Campus: development of a system for monitoring involvement in deviations and interpersonal violence in the context of the well-being of students".

For citation: Bubnovskaia, O.V., Kalita, V.V., Lysova, A.V., Sokolovskii, M.L. (2024). Profile of Self-Regulation and Social Activity in the Portrait of Russian Youth. *National Psychological Journal*, 19(1), 11–22. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0101>

Введение

Одним из важных индикаторов оценки многих процессов в обществе, в том числе социальной активности, является безопасность и благополучие людей (Low, 2017), качество их жизни. Усиление неопределенности и социальной напряженности, обусловленное вызовами среды, например, пандемия, влекут за собой появление различных стрессоров, новых рисков, к которым особенно уязвима молодежь (Choi et al., 2019). Для успешной адаптации в условиях

сложной среды необходима развитая саморегуляция, согласованные процессы и свойства которой способствуют выработке гибкой модели поведения (Bubnovskaia et al., 2020).

В исследованиях социальной активности молодежи рассматриваются проблемы ее форм, выявляются факторы и структуры мотивов, методы оценки и технологий повышения вовлеченности молодежи, анализируются ценности и мировоззренческие основания поведения (Щемелева, 2019; Пилипенко, 2020). К факторам, детерминирующим направленность социальной активности, можно отнести неудовлет-

воренность потребности в связанности с другими, влияющей на субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью и переживание счастья (Шамионов, 2020, с. 180), а также возраст, пол, уровень образования и социальные характеристики (Усова, 2019, с. 17). Так, для молодежи наиболее предпочтительными являются досуговая, интернет-сетевая, образовательно-развивающая, социально-экономическая и духовная активности, наименее — политическая, религиозная, протестная, радикальная, а также альтруистическая и гражданская (Усова, 2019; Шамионов, 2020).

Фиксируется ограниченность распространения социальной активности молодежи территорией и регионом, обусловленная «неготовностью отвечать за страну» (Костина и Орлова, 2022, с. 137), и нацеленность на участие в кратковременных акциях (петиции, разовый митинг) вместо системных действий (голосование на выборах, длительные социальные проекты). Это связано в том числе с тем, что молодежь в социальной активности делает акцент на самореализации и самопрезентации, а не на влиянии на общественные процессы, поэтому у молодых людей преобладают индивидуалистские практики деятельности с превалированием инструментальных и гедонистических ценностей (Пилипенко, 2020, с. 276).

В качестве основных типов студенческой молодежи по мотивам и уровню социальной активности можно выделить «потенциальных» и «экспансивных» акторов как наиболее социально активных людей, руководствующихся внутренними мотивами, а также «формальных/символических» и «пассивных» акторов как пассивную молодежь, вовлекающуюся в деятельность по внешним мотивам (Щемелева, 2019).

Регуляторные процессы и свойства у молодежи в контексте социальной активности изучаются в связи с ролью социокультурных и смысловых основ саморегуляции (Зубок и др., 2021; Zubok et al., 2021), активизацией молодежи в общественно-политическом пространстве, ее жизненными стратегиями в разных сферах (Zubok, Chuprov, 2020), отклоняющимся поведением (Fine et al., 2018; Yeo et al., 2020; Shafiq, Batool, 2022), безопасностью, благополучием (Arslan, 2018; Palacios-Barrios, Hanson, 2019; Bubnovskaia et al., 2020), здоровьем (Bauer et al., 2020; Peters et al., 2022), пандемией (Song, Lee, 2021), ресурсами жизнестойкости и развития (Gomez-Baya et al., 2020; Valenzuela et al., 2020; Napolitano et al., 2020; Linver et al., 2021; Gestsdottir et al., 2022; Mertens et al., 2022; Lee et al., 2021).

Цель исследования состоит в оценке роли саморегуляции как фактора социальной активности учащейся молодежи с учетом региональной и половой специфики.

В исследовании будут проанализированы выраженность саморегуляции у молодежи с учетом социально-демографических параметров, межличностных взаимодействий, социальной и политической активности, региональной специфики (кластерный анализ), а также различия в профиле саморегуляции

с учетом пола и выделенных кластеров. Это позволит получить представление о профиле саморегуляции и социальной активности молодежи, его особенностях.

Мы предполагаем, что роль саморегуляции как фактора социальной активности учащейся молодежи проявляется в более тесных связях интенсивности участия в ее различных формах с регуляторными процессами, чем с личностно-регуляторными свойствами.

В качестве социальной активности в работе рассматривается оценка респондентами ее уровня и интенсивности социальных контактов (общительность), включенность в роли участника и организатора в деятельности клубов, волонтерские, политические мероприятия, религиозную активность, неформальные объединения, спонтанные события и досуговые мероприятия (в коллективе, семье, с друзьями).

Комплексный анализ социальной активности с учетом связей личностных, региональных и иных факторов не является достаточно разработанным, что определяет новизну и актуальность исследования.

Методы исследования

Для сбора данных применялись: методика «Стиль саморегуляции поведения — ССМП 2020» (Морсанова, Клондратюк, 2020); Методика диагностики структуры социальных установок (Айзенк, Вильсон, 2000); Опросник межличностных отношений (Фетискин и др., 2002); Шкала привлекательности российских партий и общественно-политических организаций, оценка интенсивности социальных контактов и участия в досуговых, клубных, волонтерских мероприятиях, неформальных объединениях и спонтанных событиях. Для оценки показателей благополучия и удовлетворенности жизнью задействовались Британская шкала благополучия (ответы на вопросы «Насколько Вы удовлетворены Вашей жизнью в целом за последнее время?», «По Вашим ощущениям, насколько важно то, что Вы делаете в жизни?», «В целом, насколько счастливым Вы себя чувствовали вчера?», «В целом, насколько сильно вчера Вы испытывали чувство тревоги?» (Vander Weele et al., 2021).

Для выявления социально-демографических характеристик и региональных предикторов использовались данные о месте проживания, половой, национальной и религиозной принадлежности.

Для обработки данных применялись методы описательной статистики, кластерного (метод k-средних, SPSS Statistics 23) и сравнительного (t-Студент и H-критерий Краскела — Уоллиса, Python) анализа.

Для определения количества кластеров предварительно проведен на случайной выборке (n = 242) иерархический кластерный анализ, для которого отобраны переменные, включающие социальные установки, общественно-политические ценности, оценку привлекательности российских политических партий и роли политических институтов в решении

ключевых политических вопросов, ответы на вопрос о желательной кандидатуре будущего президента, оценку идеологической принадлежности политических предпочтений, оценку межличностных отношений, социальной активности и уровня общительности, роли участника и организатора в различных формах социальной активности, оценку собственной групповой принадлежности (лояльная или протестная, пассивная или активная молодежь), отношение к религии, ответы на вопросы об удовлетворенности жизнью, ежемесячных расходах, кредитах, семейном положении.

В качестве меры расстояния между кластерами установлено евклидово расстояние (Савченко, 2008), анализ проведен с помощью метода межгрупповой связи. В результате иерархического кластерного анализа выделено 7 кластеров (как разница между количеством наблюдений и количеством шагов, после которого коэффициент расстояния между двумя кластерами увеличивается скачкообразно). Далее осуществлен кластерный анализ методом k-средних ($n = 1492$) с определением количества и объема кластеров ($n_1 = 208$; $n_2 = 232$; $n_3 = 176$; $n_4 = 224$; $n_5 = 252$; $n_6 = 148$; $n_7 = 252$).

Выборка

В исследовании участвовала молодежь из семи российских регионов ($n = 1492$, девушки — 1013, юноши — 479, средний возраст — 19,2): Ставропольский край (СК, $n = 218$, юноши — 81, девушки — 137, средний возраст — 19,2), Северная Осетия (СО, $n = 201$, юноши — 18, девушки — 183, средний возраст — 18), Карачаево-Черкессия (КЧ, $n = 186$, юноши — 42, девушки — 144, средний возраст — 20,4), Кабардино-Балкария (КБ, $n = 207$, юноши — 112, девушки — 95, средний возраст — 20,8), Москва и Московская область (МиМО, $n = 209$, юноши — 59, девушки — 150, средний возраст — 18,5), Сибирский федеральный округ (СФО, $n = 278$, юноши — 64, девушки — 214, средний возраст — 18,8), Дальневосточный федеральный округ (ДФО, $n = 193$, юноши — 67, девушки — 126, средний возраст — 19,2).

Результаты исследования

Анализ саморегуляции и социальной активности молодежи

Исходя из описательной статистики относительно переменных саморегуляции и социальной активности, а также их значений по выделенным кластерам с учетом социально-демографических характеристик, наиболее выраженными во всей выборке и с учетом пола являются регуляторные свойства настойчивости и гибкости (1 и 3 место — вся выборка и юноши, 2 и 3 место — девушки) и процессы программирования (2 место — вся выборка, юноши, 1 место — девушки).

Среди форм социальной активности лидируют относительно роли участника: досуг с друзьями, в семье и в коллективе (вся выборка, юноши), спонтанные события (вся выборка и девушки), роли организатора — досуг с друзьями, в семье и спонтанные события (вся выборка и с учетом пола). Наименьший интерес у молодежи вызывают такие формы активности, как политическая и религиозная, о чем свидетельствует их меньшая выраженность.

Согласно полученным результатам, *первый кластер* составляет политически активная, ищущая, лояльная Президенту, нерелигиозная молодежь, с выраженными установками социального равенства, общительностью и потребностями в межличностных отношениях с преобладанием инициативной позиции в установлении близких отношений и контроля на фоне удовлетворенностью жизнью. Для их саморегуляции в большей степени характерны настойчивость (4,07), программирование действий (3,91), при которых человеку бывает трудно отказаться от принятого решения, отступить от начатого, что может скорректировать гибкость (3,89), как способность перестроить систему саморегуляции в быстро меняющихся условиях, адаптируя планы и программы поведения и успешно решая поставленную задачу в ситуации риска.

Второй кластер — это относительно лояльная, политически пассивная молодежь с протестным сегментом и толерантными социальными установками, с приоритетом исполнительской позиции и роли участника при средней выраженности социальной активности, общительности и межличностных потребностей. Для саморегуляции поведения кластеру 2 в большей степени свойственны программирование действий и настойчивость (3,68 и 3,67 соответственно), как продумывание способов своих действий и поведения, организация работы по достижению выдвинутой цели и контроль при возможной ригидности в ситуации необходимости отказаться от принятого решения, но при этом и гибкости (3,56, разница — 0,11), как способности менять планы и программы исполнительских действий и поведения, адекватно реагируя на изменения. Надежность занимает низшую позицию (2,45), характерную и для всей выборки.

Третий кластер представлен относительно лояльной и пассивной молодежью с интересом к политике и общению, с наличием протестности и толерантности, при доминировании инициативной позиции относительно межличностных потребностей (особенно в контроле и аффекте). Для респондентов кластера 3 в большей степени характерна настойчивость, компенсируемая гибкостью (3,86 и 3,79 соответственно), как последовательность в действиях с возможностью выработки адекватных реакций на изменения среды, и программирование действий (3,68), как потребность все продумывать для достижения намеченных целей, разрабатывая детализированные и развернутые программы действий и поведения.

Четвертый кластер включает политически индифферентную, относительно лояльную религиозную молодежь со значимостью семьи и паритетом между инициативностью и исполнительностью, характеризующаяся пассивной протестностью на фоне неудовлетворенности жизнью, снижения уровня общительности и потребностей в межличностных отношениях. В саморегуляции поведения молодежи кластера 4 в большей степени выражены программирование действий (профиль с доминированием оценок по данной шкале с небольшим отрывом характерен только для кластеров 2 и 4) и настойчивость (3,3 и 3,24 соответственно). Человеку с высокими показателями по этим шкалам может быть трудно отказаться от принятого решения даже под давлением извне, его решения и способы достижения цели часто хорошо продуманы, альтернативные варианты проанализированы, а отступления от начатого дела достаточно редки. Выраженность шкалы гибкость находится на третьем месте (30,4, минимальный балл в выборке, разница — 0,2), что может помочь молодежи при необходимости изменить свои действия и поведение.

Пятый кластер — лояльная, политически индифферентная и пассивная молодежь с принципами социального равенства, справедливости и толерантности при умеренной досуговой и спонтанной активности и низкой выраженности потребностей в создании, поддержании и сохранении удовлетворительных межличностных отношений. Саморегуляцию поведения респондентов кластера 5 в большей степени характеризуют настойчивость и программирование действий (3,5 и 3,48 соответственно), а также гибкость (3,24, разница — 0,24). Средние позиции в кластере заняли моделирование значимых условий достижения целей и оценивание результатов (3,07 и 3,01 соответственно), а также планирование целей (2,99). Несмотря на низшую позицию шкалы надежность (2,62), она получила максимальный балл относительно выборки.

Шестой кластер — поддерживающая Президента, преимущественно лояльная молодежь, с наличием установок социального равенства, протестной и радикальной активности, паритетом между активно-

стью и пассивностью, приоритетом ведущей позиции в межличностных отношениях, при доминировании потребности в аффекте и выраженности чувства тревоги. Для картины саморегуляции кластера, схожей и с другими кластерами, в большей степени характерны настойчивость и программирование действий (3,68 и 3,65 соответственно), а также гибкость (3,49, разница — 0,16), при минимальном балле — у надежности (2,44, что близко к кластеру 1 с минимальным значением в выборке). Средние позиции занимает оценивание результатов и планирование целей (3,2 и 3,13 соответственно), как и в кластерах 1 и 2. Шкала моделирование значимых условий достижения целей имеет минимальный по сравнению с другими кластерами балл (2,96), за исключением кластера 4 с близким значением (2,97).

Седьмой кластер составляет пассивная, относительно лояльная молодежь со стереотипными политическими симпатиями и наличием протестных, атеистических и толерантных установок, со средней социальной активностью и общительностью при невысокой выраженности межличностных потребностей, с преобладанием роли ведомого — в аффекте и ведущего — во включенности и контроле. В профиле саморегуляции лидируют настойчивость и программирование действий (3,62 и 3,59 соответственно), а также гибкость (3,41, разница — 0,18); надежность (2,56) при этом занимает низшую позицию. Средние места представляют моделирование значимых условий достижения целей, планирование целей и оценивание результатов (3,2, 3,11 и 2,97 соответственно), что характерно и для кластера 4.

Полученные результаты подтверждает и региональный анализ, в соответствии с которым настойчивость, программирование действий и гибкость входят в тройку лидеров по уровню выраженности во всех регионах с низкими значениями надежности в профиле саморегуляции молодежи.

Анализ различий саморегуляции в разрезе кластеров

По результатам статистического анализа уровня выраженности процессов и свойств саморегуляции по кластерам можно говорить о наличии значимых различий (Н-критерия Краскела — Уоллиса, Таблица 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа саморегуляции поведения по кластерам, Н-критерий Краскела — Уоллиса

Кластер	Регуляторные процессы и свойства****, значение критерия с указанием p-value						
	ПЛ	МУЦ	ПД	ОЦ	ГБ	НД	НС
	n 1						
n 2	0,804	4,938*	7,463**	3,133	22,544***	0,026	32,643***
n 3	1,285	0,000	5,173*	3,648	1,428	0,367	6,637**
n 4	12,177***	9,436**	66,147***	32,969***	99,682***	4,519*	111,657***
n 5	7,786**	2,504	38,309***	13,958***	67,228***	7,698**	69,906***
n 6	1,214	8,542**	13,799***	1,585	21,764***	0,025	29,011***

Кластер	Регуляторные процессы и свойства****, значение критерия с указанием p-value						
	ПЛ	МУЦ	ПД	ОЦ	ГБ	НД	НС
n 7	1,436	0,000	19,158***	14,042***	42,845**	2,071	42,675***
n 2							
n 3	4,033*	3,923*	0,024	0,034	9,742**	0,240	6,033*
n 4	6,598**	1,092	30,513***	15,221***	44,856***	3,839	35,182***
n 5	3,349	0,718	11,214***	3,091	18,259***	7,078**	7,877**
n 6	0,060	1,186	1,295	0,245	0,297	0,005	0,147
n 7	0,098	6,332*	2,658	3,785	5,403	1,845	0,882
n 3							
n 4	19,976***	7,133**	24,485***	11,161***	68,426***	1,533	55,463***
n 5	14,640***	2,093	8,992**	1,447	41,630***	3,283	24,467***
n 6	4,649*	6,681**	1,102	0,569	10,619***	0,147	6,299*
n 7	4,911*	0,003	2,159	2,438	23,691***	0,500	10,633***
n 4							
n 5	0,896	3,972*	8,132**	7,486**	6,735**	0,12	14,239***
n 6	4,765*	0,119	19,625***	19,256***	27,527***	2,811	26,763***
n 7	4,726*	12,893***	19,179***	4,240*	23,062***	0,622	27,688***
n 5							
n 6	2,185	3,695	3,930*	5,289*	9,773**	4,941*	4,180*
n 7	1,993	3,774	3,179	0,184	4,935*	1,791	3,500
n 6							
n 7	0,006	10,663***	0,106	5,613	1,899	1,291	0,208

*p ≤ 0,05, **p ≤ 0,01, ***p ≤ 0,001

****ПЛ — Планирование целей, МУЦ — Моделирование значимых условий достижения целей, ПД — Программирование действий, ОР — Оценивание результатов, ГБ — Гибкость, НД — Надежность, НС — Настойчивость

Table 1
Results of comparative analysis of behavior self-regulation by clusters, Kraskel — Wallis H-criterion

Clusters	Regulatory processes and properties****, t and p-value						
	PG	MSC	PA	ER	FL	RL	PC
n 1							
n 2	0.804	4.938*	7.463**	3.133	22.544***	0.026	32.643***
n 3	1.285	0.000	5.173*	3.648	1.428	0.367	6.637**
n 4	12.177***	9.436**	66.147***	32.969***	99.682***	4.519*	111.657***
n 5	7.786**	2.504	38.309***	13.958***	67.228***	7.698**	69.906***
n 6	1.214	8.542**	13.799***	1.585	21.764***	0.025	29.011***
n 7	1.436	0.000	19.158***	14.042***	42.845**	2.071	42.675***
n 2							
n 3	4.033*	3.923*	0.024	0.034	9.742**	0.240	6.033*
n 4	6.598**	1.092	30.513***	15.221***	44.856***	3.839	35.182***
n 5	3.349	0.718	11.214***	3.091	18.259***	7.078**	7.877**
n 6	0.060	1.186	1.295	0.245	0.297	0.005	0.147
n 7	0.098	6.332*	2.658	3.785	5.403	1.845	0.882

Clusters	Regulatory processes and properties****, t and p-value						
	PG	MSC	PA	ER	FL	RL	PC
n 3							
n 4	19.976***	7.133**	24.485***	11.161***	68.426***	1.533	55.463***
n 5	14.640***	2.093	8.992**	1.447	41.630***	3.283	24.467***
n 6	4.649*	6.681**	1.102	0.569	10.619***	0.147	6.299*
n 7	4.911*	0.003	2.159	2.438	23.691***	0.500	10.633***
n 4							
n 5	0.896	3.972*	8.132**	7.486**	6.735**	0.12	14.239***
n 6	4.765*	0.119	19.625***	19.256***	27.527***	2.811	26.763***
n 7	4.726*	12.893***	19.179***	4.240*	23.062***	0.622	27.688***
n 5							
n 6	2.185	3.695	3.930*	5.289*	9.773**	4.941*	4.180*
n 7	1.993	3.774	3.179	0.184	4.935*	1.791	3.500
n 6							
n 7	0.006	10.663***	0.106	5.613	1.899	1.291	0.208

* $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$

****PG — Planning goals, MSC — Modeling significant conditions, PA — Programming actions, PR — Evaluating results, FL — Flexibility, RL — Reliability, PC — Persistence

В сравнении со всеми кластерами наибольшее число особенностей регуляторных процессов и свойств обнаружено по всем шкалам у первого, наименьшее — у седьмого кластеров. В целом, высокий уровень статистически значимых различий между кластерами наблюдается у личностно-регуляторных свойств — гибкости и настойчивости, а также у процессов программирования действий, при этом различия надежности и оценивания результатов в выборке минимальны.

По полу обнаружены статистические значимые различия (критерий t-Стьюдент), означающие большую выраженность у юношей надежности ($t = -4,376$, при $p = 0,000$); а у девушек — программирования действий ($t = 3,204$, при $p = 0,001$), по другим шкалам в разрезе пола (критерий t-Стьюдент, H-критерий Краскала — Уоллиса) статистически значимых различий не выявлено ($t = -0,468$, при $p = 0,64$; моделирование $H = 0,168$, при $p = 0,681$; оценивание результатов $H = 2,923$, при $p = 0,087$ и настойчивость $H = 1,393$, при $p = 0,238$).

В целом, несмотря на выявленные различия выраженности регуляторных процессов и свойств молодежи в разрезе кластеров и пола, для саморегуляции поведения респондентов установлена типичная для большинства кластеров конфигурация саморегуляции, включающая настойчивость и программирование действий, а также гибкость. Остальные показатели саморегуляции не входят в тройку лидеров ни в одном кластере, при этом надежность занимает последнюю позицию.

Обсуждение результатов

Результаты исследования профиля саморегуляции и социальной активности молодежи и их связей согласуются с данными, свидетельствующими о преобладании у молодежи вовлеченности в досуговые формы активности, что характеризует их активность как носящую индивидуалистический характер (Пилипенко, 2020) со стремлением к самореализации и самопрезентации (Костина, Орлова, 2022). Наше исследование также подтвердило низкий интерес молодых людей к политической и религиозной формам активности и протестной деятельности.

Саморегуляция в целом усиливает включенность в формы социальной активности, хотя с учетом пола результаты и не столь выражены, но согласуются с представлениями о саморегуляции как о процессе по построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности (Зинченко, Моросанова, 2020; Зубок, Чупров, 2020). При этом для общественно-политической и другой социально значимой деятельности характеристики саморегуляции вероятно не так важны в силу ее неприоритетного характера для самих молодых людей.

Программирование, являясь наиболее выраженным процессом саморегуляции у молодежи в выборке в целом, а также с учетом региона и пола, наряду моделированием больше связаны с участием в различных формах социальной активности, чем личностно-регуляторные свойства (за исключением настойчивости, также входящей в топ 3 регулятор-

ных процессов и свойств профиля саморегуляции молодежи). Это подтверждает выдвинутую гипотезу о роли саморегуляции в вовлеченности в социальную активность учащейся молодежи. Интересно отметить большую значимость саморегуляции для социальной активности девушек, чем для юношей. При этом социальная активность у мужского пола в большей степени детерминирована внутренними мотивами и убеждениями с меньшей ориентацией на внешнюю необходимость.

Выводы

Итак, для молодежи характерен доминирующий стиль саморегуляции поведения в разном соотношении трех регуляторных свойств и процессов. При этом пара настойчивость — программирование действий лидирует во всех кластерах, гибкость — на третьем месте (кроме кластера 3). Установлена большая выраженность надежности у юношей и программирования действий — у девушек.

Выявленный профиль саморегуляции скорее типичен для данной социальной категории в целом и обусловлен полом и возрастом, вне зависимости от региона проживания. Для молодых людей характерны последовательность в действиях, потребность продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, при этом возможная ригидность в ситуации необходимости отказаться от принятого решения может компенсироваться пластичностью регуляторных процессов, способностью перестраивать планы и программы исполнительских действий и поведения, адекватно реагируя на изменения.

Однако, качество и эффективность саморегуляции неустойчивы и могут снижаться в психологически сложных условиях и неблагоприятных обстоятельствах, о чем свидетельствует низкий уровень выраженности надежности в профиле саморегуляции молодежи.

В целом, характеристики саморегуляции важны для социальной активности молодежи, особенно для досуговых мероприятий, клубной и кружковой деятельности, а также спонтанных событий, имея большее значение для организации активностей, чем для участия в них. При этом ключевую роль из регуляторных процессов играет программирование, из личностно-регуляторных свойств — настойчивость, связанные с готовностью молодежи включаться в коммуникации и взаимодействия как в роли участников, так и организаторов.

Практическое применение

Психологические и личностно-регуляторные характеристики и работа с ними важны для безопасности и благополучия молодежи, которые, в свою очередь, обеспечивают вовлеченность в социальную активность. Гармоничная саморегуляция способствует восприятию среды как более безопасной и способствующей развитию, помогает эффективной и своевременной корректировке поведения при изменении внешних и внутренних условий. Роль саморегуляции как непосредственного предиктора социальной активности планируется уточнить не только с учетом оценки связи и эффектов регуляторных процессов и свойств, но и влияния комплекса факторов на вовлеченность в различные роли и формы активности молодежи.

Список литературы

- Айзенк, Г., Вильсон, Г. (2000). Как измерить личность. Москва: Изд-во Когито-Центр.
- Зинченко, Ю.П., Моросанова, В.И. (ред). (2020). Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени: коллективная монография. Москва: Изд-во Психологический институт Российской академии образования.
- Зубок, Ю.А., Чупров, В.И., Любутов, А.С., Сорочкин, О.В. (2021). Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования. *Вестник Института социологии*, 12(3), 79–98. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738>
- Костина, Е.Ю., Орлова, Н.А. (2022). Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи. *Вестник Института социологии*, 13(1), 129–143. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.778>
- Моросанова, В.И., Кондратюк, Н.Г. (2020). Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020». *Вопросы психологии*, (4), 155–167.
- Пилипенко, А.Э. (2020). Структурные компоненты социальной активности российской студенческой молодежи (на примере Ростовской области). *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, (3), 273–278.
- Савченко, Т.Н. (2008). Применение методов кластерного анализа для анализа данных психологических исследований. *Прикладная юридическая психология*, (4), 100–111.
- Усова, Н.В. (2019). Социально-демографические детерминанты направленности социальной активности современной молодежи. *Ученые записки Ростовского государственного социального университета*, 18, 2(151), 15–22. <https://doi.org/10.17922/2071-2019-18-2-15-22>
- Фетискин, Н.П., Козлов, В.В., Мануйлов, Г.М. (2002). Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва: Изд-во Института Психотерапии.
- Шамяионов, Р.М. (2020). Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи. *Сибирский психологический журнал*, (77), 176–195. <https://doi.org/10.17223/17267080/77/9>

- Щемелева, И.И. (2019). Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ. *Социологические исследования*, (4), 133–141. <https://doi.org/10.31857/S013216250004594-6>
- Arslan, G. (2018). School-Based Social Exclusion, Affective Wellbeing, and Mental Health Problems in Adolescents: A Study of Mediator and Moderator Role of Academic Self-Regulation. *Child Indicators Research*, 11(3), 963–980. <https://doi.org/10.1007/s12187-017-9486-3> (access date: 28.08.2022).
- Bauer, K.W., Hilliard, M.E., Albright, D., Lo, S.L., Fredericks, E.M., Miller, A.L. (2020). The Role of Parent Self-Regulation in Youth Type 1 Diabetes Management. *Current Diabetes Reports*, 20(8), 37. <https://doi.org/10.1007/s11892-020-01321-z> (access date: 28.08.2022).
- Bubnovskaia, O.V., Leonidova, V.V., Oralova, I.A. (2020). The relationship between psychological safety and student engagement considering the peculiarities of their self-regulation. In: V.I. Morosanova, T.N. Banshchikova, M.L. Sokolovskii (Eds.), *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS* (pp. 226–236), Stavropol: European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.04.29> (access date: 20.05.2022).
- Choi, K.S., Cho, S., Lee, J.R. (2019). Impacts of online risky behavior and cybersecurity management on cyberbullying and traditional bullying victimization among Korean youth: Application of cyber-routine activities theory with latent class analysis. *Computers in Human Behavior*, (100), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.06.007> (access date: 20.05.2022).
- Fine, A., Baglivio, M.T., Cauffman, E., Wolff, K.T., Piquero, A.R. (2018). Does the Effect of Self-Regulation on Adolescent Recidivism Vary by Youths' Attitudes? *Criminal Justice and Behavior*, 45(2), 214–233. <https://doi.org/10.1177/0093854817739046> (access date: 28.08.2022).
- Gestsdottir, S., Geldhof, G.J., Birgisdóttir, F., Andrésdóttir, J.C. (2022). Intentional Self-Regulation and Executive Functions: Overlap and Uniqueness in Predicting Positive Development Among Youth in Iceland. *The Journal of Early Adolescence*. <https://doi.org/10.1177/02724316221113355> (access date: 28.08.2022).
- Gomez-Baya, D., Tomé, G., Reis, M., Gaspar de Matos, M. (2020). Long-Term Self-Regulation Moderates the Role of Internal Resources for Resilience in Positive Youth Development in Portugal. *Journal of Genetic Psychology*, 181(2–3), 127–149. <https://doi.org/10.1080/00221325.2020.1735986> (access date: 28.08.2022).
- Lee, W., Jones, G.J., Hyun, M., Funk, D.C., Taylor, E.A., Welty Peachey, J. (2021). Development and transference of intentional self-regulation through a sport-based youth development program. *Sport Management Review*, 24(5), 770–790. <https://doi.org/10.1080/14413523.2021.1907973> (access date: 28.08.2022).
- Linver, M.R., Urban, J.B., Chen, W.L., Gama, L., Swomley, V.I. (2021). Predicting Positive Youth Development from Self-Regulation and Purpose in Early Adolescence. *Journal of Research on Adolescence*. <https://doi.org/10.1111/jora.12621> (access date: 28.08.2022).
- Low, S. (2017). Security at home: How private securitization practices increase state and capitalist control. *Anthropol. Theory*, (17), 365–381. <https://doi.org/10.1177/1463499617729297> (access date: 28.08.2022).
- Mertens, E.C.A., Deković, M., van Londen, M., Reitz, E. (2022). Parallel Changes in Positive Youth Development and Self-awareness: the Role of Emotional Self-regulation, Self-esteem, and Self-reflection. *Prevention Science*, 23(4), 502–512. <https://doi.org/10.1007/s11121-022-01345-9> (access date: 28.08.2022).
- Napolitano, C.M., Hoff, K.A., Ming, C.W.J., Tu, N., Rounds, J. (2020). Great expectations: Adolescents' intentional self-regulation predicts career aspiration and expectation consistency. *Journal of Vocational Behavior*, (120). <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103423> (access date: 28.08.2022).
- Palacios-Barrios, E.E., Hanson, J.L. (2019). Poverty and self-regulation: Connecting psychosocial processes, neurobiology, and the risk for psychopathology. *Comprehensive Psychiatry*, (90), 52–64. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.12.012> (access date: 28.08.2022).
- Peters, B.C., Pan, Z., Christensen, H., Gabriels, R.L. (2022). Self-Regulation Mediates Therapeutic Horseback Riding Social Functioning Outcomes in Youth With Autism Spectrum Disorder. *Front. Pediatr.*, (10), 884054. <https://doi.org/10.3389/fped.2022.884054> (access date: 28.08.2022).
- Shafiq, S., Batool, S. (2022). Bullying, Victimization, Rejection Sensitivity, and Self-regulation in Positive Development of Adolescents. *Journal of the Liaquat University of Medical and Health Sciences*, 21(1), 55–59. <https://doi.org/10.22442/jlumhs.2022.00883> (access date: 28.08.2022).
- Song, H.H., Lee, D.J. (2021). Structural relationship between Korean adolescent's sports participation, optimism, pessimism, self-regulation, and coronavirus-related stress in the pandemic situation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(20). <https://doi.org/10.3390/ijerph182010645> (access date: 28.08.2022).
- Valenzuela, R., Codina, N., Castillo, I., Pestana, J.V. (2020). Young University Students' Academic Self-Regulation Profiles and Their Associated Procrastination: Autonomous Functioning Requires Self-Regulated Operations. *Frontiers in Psychology*, (11). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00354> (access date: 28.08.2022).
- Vander Weele, T.J., Trudel-Fitzgerald, C., Allin, P.V., Farrelly, C., Fletcher, G., Frederick, D.E., Hall, J., Helliwell, J.F., Kim, E.S., Lauinger, W.A., Lee, M.T., Lyubomirsky, S., Margolis, S., McNeely, E., Messer, N.G., Tay, L., Viswanath, K.V., Węziak-Białowolska, D., Kubzansky, L.D. (2021). Current recommendations on the selection of measures for well-being. In: *Measuring Well-Being* (pp. 501–520). Oxford: Oxford University Press.
- Yeo, A.J., Germán, M., Wheeler, L.A., Camacho, K., Hirsch, E., Miller, A. (2020). Self-harm and self-regulation in urban ethnic minority youth: a pilot application of dialectical behavior therapy for adolescents. *Child and Adolescent Mental Health*, 25(3), 127–134. <https://doi.org/10.1111/camh.12374> (access date: 28.08.2022).
- Zubok, J.A., Chuprov, V.I., Lyubutov, A.S., Sorokin, O.V. (2021). Self-regulation of life of the youth: structural-taxonomic modeling. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological Studies)*, (10), 23–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5> (access date: 28.08.2022).
- Zubok, J.A., Chuprov, V.I. (2020). Youth life strategies: Implementation of expectations and social moods. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, (3), 14–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602> (access date: 28.08.2022).

References

- Arslan, G. (2018). School-Based Social Exclusion, Affective Wellbeing, and Mental Health Problems in Adolescents: A Study of Mediator and Moderator Role of Academic Self-Regulation. *Child Indicators Research*, 11(3), 963–980. <https://doi.org/10.1007/s12187-017-9486-3> (access date: 28.08.2022).
- Bauer, K.W., Hilliard, M.E., Albright, D., Lo, S.L., Fredericks, E.M., & Miller, A.L. (2020). The Role of Parent Self-Regulation in Youth Type 1 Diabetes Management. *Current Diabetes Reports*, 20(8), 37. <https://doi.org/10.1007/s11892-020-01321-z> (access date: 28.08.2022).
- Bubnovskaia, O.V., Leonidova, V.V., Oralova, I.A. (2020). The relationship between psychological safety and student engagement considering the peculiarities of their self-regulation. In: V.I. Morosanova, T.N. Bانشchikova, M.L. Sokolovskii (Eds.), *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS* (pp. 226–236), Stavropol: European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.04.29> (access date: 20.05.2022).
- Choi, K.S., Cho, S., Lee, J.R. (2019). Impacts of online risky behavior and cybersecurity management on cyberbullying and traditional bullying victimization among Korean youth: Application of cyber-routine activities theory with latent class analysis. *Computers in Human Behavior*, (100), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.06.007> (access date: 20.05.2022).
- Eysenck, G., Wilson, G. (2000). How to measure personality. Moscow: Kogito-Center (In Russ.).
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V., Manuilov, G.M. (2002). Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups. Moscow: Publ. House of the Institute of Psychotherapy (In Russ.).
- Fine, A., Baglivio, M.T., Cauffman, E., Wolff, K.T., Piquero, A.R. (2018). Does the Effect of Self-Regulation on Adolescent Recidivism Vary by Youths' Attitudes? *Criminal Justice and Behavior*, 45(2), 214–233. <https://doi.org/10.1177/0093854817739046> (access date: 28.08.2022).
- Gestsdottir, S., Geldhof, G.J., Birgisdóttir, F., Andrésdóttir, J.C. (2022). Intentional Self-Regulation and Executive Functions: Overlap and Uniqueness in Predicting Positive Development Among Youth in Iceland. *The Journal of Early Adolescence*. <https://doi.org/10.1177/02724316221113355> (access date: 28.08.2022).
- Gomez-Baya, D., Tomé, G., Reis, M., Gaspar de Matos, M. (2020). Long-Term Self-Regulation Moderates the Role of Internal Resources for Resilience in Positive Youth Development in Portugal. *Journal of Genetic Psychology*, 181(2–3), 127–149. <https://doi.org/10.1080/00221325.2020.1735986> (access date: 28.08.2022).
- Kostina, E.Y., Orlova, N.A. (2022). Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. *Vestnik Instituta Sotziologii (Bulletin of the Institute of Sociology)*, 13(1), 129–143. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.778> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).
- Lee, W., Jones, G.J., Hyun, M., Funk, D.C., Taylor, E.A., Welty Peachey, J. (2021). Development and transference of intentional self-regulation through a sport-based youth development program. *Sport Management Review*, 24(5), 770–790. <https://doi.org/10.1080/14413523.2021.1907973> (access date: 28.08.2022).
- Linver, M.R., Urban, J.B., Chen, W.L., Gama, L., Swomley, V.I. (2021). Predicting Positive Youth Development from Self-Regulation and Purpose in Early Adolescence. *Journal of Research on Adolescence*. <https://doi.org/10.1111/jora.12621> (access date: 28.08.2022).
- Low, S. (2017). Security at home: How private securitization practices increase state and capitalist control, *Anthropol. Theory*, (17), 365–381. <https://doi.org/10.1177/1463499617729297> (access date: 28.08.2022).
- Mertens, E.C.A., Deković, M., van Londen, M., Reitz, E. (2022). Parallel Changes in Positive Youth Development and Self-awareness: the Role of Emotional Self-regulation, Self-esteem, and Self-reflection. *Prevention Science*, 23(4), 502–512. <https://doi.org/10.1007/s11121-022-01345-9> (access date: 28.08.2022).
- Morosanova, V.I., Kondratyuk, N.G. (2020). V.I. Morosanova's "Self-regulation profile questionnaire — SRPQM 2020". *Voprosy psikhologii*, (4), 155–167. (In Russ.).
- Napolitano, C.M., Hoff, K.A., Ming, C.W.J., Tu, N., Rounds, J. (2020). Great expectations: Adolescents' intentional self-regulation predicts career aspiration and expectation consistency. *Journal of Vocational Behavior*, (120). <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103423> (access date: 28.08.2022).
- Palacios-Barrios, E.E., Hanson, J.L. (2019). Poverty and self-regulation: Connecting psychosocial processes, neurobiology, and the risk for psychopathology. *Comprehensive Psychiatry*, (90), 52–64. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.12.012> (access date: 28.08.2022).
- Peters, B.C., Pan, Z., Christensen, H., Gabriels, R.L. (2022). Self-Regulation Mediates Therapeutic Horseback Riding Social Functioning Outcomes in Youth with Autism Spectrum Disorder. *Front. Pediatr*, (10), 884054. <https://doi.org/10.3389/fped.2022.884054> (access date: 28.08.2022).
- Pilipenko, A.E. (2020). Structural components of social activity of Russian student youth (using the example of the Rostov region). *Gosudarstvennoe i Munitsipal'noe Upravlenie. Uchenye Zapiski (State and Municipal Management Scholar Notes)*, (3), 273–278. (In Russ.).
- Shafiq, S., Batoool, S. Bullying, Victimization, Rejection Sensitivity, and Self-regulation in Positive Development of Adolescents (2022). *Journal of the Liaquat University of Medical and Health Sciences*, 21(1), 55–59. <https://doi.org/10.22442/jlumhs.2022.00883> (access date: 28.08.2022).
- Savchenko, T.N. (2008). Application of cluster analysis methods for the analysis of psychological research data. *Prikladnaja Juridicheskaja Psihologija (Applied Legal Psychology Scientific Journal)*, (4), 100–111. (In Russ.).
- Shamionov, R.M. (2020). The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of Young People. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Psychology)*, (77), 176–195. <https://doi.org/10.17223/17267080/77/9> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).
- Shchemeleva, I.I. (2019). Social activity of the student youth: factor and cluster analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniia (Sociological Studies)*, (4), 133–141. <https://doi.org/10.31857/S013216250004594-6> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).
- Song, H.H., Lee, D.J. (2021). Structural relationship between Korean adolescent's sports participation, optimism, pessimism, self-regulation, and coronavirus-related stress in the pandemic situation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(20). <https://doi.org/10.3390/ijerph182010645> (access date: 28.08.2022).

Usova, N.V. (2019). Socio-Demographic Determinants of the Orientation of the Social Activity of Modern Youth. *Uchenye Zapiski Rossijskogo Gosudarstvennogo Social'nogo Universiteta (Scientific Notes of Russian State Social University)*, 18, 2(151), 15–22. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2019-18-2-15-22> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).

Valenzuela, R., Codina, N., Castillo, I., Pestana, J.V. (2020). Young University Students' Academic Self-Regulation Profiles and Their Associated Procrastination: Autonomous Functioning Requires Self-Regulated Operations. *Frontiers in Psychology*, (11). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00354> (access date: 28.08.2022).

VanderWeele, T.J., Trudel-Fitzgerald, C., Allin, P.V., Farrelly, C., Fletcher G., Frederick, D.E., Hall, J., Helliwell, J.F., Kim, E.S., Lauinger, W.A., Lee, M.T., Lyubomirsky, S., Margolis, S., McNeely, E., Messer, N.G., Tay L., Viswanath, K.V., Węziak-Białowolska, D., Kubzansky, L.D. (2021). Current recommendations on the selection of measures for well-being. In: *Measuring Well-Being* (pp. 501–520). Oxford: Oxford University Press.

Yeo, A.J., Germán, M., Wheeler, L.A., Camacho, K., Hirsch, E., Miller, A. (2020). Self-harm and self-regulation in urban ethnic minority youth: a pilot application of dialectical behavior therapy for adolescents. *Child and Adolescent Mental Health*, 25(3), 127–134. <https://doi.org/10.1111/camh.12374> (access date: 28.08.2022).

Zinchenko, Y.P., Morosanova, V.I. (Eds.) (2020). Psychology of self-regulation: evolution of approaches and challenges of the time: A collective monograph. Moscow: RAE. (In Russ.).

Zubok, J.A., Chuprov, V.I. (2020). Youth life strategies: Implementation of expectations and social moods. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, (3), 14–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602> (access date: 28.08.2022).

Zubok, J.A., Chuprov, V.I., Lyubutov, A.S., Sorokin, O.V. (2021). Self-regulation of life of the youth: structural-taxonomic modeling. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological Studies)*, (10), 23–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5> (access date: 28.08.2022).

Zubok, J.A., Chuprov, V.I., Lyubutov, A.S., Sorokin, O.V. (2021). Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik Instituta Sotziologii (Bulletin of the Institute of Sociology)*, 12(3), 79–98. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Олеся Владимировна Бубновская, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией междисциплинарных исследований безопасности и риска, доцент департамента менеджмента и предпринимательства Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация, bubnovskaia.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2099-7867>

Olesia V. Bubnovskaia, Cand. Sci. (Psychology), Head of the Research Laboratory for Interdisciplinary Safety and Risk Studies, Associate Professor at the Department of Entrepreneurship and Management at the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, bubnovskaia.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2099-7867>



Виталий Владимирович Калита, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования факультета социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Российская Федерация, 700200@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0812-4254>

Vitaly V. Kalita, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education, Faculty of Social and Humanitarian Technologies, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russian Federation, 700200@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0812-4254>



Александра Владимировна Лысова, доктор социологических наук, профессор Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера, Ванкувер, Канада, alexandra_lysova@sfu.ca, <https://orcid.org/0000-0001-5742-1752>

Alexandra V. Lysova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the School of Criminology, Simon Fraser University, Vancouver, Canada, alexandra_lysova@sfu.ca, <https://orcid.org/0000-0001-5742-1752>



Максим Леонидович Соколовский, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Российская Федерация, psypro@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2524-2500>

Maksim L. Sokolovskii, Cand. Sci. (Psychology), Leading Researcher at the Scientific and Educational Center for Psychological Support of Personal and Professional Development, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, msokolovskii@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2524-2500>

Поступила: 01.09.2022; получена после доработки: 25.01.2023; принята в печать: 16.01.2024.

Received: 01.09.2022; revised: 25.01.2023; accepted: 16.01.2024.

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0102>
УДК/UDC 159.9.072.43

Субъективные критерии предпочтения профессии и работы в старшем подростковом и юношеском возрасте

В.А. Емелин✉, Е.И. Рассказова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ emelin@mail.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена критериям и ориентирам выбора профессии и работы у современных подростков и молодежи в транзитивном мире, задающем идеалы профессий, кажущихся доступными, простыми, оплачиваемыми и интересными одновременно.

Цель. Выявление субъективных критериев предпочтения профессии и работы у старших подростков и лиц юношеского возраста и их связи с личностными особенностями, пользовательской активностью и субъективным благополучием.

Выборка. 172 человека (54 ученика 8–11 классов в возрасте 13–16 лет и 118 студентов московских вузов в возрасте 17–23 года, из них 103 юноши (59,9%) и 69 девушек (40,1%)).

Методы. Респонденты заполняли шкалу субъективных критериев предпочтения работы, краткую личностную шкалу, портретный ценностный опросник, а также методики оценки субъективного благополучия и пользовательской активности и отвечали на вопросы о возможности и стремлении совмещения нескольких критериев выбора профессии и работы.

Результаты. Шкала субъективных критериев предпочтения работы — это надежный, факторно и содержательно валидный инструмент, оценивающий важность оплаты, интереса, удобства, перспективы, пользы, легкости, трудности и имиджа в работе. В выборе профессии и работы респонденты ориентируются на широкий спектр критериев. Добросовестность связана с предпочтением хорошо оплачиваемой, перспективной и трудной работы, а открытость новому — с выбором интересной работы. Ценности конформизма и традиций связаны с готовностью к выбору между различными критериями, тогда как ориентация на ценности достижения и власти — с широким кругом субъективных критериев, которым работа должна соответствовать. Высокий уровень позитивных эмоций связан с предпочтением одновременно многих критериев выбора работы. Большая пользовательская активность связана со стремлением к легкой работе.

Выводы. Большее субъективное благополучие, стремление к достижениям и власти парадоксально связаны у современных подростков и молодежи с нереалистично широким спектром критериев выбора профессии и работы, которые одновременно важны для них, что может в дальнейшем приводить к трудностям поиска работы и разочарованиям в ней.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, выбор профессии, личностные особенности, ценности, пользовательская активность, старшие подростки, юношеский возраст

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01590 на тему «Профессиональная идентичность в условиях развития технологий информационного общества».

Благодарности. Авторы благодарят сотрудника факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова В.Ю. Щинова за помощь в оформлении статьи согласно требованиям.

Для цитирования: Емелин, В.А., Рассказова, Е.И. (2024). Субъективные критерии предпочтения профессии и работы в старшем подростковом и юношеском возрасте. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 23–40. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0102>

Subjective Criteria for the Preference of Profession and Work in Senior Adolescence and Young Adulthood

Vadim A. Emelin ✉, Elena I. Rasskazova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, the Russian Federation

✉ emelin@mail.ru

Abstract

Background. The present article addresses the criteria for choosing a profession and work among modern adolescents and young adults in the changing and transient world. It sets the ideals of professions that illusorily seem to be accessible, easy, well-paid, and interesting at the same time.

Objective. The present study aims at identifying subjective criteria of the preference for occupation and work in senior adolescents and young adults and their relationship with personality traits, values, user activity, and subjective well-being.

Study Participants. 172 subjects, 54 students of 8–11 grades at the age from 13 to 16 and 118 students of Moscow universities at the age from 17 to 23, including 103 males (59.9%) and 69 females (40.1%).

Methods. The respondents fill in the scale of subjective criteria for job preference, the Ten Item Personality Measure, the Portrait Values Questionnaire and techniques for assessing subjective well-being and user activity. The answer the questions about the possibility and intention to combine several criteria of career and job choice.

Results. The scale of the subjective criteria for job preference is a reliable, factor- and content-valid screening instrument assessing the importance of payment, interest, convenience, prospect, usefulness to others, ease, difficulty, and image in the work. In choosing a profession and job, both high school and college students focus on a wide range of criteria. Conscientiousness is associated with the preference for a well-paid, promising, and challenging work; openness to new experience is associated with the preference for interesting work. Orientation to the values of conformity and tradition is associated with the readiness to choose between different criteria, while the orientation to the values of achievement and power is associated with a wider range of subjective criteria, which the future job should correspond to. A higher level of positive emotions is associated with the preference for many criteria of job selection at the same time. A greater user activity is connected to the desire for easy work.

Conclusions. In contemporary adolescents and young adults, a greater subjective well-being and the values of achievement and power are paradoxically associated with an unrealistically wide range of criteria of choosing a profession and job that are simultaneously important to them. This may further lead to some difficulties in searching for the job and disappointments in it.

Keywords: professional identity, choosing a profession, personal traits, values, user activity, senior adolescents, young adulthood

Funding. The present study is supported by the Russian Science Foundation, project No 22-28-01590, “The Professional Identity in the Context of the Development of Information Society Technologies”.

Acknowledgement. The authors are grateful to the staff member of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, V. Shchinov, for the preparation of the present article according to the requirements.

For citation: Emelin, V.A., Rasskazova, E.I. (2024). Subjective Criteria for the Preference of Profession and Work in Senior Adolescence and Young Adulthood. *National Psychological Journal*, 19(1), 23–40. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0102>

Введение

Современный мир с его изменчивостью и транзитивностью (Марцинковская, 2015) задает новые критерии и ориентиры для выбора профессий, выдвигая на первый план как «популярные», так и «выгодные» профессии, а также постоянно порождая новые

профессиональные сферы деятельности. Более того, можно предполагать, что у современной молодежи и старших подростков изменяются и расширяются сами критерии выбора профессии — говоря метафорически, работа перестает быть просто работой, а требует удобства, привлекательности, оплачиваемости и интереса.

Профессиональная идентичность, включающая отношение к своей роли в профессиональной деятельности, к самой профессии, отождествление себя с выбранной профессиональной ролью (Akimova, Oboznov, 2022; Шнейдер, 2001), а также умения, знания, ценности и этические представления (Брызгалин, 2022), (Fitzgerald, 2020; Jarvis-Selinger et al., 2019), важны как для эффективной деятельности (Cruess, Cruess, Steinert, 2019), так и для субъективного благополучия профессионала. В свою очередь, формирование профессиональной идентичности зависит от субъективных критериев выбора профессии, которые задают систему ожиданий человека от своей работы. Сегодня эти ожидания и критерии возникают в специфической среде. С одной стороны, меняется публичный образ профессий, который во многом связан с профессиональной идентичностью и образом Я у представителей этих профессий (например, у медицинского персонала). Цифровое пространство открывает возможности и ориентиры для профессиональной самореализации, а ряд цифровых (блоггерство), и нецифровых (бизнес, творческая деятельность) профессий выглядят более легкими, удобными, интересными и оплачиваемыми, чем другие профессии. Иными словами, речь идет об особой цифровой составляющей в формировании критериев выбора профессии и в последующем в профессиональной идентичности (Jawed et al., 2019). С другой стороны, такие события как период пандемии COVID-19 указали на возможность удаленной и удобной работы в ряде профессий, а для тех профессий, где это невозможно, явились источником неустойчивой профессиональной идентификации в силу дезориентированности (Stetson et al., 2020; Brown et al., 2022).

В этом контексте важное значение приобретают исследования субъективных критериев предпочтений профессии и работы у современных молодых людей (старшего подросткового и юношеского возрастов), а также психологических факторов этого выбора.

Цифровая составляющая выбора профессии и работы

Согласно модели поколений (Howe, Strauss, 2000) современные подростки и молодые люди относятся к младшей части поколения «Игрек» и поколению «Зед». Одна из ярких особенностей их развития и социализации — так называемое «цифровое детство» (Поливанова, 2016; Солдатова и др., 2017; Digital Childhoods, 2018), когда инфокоммуникационные технологии выступают постоянным спутником ребенка с раннего возраста (Pew Research Center, 2020; Mascheroni, Ólafsson, 2016; Smahel et al., 2020; Беракса и др., 2020; Livingstone, Mascheroni, Staksrud, 2018). Согласно социально-когнитивной модели цифровой социализации (Солдатова, Войскунский, 2021), это позволяет говорить о формировании гиперподключенной, технологически достроенной цифровой

личности, действующей в условиях так называемой смешанной реальности, где онлайн и офлайн совмещены и неотделимы друг от друга. Соответственно, цифровая социализация становится важной составляющей социализации в целом (Александрова, 2023; Карабанова, 2020; Белинская, 2013; Марцинковская, 2010). С нашей точки зрения, выбор профессии и работы в условиях цифровой социализации подвержен влиянию цифрового контента, который сегодня нередко пропагандирует важность «идеальной» работы — интересной, полезной для людей, хорошо оплачиваемой, дающей возможности для развития и свободного время. На практике это затрудняет выбор профессии и профессиональную самореализацию и может приводить к своеобразному «продлению детства», когда молодые люди длительное время остаются зависимыми от семьи без работы (Климов, 1998).

Психологические факторы выбора работы и профессии

Как собственно успешность профессиональной деятельности (Kowal et al., 2022), так и ее выбор могут определяться личностными факторами. В частности, можно предполагать, что более высокий уровень добросовестности связан с готовностью к трудностям в работе, а открытость новому опыту — с субъективной важностью развития в профессии. Важную роль в выборе профессии могут играть ценностные ориентации. Опираясь на модель Ш. Шварца (Schwartz, 2012), можно предполагать, что ценности конформности, традиций и безопасности сопряжены с готовностью выбирать работу по меньшему набору субъективных критериев, ожидая от нее, в первую очередь, обеспечения жизни, тогда как ценности достижения и власти — с большим числом требований к будущей работе, особенно в отношении профессионального роста и оплаты (Рисунок 1). Ценности доброты и универсализма, по всей видимости, связаны с поиском важной для других людей и полезной для мира работы.

На наш взгляд, отдельным психологическим фактором, важным для формирования субъективных критериев выбора работы, у современных молодых людей может выступать их субъективное благополучие. Более высокий уровень благополучия дает возможность ориентироваться на более широкий круг критериев, больше требовать и ожидать от будущей профессии и работы. В поддержку этого предположения, большее субъективное благополучие у студентов связано с большей профессиональной идентичностью и мыслями о карьере (Strauser et al., 2008), а студенты с более низким социальным статусом чаще ориентируются в выборе профессии на критерии, связанные с улучшением условий их жизни и в меньшей степени — на то, насколько эта профессия важна для их целей и благополучия (Alkaya et al., 2018).



Рисунок 1
Модель ценностных ориентаций Ш. Шварца (Schwartz, 2012)

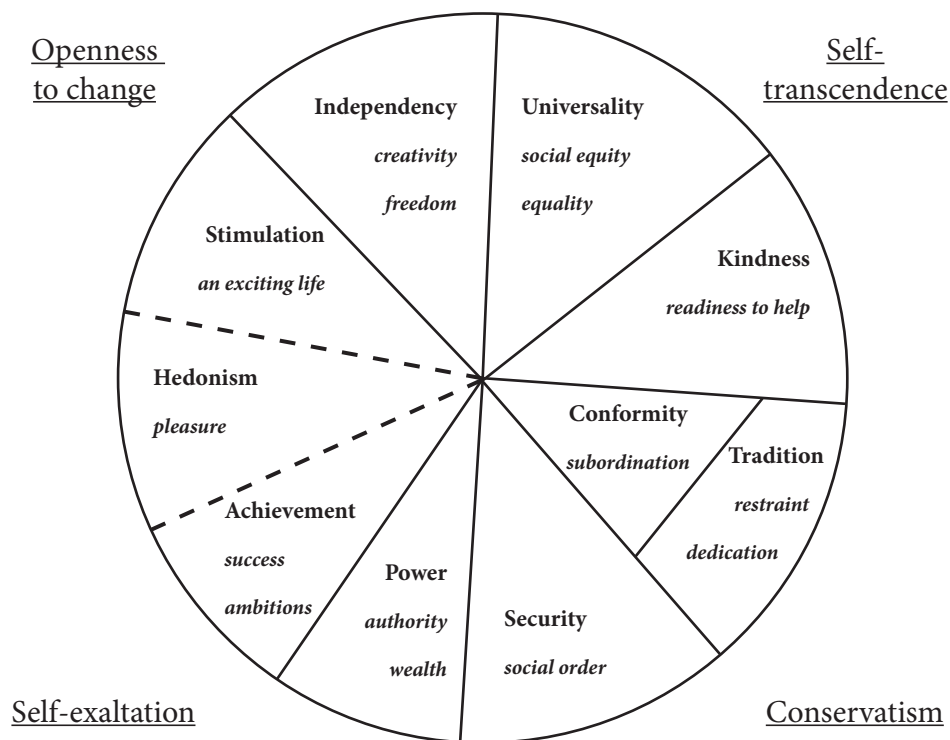


Figure 1
Schwartz's Model of Value Orientations (Schwartz, 2012)

Таким образом, мы предполагаем, что современный мир и особенности цифровой социализации, метафорически говоря, «подталкивают» молодых людей и подростков к предпочтению профессии и работы, отвечающей одновременно широкому спектру требований, что делает осуществление такого выбора затруднительным и создает высокий риск неоправданных ожиданий и потери работы впоследствии, а также более низкой эффективности деятельности. Например, выбор работы, требующей честности, связан с более высоким социальным признанием, но более низкой оплатой (Nault, Thau, 2022). Иными словами, у современных подростков и молодых людей затруднен процесс выбора между различными критериями, а также понимание того, что соответствие работы всем им, как правило, невозможно.

Цель исследования

Цель данного исследования — выявление субъективных критериев предпочтения профессии и работы у старших подростков и лиц юношеского возраста, а также их связи с личностными особенностями, пользовательской активностью и субъективным благополучием.

Поскольку одновременная ориентация на несколько критериев затрудняет выбор именно работы, а не собственно профессии, в данном исследовании акцент делался именно на вопросах о выборе будущей работы и, в меньшей степени, профессии.

Гипотезы исследования

Выдвигались следующие гипотезы:

1. Современные подростки и лица юношеского возраста часто одновременно ориентированы на несколько критериев выбора профессии и работы — оплату, интерес, престиж и пр., и не готовы пожертвовать одними из них в пользу других.
2. Более высокий уровень добросовестности у подростков и лиц юношеского возраста связан с готовностью к трудностям в работе, а открытость новому опыту — с субъективной важностью развития в профессии.
3. Ориентация на ценности безопасности, конформизма и традиций связаны с предпочтением более легкой, но менее интересной и удобной работы, а ориентация на ценности достижения и власти — с предпочтением работы, дающей перспективы и создающей хороший имидж.
4. У подростков и лиц юношеского возраста с более высоким уровнем субъективного благополучия более высокие требования к будущей работе и профессии и выше ожидания в отношении возможности найти такую работу.
5. В старшем подростковом и юношеском возрастах ориентация на легкую, удобную и престижную

работу связана с большей пользовательской активностью.

Выборка

В исследовании приняли участие 172 человека, 54 ученика 8–11 классов в возрасте 13–16 лет и 118 студентов московских вузов в возрасте 17–23 года, из них 103 юноши (59,9%) и 69 девушек (40,1%). Респонденты отвечали на вопросы исследования онлайн, через Google forms.

Методы

Применялись следующие методики:

1. С целью оценки субъективных критериев предпочтения работы в данном исследовании были сформулированы 24 пункта (Таблица 1), по три пункта для 8 различных критериев: оплата, легкость, удобство, перспектива, интерес, польза для других людей, трудность, имидж. Данные о согласованности, факторной валидности методики и описательная статистика представлены ниже.
2. Для диагностики представлений о возможности совмещения разных критериев выбора профессии и работы, а также о возможности легкой и хорошо оплачиваемой, не требующей образования работы, в данном исследовании были сформулированы 8 пунктов с оценкой по шкале Лайкерта от 1 до 5 баллов (Таблица 3): «Сегодня легко можно и нужно искать легкие и денежные профессии, не требующие особого образования», «Во многих профессиях, как блоггерство или бизнес, работа успешная, интересная и денежная без особых затрат», «В современном мире не обязательно учиться, чтобы быть с достойной и хорошей работой», «Работа должна приносить и удовольствие, и деньги — быть достойной, и этого можно достичь, если ее правильно выбрать», «Работа не должна быть слишком трудной, на это есть роботы», «Выбирая работу, важно думать о престиже, интересе и заработке одновременно», «Если мне предложат скучную, но оплачиваемую работу, я откажусь», «Если мне предложат интересную, но малооплачиваемую работу, я откажусь». Пункты не образовали согласованной шкалы и анализируются в исследовании по отдельности.
3. Краткая личностная шкала The Ten-Item Personality Inventory (Gosling et al., 2003) в апробации международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации ВШЭ (рук. Д.А. Леонтьев) — скрининговый инструмент оценки личностных особенностей Большой Пятерки (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость опыту).
4. Краткий Портретный ценностный опросник Ш. Шварца (European Social Survey, 2008) состоит

- из 21 пункта и применяется для диагностики следующих ценностей: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, щедрость, традиции, конформность, безопасность.
- Субъективное благополучие оценивалось при помощи шкалы удовлетворенности жизнью (Diener et al., 1985; Осин, Леонтьев, 2020) и шкалы позитивных и негативных эмоциональных переживаний SPANE (Diener et al., 2010; Рассказова, Лебедева, 2020).
 - Оценка пользовательской активности (Солдатова, Рассказова, 2023) включала два вопроса о том, сколько времени студенты проводят онлайн в будни и выходные дни (альфа Кронбаха 0,73). Для оценки совмещенной активности студентов просили оценить шесть типичных в течение дня ситуаций по тому, насколько часто они совмещают эти дела с выходом в интернет (например, «Сразу после пробуждения», «В общественных местах (кафе, музеи, магазины и др.)» и т.д. Альфа Кронбаха 0,69).

Результаты исследования

Психометрические характеристики шкалы субъективных критериев предпочтения работы

Эксплораторный факторный анализ пунктов шкалы на общей выборке (метод главных компонент,

Varimax Rotation) указывает на то, что 8 факторов объясняют 80,18% дисперсии данных; при этом факторная структура полностью соответствует теоретической модели. В соответствии с моделью, каждый фактор включил три пункта. Факторные нагрузки пунктов на «свои» факторы варьировали 0,65–0,88.

По результатам конфирматорного факторного анализа, данные допустимо соответствуют теоретической модели ($\chi^2 = 343$, $df = 224$, $p < 0,001$, CFI = 0,94, TLI = 0,93, RMSEA = 0,06 [0,05;0,07]). Учет в модели 14 содержательно обоснованных связей между остатками по переменным приводит к улучшению ее характеристик до хорошего соответствия ($\chi^2 = 263$, $df = 210$, $p < 0,007$, CFI = 0,97, TLI = 0,97, RMSEA = 0,04 [0,02;0,06]).

По результатам анализа надежности-согласованности, все выделенные шкалы согласованы, что позволяет использовать их в исследовательских целях (Таблица 1).

Единственное различие между группами касалось критерия полезности ($t = 2,01$, $p < 0,05$, $d = 0,34$): школьники чаще говорили о важности полезности своей будущей работы для других людей (Рисунок 1).

Девушки чаще, чем юноши, говорят о предпочтении интересной ($t = -2,69$, $p < 0,01$, $d = 0,43$) и полезной ($t = -2,54$, $p < 0,05$, $d = 0,39$) для других работы, а юноши чаще, чем девушки, предпочитают, чтобы работа была трудной ($t = 2,32$, $p < 0,05$, $d = 0,36$).

Таблица 1

Субъективные критерии предпочтения работы: структура шкалы и описательная статистика

Шкала	Пункты (факторные нагрузки на «свою» шкалу)	Альфа Кронбаха	Среднее	Ст. откл.
Оплата	Хорошо оплачиваемой ($\lambda = 0,84$)	0,87	4,53	0,60
	С достойной оплатой ($\lambda = 0,88$)			
	Дающей деньги на жизнь ($\lambda = 0,76$)			
Легкость	Легкой или несложной ($\lambda = 0,80$)	0,87	2,69	0,91
	Не требующей больших усилий ($\lambda = 0,85$)			
	Не слишком сложной ($\lambda = 0,83$)			
Удобство	Удобной для всего остального, что я делаю в жизни ($\lambda = 0,80$)	0,75	3,85	0,83
	Удаленной или с гибким графиком ($\lambda = 0,65$)			
	Дающей возможность договориться об условиях и изменениях ($\lambda = 0,72$)			
Перспектива	С возможностями для карьерного роста ($\lambda = 0,87$)	0,91	4,31	0,79
	Имеющей хорошие перспективы по карьере ($\lambda = 0,88$)			
	Открывающей возможности улучшить свою должность и работу ($\lambda = 0,73$)			
Интерес	Интересной и увлекательной ($\lambda = 0,84$)	0,86	4,45	0,74
	Такой, которая приносит удовольствие ($\lambda = 0,84$)			
	Такой, которая приносит радость ($\lambda = 0,86$)			
Польза	Приносящей радость или благополучие другим людям ($\lambda = 0,87$)	0,91	3,79	0,97
	Помогающей что-то изменить в жизни других людей к лучшему ($\lambda = 0,89$)			
	Полезной для других людей ($\lambda = 0,90$)			
Трудность	Трудной ($\lambda = 0,85$)	0,83	2,81	0,91
	Требующей постоянного преодоления трудностей ($\lambda = 0,78$)			
	Тяжелой ($\lambda = 0,88$)			
Имидж	Достойной в глазах моих друзей и близких ($\lambda = 0,82$)	0,82	3,53	1,01
	Такой, чтобы было приятно о ней рассказать в кругу друзей ($\lambda = 0,84$)			
	Делающей меня достойным или интересным в глазах других ($\lambda = 0,73$)			

Table 1
Subjective criteria for the job preference: the scale structure and descriptive statistics

Scale	Items (factor loads on the "one's own" scale)	Cronbach's Alpha	Mean	Stan. Dev.
Payment	Well-paid ($\lambda = 0.84$)	0.87	4.53	0.60
	Recent payment ($\lambda = 0.88$)			
	Giving money for living ($\lambda = 0.76$)			
Ease	Easy ($\lambda = 0.80$)	0.87	2.69	0.91
	Requiring no great effort ($\lambda = 0.85$)			
	Not too complicated ($\lambda = 0.83$)			
Convenience	Convenient for everything else I do in my life ($\lambda = 0.80$)	0.75	3.85	0.83
	Remote or with a flexible schedule ($\lambda = 0.65$)			
	Providing the opportunity to negotiate terms and changes ($\lambda = 0.72$)			
Prospect	With opportunities for the career growth ($\lambda = 0.87$)	0.91	4.31	0.79
	Good career prospects ($\lambda = 0.88$)			
	Opening up opportunities to improve the position and job ($\lambda = 0.73$)			
Interest	Interesting and exciting ($\lambda = 0.84$)	0.86	4.45	0.74
	The kind that brings pleasure ($\lambda = 0.84$)			
	The kind that brings joy ($\lambda = 0.86$)			
Usefulness	Bringing joy or well-being to other people ($\lambda = 0.87$)	0.91	3.79	0.97
	Helping to change anything in other people's lives for the better ($\lambda = 0.89$)			
	Useful to other people ($\lambda = 0.90$)			
Difficulty	Difficult ($\lambda = 0.85$)	0.83	2.81	0.91
	Requiring constant overcoming difficulties ($\lambda = 0.78$)			
	Hard ($\lambda = 0.88$)			
Image	Worthy in the eyes of my friends and family ($\lambda = 0.82$)	0.82	3.53	1.01
	The kind that would be nice to tell about in a circle of friends ($\lambda = 0.84$)			
	Making me worthy or interesting in the eyes of others ($\lambda = 0.73$)			

Субъективные критерии предпочтения работы у старшеклассников и студентов

Ведущими критериями предпочтения работы и у школьников, и у студентов выступают оплата, интерес и перспектива (Рисунок 1). В значительной степени ориентируются они на удобство и полезность

для других людей. Реже подростки и молодые люди говорят о выборе по критериям легкости / трудности и имиджа. По результатам дисперсионного анализа с повторными измерениями, эти различия между разными критериями достигают принятого уровня значимости ($F = 164,47, p < 0,01, \eta^2 = 0,88$).



Рисунок 2
Субъективные критерии предпочтения профессии у школьников и студентов

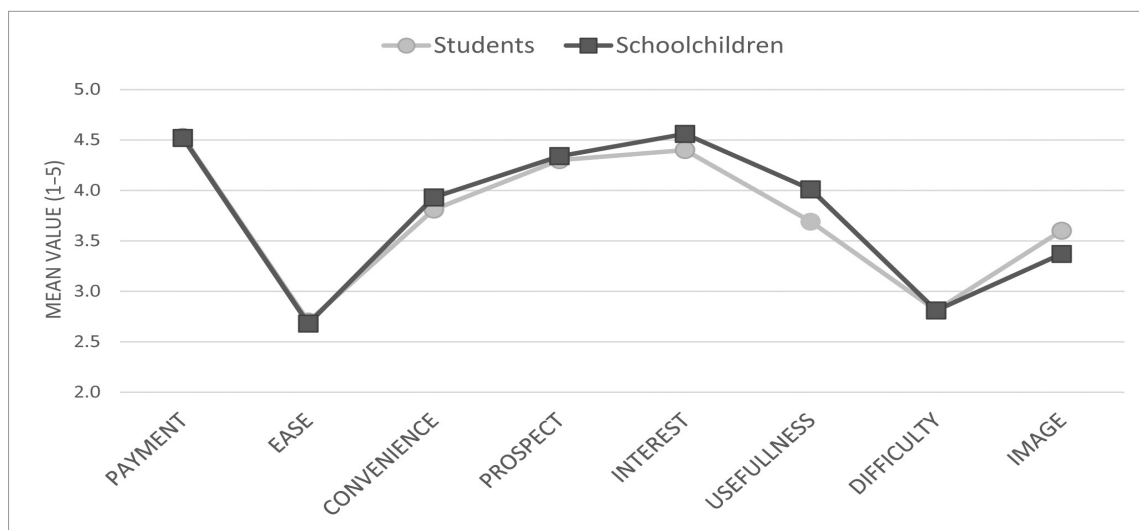


Figure 2
Subjective criteria for choosing a profession in schoolchildren and students

Отмечается положительная связь между большинством субъективных критериев выбора работы (Таблица 2). Так, предпочтение высокой оплаты связано со стремлением к удобству, перспективе, интересу и имиджу в работе (а у старшеклассников — и с субъективной важностью полезности работы); предпочтение интереса — со всеми критериями, кроме легкости и трудности. В целом,

наименее связаны с другими критериями критерии легкости и трудности, причем если в выборке студентов эти два критерия противоположны и коррелируют отрицательно, то в выборке старшеклассников они не связаны. Иными словами, старшеклассники могут говорить о предпочтении работы одновременно легкой и трудной или одновременно не легкой и не трудной.

Таблица 2
Связь различных субъективных критериев предпочтения профессии у школьников и студентов

Студенты \ Школьники								
	Оплата	Легкость	Удобство	Перспектива	Интерес	Польза	Трудность	Имидж
Оплата	1	0,16	0,56**	0,32*	0,40**	0,29*	0,13	0,33*
Легкость	0,07	1	0,35**	0,08	-0,05	-0,11	-0,19	0,45**
Удобство	0,47**	0,40**	1	0,31*	0,41*	0,30*	0,08	0,45**
Перспектива	0,37**	-0,06	0,19*	1	0,36**	0,39**	0,12	0,43**
Интерес	0,24**	0,04	0,40**	0,41**	1	0,31*	0,13	0,04
Польза	0,07	-0,07	0,03	0,33**	0,42**	1	0,38**	0,28*
Трудность	-0,08	-0,51**	-0,17	0,24**	0,06	0,12	1	0,11
Имидж	0,27**	0,12	0,19*	0,47**	0,26**	0,41**	0,13	1

* — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$.

Table 2

The relationship between different subjective criteria of the preference for a profession in schoolchildren and students

Students	Schoolchildren							
	Payment	Ease	Convenience	Prospect	Interest	Usefulness	Difficulty	Image
Payment	1	0.16	0.56**	0.32*	0.40**	0.29*	0.13	0.33**
Ease	0.07	1	0.35**	0.08	-0.05	-0.11	-0.19	0.45**
Convenience	0.47**	0.40**	1	0.31*	0.41**	0.30*	0.08	0.45**
Prospect	0.37**	-0.06	0.19*	1	0.36**	0.39**	0.12	0.43**
Interest	0.24**	0.04	0.40**	0.41**	1	0.31*	0.13	0.04
Usefulness	0.07	-0.07	0.03	0.33**	0.42**	1	0.38**	0.28*
Difficulty	-0.08	-0.51**	-0.17	0.24**	0.06	0.12	1	0.11
Image	0.27**	0.12	0.19*	0.47**	0.26**	0.41**	0.13	1

* — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$

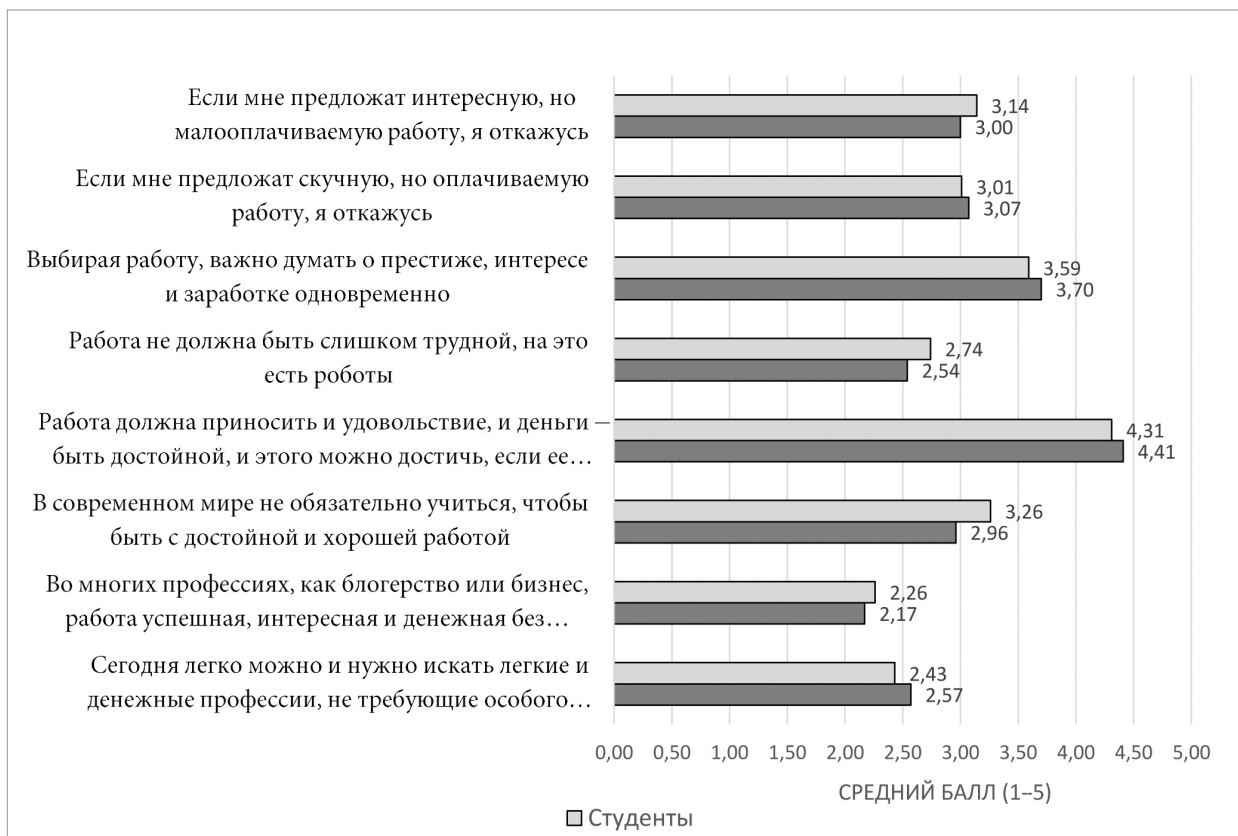


Рисунок 3

Представления старшеклассников и студентов о важности и возможности сочетания нескольких критериев выбора профессии

Представления старшеклассников и студентов о важности и возможности сочетания нескольких критериев выбора профессии и работы

В целом, и школьники, и студенты редко считали, что найти прибыльную и одновременно интересную и работу нелегко. Однако, по их мнению, работа должна быть именно такой — приносить и удовольствие, и деньги, и выбирая работу, следует думать одновременно обо всех этих критериях. Нередко и школьники, и студенты говорили, что откажутся от предложенной работы, если она соответствует только одному из этих критериев, но не соответствует другому.

Следует отметить, что ответы на предложенные вопросы были слабо связаны между собой, что не позволяло объединить их в одну шкалу. Иными словами, данные пункты отражают различные конструкции.

Не было выявлено различий между ответами школьников и студентов.

Юноши чаще, чем девушки, соглашались с тем, что в современном мире не обязательно учиться, чтобы быть с достойной и хорошей работой ($t = 2,57, p < 0,01, d = 0,40$); других гендерных различий в представлениях выявлено не было.

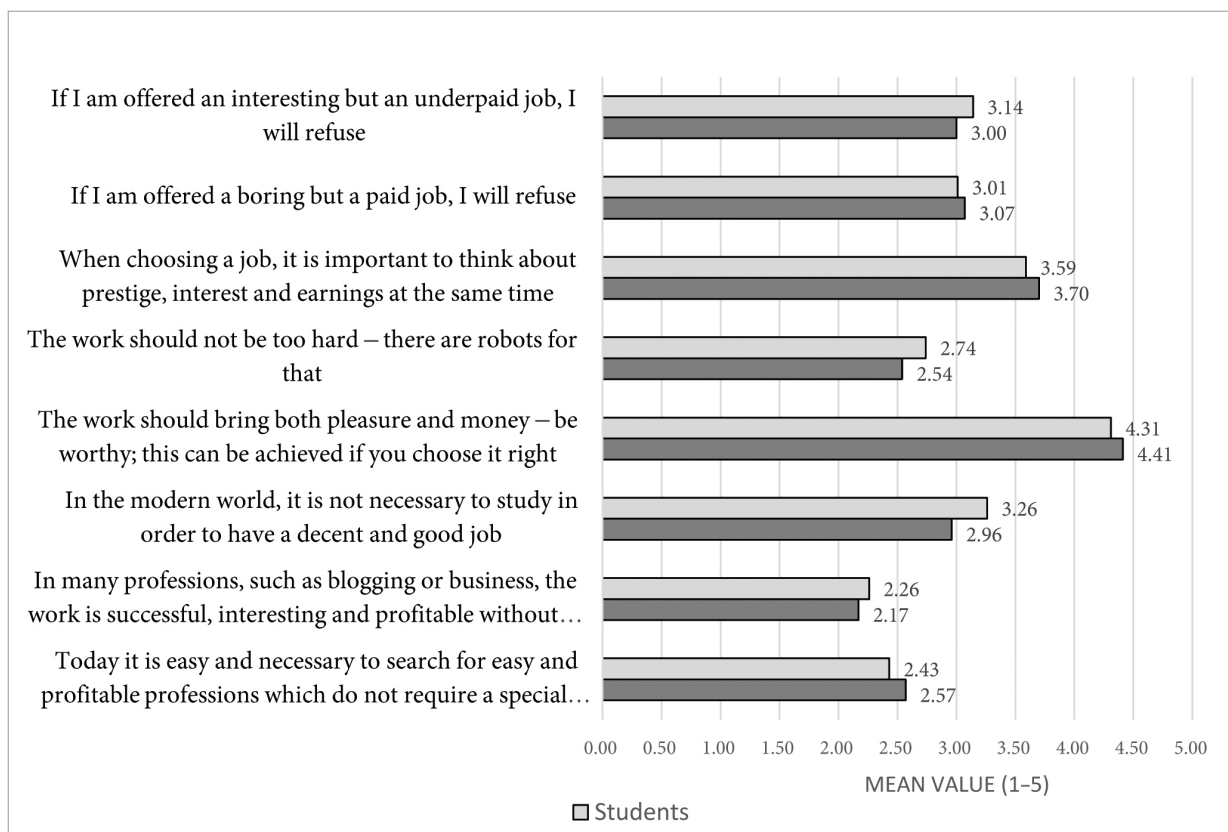


Figure 3
The ideas of senior schoolchildren and students about the importance and possibility of combining several criteria for choosing a profession

Связь субъективных критериев предпочтения работы с представлениями о возможности их сочетания

Все субъективные критерии предпочтения работы, кроме легкости и трудности, связаны с представлением о том, что работа должна быть и интересной, и оплачиваемой, а ориентация на перспективу, полезность и имидж связаны с уверенностью в том, что важно искать именно такую работу (Таблица 3). Помимо этого, ориентация на оплату, легкость, удобство, имидж в работе связаны с готовностью отказаться от интересной, но

малооплачиваемой работы и желанием искать легкие и денежные, не требующие образования профессии.

Ориентация на имидж связана с представлением о том, что во многих профессиях можно сочетать разные критерии выбора работы, а ориентация на удобство, оплату и имидж — с представлением, что для хорошей работы учиться не обязательно. Очевидно, что представление о том, что работа не должна быть трудной связана с критериями легкости, удобства и имиджа, а также предпочтением менее трудной работы.

Таблица 3

Представления о сочетании критериев выбора профессии и работы

Представления о сочетании критериев выбора профессии и работы	Оплата	Легкость	Удобство	Перспектива	Интерес	Полезьа	Трудность	Имидж
Сегодня легко можно и нужно искать легкие и денежные профессии, не требующие особого образования	0,17*	0,27**	0,32**	0,10	0,05	0,03	0,01	0,29**
Во многих профессиях, как блоггерство или бизнес, работа успешная, интересная и денежная без особых затрат	0,03	0,12	0,13	0,11	0,02	0,05	0,08	0,20**
В современном мире не обязательно учиться, чтобы быть с достойной и хорошей работой	0,18*	0,10	0,26**	0,08	0,05	-0,01	0,05	0,19*
Работа должна приносить и удовольствие, и деньги — быть достойной, и этого можно достичь, если ее правильно выбрать	0,23**	-0,05	0,26**	0,28**	0,39**	0,20**	-0,05	0,18*
Работа не должна быть слишком трудной, на это есть роботы	0,11	0,48**	0,29**	0,00	0,10	0,09	-0,30**	0,18*
Выбирая работу, важно думать о престиже, интересе и зароботке одновременно	0,17*	0,01	0,09	0,31**	0,12	0,24**	-0,04	0,36**
Если мне предложат скучную, но оплачиваемую работу, я откажусь	-0,11	-0,15	0,03	0,00	0,19*	0,14	0,05	-0,03
Если мне предложат интересную, но малооплачиваемую работу, я откажусь	0,20**	0,29**	0,22**	0,18*	-0,08	0,03	-0,09	0,18*

* — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$

Table 3

Ideas about the combination of the criteria for choosing a profession and a job

Ideas about the combination of the criteria for choosing a profession and a job	Payment	Ease	Convenience	Prospect	Interest	Usefulness	Difficulty	Image
Today it is easy and necessary to search for easy and profitable professions which do not require a special education	0.17*	0.27**	0.32**	0.10	0.05	0.03	0.01	0.29**
In many professions, such as blogging or business, the work is successful, interesting and profitable without any much expense	0.03	0.12	0.13	0.11	0.02	0.05	0.08	0.20**
In the modern world. it is not necessary to study in order to have a decent and good job	0.18*	0.10	0.26**	0.08	0.05	-0.01	0.05	0.19*
The work should bring both pleasure and money — be worthy; this can be achieved if you choose it right	0.23**	-0.05	0.26**	0.28**	0.39**	0.20**	-0.05	0.18*
The work should not be too hard — there are robots for that	0.11	0.48**	0.29**	0.00	0.10	0.09	-0.30**	0.18*
When choosing a job. it is important to think about prestige, interest, and earnings at the same time	0.17*	0.01	0.09	0.31**	0.12	0.24**	-0.04	0.36**
If I am offered a boring but a well-paid job, I will refuse	-0.11	-0.15	0.03	0.00	0.19*	0.14	0.05	-0.03
If I am offered an interesting but an underpaid job, I will refuse	0.20**	0.29**	0.22**	0.18*	-0.08	0.03	-0.09	0.18*

* — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$

Связь субъективных критериев предпочтения работы с субъективным благополучием, личностными особенностями, ценностями и пользовательской активностью

Ориентация на перспективу и интерес при выборе работы наиболее тесно связана с удовлетворенностью жизнью и позитивными эмоциями (Таблица 4); при этом ориентация на оплату также связана с более высоким уровнем благополучия (хотя и слабее), но связана и с более низким уровнем отрицательных эмоций. Интересно, что позитивные эмоции более выражены при большем разнообразии субъективных критериев выбора работы в целом — этот показатель положительно коррелирует со всеми критериями выбора работы, кроме легкости.

Школьники и студенты, предпочитающие более интересную, перспективную и полезную для других работу, проявляют более высокую внутреннюю, интегрированную и идентифицированную мотивацию в учебе, и у них ниже показатель амотивации. При этом идентифицированная, интроецированная и внешняя мотивация связаны с предпочтением работы, дающей положительный имидж, а внешняя мотивация в учебе — еще и с предпочтением легкой работы.

Большая добросовестность связана с предпочтением хорошо оплачиваемой, перспективной и

трудной работы, а открытость новому — с предпочтением интересной работы. Экстраверсия, доброжелательность и эмоциональная стабильность практически не связаны с субъективными критериями предпочтения работы (и не представлены в Таблице 4).

Старшеклассники и студенты, ориентированные на безопасность, чаще предпочитают легкую ($r = 0,22, p < 0,01$) и реже — трудную работу ($r = -0,21, p < 0,01$). Ценность конформизма связана с предпочтением легкой работы ($r = 0,24, p < 0,01$), а традиции — с более редким выбором удобной и интересной работы ($r = -0,23...-0,21, p < 0,01$). Ценность самостоятельности связана с отказом от легкой и приносящей имидж работы ($r = -0,26...-0,23, p < 0,01$), а ценность гедонизма — с отказом от полезной для других работы ($r = -0,22, p < 0,01$). Ценность достижения связана с ориентацией на перспективу и на имидж при выборе работы ($r = 0,25-0,27, p < 0,01$).

Чем больше времени старшеклассники и школьники проводят онлайн, тем в большей степени предпочитают, чтобы их будущая работа была легкой ($r = 0,24, p < 0,01$), а более высокие показатели совмещенной активности связаны с ориентацией на имидж в работе ($r = 0,18, p < 0,05$).

Таблица 4

Связь субъективных критериев выбора работы с благополучием, учебной мотивацией и личностными особенностями

Благополучие, учебная мотивация и личностные особенности	Критерии выбора работы							
	Оплата	Легкость	Удобство	Перспектива	Интерес	Польза	Трудность	Имидж
Удовлетворенность жизнью	0,16*	-0,05	0,12	0,23**	0,24**	0,04	0,07	0,14
Позитивные эмоции	0,19*	-0,06	0,15*	0,40**	0,30**	0,21**	0,18*	0,23**
Негативные эмоции	-0,21**	0,03	0,01	-0,15*	-0,12	0,01	-0,02	-0,09
Внутренняя мотивация	0,07	-0,16*	-0,02	0,17*	0,32**	0,20**	0,13	0,06
Интегрированная мотивация	0,12	-0,18*	-0,04	0,25**	0,28**	0,23**	0,14	0,08
Идентифицированная мотивация	0,12	0,00	0,08	0,31**	0,24**	0,30**	0,16*	0,35**
Интроецированная мотивация	0,01	0,11	0,07	0,01	0,06	0,19*	0,05	0,26**
Внешняя мотивация	0,00	0,22**	0,18*	0,04	0,01	0,08	-0,03	0,24**
Амотивация	0,02	0,15	0,19*	-0,17*	-0,21**	-0,17*	-0,08	-0,01
Добросовестность	0,23**	-0,16*	0,16*	0,27**	0,17*	0,13	0,21**	0,11
Открытость к новому опыту	0,14	-0,13	0,17*	0,11	0,26**	0,17*	0,15*	-0,05

* — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$

Table 4

The relationship of subjective criteria for choosing a job with well-being, learning motivation, and personal features

Well-being, learning motivation and personal features								
	Payment	Ease	Convenience	Prospect	Interest	Usefulness	Difficulty	Image
Satisfaction with life	0.16*	-0.05	0.12	0.23*	0.24**	0.04	0.07	0.14
Positive emotions	0.19*	-0.06	0.15*	0.40*	0.30**	0.21**	0.18*	0.23**
Negative emotions	-0.21**	0.03	0.01	-0.15*	-0.12	0.01	-0.02	-0.09
Internal motivation	0.07	-0.16*	-0.02	0.17*	0.32**	0.20**	0.13	0.06
Integrated motivation	0.12	-0.18*	-0.04	0.25**	0.28**	0.23**	0.14	0.08
Identified motivation	0.12	0.00	0.08	0.31**	0.24**	0.30**	0.16*	0.35**
Introjected motivation	0.01	0.11	0.07	0.01	0.06	0.19*	0.05	0.26**
External motivation	0.00	0.22**	0.18*	0.04	0.01	0.08	-0.03	0.24**
Amotivation	0.02	0.15	0.19*	-0.17*	-0.21**	-0.17*	-0.08	-0.01
Conscientiousness	0.23**	-0.16*	0.16*	0.27**	0.17*	0.13	0.21**	0.11
Openness to new experience	0.14	-0.13	0.17*	0.11	0.26**	0.17*	0.15*	-0.05

* — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$

Школьники и студенты с более высоким уровнем позитивных эмоций и более низкими значениями по ценностям традиций и конформизма чаще говорят о том, что работа должна приносить и удовольствие, и деньги, и верят, что это возможно при правильном ее выборе ($|r| = 0,20-0,23$, $p < 0,01$). При более выраженной внутренней и интегрированной мотивации в учебе респонденты реже соглашались, что для хорошей работы учиться не обязательно ($r = -0,26...-0,22$, $p < 0,01$). При этом представления о совмещении различных критериев выбора работы практически не связаны с личностными особенностями (корреляции менее $|r| < 0,20$) и пользовательской активностью. Предпочтение ценности безопасности связана с представлением о том, что работа не должна быть слишком трудной, и с готовностью отказаться от работы, если она будет интересной, но малооплачиваемой ($r = 0,22-0,23$, $p < 0,01$). Низкая ориентация на ценность традиций и ориентация на достижения и власть связаны с убеждением, что выбирать работу нужно одновременно престижную, интересную и хорошо оплачиваемую ($r = -0,21$, $p < 0,01$ и $r = 0,22-0,29$, $p < 0,01$, соответственно). Ориентация на власть также сопряжена с готовностью отказаться от работы, если она будет интересной, но малооплачиваемой ($r = 0,20$, $p < 0,01$).

Обсуждение результатов

Психометрические характеристики шкалы субъективных критериев предпочтения работы

Анализ надежности-согласованности и факторной валидности шкалы субъективных критериев предпочтения работы свидетельствует о том, что она может применяться в исследованиях для оценки важности тех или иных критериев (оплаты, интереса, удобства, перспективы, пользы, легкости, трудности и имиджа) выбора работы и профессии у старшеклассников и лиц юношеского возраста. Причем различий в применении методики в этих двух группах практически не выявлено — по всей видимости, в старшем подростковом и юношеском возрастах, когда молодые люди размышляют о будущей профессии и о будущем в целом, система их субъективных критериев и предпочтений мало различается. Исключение составляет критерий полезности для других: возможно, что в школе старшеклассники, еще не столкнувшиеся с необходимостью самостоятельно организовывать свою жизнь и зарабатывать деньги, в большей степени готовы ориентироваться на полезность работы для окружающих, на помощь им. Говоря метафорически, планы старшеклассников оказываются более идеализированными, нежели планы студентов. Не исключено также, что речь идет о

межпоколенческих различиях (Howe, Strauss, 2000): современные старшеклассники, относящиеся к поколению «зед», в целом более ориентированы на других людей и ценности универсализма в отношении к миру. Гендерных различий по шкале также выявлено немного: девушки в большей степени предпочитают интересную и полезную для других работу, а юноши — трудную работу.

Субъективные критерии предпочтения работы и профессии в старшем подростковом и юношеском возрастах

В соответствии с первой гипотезой, и старшеклассники, и студенты в выборе профессии и работы ориентируются на широкий круг критериев — выше среднего показателя по таким критериям как оплата, интерес, перспектива, удобство, имидж и польза для других, несколько ниже среднего — имидж, легкость и трудность работы. Большинство субъективных критериев связаны между собой положительно — иными словами, для подростков и молодых людей часто характерно несколько критериев выбора одновременно. Согласуется с гипотезой и тот результат, что и старшеклассники, и студенты практически единогласно считают, что работа должна одновременно приносить и удовольствие, и деньги, и этого можно достичь (средний балл выше 4 по шкале от 1 до 5); многие в целом согласны с тем, что, выбирая работу, важно думать одновременно о престиже, интересе и зарплате. Выше среднего показателя готовности отказа от работы, которая соответствует одному из этих критериев, но не соответствует другому. Интересно, что около среднего (а у студентов выше среднего) выраженность представления, что не обязательно учиться, чтобы найти достойную и хорошую работу, причем юноши более подвержены этому представлению, чем девушки.

Чем в большей степени важны для старшеклассников и студентов различные субъективные критерии выбора профессии и работы (кроме ее легкости и трудности), тем важнее для них искать работу, соответствующую сразу нескольким критериям и тем меньше они готовы на интересную, но малооплачиваемую работу.

Вопреки первой гипотезе, старшеклассники и студенты относительно редко считают блоггерство и бизнес одновременно успешными, интересными, денежными и простыми работами и понимают, что такую работу может быть не так легко найти.

Психологические факторы субъективных критериев выбора профессии и работы в старшем подростковом и юношеском возрасте

В соответствии со второй гипотезой, добросовестность положительно коррелирует с предпочтением хорошо оплачиваемой, перспективной и трудной работы, а открытость новому — с предпочтением интересной работы, тогда как другие личностные особенности практически не связаны

с субъективными критериями выбора работы. На наш взгляд, это закономерно: добросовестность связана с интересом к качественному выполнению даже трудных заданий, а опыт людей с такими личностными особенностями нередко позволяет им в большей степени ориентироваться на перспективы развития в профессии, тогда как открытость новому опыту задает важность интересного и нового в работе. Таким образом, не только успешность профессиональной деятельности (Kowal et al., 2022), но и критерии ее выбора отчасти зависят от личностных особенностей.

Согласно третьей гипотезе, ценности безопасности и конформизма связаны с предпочтением легкой работы, ценность традиций — с меньшим стремлением к интересной и удобной работе, а ценность достижения — с ориентацией на перспективу и имидж. Ориентация на ценности традиций и конформизма также связана с меньшей выраженностью представлений, что работа должна соответствовать сразу многим критериям ее выбора, а ориентация на достижения и власть — с более высокой ее выраженностью. Иными словами, характерный для подросткового и юношеского возраста «максимализм» при выборе профессии и работы частично объясняется их склонностью к достижениям и власти и меньшей важностью традиций, безопасности и конформизма. С одной стороны, традиции, безопасность и конформизм — это ценности, которые могут способствовать более реалистичному взгляду на работу и профессию, а с другой стороны — они позволяют молодым людям в большей степени ориентироваться на насущные потребности и на опыт старшего поколения в поиске и реализации работы.

Четвертая гипотеза подтверждена частично. Позитивные эмоции сопряжены с более широким спектром субъективных критериев выбора работы (кроме легкости) и представлением о том, что работа должна удовлетворять этим критериям одновременно и что важно искать именно такую работу, а удовлетворенность жизнью — с ориентацией на перспективу и интерес. Немаловажно, что уровень негативных эмоций связан лишь с меньшей ориентацией на оплату, возможно, в силу более низких ожиданий от будущей работы и нежелания думать о будущем. Этот результат уточняет существующие данные о связи субъективного благополучия с профессиональной идентичностью (Strauser et al., 2008), указывая на то, что при выборе работы речь идет об эффекте со стороны отдельных аспектов благополучия. Иными словами, вероятно, именно положительные эмоции способствуют предпочтению школьниками и студентами одновременно многих критериев выбора работы. Полученные данные согласуются с моделью Б. Фредриксона (Fredrickson, 2004), согласно которой позитивные эмоции расширяют возможности видения мира и своих ресурсов — по всей видимости, способствуя и более широкому подходу к выбору критериев

выбора работы. К сожалению, столь высокие ожидания от работы зачастую нереалистичны и могут приводить к разочарованиям в дальнейшем.

Пользовательские факторы субъективных критериев выбора профессии и работы в старшем подростковом и юношеском возрасте

В соответствии с пятой гипотезой, пользовательская активность связана со стремлением к легкой работе. Однако она не связана с большей верой в возможность получения хорошей по всем критериям работы, представлениями о том, что для этого необходимо учиться и что бизнес или блоггерство — именно такие варианты работы. Можно предполагать, что собственно время, проводимое в интернете, не влияет на то, насколько привлекательными выглядят для подростков и лиц юношеского возраста «популярные» профессии. По всей видимости, это зависит от других личностных и ситуативных факторов.

Ограничение исследования

Ограничением работы выступает его корреляционный дизайн, не позволяющий делать выводы о направленности связей, а также отсутствие данных о действительном выборе работы подростками и молодыми людьми в последующем. Следует также отметить, что исследование посвящено в большей степени вопросам выбора работы и, в меньшей степени, — профессии.

Выводы

1. В выборе профессии и работы и старшеклассники, и студенты одновременно ориентируются на широкий спектр критериев (оплата, интерес, перспектива, удобство, имидж и польза для других) и не готовы пожертвовать одними ради других, хотя

понимают, что такую работу может быть непросто найти. Нередко молодые люди, особенно юноши, считают, что для этого необязательно учиться. Менее выражено представление о том, что для хорошей работы учиться необязательно у людей с внутренней и интегрированной мотивацией в учебе.

2. Добросовестность связана с предпочтением хорошо оплачиваемой, перспективной и трудной работы, а открытость новому — с предпочтением интересной работы. Ориентация на ценности конформизма и традиций связана с готовностью к выбору между различными критериями при выборе работы, тогда как ориентация на ценности достижения и власти — с более широким кругом субъективных критериев, которым работа должна одновременно соответствовать.
3. Более высокий уровень позитивных эмоций связан с предпочтением школьниками и студентами одновременно многих критериев выбора работы.
4. Большая пользовательская активность связана со стремлением к легкой работе, но не связана с конкретными образами легких и успешных профессий или представлением о том, что учиться необязательно.
5. Шкала субъективных критериев предпочтения работы является надежным, факторно и содержательно валидным скрининговым инструментом, оценивающим важность оплаты, интереса, удобства, перспективы, пользы, легкости, трудности и имиджа в работе.

Практическое применение

Интересным направлением дальнейших исследований является учет выбора профессии и субъективных критериев этого выбора, а также действительного выбора работы в последующем. Помимо этого, данные требуют дальнейшего подтверждения другими методами и на новых выборках.

Список литературы

- Александрова, Е.А. (2023). Актуальные проблемы деятельности профконсультантов в современных условиях рынка труда. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(4), 186–202.
- Белинская, Е.П. (2013). Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 6(30), 5.
- Брызгалин, Е.А. (2022). Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах по материалам отечественных и зарубежных научных источников. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 9(5), 46–66.
- Веракса, А.Н., Алмазова, О.В., Бухаленкова, Д.А., Чичина, Е.А. (2022). Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками. *Социологические исследования*, (6), 82–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250009455-3>
- Карабанова, О.А. (2020). Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 4–22.
- Климов, Е.А. (1998). Введение в психологию труда. Москва: ЮНИТИ.
- Марцинковская, Т.Д. (2010). Информационное пространство как фактор социализации современных подростков. *Мир психологии*, (3), 90–102.

- Марцинковская, Т.Д. (2015). Современная психология — вызовы транзитивности. *Психологические исследования*, 8(42). URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533> (дата обращения: 31.08.2022).
- Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (1), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Поливанова, К.Н. (2016). Детство в меняющемся мире. *Современная зарубежная психология*, 5(2), 5–10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>
- Рассказова, Е.И., Лебедева, А.А. (2020). Скрининговая шкала позитивных и негативных переживаний Э. Динера: апробация русскоязычной версии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(2), 250–263. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-2-250-263>
- Солдатова, Г.У., Войскунский, А.Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431–450.
- Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2023). Личностные характеристики и психологическая саморегуляция студентов онлайн и офлайн: некоторые особенности цифровой социальности. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 13(1), 24–37. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.102>
- Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Нестик, Т.А. (2017). Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. Москва: Смысл.
- Шнейдер, Л.Б. (2001). Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: дисс. докт. психол. наук. Москва.
- Alkaya, S.A., Yaman, S., Simones, J. (2018). Professional Values and Career Choice of Nursing Students. *Nursing Ethics*, 25(2), 243–252. <https://doi.org/10.1177/0969733017707007>
- Akimova, Anna Yu., Obobnov, Aleksander A. The Psychological Space of Professionals' Trust and Distrust in Socio-Technical Systems. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(1), 20–34.
- Brown, M.E., Lim, J.H., Horsburgh, J., Pistoll, C., Thakerar, V., Maini, A., Johnson, C., Beaton, L., Mahoney, C., Kumar, S. (2022). Identity Development in Disorientating Times: the Experiences of Medical Students during COVID-19. *Medical Science Educator*, 32(5), 995–1004. URL: <https://doi.org/10.1007/s40670-022-01592-z> (access date: 02.08.2022).
- Cruess, S.R., Cruess, R.L., Steinert, Y. (2019). Supporting the Development of a Professional Identity: General Principles. *Medical Teacher*, 41(6), 641–649. URL: <https://doi.org/10.1080/0142159X.2018.1536260> (access date: 01.08.2022).
- Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J., Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, (49), 71–75.
- Diener, E., Wirtz, D., Tov, W., Kim-Prieto, C., Choi, D., Oishi, S., Biswas-Diener, R. (2020). New Well-Being Measures: Short Scales to Assess Flourishing and Positive and Negative Feelings. *Social Indicators Research*, (4), 143–156.
- Danby, S.J., Fleeher, M., Davidson, C., Hatzigianni, M. (2018). Digital Childhoods across Contexts and Countries. *International Perspectives on Early Childhood Education and Development*, (22), 1–14. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6484-5_1
- European Social Survey ESS4-2008. Documentation Report. (2008). URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round4/survey/ESS4_data_documentation_report_e05_5.pdf (access date: 15.05.2022).
- Fitzgerald, A. (2020). Professional Identity: A Concept Analysis. *Nursing Forum*, 55(3), 447–472. URL: <https://doi.org/10.1111/nuf.12450> (access date: 01.05.2022).
- Fredrickson, B.L. (2004). The Broaden-and-Build Theory of Positive Emotions. *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences*, 359(1449), 1367–1378.
- Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann, W.B. (2003). A Very Brief Measure of the Big-Five Personality Domains. *Journal of Research in Personality*, (37), 504–528. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
- Howe, Neil; Strauss, William. (2000). Millennials Rising: The Next Great Generation. William Strauss. New York: Vintage Books.
- Jarvis-Selinger, S., MacNeil, K.A., Costello, G.R.L., Lee, K., Holmes, C.L. (2019). Understanding Professional Identity Formation in Early Clerkship: A Novel Framework. *Academic Medicine*, 94(10), 1574–1580. URL: <https://doi.org/10.1097/acm.0000000000002835> (access date: 04.08.2022).
- Jawed, S., Mahboob, U., Yasmeen, R. (2019). Digital Professional Identity: Dear Internet! Who am I? *Education for Health*, 32(1), 33–35. URL: https://doi.org/10.4103/efh.efh_232_17 (access date: 10.09.2022).
- Kowal, B., Włodarz, D., Brzychczy, E., Klepka, A. (2022). Analysis of Employees' Competencies in the Context of Industry 4.0. *Energies*, 15(19). URL: <https://doi.org/10.3390/en1519142> (access date: 30.10.2022).
- Livingstone, S., Mascheroni, G., Staksrud, E. (2018). European Research on Children's Internet Use: Assessing The Past and Anticipating The Future. *New Media & Society*, 20(3), 1103–1122. <https://doi.org/10.1177/1461444816685930>
- Mascheroni, G., Ólafsson, K. (2016). The Mobile Internet: Access, Use, Opportunities and Divides among European Children. *New Media & Society*, 18(8), 1657–1679. <https://doi.org/10.1177/1461444814567986>
- Nault, K.A., Thau, S. (2022). Professions, Honesty, and Income. *Current Opinion in Psychology*, (47), 101403. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101403>
- Auxier, B., Anderson, M., Perrin, A., Turner, E. (2020). Parenting Children in the Age of Screens. (2020). *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/07/28/childrens-engagement-with-digital-devices-screen-time/> (access date: 15.01.2023).
- Schwartz, Sh.H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/> (access date: 05.01.2023). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Smahel, D., Machackova, H., Mascheroni, G., Dedkova, L., Staksrud, E., Ólafsson, K., Livingstone, S., Hasebrink U. (2020). EU Kids Online 2020: Survey Results from 19 Countries. <https://doi.org/10.21953/lse.47fdeqj01of0>
- Stetson, G.V., Kryzhanovskaya, I.V., Lomen-Hoerth, C., Hauer, K.E. (2020). Professional Identity Formation in Disorienting Times. *Medical Education*, 54(8), 765–766. URL: <https://doi.org/10.1111/medu.14202> (access date: 29.04.2022).
- Strauser, D.R., Lustig, D.C., Ciftçi, A. (2008). Psychological Well-being: Its Relation to Work Personality, Vocational Identity, and Career Thoughts. *The Journal of Psychology*, 142(1), 21–35. <https://doi.org/10.3200/JRLP.142.1.21-36>

References

- Akimova, Anna Yu., Oboznov, Aleksander A. The Psychological Space of Professionals' Trust and Distrust in Socio-Technical Systems. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(1), 20–34.
- Aleksandrova, E.A. (2023). Current problems of professional consultants' activity in the modern context of labour market. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Lomonosov Psychology Journal)*, 46(4), 186–202. (In Russ.).
- Alkaya, S.A., Yaman, S., Simones, J. (2018). Professional Values and Career Choice of Nursing Students. *Nursing Ethics*, 25(2), 243–252. <https://doi.org/10.1177/0969733017707007>
- Auxier, B., Anderson, M., Perrin, A., Turner, E. (2020). Parenting Children in the Age of Screens. (2020). *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/07/28/childrens-engagement-with-digital-devices-screen-time/> (access date: 15.01.2023).
- Belinskaya, E.P. (2013). The information socialisation of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being. *Psikhologicheskie Issledovaniya: Elektronny Nauchny Zhurnal (Psychological Research: Electronic Scientific Journal)*, 6(30), 5. (In Russ.).
- Brown, M.E., Lim, J.H., Horsburgh, J., Pistoll, C., Thakerar, V., Maini, A., Johnson, C., Beaton, L., Mahoney, C., Kumar, S. (2022). Identity Development in Disorientating Times: the Experiences of Medical Students During COVID-19. *Medical Science Educator*, 32(5), 995–1004. URL: <https://doi.org/10.1007/s40670-022-01592-z> (access date: 02.08.2022).
- Bryzgalin, E.A. (2022). Key provisions about personal values and semantic meanings based on the proceedings of domestic and foreign scientific sources. *Teoreticheskaya i Eksperimentalnaya Psikhologiya (Theoretical and Experimental Psychology)*, 9(5), 46–66. (In Russ.).
- Cruess, S.R., Cruess, R.L., Steinert, Y. (2019). Supporting the Development of a Professional Identity: General Principles. *Medical Teacher*, 41(6), 641–649. URL: <https://doi.org/10.1080/0142159X.2018.1536260> (access date: 01.08.2022).
- Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J., Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, (49), 71–75.
- Diener, E., Wirtz, D., Tov, W., Kim-Prieto, C., Choi, D., Oishi, S., Biswas-Diener, R. (2020). New Well-Being Measures: Short Scales to Assess Flourishing and Positive and Negative Feelings. *Social Indicators Research*, (4), 143–156.
- European Social Survey ESS4-2008. Documentation Report. (2008). URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round4/survey/ESS4_data_documentation_report_e05_5.pdf (access date: 15.05.2022).
- Fitzgerald, A. (2020). Professional Identity: A Concept Analysis. *Nursing Forum*, 55(3), 447–472. URL: <https://doi.org/10.1111/nuf.12450> (access date: 01.05.2022).
- Fredrickson, B.L. (2004). The Broaden-and-Build Theory of Positive Emotions. *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences*, 359(1449), 1367–1378.
- Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann, W.B. (2003). A Very Brief Measure of the Big-Five Personality Domains. *Journal of Research in Personality*, (37), 504–528. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
- Howe, Neil; Strauss, William. (2000). *Millennials Rising: The Next Great Generation*. William Strauss. New York: Vintage Books.
- Jarvis-Selinger, S., MacNeil, K.A., Costello, G.R.L., Lee, K., Holmes, C.L. (2019). Understanding Professional Identity Formation in Early Clerkship: A Novel Framework. *Academic Medicine*, 94(10), 1574–1580. URL: <https://doi.org/10.1097/acm.0000000000002835> (access date: 04.08.2022).
- Jawed, S., Mahboob, U., Yasmeen, R. (2019). Digital Professional Identity: Dear Internet! Who am I? *Education for Health*, 32(1), 33–35. URL: https://doi.org/10.4103/efh.efh_232_17 (access date: 10.09.2022).
- Karabanova, O.A. (2020). The risks of the information socialization as a display of the crisis of the modern childhood. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, (3), 4–22. (In Russ.).
- Klimov, E.A. (1998). Introduction to the Psychology of Labour. Moscow: Unity. (In Russ.).
- Kowal, B., Włodarz, D., Brzychczy, E., Klepka, A. (2022). Analysis of Employees' Competencies in the Context of Industry 4.0. *Energies*, 15(19). URL: <https://doi.org/10.3390/en15197142> (access date: 30.10.2022).
- Livingstone, S., Mascheroni, G., Staksrud, E. (2018). European Research on Children's Internet Use: Assessing The Past and Anticipating The Future. *New Media & Society*, 20(3), 1103–1122. <https://doi.org/10.1177/1461444816685930>
- Martsinkovskaya, T.D. (2010). The information space as a factor in the socialization of modern adolescents. *Mir Psikhologii (World of Psychology)*, (3), 90–102. (In Russ.).
- Martsinkovskaya, T.D. (2015). Modern psychology — challenges of transitivity. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 8(42). URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533> (access date: 31.08.2022). (In Russ.).
- Mascheroni, G., Ólafsson, K. (2016). The Mobile Internet: Access, Use, Opportunities and Divides among European Children. *New Media & Society*, 18(8), 1657–1679. <https://doi.org/10.1177/1461444814567986>
- Nault, K.A., Thau, S. (2022). Professions, Honesty, and Income. *Current Opinion in Psychology*, (47), 101403. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101403>
- Osin, E.N., Leontiev, D.A. (2020). The short Russian-language scales for diagnosing the subjective well-being: psychometric characteristics and the comparative analysis. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny (Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes)*, (1), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06> (In Russ.).
- Polivanova, K.N. (2016). Childhood in a changing world. *Sovremennaya zarubezhnaya Psikhologiya (Journal of Modern Foreign Psychology)*, 5(2), 5–10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201> (In Russ.).
- Rasskazova, E.I., Lebedeva, A.A. (2020). The screening scale of positive and negative experiences by E. Diener: testing of the Russian version. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki (Psychology. The Journal of the Higher School of Economics)*, 17(2), 250–263. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-2-250-263> (In Russ.).
- Danby, S.J., Flear, M., Davidson, C., Hatzigianni, M. (2018). Digital Childhoods across Contexts and Countries. *International Perspectives on Early Childhood Education and Development*, (22), 1–14. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6484-5_1
- Schwartz, Sh.H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/> (access date: 05.01.2023). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>

Shneider, L.B. (2001). Professional identity: structure, genesis and conditions for the formation: the thesis of DSc in psychology. Moscow.

Smahel, D., Machackova, H., Mascheroni, G., Dedkova, L., Staksrud, E., Ólafsson, K., Livingstone, S., Hasebrink U. (2020). EU Kids Online 2020: Survey Results from 19 Countries. <https://doi.org/10.21953/lse.47fdeqj01ofo>

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2023). Personal traits and the psychological self-regulation of students online and offline: some features of digital sociality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta (St. Petersburg University Bulletin)*, 13(1), 24–37. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.102> (In Russ.).

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Nestik, T.A. (2017). The digital generation of Russia: competency and safety. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Soldatova, G.U., Voyskunsky, A.E. (2021). The social and cognitive concept of a digital socialisation: a new ecosystem and the social evolution of the psyche. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki (Psychology. The Journal of the Higher School of Economics)*, 18(3), 431–450. (In Russ.).

Stetson, G.V., Kryzhanovskaya, I.V., Lomen-Hoerth, C., Hauer, K.E. (2020). Professional Identity Formation in Disorienting Times. *Medical Education*, 54(8), 765–766. URL: <https://doi.org/10.1111/medu.14202> (access date: 29.04.2022).

Strauser, D.R., Lustig, D.C., Ciftçi, A. (2008). Psychological Well-being: Its Relation to Work Personality, Vocational Identity, and Career Thoughts. *The Journal of Psychology*, 142(1), 21–35. <https://doi.org/10.3200/JRLP.142.1.21-36>

Veraksa, A.N., Almazova, O.V., Bukhalekova, D.A., Chichinina, E.A. (2022). Features of the use of digital devices by modern pre-schoolers. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological Studies)*, (6), 82–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250009455-3> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Вадим Анатольевич Емелин, профессор РАО, доктор философских наук, заведующий лабораторией психологии труда, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии, факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, emelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6289-8288>

Vadim A. Emelin, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Russian Academy of Education, Head of the Laboratory for the Psychology of Work, Professor at the Department of Psychology of Work and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, emelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6289-8288>



Елена Игоревна Рассказова, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

Elena I. Rasskazova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

Поступила: 02.10.2023; получена после доработки: 03.11.2023; принята в печать: 10.02.2024.

Received: 02.10.2023; revised: 03.11.2023; accepted: 10.02.2024.

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0103>
УДК/UDC 159.928, 316.62

Особенности субъективного благополучия и карьерных ориентаций у подростков с признаками одаренности в разных сферах активности

А.Ю. Маленова ✉, Ю.В. Потапова, А.А. Маленов, А.К. Потапов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

✉ malyonova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Оптимальным условием для прогрессивного развития общества является создание образовательной среды, учитывающей психологические особенности одаренных обучающихся в контексте достижения ими субъективного благополучия в настоящем и профессиональном будущем.

Цель. Изучение особенностей субъективного благополучия и карьерных ориентаций у школьников с признаками одаренности и их сочетаниями в разных сферах активности.

Выборка. Выборку составили 461 омский школьник (группы сравнения: академически, творчески, спортивно одаренные, сочетающие два и три признака одаренности, контрольная группа).

Методы. Применены следующие тестовые методики: Диагностика субъективного благополучия Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой, Методика изучения мотивации профессиональной карьеры Э. Шейна в адаптации В.Э. Винокуровой и В.А. Чикер.

Результаты. Выявлено, что уровень благополучия выше у подростков, сочетающих признаки спортивной одаренности с творческой или академической. Третью позицию занимают школьники с признаками академической одаренности. Наименьшие интегральные показатели благополучия имеют подростки с признаками творческой одаренности и сочетающие признаки одаренности в творческой и академической сферах. Доминирующими карьерными ориентациями у подростков, имеющих творческие достижения, являются автономия, профессиональная компетентность, стабильность места работы, интеграция стилей жизни, а наиболее связана с благополучием ориентация на предпринимательство. У имеющих достижения в спорте доминируют ориентации на менеджмент, предпринимательство, они же взаимосвязаны с ростом эмоционального и экзистенциально-деятельностного благополучия. Ориентация на служение более выражена у подростков, имеющих признаки спортивной и творческой одаренности. Самые низкие показатели карьерных ориентаций при отсутствии их связи с благополучием и несформированности акцентов в профиле имеют подростки, сочетающие признаки всех трех типов одаренности.

Выводы. Определены особенности и установлены взаимосвязи компонентов субъективного благополучия и карьерных ориентаций у школьников с признаками одаренности в разных сферах — академической, творческой, спортивной, и их сочетаниями, выступающие основанием для психологического сопровождения одаренных подростков.

Ключевые слова: одаренность, сферы активности, спорт, творчество, академические достижения, школьники, субъективное благополучие, карьерные установки

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-28-20375, тема проекта «Субъективная картина благополучия как предиктор миграционных установок одаренной молодежи Сибирского региона».

Для цитирования: Маленова, А.Ю., Потапова, Ю.В., Маленов, А.А., Потапов, А.К. (2024). Особенности субъективного благополучия и карьерных ориентаций у подростков с признаками одаренности в разных сферах активности. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 41–55. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0103>

Subjective Well-Being and Career Orientations of Adolescents with the Signs of Giftedness in Different Areas of Activity

Arina Yu. Malenova ✉, Yuliya V. Potapova, Aleksandr A. Malenov, Alexander K. Potapov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

✉ malyonova@mail.ru

Abstract

Background. The optimal condition for the progressive development of society is the creation of an educational environment that takes into account the psychological characteristics of gifted students in the context of achieving their subjective well-being in the present and professional well-being in the future.

Objective. The aim is to study the characteristics of subjective well-being and career orientations in schoolchildren with signs of giftedness in different areas of activity.

Study Participants. The comparative study involved 461 Omsk schoolchildren (groups were identified as academic, creative, sports gifted, combining two and three types of giftedness, and a control group).

Methods. The comparative study involved diagnosis of subjective well-being by R.M. Shamionov and T.V. Beskova, and the technique for studying motivation in professional career by E. Shein in the adaptation of V.E. Vinokurova and V.A. Chiker.

Results. It was revealed that the highest levels of well-being are found in adolescents who combine signs of sports talent with creative or academic giftedness. The third position is occupied by schoolchildren with signs of academic giftedness. The lowest integral indicators of well-being are observed among adolescents with signs of creative giftedness and those who combine signs of giftedness in the creative and academic spheres. The dominant career orientations of adolescents with creative achievements are autonomy, professional competence, job stability, integration of lifestyles. The orientation towards entrepreneurship is most closely associated with well-being. Those with achievements in sports orient towards management and entrepreneurship, which are also interconnected with the growth of emotional and existential-effective well-being. Service orientation is more pronounced in adolescents who have signs of sports and creative talent. Teenagers who combine signs of all three types of giftedness show the lowest indicators of career orientations in the absence of their connection with well-being and unformed accents in the profile.

Conclusion. The features and interrelations of the components of subjective well-being and career orientations in schoolchildren with signs of giftedness in different areas of activity: academic, creative, sports, and their combinations, which are the basis for the psychological support of gifted adolescents, are determined.

Keywords: giftedness, areas of activity, types of giftedness, sports, creativity, academical achievements, schoolchildren, subjective well-being, career attitudes

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-28-20375 "Subjective picture of well-being as a predictor of the migration attitudes of gifted youth in the Siberian region".

For citation: Malenova, A.Yu., Potapova, Yu.V., Malenov, A.A., Potapov, A.K. (2024). Subjective Well-Being and Career Orientations of Adolescents with the Signs of Giftedness in Different Areas of Activity. *National Psychological Journal*, 19(1), 41–55. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0103>

Введение

Исследователи проблемы способностей отмечают, что научный интерес к этой теме неоднороден, он то ослабевает, то усиливается (Мазилов, Слепко, 2021), тогда как в современных психологических и педагогических практиках феномен одаренности занимает одну из лидирующих позиций. Такая ситуация во многом обусловлена социальными ожиданиями: для общественного прогресса необходима полноценная

реализация молодежи, поэтому создание условий и поиск ее оптимальных путей для одаренных детей остаются актуальными задачами.

К настоящему времени накоплен обширный эмпирический материал, описывающий и объясняющий природу одаренности, факторы ее развития, условия детерминации, особенности проявления. К последним относятся выраженная потребность в познании, высокий интеллектуальный уровень развития, нестандартное, оригинальное решение задач (Мазилов, Слепко, 2021), эффективность деятельности, высту-

пающая условием и предпосылкой формирования, проявления, развития способностей в разных формах (Ахмедов, Раджабов, 2021) и типах (Ларионова, Волгина, 2008).

Актуальным направлением исследований выступает установление связи одаренности и благополучия личности. В своем крупномасштабном обзоре Э. Динер с коллегами (Diener et al., 2018) предлагает определение ряда феноменов, объединенных в понятийном поле благополучия, подчеркивая важность включения дескриптора «субъективный». Объективной основой для оценки служит качество жизни как базисный конструктор, включающий экологические, социальные, материальные и иные условия (Hagerty et al., 2001), формируя удовлетворенность жизнью в целом и ее отдельными сферами (работа, отношения, здоровье) (Frisch et al., 2005). К этим же когнитивным феноменам относят и оценочное благополучие (Kahneman, Deaton, 2010). Другой компонент субъективного благополучия человека — эмоциональная оценка жизненных событий, формирующая знак переживания. Отрицательные и положительные аффекты, сочетаясь, образуют общий эмоциональный баланс (Diener et al., 2010), в определенной степени противопоставляемый когнитивной подсистеме (Fredrickson, Joiner, 2002). Именно разные комбинации составляющих когнитивного и эмоционального блоков и представляют единый феномен субъективного благополучия человека.

При изучении феноменологии одаренности через призму благополучия личности получен ряд противоречивых данных не только при сравнении разных обществ и культур (Ван и др., 2022; Микляева и др., 2019), но и в исследованиях в одном жизненном пространстве (Neihart, 1999). Парадоксом выступает сходство психологических особенностей одаренных детей и подростков с их сверстниками, не проявляющими признаков одаренности (Bergold et al., 2013), тогда как внутри самих этих групп высока вариабельность результатов (Kroesbergen et al., 2016; Лактионова и др., 2021), в связи с полом (Chen et al., 2018), возрастом (Krok, 2018), этапом обучения (Freer, Evans, 2018), качествами личности (Ogurlu et al., 2018). Неоднородность самой группы одаренных выступает отдельным объектом изучения, открывая возможности для обнаружения более тонких механизмов для сопровождения адаптации (Tvorogova, 2018) через установление связи между благополучием и самоэффективностью в образовательной среде (Freire et al., 2019). Наше исследование продолжает дискуссию о двойственной природе одаренности, трактующей ее дихотомию с позиции потенциальной уязвимости личности и, наоборот, ее психологической силы, устойчивости, гибкости (Neihart, 1999), одновременно проверяя гипотезу о различиях в субъективном благополучии детей с разными способностями.

Опираясь на идею о том, что достижения более высокого порядка в разных видах деятельности че-

ловека выступают важным функциональным индикатором одаренности (Мазилев, Слепко, 2021), мы исследуем признаки трех типов одаренности:

- 1) академической (достижения в учебных дисциплинах, успехи в предметных олимпиадах и конкурсах) (Волкова и др., 2019);
- 2) творческой (высокие результаты в художественном и исполнительском мастерстве в живописи, музыке, хореографии, актерском искусстве) (Ларионова, 2008);
- 3) спортивной (задатки в русле физического развития и эффективность их использования в соревновательной деятельности) (Шукова, 2021).

В науке представлены исследования, направленные на сравнение групп подростков с достижениями в разных сферах (Volkova et al., 2020; Волкова, Микляева, 2020), при ограниченном изучении сочетаний признаков различных типов одаренности. Новизна нашего исследования связана и с введением в его предмет профессионального выбора через определение карьерных ориентаций как системы ценностных, социальных установок, предпочтений по отношению к работе, деятельности, профессиональному пути (Чикер, 2004). Если карьерные ориентации, опираясь на модель Э. Шейна, ранее чаще изучались в периоды ранней и средней зрелости, то в современных исследованиях усиливается интерес к подросткам, позволяя оценивать предпосылки карьерного развития с учетом психологических факторов их формирования (Петрова, 2022; Пучкова и др., 2019), возрастных особенностей (Цариценцева, 2014) и этапа обучения (Зайцева, 2018). Еще одним отличием нашего подхода выступает уход от понимания благополучия в русле идей К. Рифф (несмотря на их популярность (Chan et al., 2019)), трактующих его как относительно устойчивый субъективный конструктор (Ryff, 1989). Поскольку в подростковом возрасте личность еще только оформляется, значительно перестраивается регулятивная сфера с доминантой потребности в самовыражении для дальнейшей интеграции в обществе, мы изучаем субъективное благополучие как эмоционально окрашенное отношение человека к себе, другим людям, своей жизни через усвоенные нормы и ценности, а также представления о благополучии среды, его когнитивных и эмоциональных индикаторах (Шамионов, 2008).

Цель нашего исследования — выявление особенностей субъективного благополучия и карьерных ориентаций у школьников с признаками разных типов одаренности (в академической, спортивной и творческой видах деятельности) и их сочетаниями.

Выборка

Выборку исследования составили школьники (N = 461) 8-х (19,3%), 9-х (35,1%), 10-х (36,1%) и 11-х

(9,5%) классов, из которых 313 (67,9%) проживает в г. Омске и 148 (32,1%) в Омской области. Из участников-горожан 74 (23,6%) учатся в обычных школах, 239 (76,4%) — в специализированных, с углубленным изучением предметов, профильными классами и целенаправленным развитием одаренности учащихся. Возраст опрашиваемых от 14 до 17 лет ($M = 15,5$, $SD = 1,39$). Участники были разделены на следующие группы: 82 (17,8%) подростка, мало проявляющих активность в каких-либо мероприятиях, 71 (15,4%) с признаками академической одаренности (имеющих достижения исключительно в предметных конкурсах), 10 (2,2%) с признаками творческой одаренности, 27 (5,9%) с признаками одаренности в спорте, 83 (18%) сочетающих активность и результативность при участии в интеллектуальных и творческих мероприятиях, 56 (12,1%) — интеллектуальных и спортивных, 6 (1,3%) — спортивных и творческих, 126 (27,3%) участников всех трех типов мероприятий.

Методы исследования

Существует ряд способов определения одаренности и ее уровня в контексте благополучия личности: психологическая диагностика с замерами IQ (Милгрэм, Гонг, 1997), вербального и невербального интеллекта, креативности (Лактионова и др., 2021); экспертная оценка значимых взрослых, учителей, специалистов (Kroesbergen et al., 2016; Волкова и др., 2019); оценка подростками своих особенностей (Микляева и др., 2019) и отношения к деятельности (Леонтьев и др., 2018); контент-анализ документов (журналы академической успеваемости, грамоты, дипломы) (Балаш, Топова, 2020). Критериями одаренности для нас выступили активность и результативность обучающихся в конкретных сферах, определяемые с помощью экспертной оценки (интервью со специалистами сферы образования для выделения объективных признаков одаренности обучающихся, беседа с педагогами), самооценки школьников (анкетный опрос их отношения к своим способностям и достижениям), контент-анализа портфолио учащихся с их достижениями в конкурсах разного уровня (районные/городские, областные, всероссийские и международные) в интеллектуальной (предметные олимпиады, конференции), творческой (конкурсы художественного и музыкального мастерства, танцевальные фестивали), спортивной (соревнования) сферах.

Сбор данных осуществлялся с помощью тестирования, одобренного администрацией, участниками и их родителями (заполнены информированные согласия). В диагностический комплекс вошли:

Методика для изучения субъективного благополучия Р.М. Шамяинова, Т.В. Бесковой (Шамяинов,

Бескова, 2018), включающая 34 вопроса для оценки (по шкале от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен») эмоционального, экзистенциально-деятельностного, гедонистического, социально-нормативного и эго- благополучия, а также интегрального показателя.

Методика изучения мотивации профессиональной карьеры («Якоря карьеры») Э. Шейна (в адаптации В.Э. Винокуровой и В.А. Чикер) (Чикер, 2004), включающая 41 утверждение со шкалой ответов от 1 (абсолютно не важно) до 10 (исключительно важно) баллов для определения выраженности 8 карьерных ориентаций: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство. Так как методика применялась для обследования школьников, формулировки утверждений 23, 27, 32 и 41 были направлены на будущее (например, в утверждении 23 вместо «Я всегда стремлюсь уделять одинаковое внимание моей семье и моей карьере» использовано «Я буду стремиться уделять одинаковое внимание моей семье и моей карьере»).

Для статистической обработки данных применялись тест Колмогорова — Смирнова, Н-критерий Краскела — Уоллиса, U-критерий Манна — Уитни, S-критерий тенденций Джонкхира — Терпстры, критерий ранговой корреляции Спирмена (использовалась программа IBM SPSS Statistics 20).

Результаты исследования

У подростков с признаками разных типов одаренности и их комбинациями значимо отличались как субъективное благополучие (далее — СБ) в целом, так и эмоциональный, экзистенциально-деятельностный, социально-нормативный его компоненты (Таблица 1). Для простоты ориентации в уровне проявления СБ и карьерных ориентаций (далее — КО) в таблицах ниже представлены не ранги, а средние показатели нормированных T-баллов.

Наиболее высокие показатели СБ имеют подростки с сочетанием признаков спортивной и творческой или академической одаренности и имеющие академические достижения. Наименьшие показатели СБ у подростков с признаками творческой, сочетанием творческой и академической одаренности.

Для детализации различий одаренной молодежи организовано попарное сравнение данных о СБ разных групп. Каждой из них был присвоен ранг, возрастание которого значило увеличение среднего значения СБ. Больше значимых отличий от всех групп выявлено у молодежи с признаками творческой и академически-творческой одаренности (Рисунк 1).

Таблица 1

Уровень благополучия школьников с признаками одаренности в разных сферах

Сферы активности	Компонент благополучия					
	Эмоциональное	Экзистенциально-деятельностное	Эго-благополучие	Гедонистическое	Социально-нормативное	Субъективное благополучие
A	51,2	51,1	49,7	51,8	52,9	51,6
T	43,1	45,6	46,3	50,0	46,6	45,5
C	48,4	49,8	49,1	51,2	47,7	49,1
AT	49,0	49,5	48,6	47,5	49,2	48,4
AC	53,1	52,6	52,9	52,4	51,5	53,1
CT	54,2	55,2	52,2	51,8	52,5	53,9
ACT	50,6	51,1	51,0	51,1	51,3	51,2
Невыраженная активность и ее направленность	49,0	47,9	49,7	48,7	48,2	48,5
χ^2	16,5	16,1	9,7	12,8	18,0	21,2
p	0,02	0,02	0,21	0,08	0,01	0,00

Примечание: сокращения А — академическая, С — спортивная, Т — творческая сферы активности

Table 1

The level of well-being of schoolchildren with signs of giftedness in different areas

Areas of activity	Well-being Component					
	Emotional	Existential-activity	Ego well-being	Hedonistic	Socio-normative	Subjective well-being
A	51.2	51.1	49.7	51.8	52.9	51.6
C	43.1	45.6	46.3	50.0	46.6	45.5
S	48.4	49.8	49.1	51.2	47.7	49.1
AC	49.0	49.5	48.6	47.5	49.2	48.4
AS	53.1	52.6	52.9	52.4	51.5	53.1
SC	54.2	55.2	52.2	51.8	52.5	53.9
ASC	50.6	51.1	51.0	51.1	51.3	51.2
Unexpressed activity and its direction	49.0	47.9	49.7	48.7	48.2	48.5
χ^2	16.5	16.1	9.7	12.8	18.0	21.2
p	0.02	0.02	0.21	0.08	0.01	0.00

Note: abbreviations A — academic, S — sports, C — creative spheres of activity



Рисунок 1
 Результаты попарного сравнения субъективного благополучия школьников с признаками одаренности в разных сферах

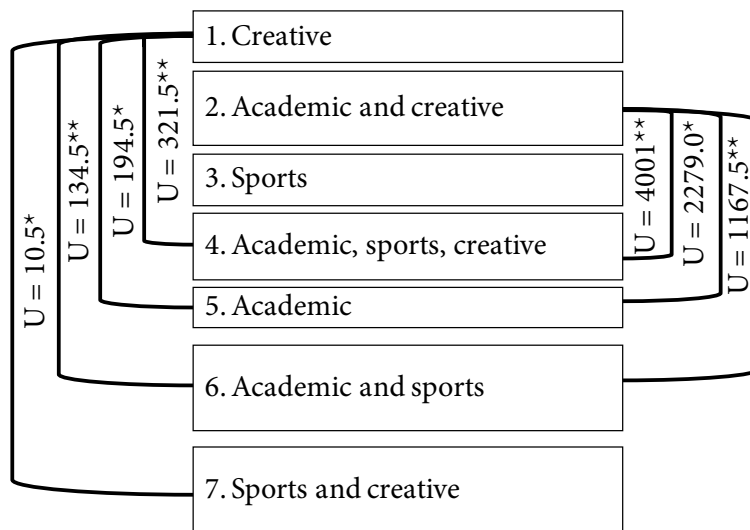


Figure 1
 Results of pairwise comparison of the subjective well-being in schoolchildren with signs of giftedness in different areas

В области КО также были выявлены значимые отличия, позволяя выделить преобладающие «якоря

карьер» для каждой изученной группы школьников (Таблица 2).

Таблица 2

Карьерные ориентации школьников с признаками одаренности в разных сферах

Сферы активности	Карьерные ориентации									
	Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность места работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство	
A	53,6	52,1	52,6	52,6	51,3	53,7	52,9	53,3	52,7	
T	55,5	54,8	57,3	56,7	54,3	56,4	52,3	56,5	53,2	
C	56,9	56,6	56,0	57,2	57,0	55,1	55,7	55,4	56,0	
AT	47,8	48,5	48,3	48,3	47,0	48,0	47,7	48,1	48,6	
AC	50,8	51,7	51,3	51,0	49,6	51,2	52,0	51,1	51,2	
CT	51,1	51,8	49,5	52,9	46,4	49,5	51,7	50,9	51,0	
ACT	45,8	46,7	45,9	46,3	47,1	46,3	46,6	45,9	46,6	
Невыраженная активность и ее направленность	54,7	53,2	55,0	53,9	55,8	54,1	54,0	54,9	53,6	
χ^2	61,0	27,7	39,4	38,2	40,5	22,5	31,8	34,4	26,1	
p	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	

Примечание: сокращения А — академическая, С — спортивная, Т — творческая сферы активности

Table 2

Career orientations of schoolchildren with signs of giftedness in different areas

Areas of activity	Career orientations									
	Professional competence	Management	Autonomy	Job stability	Residence stability	Service	Challenge	Lifestyle integration	Entrepreneurship	
A	53.6	52.1	52.6	52.6	51.3	53.7	52.9	53.3	52.7	
C	55.5	54.8	57.3	56.7	54.3	56.4	52.3	56.5	53.2	
S	56.9	56.6	56.0	57.2	57.0	55.1	55.7	55.4	56.0	
AC	47.8	48.5	48.3	48.3	47.0	48.0	47.7	48.1	48.6	
AS	50.8	51.7	51.3	51.0	49.6	51.2	52.0	51.1	51.2	
SC	51.1	51.8	49.5	52.9	46.4	49.5	51.7	50.9	51.0	
ASC	45.8	46.7	45.9	46.3	47.1	46.3	46.6	45.9	46.6	
Unexpressed activity and its direction	54.7	53.2	55.0	53.9	55.8	54.1	54.0	54.9	53.6	
χ^2	61.0	27.7	39.4	38.2	40.5	22.5	31.8	34.4	26.1	
p	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	

Note: abbreviations A — academic, S — sports, C — creative spheres of activity

Самыми выраженными КО обладают школьники исключительно с признаками спортивной и творческой одаренности, на третьем месте по силе данных параметров стоят подростки из контрольной группы.

Слабее прочих карьерные ориентации развиты у обучающихся с комбинацией признаков всех трех типов одаренности, а также у имеющих достижения в науке и искусстве одновременно.

С помощью критерия Джонкхир — Терпстры была оценена значимость тренда возрастания величины КО при переходе от одной группы к другой (исключая школьников с невыраженной активностью и самую малочисленную группу сочетающих признаки одаренности в спорте и творчестве). Анализ показал, что тенденция является значимой для профессиональной компетентности ($S = 1001,5, p \leq 0,001$), менеджмента ($S = 955,5, p \leq 0,01$), автономии ($S = 900,5, p \leq 0,05$), стабильности места работы ($S = 975,5, p \leq 0,01$), стабильности места жительства ($S = 966,5, p \leq 0,01$), ин-

теграции стилей жизни ($S = 982,0, p \leq 0,01$), предпринимательства ($S = 942,0, p \leq 0,05$).

Тенденция не была значимой для ориентаций «служение» и «вызов» — для них проведено попарное сравнение.

Сравнение КО на служение показало, что группы всесторонне и академически-творчески развитых детей значимо отличаются от остальных групп (имеющих самые низкие ранги по этой КО), тогда как подростки с более высокими ориентациями значимо не отличаются от других (Рисунок 2).



Рисунок 2
 Результаты попарного сравнения карьерной ориентации на служение школьников с признаками одаренности в разных сферах

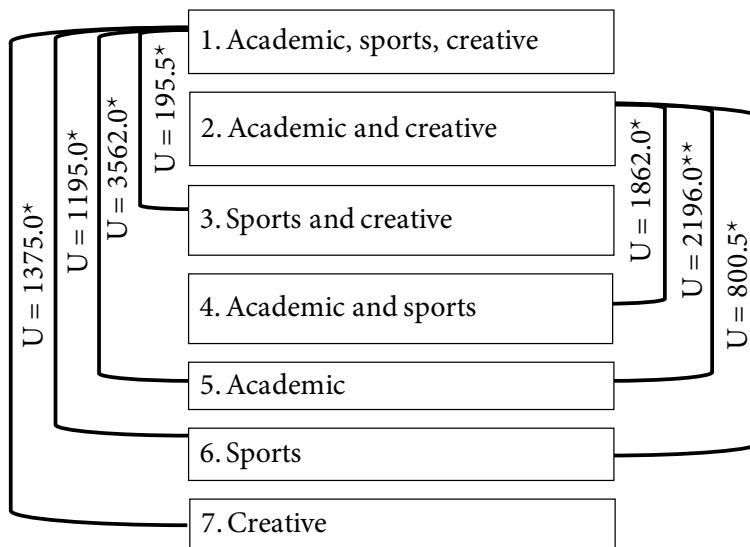


Figure 2
 Results of a pairwise comparison of the career orientation to the service in schoolchildren with signs of giftedness in different areas

Сходная ситуация наблюдалась и при сравнении подростков по выраженности КО на вызов: значимо отличаются группы с признаками творческой, акаде-

мической и спортивной одаренности, а также сочетанием последних двух типов (Рисунок 3).



Рисунок 3

Результаты попарного сравнения карьерной ориентации на вызов школьников с признаками одаренности

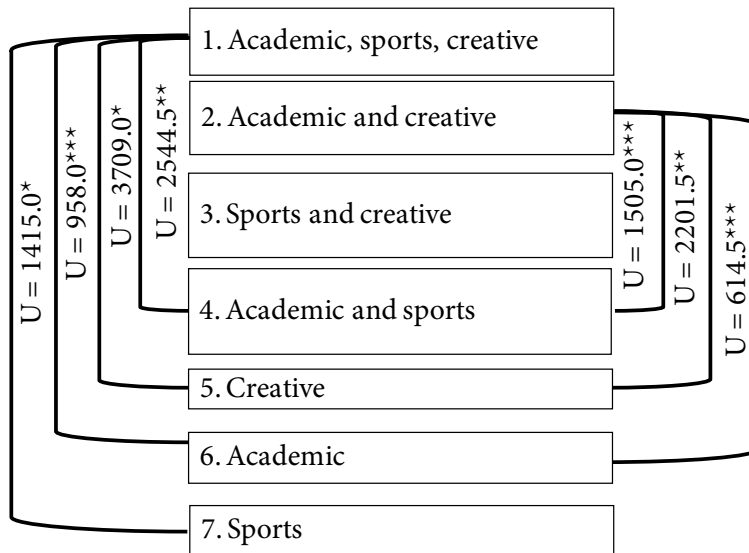


Figure 3

Results of pairwise comparison of career orientation to challenge in schoolchildren with signs of giftedness in different areas

Корреляционный анализ компонентов СБ и КО внутри каждой из групп показал, что самые сильные взаимосвязи наблюдаются у творческих школьников между ориентацией на предпринимательство и экзистенциально-деятельностным благополучи-

ем ($r = 0,70, p \leq 0,05$). У спортсменов ориентации на менеджмент и предпринимательство коррелируют с экзистенциально-деятельностным ($r = 0,48$ и $0,46, p \leq 0,05$), эмоциональным ($r = 0,46, p \leq 0,05$) и эго-благополучием ($r = 0,39$ и $0,46, p \leq 0,05$).

У имеющих академические достижения и творческие способности подростков наблюдается корреляция эмоционального благополучия с КО на служение ($r = 0,46, p \leq 0,001$) и интеграцию стилей жизни ($r = 0,45, p \leq 0,001$), экзистенциально-деятельностного благополучия со стабильностью места работы ($r = 0,42, p \leq 0,001$) и служением ($r = 0,47, p \leq 0,001$), КО на стабильность работы с социально-нормативным благополучием ($r = 0,43, p \leq 0,05$), на менеджмент — с эго-благополучием ($r = 0,44, p \leq 0,001$).

У подростков с признаками одаренности в академической сфере экзистенциально-деятельностное благополучие связано с КО на менеджмент ($r = 0,39, p \leq 0,001$), вызов ($r = 0,34, p \leq 0,01$), предпринимательство ($r = 0,32, p \leq 0,01$), а желание развивать профессиональную компетентность в определенной области имеет положительную корреляцию с гедонистическим благополучием ($r = 0,38, p \leq 0,01$), социально-нормативный компонент благополучия связан с ориентацией на служение ($r = 0,32, p \leq 0,01$).

У школьников с невыраженной направленностью активности связи небольшой силы установлены для эмоционального благополучия и КО на служение ($r = 0,33, p \leq 0,01$), экзистенциально-деятельностного благополучия и КО на вызов ($r = 0,33, p \leq 0,01$), другие значимые связи были многочисленными, но слабыми ($r < 0,3$). У подростков, сочетающих в себе признаки спортивной одаренности с творческой или академической, а также всесторонне развитых СБ не было связано значимо ни с одной из КО.

Обсуждение результатов

Полученные результаты о СБ и КО подростков с признаками одаренности в разных сферах позволяют составить обобщенный портрет каждой группы школьников.

У молодежи с признаками академической одаренности почти все КО выражены в равной степени, подтверждая их готовность проявить себя в разных видах деятельности, адаптироваться к динамичной окружающей среде вне четкой карьерной направленности. Эта группа подростков обладает весьма высоким СБ, особенно социально-нормативным (соответствие жизни, действий, поступков личности нормам и нравственным ценностям), связанным с карьерной ориентацией на служение. Поскольку эта группа подростков имеет успехи в ведущей в их возрасте учебной деятельности, а участие в интеллектуальных конкурсах поощряется учителями и родителями, они чувствуют, что «идут верным путем». Судя по обнаруженной корреляции с ориентацией на служение, усиливает это ощущение выбор будущей профессии, связанный с принесением пользы людям. При этом у них слабее выражено эго-благополучие, отражающее удовлетворенность собой. Возможно, односторонность социализации, погружение в интеллектуальную деятельность без включения иных

интересов негативно сказывается на построении образа Я. Экзистенциально-деятельностное благополучие (событийно-смысловая насыщенность жизни, прилагаемые усилия для ее достижения и их результативность) связано с КО многочисленными корреляциями средней силы. Их структура подразумевает стремление к руководству (КО на менеджмент), открытию своего бизнеса в конкурентной среде (КО на предпринимательство), позволяя школьникам чувствовать приближение к намеченным целям, связывая их самооценку и притязания с вертикальным карьерным ростом. Другая стратегия прослеживается в связи гедонистического благополучия (степень удовлетворения базовых потребностей) с ориентацией на профессиональную компетентность («горизонтальный рост», специализация без управленческих амбиций): имеющие академические достижения школьники могут выбирать устойчивую карьеру, более безопасную и стабильную. Вероятно, разная направленность этих карьерных установок снижает силу их связи с компонентами СБ, но дает возможность выбора комфортной жизненной траектории.

Творческая молодежь имеет самое низкое СБ, при этом самым слабым является гедонистическое, остальные существенно снижены в сравнении с иными группами школьников. Предположим, что творческая одаренность характеризует сензитивных подростков с обостренными потребностями в безопасности (из-за этого снижено их гедонистическое благополучие). Возможно, они не всегда получают требуемую поддержку от окружающих, склонных считать их таланты «несерьезными», мало связанными с получением профессии (это влияет на социально-нормативный и экзистенциально-деятельностный компоненты). У этой группы сравнительно с другими сильнее выражена КО на интеграцию стилей жизни, внутри доминируют профессиональная компетентность и автономия. Такие школьники стремятся найти работу, позволяющую им жить в своем ритме, реализуясь в профессии. Вероятно, стремление к свободе выдает фрустрированную потребность в ней, что вкупе с низким уровнем СБ выглядит как попытка компенсации проблем в отношениях деловыми успехами и самореализацией в деятельности. Сильная положительная корреляция предпринимательства и экзистенциально-деятельностного благополучия допускает, что усиление удовлетворенности своей жизнью и трудом у этой группы может быть достигнуто через открытие собственного дела, создание своих проектов, обеспечивающих переживание смысловой наполненности жизни.

Школьники с признаками одаренности в спорте в будущей карьере высоко ценят вызов и предпринимательство с доминированием установки на менеджмент, имеющие связь с их эмоциональным, экзистенциально-деятельностным и эго-благополучием. Это сочетание свидетельствует о высоких карьерных амбициях, уверенности в себе без страха конкуренции, стремлении к самоутверждению. Ресурсом выступает

гедонистическое благополучие, а уязвимым местом — социально-нормативное. Вероятно, серьезно занимаясь спортом, они вынуждены часто пропускать учебу из-за соревнований, что может вызывать неодобрение учителей, формируя общее представление о «неправильности» их основной направленности, расхождении ее с общепринятыми требованиями. Также вероятной перспективой их самореализации является выбор спортивной карьеры с соответствующим образованием, который может не всегда поддерживаться социальным окружением, а иные траектории развития становятся затруднительными в связи с «вложением» в спорт. Этот конфликт может усилиться из-за ухудшения состояния здоровья, травм, недостаточных спортивных достижений.

У подростков, сочетающих признаки академической одаренности с творческой, слабее проявляется гедонистическое и сильнее — экзистенциально-деятельностное благополучие. Доминируют стремление к автономии и профессиональной компетентности, возможно, связанные с желанием максимально погрузиться в свое дело и стать в нем незаменимым специалистом. Их в меньшей степени интересуют КО, отражающие различные способы интеракции с другими: вызов, служение, менеджмент, хотя именно они в конечном итоге становятся положительно связанными с эмоциональным благополучием. Принимая во внимание довольно низкий уровень СБ этой группы, можно предположить наличие проблем с социальной адаптацией, решение которых лежит через обучение коммуникативным техникам, облегчающим установление контакта с другими людьми. С социально-нормативным и экзистенциально-деятельностным благополучием у этой группы связана КО на стабильность работы: повышение СБ у них может быть достигнуто также через нахождение работы в организации, вызывающей доверие — это позволяет справиться с тревогой, которая, как правило, присуща сензитивным творчески одаренным людям.

У молодежи с сочетанием признаков академической и спортивной одаренности КО выражены значимо сильнее, чем у подростков предыдущего типа, имея однородный профиль с тенденцией к реализации своих профессиональных потребностей за пределами текущего места жительства. Высокий уровень СБ этих школьников дает основания предположить наличие у них позитивного самоотношения, уверенности в себе и положительного настроения (эго- и эмоциональное благополучие выше среднего). Возможно, комбинация активности в академической и спортивной сферах гармонизирует развитие подростков, сказывается на восприятии своей внешности как привлекательной, формируя широкий круг общения. Сравнительно высокий уровень гедонистического благополучия говорит о своевременном удовлетворении потребности в безопасности, переживании комфорта.

Школьники, имеющие достижения в спорте и творчестве, сравнительно чаще ориентированы на

служение, слабее привязаны к месту жительства. Это группа с самым высоким СБ (особенно экзистенциально-деятельностным и эмоциональным), что отражает пользу сочетания эмоциональной и физической нагрузки на фоне самореализации в соответствующих сферах деятельности. В двух вышеназванных группах СБ не связано с КО, вероятно, из-за фокуса на текущей ситуации без стремления думать о предстоящей карьере.

Структура СБ подростков, активно участвующих в интеллектуальных, спортивных и творческих соревнованиях, весьма сбалансированна: среднеразвитыми являются все компоненты, кроме эмоционального. Его снижение, вероятно, связано с перегрузкой, поэтому, несмотря на развивающий потенциал разных форм активности, важно находить время для отдыха. При этом школьники из данной группы имеют зачастую самые низкие КО, не связанные с их СБ, возможно, из-за активной включенности и занятости в различных видах деятельности в настоящем, создающих основу для разностороннего и нелинейного будущего профессионального развития. Это же, однако, не исключает и затруднения с профорientацией.

У школьников с невыраженной результативностью деятельности в изучаемых сферах КО равномерно высоки, что показывает заинтересованность в построении своей карьеры не за счет выдающихся талантов, а благодаря усердию. Связь КО с СБ проявляется слабо, мозаично, что не позволяет выделить единый профиль. Сочетание высокого эго- и низкого экзистенциально-деятельностного благополучия говорит о позитивной самооценке без четко выраженной направленности, «вектора», который позволил бы им рассматривать свою жизнь как наполненную смыслом.

Выводы

Настоящее исследование продемонстрировало специфику СБ и КО подростков с разными признаками одаренности и их сочетанием. Выше оказались показатели СБ у школьников с признаками одаренности в спорте и творческой/академической сферах, ниже прочих — у подростков с творческой одаренностью или ее сочетанием с успехами в академической сфере. Более выраженный профиль КО имеют творчески и спортивно развитые подростки. Первые более ориентированы на профессиональную компетентность, стабильность и автономию, вторые — на менеджмент, предпринимательство и вызов. У остальных групп школьников КО имеют сглаженный профиль с тенденцией к средним или низким оценкам, что свидетельствует об активном профорientационном поиске. В большинстве групп подростков установлены связи СБ и КО. Самые сильные связи (экзистенциально-деятельностного благополучия и ориентации на предпринимательство) были обнаружены у школьников с признаками одаренности в творчест-

ве. У учащихся, достигающих успеха во всех сферах и сочетающих спорт и творчество или предметную подготовку корреляции СБ и КО не наблюдались. Это, вероятно, связано со спецификой проявления и динамичностью изучаемых переменных в подростковом возрасте, а также с небольшим числом участников в некоторых подвыборках. Вместе с тем уже

на данном этапе исследования выявленные закономерности в ценностно-смысловой сфере подростков позволяют установить возможную связь между их установками и будущим поведением, что может быть использовано в образовательной среде в программах социально-психологического сопровождения обучающихся с признаками одаренности.

Список литературы

- Ахмедов, О.С., Раджабов, Ш.С. (2021). Критерии выделения видов одаренности. *Проблемы педагогики*, 6(57), 61–65.
- Балаш, А.В., Топоева, Е.Ю. (2020). Особенности психологического благополучия старших подростков с признаками одаренности. *Вестник науки и образования*, 1–1(79), 101–105. <https://doi.org/10.24411/2312-8089-2020-10104>
- Ван, С., Волкова, Е.Н., Микляева, А.В. (2022). Психологическое благополучие китайских и российских академически одаренных подростков: сравнительный анализ. *Вестник Мининского университета*, 10(3), 13. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3-13>
- Волкова, Е.Н., Микляева, А.В. (2020). Психологическое благополучие подростков, прошедших педагогический отбор на специализированные образовательные программы для обучающихся с признаками одаренности. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, (3), 799–806. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-33>
- Волкова, Е.Н., Микляева, А.В., Хороших, В.В. (2019). Критерии идентификации детской и подростковой одаренности как основание для формирования выборки при проведении психологических исследований. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 12(1), 69–78.
- Зайцева, Л.А. (2018). Особенности выбора карьеры старшеклассниками, выпускниками вуза и субъектами, получающими второе высшее образование. *Вестник университета*, (9), 164–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-164-170>
- Лактионова, Е.Б., Грецов, А.Г., Орлова, А.В., Тузова, А.С. (2021). Особенности психологического благополучия одаренных подростков с разным уровнем креативности. *Психологическая наука и образование*, 26(2), 28–39. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260203>
- Ларионова, Т.В., Волгина, А.М. (2008). Виды одаренности детей и критерии ее выявления. *Гаудеамус*, 1(13), 168–174.
- Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н., Досумова, С.Ш., Рзаева, Ф.Р., Бобров, В.В. (2018). Переживания в учебной деятельности и их связь с психологическим благополучием. *Психологическая наука и образование*, 23(6), 55–66. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605>
- Мазилев, В.А., Слепко, Ю.Н. (2021). Психологическое исследование одаренности: проблема теории и метода. *Сибирский психологический журнал*, (79), 30–47. <https://doi.org/10.17223/17267080/79/3>
- Микляева, А.В., Хороших, В.В., Волкова, Е.Н. (2019). Субъективные факторы психологического благополучия одаренных подростков: теоретическая модель. *Science for Education Today*, 9(4), 36–55. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1904.03>
- Милгрэм, Р., Гонг, Е. (1997). Творческая внешкольная активность интеллектуально одаренных старшеклассников как прогностическая характеристика их достижений: лонгитюдное исследование. Основные современные концепции творчества и одаренности. Под ред. Д.Б. Богоявленской. Москва: Молодая гвардия.
- Петрова, Ю.В. (2022). Карьерные ориентации и определенность профессионального выбора у подростков с разным уровнем интернет-аддикции. *Историко-критические обзоры и современные исследования*, 11(2А), 72–81. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.18.69.048>
- Пучкова, Е.Б., Темнова, Л.В., Сорокоумова, Е.А., Курносова, М.Г. (2019). Взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций современных подростков. *Психологическая наука и образование*, 24(5), 27–36. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240503>
- Цариценцева, О.П. (2014). Карьерные ориентации в старшем школьном и студенческом возрасте. *Образовательные технологии*, (3), 58–68.
- Чикер, В.А. (2004). Психологическая диагностика организации и персонала. Санкт-Петербург: Речь.
- Шамионов, Р.М. (2008). Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга.
- Шамионов, Р.М., Бескова, Т.В. (2018). Методика диагностики субъективного благополучия личности. *Психологические исследования*, 11(60), 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.09.2022)
- Шукова, Г.В. (2021). Роль перцептивных процессов в структуре феномена одаренности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 18(3), 576–591. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3-576-591>
- Bergold, S., Wirthwein, L., Rost, D., Steinmayr, R. (2015). Are gifted adolescents more satisfied with their lives than their non-gifted peers? *Frontiers in Psychology*, (6), 1623. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01623>
- Chan, D.W., Chan, L.-k., Sun, X. (2019). Developing a Brief Version of Ryff's Scale to Assess the Psychological Well-Being of Adolescents in Hong Kong. *European Journal of Psychological Assessment*, 35(3), 414–422. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000403>
- Chen, X., Fan, X., Cheung, H.Y., Wu, J. (2018). The subjective well-being of academically gifted students in the Chinese cultural context. *School Psychology International*, 39(3), 291–311. <https://doi.org/10.1177/0143034318773788>
- Diener, E., Lucas, R.E., Oishi, S. (2018). Advances and open questions in the science of subjective well-being. *Collabra: Psychology*, 4(1), 15.
- Diener, E., Wirtz, D., Tov, W., Kim-Prieto, C., Choi, D.W., Oishi, S., Biswas-Diener, R. (2010). New well-being measures: Short scales to assess flourishing and positive and negative feelings. *Social Indicators Research*, (97), 143–156. <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9493-y>

- Fredrickson, B.L., Joiner, T. (2002). Positive emotions trigger upward spirals toward emotional well-being. *Psychological Science*, 13(13), 172–175. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00431>
- Freer, E., Evans, P. (2018). Psychological needs satisfaction and value in students' intentions to study music in high school. *Psychology of Music*, 46(6), 881–895. <https://doi.org/10.1177/0305735617731613>
- Freire, C.; Ferradás, M.d.M., Núñez, J.C.; Valle, A., Vallejo, G. (2019). Eudaimonic Well-Being and Coping with Stress in University Students: The Mediating/Moderating Role of Self-Efficacy. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 16(16), 48. <https://doi.org/10.3390/ijerph16010048>
- Frisch, M.B., Clark, M.P., Rouse, S.V., Rudd, M.D., Paweleck, J., Greenstone, A. (2005). Predictive and treatment validity of life satisfaction and the Quality of Life Inventory. *Assessment*, 12(1), 66–78. <https://doi.org/10.1177/1073191104268006>
- Hagerty, M.R., Cummins, R.A., Ferriss, A.L., Land, K., Michalos, A.C., et al. (2001). Quality of life indexes for national policy: Review and agenda for research. *Social Indicators Research*, 55(1), 1–96.
- Kahneman, D., Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(17), 16489–16493. <https://doi.org/10.1073/pnas.1011492107>
- Kroesbergen, E.H., Hooijdonk, M., Van Viersen, S., Middel-Lalleman, M., Reijnbers, J. (2016). The psychological well-being of early identified gifted children. *Gifted Child Quarterly*, 60(1), 16–30. <https://doi.org/10.1177/0016986215609113>
- Krok, D. (2018). When is Meaning in Life Most Beneficial to Young People? Styles of Meaning in Life and Well-Being Among Late Adolescents. *Journal of Adult Development*, 25(2), 96–106. <https://doi.org/10.1007/s10804-017-9280-y>
- Neihart, M. (1999). The impact of giftedness on psychological well-being: What does the empirical literature say? *Roeper Review*, 22(1), 10–17.
- Ogurlu, U., Yalin, H.S., Yavuz Birben, F. (2018). The Relationship between Psychological Symptoms, Creativity, and Loneliness in Gifted Children. *Journal for the Education of the Gifted*, 41(2), 193–210. <http://dx.doi.org/10.1177/0162353218763968>
- Ryff, C.D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57(6), 1069–1081.
- Tvorogova, N.D. (2018). Psychological support of gifted students' learning activity. *The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*, XLIII, 147–155. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.21>
- Volkova, E.N., Bezgodova, S.A., Miklyaeva, A.V., Volkova, I.V. (2020). Psychological well-being of adolescents gifted in math, humanities and sports: Comparative analysis. *Psychology in Education*, 2(4), 358–365. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-4-358-365>

References

- Akhmedov, O.S., Radjabov, Sh.S. (2021). Criteria for identifying types of giftedness. *Problemy Pedagogiki (Problems of Pedagogy)*, 6(57), 61–65. (In Russ.)
- Balash, A.V., Topoeva, E.Yu. (2020). Features of the psychological well-being of older adolescents with signs of giftedness. *Vestnik nauki i obrazovaniya (Herald of Science and Education)*, 1-1(79), 101–105. <https://doi.org/10.24411/2312-8089-2020-10104> (In Russ.)
- Bergold, S., Wirthwein, L., Rost, D., Steinmayr, R. (2015). Are gifted adolescents more satisfied with their lives than their non-gifted peers? *Frontiers in Psychology*, 6(1623), 1623. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01623>
- Chan, D.W., Chan, L.K., Sun, X. (2019). Developing a Brief Version of Ryff's Scale to Assess the Psychological Well-Being of Adolescents in Hong Kong. *European Journal of Psychological Assessment*, 35(3), 414–422. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000403>
- Chen, X., Fan, X., Cheung, H.Y., Wu, J. (2018). The subjective well-being of academically gifted students in the Chinese cultural context. *School Psychology International*, 39(3), 291–311. <https://doi.org/10.1177/0143034318773788>
- Chiker, V.A. (2004). Psychological diagnostics of the organization and personnel. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.)
- Diener, E., Lucas, R.E., Oishi, S. (2018). Advances and open questions in the science of subjective well-being. *Collabra: Psychology*, 4(1), 15.
- Diener, E., Wirtz, D., Tov, W., Kim-Prieto, C., Choi, D. W., Oishi, S., Biswas-Diener, R. (2010). New well-being measures: Short scales to assess flourishing and positive and negative feelings. *Social Indicators Research*, 97(1), 143–156. <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9493-y>
- Fredrickson, B.L., Joiner, T. (2002). Positive emotions trigger upward spirals toward emotional well-being. *Psychological Science*, 13(13), 172–175. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00431>
- Freer, E., Evans, P. (2018). Psychological needs satisfaction and value in students' intentions to study music in high school. *Psychology of Music*, 46(6), 881–895. <https://doi.org/10.1177/0305735617731613>
- Freire, C., Ferradás, M. d. M., Núñez, J.C., Valle, A., Vallejo, G. (2019) Eudaimonic Well-Being and Coping with Stress in University Students: The Mediating/Moderating Role of Self-Efficacy. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 16(16), 48. <https://doi.org/10.3390/ijerph16010048>
- Frisch, M.B., Clark, M.P., Rouse, S.V., Rudd, M.D., Paweleck, J., Greenstone, A. (2005). Predictive and treatment validity of life satisfaction and the Quality of Life Inventory. *Assessment*, 12(1), 66–78. <https://doi.org/10.1177/1073191104268006>
- Hagerty, M.R., Cummins, R.A., Ferriss, A.L., Land, K., Michalos, A.C. (2001). Quality of life indexes for national policy: Review and agenda for research. *Social Indicators Research*, 55(1), 1–96.
- Kahneman, D., Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(17), 16489–16493. <https://doi.org/10.1073/pnas.1011492107>
- Kroesbergen, E.H., Hooijdonk, M., Van Viersen, S., Middel-Lalleman, M., Reijnbers, J. (2016). The psychological well-being of early identified gifted children. *Gifted Child Quarterly*, 60(1), 16–30. <https://doi.org/10.1177/0016986215609113>
- Krok, D. (2018). When is Meaning in Life Most Beneficial to Young People? Styles of Meaning in Life and Well-Being Among Late Adolescents. *Journal of Adult Development*, 25(2), 96–106. <https://doi.org/10.1007/s10804-017-9280-y>
- Laktionova, E.B., Gretsov, A.G., Orlova, A.V., Tuzova, A.S. (2021) Features of the psychological well-being of gifted adolescents with different levels of creativity. *Psihologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 26(2), 28–39. (In Russ.)

- Larionova, T.V., Volgina, A.M. (2008). Types of giftedness of children and criteria for its identification. *Gaudeamus*, 1(13), 168–174. (In Russ.).
- Leontiev, D.A., Osin, E.N., Dosumova, S.Sh., Rzaeva, F.R., Bobrov, V.V. (2018). Experiences in learning activities and their relationship with psychological well-being. *Psihologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 23(6), 55–66. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605> (In Russ.).
- Mazilov, V.A., Slepko, Yu.N. (2021). Psychological study of giftedness: the problem of theory and method. *Sibirskij Psihologicheskij Zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, (79), 30–47. <https://doi.org/10.17223/17267080/79/3> (In Russ.).
- Miklyaeva, A.V., Khoroshikh, V.V., Volkova, E.N. (2019). Subjective Factors of Psychological Well-Being of Gifted Adolescents: A Theoretical Model. *Science for Education Today*, 9(4), 36–55. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1904.03> (In Russ.).
- Milgram, R., Gong, E. (1997). Creative extracurricular activity of intellectually gifted high school students as a predictor of their achievements: a longitudinal study. In: D.B. Bogoyavlenskaya (Ed.), *Osnovnye Sovremennye Konceptii Tvorchestva i Odarennosti (Basic Modern Concepts of Creativity and Giftedness)* (pp. 143–161). Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.).
- Neihart, M. (1999). The impact of giftedness on psychological well-being: What does the empirical literature say? *Roeper Review*, 22(1), 10–17.
- Ogurlu, U., Yalin, H.S., Yavuz Birben, F. (2018). The Relationship between Psychological Symptoms, Creativity, and Loneliness in Gifted Children. *Journal for the Education of the Gifted*, 41(2), 193–210. <http://dx.doi.org/10.1177/0162353218763968>
- Petrova, Yu.V. (2022). Career orientations and certainty of professional choice among adolescents with different levels of Internet addiction. *Psihologiya. Istoriko-Kriticheskie Obzori i Sovremennye Issledovaniya (Psychology. Historical and Critical Reviews and Current Research)*, 11(2A), 72–81. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.18.69.048> (In Russ.).
- Puchkova, E.B., Temnova, L.V., Sorokoumova, E.A., Kurnosova, M.G. (2019). The relationship of values and career orientations of modern adolescents. *Psihologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 24(5), 27–36. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240503> (In Russ.).
- Ryff, C.D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, (57), 1069–1081.
- Shamionov, R.M. (2008). Subjective well-being of the individual: psychological picture and factors. Saratov: Nauchnaya kniga Publ. (In Russ.).
- Shamionov, R.M., Beskova, T.V. (2018). Methodology for diagnosing the subjective well-being of a person. *Psihologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 11(60), 8. URL: <http://psystudy.ru> (accessed date: 02.09.2022) (In Russ.).
- Shukova, G.V. (2021). The role of perceptual processes in the structure of the phenomenon of giftedness. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Psihologiya i Pedagogika (RUDN Journal of Psychology and Pedagogics)*, 18(3), 576–591. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3-576-591> (In Russ.).
- Tsaritsentseva, O.P. (2014). Career orientations in senior school and student age. *Obrazovatelnie Tehnologii (Educational Technologies)*, (3), 58–68. (In Russ.).
- Tvorogova, N.D. (2018). Psychological support of gifted students' learning activity. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, XLIII, 147–155. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.21>
- Van, S., Volkova, E.N., Miklyaeva, A.V. (2022). Psychological well-being of Chinese and Russian academically gifted teenagers: a comparative analysis. *Vestnik Mininskogo Universiteta (Vestnik of Minin University)*, 10(3), 13. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3-13> (In Russ.).
- Volkova, E.N., Bezgodova, S.A., Miklyaeva, A.V., Volkova, I.V. (2020). Psychological well-being of adolescents gifted in math, humanities and sports: Comparative analysis. *Psychology in Education*, 2(4), 358–365. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-4-358-365>
- Volkova, E.N., Miklyaeva, A.V. (2020). Psychological well-being of adolescents who have passed the pedagogical selection for specialized educational programs for students with signs of giftedness. *Gercenovskie Chteniya: Psihologicheskie Issledovaniya v Obrazovanii (Herzen Readings: Psychological Research in Education)*, (3), 799–806. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-33> (In Russ.).
- Volkova, E.N., Miklyaeva, A.V., Horoshih, V.V. (2019). Criteria for identifying child and adolescent giftedness as a basis for sampling in psychological research. *Teoreticheskaya i Eksperimentalnaya Psihologiya (Theoretical and Experimental Psychology)*, 1(12), 69–78. (In Russ.).
- Zaitseva, L.A. (2018). Features of career choice by high school students, university graduates and subjects receiving a second higher education. *Vestnik Universiteta (University Bulletin)*, (9), 164–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-164-170> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Арина Юрьевна Маленова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета экономики, психологии, менеджмента Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация, malyonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>

Arina Yu. Malenova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, malyonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>



Юлия Викторовна Потапова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета экономики, психологии, менеджмента Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация, kardova.jv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1226-8982>

Yuliya V. Potapova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, kardova.jv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1226-8982>



Александр Александрович Маленов, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета экономики, психологии, менеджмента Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация, malyonov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3654-956X>

Aleksandr A. Malenov, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, malyonov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3654-956X>



Александр Константинович Потапов, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии факультета истории, теологии и международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация, poalexk2187@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5890-9987>

Alexander K. Potapov, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of National History, Sociology and Political Science, Faculty of History, Theology and International Relations, Dostoevsky Omsk State University, poalexk2187@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5890-9987>

Поступила: 14.04.2023; получена после доработки: 13.06.2023; принята в печать: 15.01.2024.

Received: 14.04.2023; revised: 13.06.2023; accepted: 15.01.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0104>
УДК/UDC 316.62

Ценностно-смысловые детерминанты профессиональной ответственности в обыденном представлении россиян

А.Л. Журавлев¹, Ю.П. Зинченко², Д.А. Китова¹✉, О.А. Первачева¹

¹ Институт психологии Российской академии наук

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

✉ j-kitova@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Изучение ценностно-смыслового аспекта представлений о профессиональной ответственности обусловлено их потенциальным влиянием на эффективность трудовой деятельности специалиста и на его психологическое самочувствие. Анализ литературных источников показал недостаточную разработанность эмоционального компонента исследуемого феномена.

Цель. Проведение структурно-содержательного анализа представлений пользователей сети Интернет о профессиональной ответственности и выделение из общего контекста представлений ценностно-смысловых факторов.

Выборка. Участниками исследования стали пользователи социальной сети ВКонтакте и специализированных интернет-форумов. Количество анализируемых авторских текстов составило 1010. Каждый участник представил по одному сообщению, т.е. количество участников соответствует количеству текстов и составляет 1010 человек. Количество сообщений (800 — из социальной сети; 210 — сообщения из интернет-форумов).

Методы. В работе проведено изучение обыденных представлений интернет-пользователей о профессиональной ответственности, с помощью статистического учета выполнен анализ частоты встречаемости слов (RuMorphu2) и дана классификация анализируемых единиц (существительные, глаголы, прилагательные) на основе статистической обработки и экспертной оценки, показаны структурные элементы феномена «профессиональная ответственность» и его ценностно-смысловые характеристики. Проведен анализ сопряженности на основе тестирования с корпусным датасетом русского языка RuTweetCorp, с опорой на распределение Бернулли, нейросетевая модель анализа эмоционального фона сообщений (FastText), нейросетевая модель Dostoevsky и датасет RuSentiment.

Результаты. Проведенный анализ позволил представить структуру «профессиональной ответственности», раскрыть когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. В ходе исследования был выявлен четвертый метаструктурный компонент, не выделявшийся ранее другими авторами, который связан с конструктом «Бог». Выявлены и описаны ценностно-смысловые паттерны профессиональной ответственности. Анализ эмоционального фона сообщений позволил выделить тенденцию к негативным оценкам феномена «профессиональная ответственность» на современном этапе развития общества.

Выводы. Предложенный в исследовании подход позволяет раскрыть психологическую сущность профессиональной ответственности, выделить значимость эмоционального компонента в стратегиях принятия/избегания ответственности. Выявлено уравнивание профессиональной ответственности с персональной (личной) ответственностью специалиста, при этом представления о национальной, общественной или корпоративной ответственности проявляются незначительно. Изучение профессиональной ответственности через ценностно-смысловой аспект в будущем, благодаря результатам данного исследования, может стать основой анализа особенностей социального поведения личности в целом.

Ключевые слова: профессиональная ответственность, ценностно-смысловой компонент, обыденные представления, метаструктурный компонент, принятие, избегания, индивидуализм, коллективизм

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00541

Для цитирования: Журавлев, А.Л., Зинченко, Ю.П., Китова, Д.А., Первачева, О.А., (2024). Ценностно-смысловые детерминанты профессиональной ответственности в обыденном представлении россиян. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 56–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0104>

Value and Meaning Determinants of Professional Responsibility in Ordinary Representations of Russians

Anatoliy L. Zhuravlev¹, Yuri P. Zinchenko², Juliet A. Kitova¹✉, Olga A. Pervacheva¹

¹ Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

² M.V. Lomonosov Moscow State University

✉ j-kitova@yandex.ru

Abstract

Background. The study of the value-meaning aspect of notions of professional responsibility is due to their potential impact on the efficiency of work and on psychological well-being of a specialist. The analysis of literary sources showed insufficient development of the emotional component of the studied phenomenon.

Objectives. The article focuses on carrying out a structural and informative analysis of the views of Internet users on professional responsibility as well as on selecting value-meaning factors from the general context of representations.

Study Participants. Users of the social network VKontakte and specialized Internet forums participated in the study. The number of author's texts analysed was 1010. Each participant submitted one communication, i.e. the number of participants corresponds to the number of texts and amounts to 1,010 people. The total number of messages included 800 texts from the social network and 210 texts from the Internet forums.

Methods. The study of ordinary representations of Internet users about professional responsibility is conducted with the help of statistical analysis of word occurrence frequency (PyMorphy2). Classification of the analyzed units (nouns, verbs, adjectives) is made on the basis of statistical processing and expert evaluation, structural elements of the phenomenon of "professional responsibility" and its value-meaning characteristics are shown. The analysis of contingency on the basis of testing with corpus of Russian language dataset RuTweetCorp, based on Bernoulli distribution, neuronetwork model of analysis of emotional background of messages (FastText), neuronetwork model Dostoevsky and dataset RuSentiment.

Results. The conducted analysis allowed to present the structure of "professional responsibility", to reveal cognitive, emotional, and behavioral components. The study identified a fourth meta-structural component, never previously identified by other authors, which is related to the "God" construct. The value-meaning patterns of professional responsibility have been identified and described. The analysis of the emotional background of the messages made it possible to highlight the trend towards negative assessments of the phenomenon of "professional responsibility" at the current stage of society development.

Conclusions. The approach proposed in the study allows to reveal the psychological essence of professional responsibility, to highlight the importance of the emotional component in the strategies of acceptance/avoidance of responsibility. The equation of professional responsibility with personal responsibility of a specialist has been revealed, while the notions of national, social, and corporate responsibility are manifested insignificantly. The study of professional responsibility through the value-meaning aspect can become the basis for analysis of social behavior in a person as a whole in the future.

Keywords: professional responsibility, value-meaning component, ordinary representations, meta-structural component, acceptance, avoidance, individualism, collectivism

Funding. The study was carried out with the financial support of the RSF as a part of the scientific project number 21-18-00541

For citation: Zhuravlev, A.L., Zinchenko, Yu.P., Kitova, D.A., Pervacheva, O.A. (2024). Value and meaning determinants of professional responsibility in ordinary representations of Russians. *National Psychological Journal*, 19(1), 56–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0104>

Введение

Теоретико-психологический анализ проблемы профессиональной ответственности

Проблема исследования профессиональной ответственности разрабатывается в рамках различных научных направлений: педагогике (образование, вос-

питание), психологии (психология управления, социальная психология, психология труда), экономики (предпринимательство, аудит), инженерии (технологии, дизайн), юриспруденции (уголовно-исполнительская, законодательная), журналистики (Интернет, телевидение, СМИ). В настоящее время реализуются различные научные подходы к пониманию феноме-

на, среди которых: личностные качества (Н.Г. Сушко, И.В. Шишигин, О.Н. Монахов), уровень социальной зрелости (И.В. Мешкова), структурный элемент профессионального менталитета (А.С. Баканов), детерминация внутригрупповых процессов и межличностных отношений (А.З. Мусаева, К.М. Закергаева), фактор психоэмоционального выгорания (З.В. Аракчеева, С.С. Великанова, И.В. Самарокова), проявление субъектности (Е.В. Леонова, В.Ф. Енгальчев, А.В. Хавыло, С.С. Шатова, И.И. Еремина, Ю.И. Иванова, К.В. Митина), ценностная ориентация (Г.В. Черногорцева) и др. В многообразии современного изучения можно выделить и некоторые частные проблемы. Так, Е.М. Кочнева и Л.Б. Морозова предлагают рассматривать три вида ответственности, определяющие поведение субъекта труда в процессе осуществления профессиональной деятельности (Кочнева, Морозова, 2016): профессиональную (а); социальную (б); личную (в).

Наряду с рассмотрением основного направления исследования профессиональной ответственности, в литературе представлены и более детализированные *теоретические аспекты проблемы*:

- разработана *структура* профессиональной ответственности специалиста на четырех уровнях: личном, социальном, трудовом, коллективном, в которой уровень развития ответственности связывают с такими качествами специалиста, как: законопослушание, справедливость, дисциплинированность (Н.В. Самсонова, А.Ю. Кретов);

- установлено, что исполнение субъектом труда общепризнанных норм и правил является фактором самоконтроля, который реализуется посредством внутренних *ценностных регуляторов* — долг, честность, справедливость, мораль и честь (Е.А. Сафонова, Н.А. Одинцов, А.Ю. Ефремов);

- двухкомпонентная структура профессиональной ответственности, состоящая из *внутреннего* (когнитивного, мотивационного и эмоционально-волевого) и *внешнего* (поведенческого) компонентов (С.Л. Богомаз) и др;

- профессиональная направленность абитуриентов, ставших впоследствии студентами вузов, как предиктор успешности профессионального становления (Леньков и др., 2003);

- представлен *макропсихологический* анализ отношения россиян к социальным аспектам ответственности как психологического явления (Журавлев, Китова, 2022).

В некоторых работах предпринимаются попытки выявления *механизмов регулирования* профессиональной ответственности в контексте профессиональных компетенций, например, основанных на морально-этических характеристиках специалиста (Г.В. Букалова, А.Н. Новиков). Часть исследователей рассматривает профессиональную ответственность как инструмент добросовестной регуляции деятельности бизнес-организаций и человека, препятствующий возникновению негативных последствий в результате профессиональной деятельности

(О.В. Голубева, О.С. Гавлин, А.А. Голубев), другие рассматривают феномен как условие эффективного функционирования организации, определяющее качество оказываемых услуг (О.Ю. Гузенкова). В работах Л.Н. Аксеновской выделены типы организационного поведения (на примере корпораций), такие как ответственное, ситуационное и безответственное. Автором проведена типизация таких организаций, с дополнительной разбивкой каждой позиции на три подгруппы. Так, в группе ответственных организаций показаны: «большие и духовные» (этичные) со зрелой культурой; «средние/малые»; «большие и духовно неразвитые» (их этичность выступает инструментом конкурентной борьбы) и «средние/малые духовно неразвитые» (в них этичность поддерживается страхом «наказания»). Группу ситуационных организаций составили компании с неустойчивыми намерениями, непоследовательные во внутренней политике. В группу безответственных были включены организации, не ориентирующиеся на нормы этики, для них инструментом воздействия выступило лишь правовое пространство, которое они пытались обойти (Аксеновская, 2005, с. 230–232). На основании полученного группирования автором сделан вывод о том, что вопрос ответственности организации через этику прямым образом связан с социальной зрелостью руководства организации и персонала.

В психологической литературе феномен профессиональной ответственности разработан и в *динамическом аспекте*. Определены компоненты профессиональной ответственности, такие как: ценностно-мотивационный, информационно-когнитивный, эмоционально-волевой, содержательно-технологический, результативно-рефлексивный, что создает возможность мониторинговой оценки эффективности субъекта труда и становления его профессиональной ответственности (Л.Р. Толстых). Уделяется внимание и вопросу, связанному с рассмотрением операционно-содержательных компонентов ответственности в разных профессиональных сферах (Ю.Е. Шабышева, Е.В. Колмогорова) и социальных группах (Емельянова, 2013). В публикациях описаны также природно-заданная (операционная) и прижизненно приобретенная (содержательная) сферы ответственности (О.Н. Ежова, Ф.И. Ушков), различимые по степени выраженности качеств личности, необходимых для формирования ответственности (в частности, определяемые возрастом и опытом работы). Отражена социально-психологическая сущность понятия ответственности как феномена, складывающегося в результате совместной деятельности (Е.Д. Дорофеев).

В рамках динамического подхода также представлен анализ *ценностно-смыслового* компонента профессионализации, который реализуется посредством оценивания когнитивного, аффективного и регулятивного показателей (Е.В. Леонова, И.В. Земнова). Некоторые авторы, выделяя когнитивный компонент ответственности (С.Л. Рубинштейн, Д.А. Леон-

тьев, К.А. Абульханова-Славская и др.), подчеркивают значимость ответственного отношения к труду, которое проявляется как осознание себя причиной (движущей силой) определенных событий, способствует формированию способности прогнозировать результаты своей профессиональной деятельности. Специалистами показано, что принятие ответственности связано и с коммуникативным компонентом — стремлением наладить и сохранять позитивные отношения во взаимодействии с окружающими (В.Б. Токарева). Выделенные критерии ответственности подразумевают также учет собственных желаний и потребностей, достижение которых не идет вразрез с исполняемыми самостоятельно и в соответствии с требованиями трудового регламента (Н.Ф. Шевченко). *Аффективно-эмоциональный компонент* ответственности также рассматривается многими авторами (А.С. Поляков, Ю.Е. Овчинникова, А.С. Малыгина, В.П. Прядеин и др.) и, как отмечает А.С. Поляков, может сопровождаться различными эмоциональными состояниями и чувствами: тревожности, вины, удовлетворения, признания и т.д. (Поляков, 2019). Иными словами, ответственность не может быть проанализирована вне эмоционального контекста, без учета отношения субъекта как к самой деятельности, так и к качеству ее реализации (Водошнянова, 2016).

Исследованию профессиональной ответственности посвящена и диссертационная работа А.В. Белова, который описывает механизм реализации личной социальной ответственности на *трех уровнях*: субъектном, личностно-психологическом и практическом. Субъектный уровень представлен целями, ценностями, мотивами и выбором. Личностно-психологический уровень отражает систему личностных смыслов, инициативу и волевые усилия. Практический уровень проявляется в поступке — как целостном личностно значимом и нравственно окрашенном действии человека (Белов, 2011).

Диссертационная работа М.В. Мукониной направлена на анализ *типов* профессиональной ответственности: первый связан с уровнем выраженности компонентов профессионально ответственного отношения (когнитивного, аффективного и конативного), а второй — со степенью их согласованности (Муконина, 2002). Автором описаны четыре уровня профессионально ответственного отношения: первый уровень связан *со следованием* должностным инструкциям, второй — *с пониманием* влияния собственных действий и их последствий на других членов коллектива (исполнительский уровень), третий — *с осознанием* необходимости добросовестного выполнения обязанностей и готовности их реализовать в профессиональном поведении (сверхнормативный уровень), четвертый уровень характеризуется парциальностью ответственного отношения работников к своим профессиональным обязанностям (уровень безответственного отношения).

В структурном подходе к ответственности как системному качеству личности выделены и другие

элементы такого качества (А.И. Крупнов): динамический (эргичность, аэргичность), эмоциональный (стеничность, астеничность), регуляторный (интернальность, экстернальность), мотивационный (социоцентричность, эгоцентричность), когнитивный (осмысленность, осведомленность), результативный (предметность, субъектность).

В исследовательских работах по изучению профессиональной ответственности авторы также предлагают *диагностические комплексы* анализа ответственности, которые прошли апробацию — это методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинты, «Многомерно-функциональная диагностика ответственности» (ОТВ-70), разработанная В.П. Прядеиным и А.И. Крупновым, Многомерно-функциональная диагностика «ответственности — П10» (ОТВ-110) О.В. Мухлыниной, которая является расширенным аналогом опросника «ОТВ-70», Опросник «Диагностика уровня морально-этической ответственности личности» И.Г. Тимошука, шкала социальной ответственности К.К. Муздыбаева и др.

В рамках прикладных исследований профессиональную ответственность связывают с различными социальными явлениями. Как отмечает С.Л. Богомаз, профессиональная ответственность коррелирует с успешностью деятельности специалиста и может быть использована в качестве инструмента отбора кандидата на должность (Богомаз, 2010). Автором показана особая значимость рассмотрения эмоционально-волевого компонента в структуре ответственности — от позитивного отношения к негативному. Позитивное отношение способствует творческому, конструктивному выполнению задания, негативное — тормозит процесс принятия ответственности. Экспериментальное исследование эмоционально-волевого компонента профессиональной ответственности, осуществленное с помощью методики диагностики уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера (в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинты) и шкал С и G 16-факторного личностного опросника Р. Кэттелла, позволило выделить трудности при реализации ответственности и разделить их на личностные и операциональные. Была показана высокая зависимость эффективности выполняемых ответственных дел от самочувствия, эмоционального состояния и сложностей, возникающих в процессе выполнения ответственных заданий.

Несмотря на большую теоретическую и прикладную проработанность проблемы комплексного анализа представлений о профессиональной ответственности за пределами исследовательского интереса остались обыденные представления о профессиональной ответственности, которые могут оказывать непосредственное влияние и на эффективность работы специалиста, и на его психологическое самочувствие. Такое понимание проблемы легло в основу проведенного эмпирического исследования.

Цель исследования

Структурно¹-содержательный анализ представлений пользователей сети Интернет о профессиональной ответственности и выделение из их общего контекста ценностно-смыслового компонента с основными его психологическими характеристиками.

Гипотеза

В обыденном представлении россиян находят свое отражение как адаптивные, так и дезадаптивные ценностно-смысловые характеристики профессиональной ответственности.

Выборка

Всего обработано 3766 текстовых сообщений пользователей социальной сети ВКонтакте и тематических форумов о профессиональной деятельности. Анализ текстов производился с 10.07.2022 по 25.08.2022.

Методы исследования

В работе представлен анализ обыденных представлений интернет-пользователей о профессиональной ответственности, показаны ее структурные элементы. Полученные данные были разделены в соответствии с задачами исследования и на основе классической схемы анализа психологических факторов — когнитивного, эмоционального и поведенческого (1) компонентов (См., например: Социальная психология, 2023, с. 45–85). Каждый из них (компонентов) впоследствии осмыслен и описан с учетом внутренних и внешних факторов, регламентирующих поведение в тех или иных повседневных и профессиональных ситуациях (2). В основу анализа представлений пользователей о профессиональной ответственности были положены еще несколько задач, связанных с изучением принятия и избегания ответственности (3), а также анализ коллективных и личностных регуляторов ответственности (4), рассматриваемых в соответствии с позицией Е.В. Шиловой (Шилова, 2021). Отдельной задачей выступило выявление эмоционального компонента ответственности, который рассматривался в рамках трех модальностей — позитивной, негативной и нейтральной (5). В основу такого подхода легло положение о том, что эмоциональный фон ответственности может влиять на самочувствие личности (психологический аспект), а с точки зрения внешнего

¹ Структура рассматривается в соответствии со значением слова, как представления о «строении, устройстве чего-либо», т.е. вне контекста более широкого его толкования, как «определенной взаимосвязи, взаиморасположения составных частей чего-либо» (подробнее см.: Большая советская энциклопедия, 1970–1981).

проявления — определять его (человека) поведение и отношение к труду (профессиональный аспект).

Теоретико-методологические подходы и методы

Основой исследования является концепция психологических отношений человека, которая рассматривается как целостная система индивидуальных, сознательных связей личности с объективной действительностью и отражает, его личный опыт — всю историю жизненного пути конкретного человека (Мясищев, 1960). Определение смысла трактуется через категорию жизненного мира, задающего системный контекст для его понимания, которое выступает как конституирующая функция личности, основная смысловой регуляция его жизни и деятельности (Леонтьев, 2003). В целом, концепцию ценностно-смыслового конструкта следует рассматривать как смысловую регуляцию жизнедеятельности личности, отражающую комплексный характер отношения человека «к себе, Другому и Миру — осознанная, избирательная, основанная на опыте связь личности с различными сторонами действительности» (Смагина, 2020, с. 291).

В качестве ведущего методологического подхода в данном исследовании выступил анализ сообщений пользователей сети Интернет (Xu et al., 2020; Zheng et al., 2020; Zhou, Na, 2019; Zhuravlev, Zinchenko, Kitova, 2022 и др.), которые содержат в себе слово «ответственность». Данный подход позволил получить первичные сведения, имевшие место в непринужденной обстановке обыденного общения, и сформировать исходный срез представлений пользователей об изучаемом феномене. Из общего массива сообщений и слов об ответственности были выделены те, которые содержали высказывания о «профессиональной ответственности». Далее, из полученных таким образом данных повторно извлечены слова и словосочетания (а также сами сообщения — в качестве примеров), отражавшие сущность морально-нравственных представлений пользователей о профессиональной ответственности.

Был произведен автоматизированный анализ уникальных (не повторявшихся) сообщений пользователей (Heidbreder et al., 2021; Hu, 2019; Vassilakis et al., 2020; Wu et al., 2020; Bittermann, 2019; Farooqui et al., 2019; Китова, Журавлев, 2021; и др.). Обработке подвергались те сообщения, в тексте которых присутствовало словосочетание «профессиональная ответственность». Далее был проведен статистический анализ частоты встречаемости слов (PyMorphy2), который позволил исключить из обработки слова без соответствовавшего феномену ответственности смыслового наполнения (Двойникова, Карпов, 2020; Демидова, 2023; Rajput et al., 2020). Используемый анализ сопряженности был выполнен на основе тестирования с корпусным датасетом русского языка RuTweetCorp, с опорой на распределение Бернулли. Классификация сообщений была произведена с помощью экспертных оценок (группа экспертов — участники проекта, имеющие опыт выполнения по-

добного рода исследований — 3 доктора и 4 кандидата психологических наук).

В исследовании применялась нейросетевая модель анализа эмоционального фона сообщений (подробнее о методологических подходах и методах см.: Foti et al., 2019; Marechal et al., 2019; Robila, Robila, 2019; Dubey, 2020; Behr et al., 2021; Zhuravlev et al., 2022 и др.). Нейросеть была обучена по модели FastText, устойчивой к изменению. Оценка эмоционального фона слов осуществлялась с помощью нейросетевой модели Dostoevsky и датасет RuSentiment. Модель позволила произвести оценку эмоционального фона слов и сообщений в целом (в зависимости от запрашиваемой позиции) по трем основным модальностям — позитивной, нейтральной и негативной. Модальность рассматривалась в диапазоне от -1 до +1 и делением шкалы на 20 равномерных по величине единиц — «шагов» (цена деления 0,1).

Результаты и обсуждение исследования

Частота встречаемости существительных, соответствующих внутренним и внешним регуляторам профессиональной ответственности

Как известно, ответственность в профессиональном поведении личности определяется как

внешними, так и внутренними психологическими регуляторами. В качестве внешних регуляторов профессиональной деятельности могут выступать нормы, законы, традиции, сложившиеся в каждом конкретном социуме, представленные в различных формальных (правовых, административных) и неформальных контекстах, например — общественное мнение, групповые нормы и т.д. К внутренним ценностным факторам саморегуляции деятельности часто относят такие как чувство долга, правдивости, репутации и др. Поиск факторов личностной регуляции (внутренней и внешней) производился путем анализа текстов и выделения имен *существительных* (общее количество — 4700 слов), которые имели соответствующую коннотацию (совесть, вина, закон, суд и т.д.). Результаты представлены на Рисунке 1.

В результате экспертной оценки к внутренним регуляторам были отнесены следующие слова: вина, свобода выбора, поступок, смысл, Бог, совесть, справедливость, стыд. Общая сумма отобранных по указанному выше принципу слов составила 2770. Далее, в соответствии с классически сложившимися составляющими профессиональной ответственности, в представлениях пользователей выделена трехкомпонентная структура ответственности (когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты).

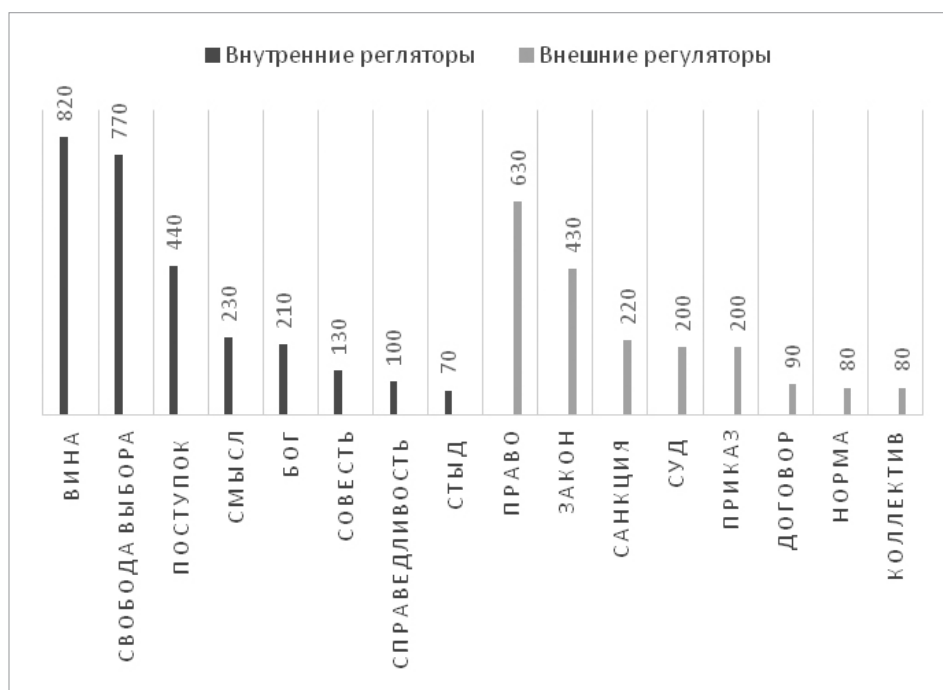


Рисунок 1

Частота встречаемости слов, соответствующих внутренним и внешним регуляторам профессиональной ответственности

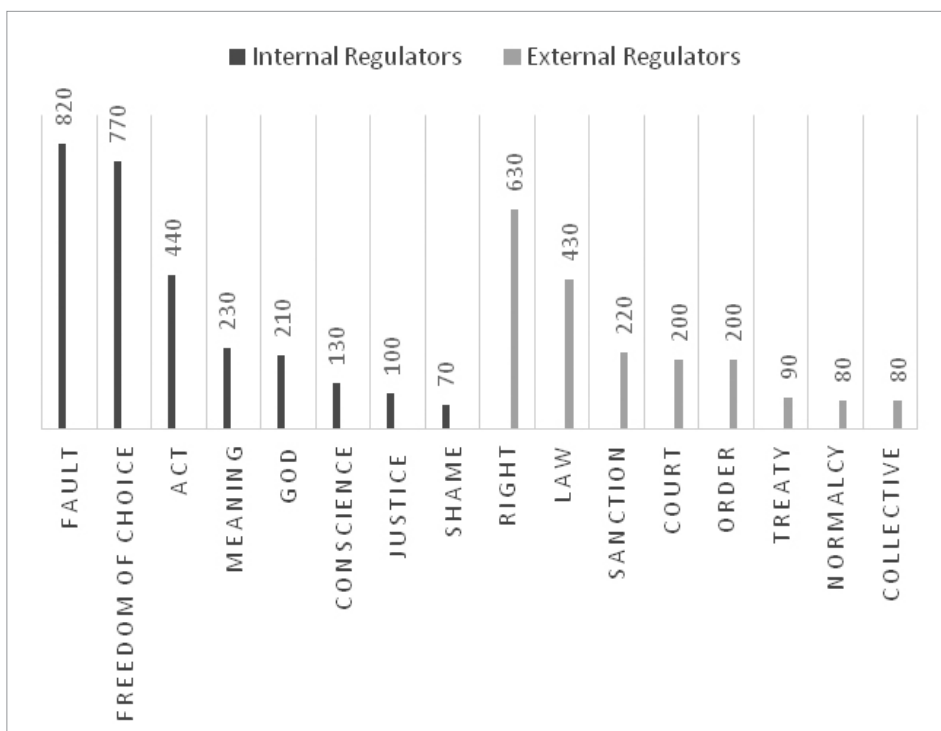


Figure 1
Frequency of occurrence for the words corresponding to internal and external regulators of professional responsibility

Их количественное распределение представлено следующим образом: когнитивный (1100 слов — 39,7%²), эмоциональный (890 слов — 32%), поведенческий (440 слов — 15,8%). Как видно из Рисунка 2, в представлениях пользователей наиболее ярко выражен когнитивный компонент. В ходе анализа был выявлен, а затем рассмотрен такой нередкноположенный конструкт представлений, который связывает ответственность личности с Богом. Эта позиция отличается одновременным присутствием внутреннего и внешнего факторов регламентации ответственности, которые осознаются через когнитивную сферу. Данный конструкт, в соответствии с избранной выше концепцией может быть отнесен к смешанному типу регуляции ответственности, который отражает все три компонента одновременно и может рассматриваться как когнитивно-эмоционально-поведенческий, или «метасистемный» компонент (слово повторяется 340 раз — 12,3%). В соответствии с позициями некоторых авторов, данный компонент рассматривается, как проявление «...высшей степени развитости духовных свойств и качеств человека, раскрываемых в деятельности, в поступках и духовных переживаниях целостности и единства с высшей реальностью — метасистемой» (Яссман, Яссман, 2011, с. 6).

² Здесь и далее проценты указываются внутри конкретной выделенной экспертами подгруппы слов.

К внешним регуляторам (общее количество слов — 1930) были отнесены слова, связанные с системой формально определенных норм, такие как «право», «закон», «санкция», «приказ», «договор», «норма», «коллектив». Внешние регуляторы, которые были бы тесно увязаны с неформальными социальными регуляторами, не были обнаружены, так же, как и не нашлось слов, связанных с эмоциональными, поведенческими (свобода выбора) или же компонентами внешней среды. Можно предположить, что восприятие внешних факторов регламентации поведения реализуется как заранее заданные и безоценочно принимаемые условия жизнедеятельности современного человека.

В целом, внутренние регуляторы ответственности выражены большей частотой слов и большим смысловым разнообразием по сравнению с внешними регуляторами (Рисунок 1). Это, во-первых, свидетельствует о наличии множественных переживаний личности, связанных с профессиональной деятельностью. Во-вторых, может говорить о наличии большого количества уникальных персонализированных представлений людей об образе своей трудовой деятельности. Также это может быть обусловлено тем, что в отличие от внешних факторов, одинаково заданных для каждого члена общества, внутренние регуляторы отражают личностные особенности людей, которые по-разному

воспринимают мир, и по-разному проявляют свое отношение к нему (миру, социальной среде). Среди такого разнообразия можно выделить слова, которые отражают уникальность оценочных суждений (поступок, свобода выбора), внутренних переживаний соответствия/несоответствия идеальному (вина, стыд), осознанное отношение к труду (смысл), внутренние ощущения и/или состояния (совесть, Бог). Для примера, в Таблице 1 показаны

выдержки из текстов с описанными выше категориями, характеризующими внутренние и внешние регуляторы ответственности (Таблица 1а, б). В первом столбце таблиц, для удобства восприятия, приведено ключевое слово, в контексте которого происходит размышление авторов. Структура внутренних регуляторов профессиональной ответственности представлена ниже (Рисунок 2). Она получена на основе экспертной оценки.

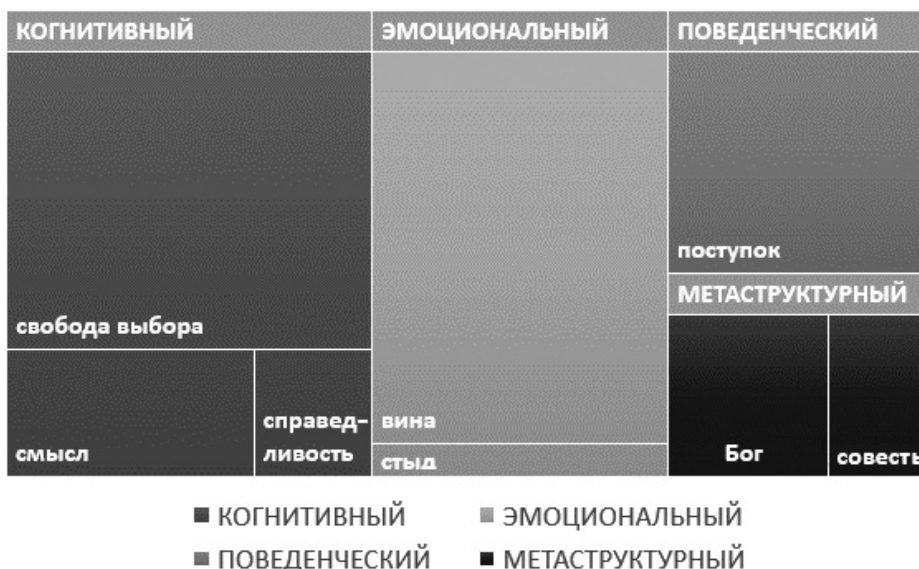


Рисунок 2

Структура внутренних регуляторов профессиональной ответственности в представлении пользователей сети Интернет

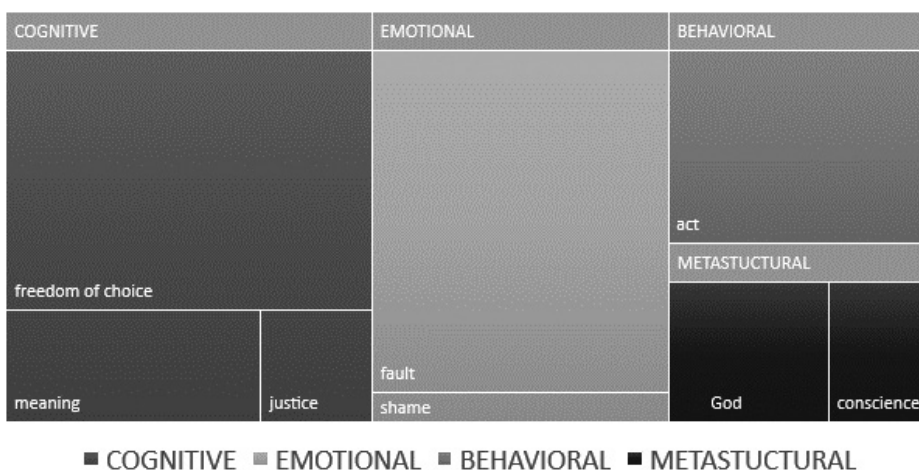


Figure 2

Structure of internal regulators of professional responsibility in the representation of the Internet users

Таблица 1

Высказывания пользователей о профессиональной ответственности, характеризующие внутренние регуляторы

Регуляторы	Высказывания пользователей
Вина	Ответственность и <i>вина</i> — это разные вещи. Вина не бывает коллективной, а ответственность коллективной бывает
Поступок	Героический <i>поступок</i> , при том, что она несет ответственность ...
Свобода выбора	<i>Свобода</i> всегда идет в комбинации с ответственностью, желание скинуть ответственность за <i>выбор</i> как-то инфантильно
Смысл	Он, его <i>осмысленное</i> отношение к жизни обязательно позволит реализовать их общую мечту
Бог	<i>Бог</i> дал своему творению свободу выбора. Это святое право каждого из нас — делать свой выбор, ну и потом, конечно, нести за него ответственность
Совесть	Человек отвечает лично перед своей <i>совестью!</i>
Справедливость	А ответственность для всех предлагается одинаковая — <i>справедливо</i> ли это?
Стыд	Одновременно необходимо разложить весьма неопределенную «вину» на такие ее конкретные составляющие, как виновность, ответственность и <i>стыд</i>

Table 1

Users' statements on professional responsibility characterizing internal regulators

Regulators	Comments of users
Guilt	Responsibility and guilt are different things. <i>Guilt</i> is not collective but responsibility is collective
Act	A heroic but responsible <i>act</i> ...
Freedom of choice	<i>Freedom</i> always comes in combination with responsibility, the desire to shed the responsibility for the choice is somehow infantile
Meaning	He, his <i>meaningful</i> attitude to life is sure to make their common dream come true
God	<i>God</i> gave his creation the freedom of choice. It is the sacred right of each of us to make our own choices, and then, of course, to be responsible for them
Conscience	A man answers to his own <i>conscience</i>
Justice	Everyone is offered the same responsibility. Is it <i>just</i> ?
Shame	At the same time, it is necessary to decompose the very vague "fault" into specific elements such as guilt, responsibility, and <i>shame</i>

Таблица 2

Высказывания пользователей о профессиональной ответственности, характеризующие внешние регуляторы

Регуляторы	Высказывания пользователей
Право	Такой подход усиливает механизм независимой <i>правовой</i> оценки прокурором доказательств и персонализирует его ответственность за предание обвиняемого суду
Закон	В вашем <i>законодательстве</i> предусмотрена ответственность за ложные обвинения
Санкция	Ответственность — это про последствия, тип <i>санкций</i> и проч.
Суд	Степень персональной ответственности должен решить публичный <i>суд</i>
Наказание	Или, по-твоему, человек, отбывший свое <i>наказание</i> , обязан дальше нести ответственность?
Договор	И несем по такому <i>договору</i> ответственность

Table 2

Users' statements on professional responsibility characterizing external regulators

Regulators	Comments of users
Right	This approach strengthens the prosecutor's independent <i>legal</i> assessment of evidence and personalizes responsibility to bring the accused to trial
Law	False accusations are punishable under your <i>law</i>
Sanction	Responsibility is about the consequences, the type of <i>sanctions</i> , etc.
Court	The extent of personal responsibility must be decided by a <i>public court</i>
Punishment	Do you think a man who has served his <i>punishment</i> should be held responsible?
Treaty	We are responsible under such a <i>treaty</i>

Представленные в Таблицах 1 и 2 высказывания еще раз подтверждают положение о многообразии обсуждаемых в контексте ответственности личностных, общественных и духовных вопросов, а также их индивидуальной трактовке и ситуационном разнообразии проговариваемых обстоятельств, что соотносится с позициями многих авторов (к примеру: Яссман, Яссман, 2011).

Анализ глаголов, указывающих на ситуации принятия и/или избегания ответственности

При попытках психологического обоснования феномена ответственности различные авторы сходятся во мнении, что ответственное отношение связано с личностным выбором, определяющим не только момент принятия конкретного решения, но и всю дальнейшую стратегию поведения личности, итоговую ее оценку и осмысление всей сложившейся (пройденной) ситуации, которая впоследствии может опре-

делять характер дальнейшей самооценки личности. Повторяемость ситуаций и сложившийся характер реализации ответственного/безответственного отношения в профессиональной деятельности свидетельствуют о сформированности данного феномена как *личного свойства* (Дементий, 2005). Кроме того, повседневный процесс самоактуализации личности (характер мотивационной активности) имеет непосредственную взаимосвязь с классически известным в психологии выбором «быть или казаться» (Г.И. Кашапова), на основании которого зачастую формируется стратегия принятия/избегания ответственности. В соответствии с данными позициями предпринята попытка выделить слова, словосочетания или сообщения в целом, которые указывают на факты принятия или избегания ответственности и социальные детерминации такого выбора (если они себя обнаруживают).

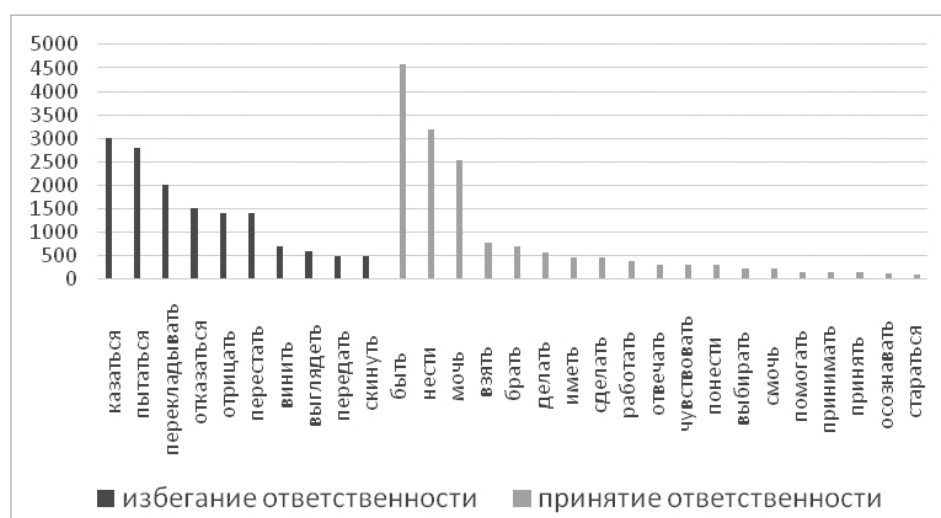


Рисунок 3

Частота встречаемости слов, отражающих принятие и избегание профессиональной ответственности, в представлениях пользователей Интернет

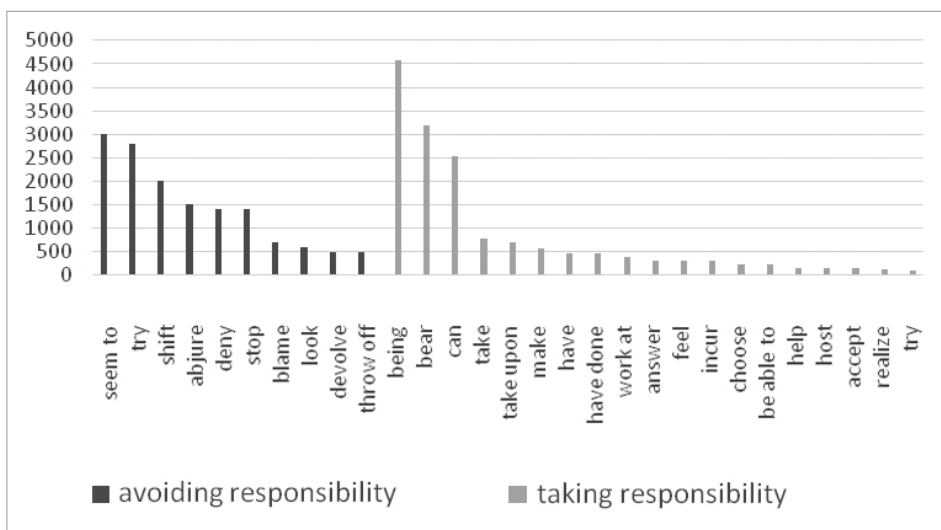


Figure 3
Frequency of words reflecting the acceptance and avoidance of professional responsibility in Internet user perceptions

В ходе анализа выделены глаголы указывающие на стратегии принятия или избегания ответственности (общее количество 30120 слов). Стратегия избегания ответственности была связана с такими категориями как «казаться», «пытаться», «перекладывать», «отказываться», «отрицать», «перестать», «винить», «выглядеть», «передать», «скинуть» (общее количество слов 14400 — 47%). Стратегия принятия ответственности (общее количество слов 15720 — 53%) — со словами «быть», «нести», «мочь», «взять», «брать», «делать», «иметь», «сделать», «работать», «отвечать», «чувствовать», «понести», «выбирать», «смочь», «помогать», «принимать», «принять», «осознавать», «ста-

раться» и т.д. Полученные результаты представлены на Рисунке 3.

Анализ частоты встречаемости искомых глаголов показал, что в представлениях респондентов более выражено стремление к принятию ответственности, нежели избеганию ее. Такое распределение слов может говорить о том, что у пользователей понятие ответственности выступает как внутренний императив, руководство к действию и заключается в стремлении к реализации ответственного поведения. Также важно отметить, что, осознание ответственности как нравственного императива несколько нивелировано (практически не обнаружено), что требует дополнительного изучения.

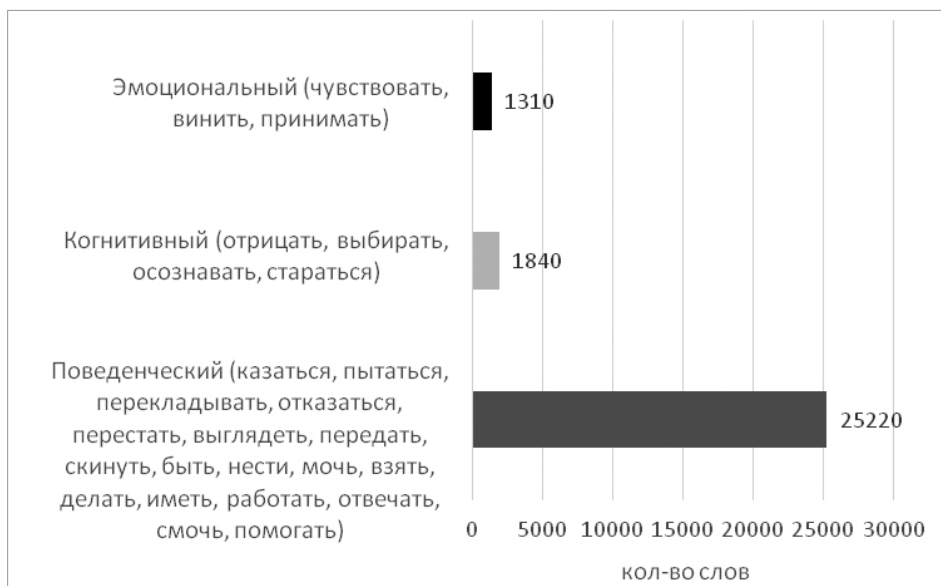


Рисунок 4
Структура профессиональной ответственности по итогам анализа глаголов

Помимо слов, которые описывают ответственность через активное взаимодействие со средой (быть, делать, иметь, мочь), встречаются высказывания, характеризующие внутреннюю психологическую деятельность пользователей (работу над собой — осознать, стараться), взаимодействие с другими (склонность к добросовестному взаимодействию — отвечать, помогать) и «сквозной» или сопровождающий такого рода поведение/деятельность аффективный компонент,

например — «чувствовать». Структура анализируемых глаголов, если рассматривать их через избранную нами совокупность состоит из трех психологических компонентов, включает в себя их в различном количественном соотношении. Так, поведенческий компонент содержится в 25220 словах (83%), когнитивный обнаруживает себя в 1840 (6,1%), эмоциональный — в 1310 словах (4,3%). Результаты обобщенный представлены на Рисунке 4.

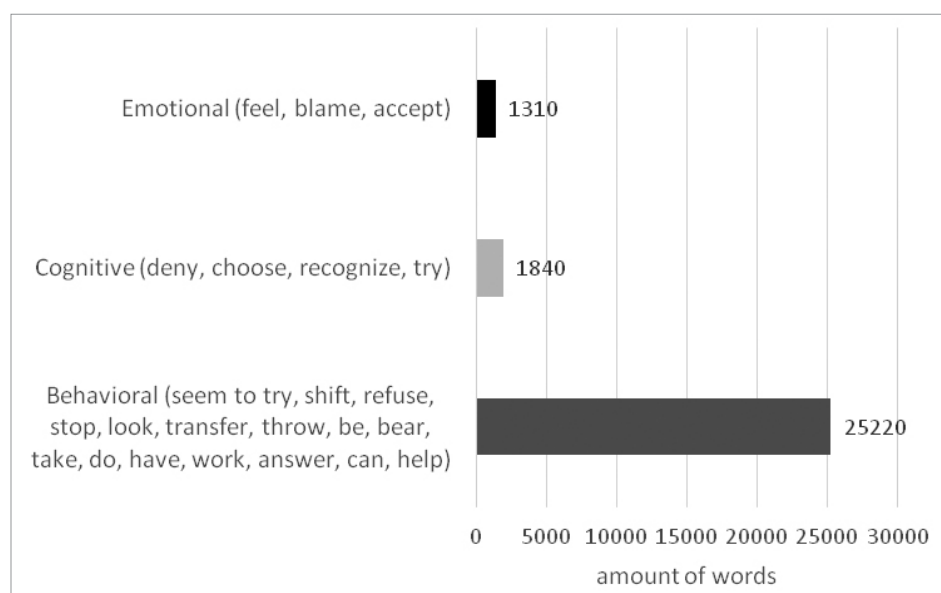


Figure 4
Structure of professional responsibility following the analysis of verbs

Анализ встречаемости прилагательных, отражающих представления об индивидуальной (личной) и коллективной (групповой, общественной) ответственности

Профессиональная ответственность, как феномен, также может быть рассмотрена, исходя из дихотомии ее индивидуальной и коллективной направленности, например, в рамках такого психологического конструкта как «индивидуализм-коллективизм». Концептуально эти понятия были широко разработаны и широко использовались в том числе в зарубежных исследованиях, в частности в контексте анализа культурных измерений (Minkov, Hofstede, 2011) или культурных синдромов (Triandis, 2001). В отечественной парадигме дополнительно рассматривается нравственное содержание понятий, при этом индивидуализм тяготеет к эгоизму (со знаком минус), а коллективизм — к альтруизму (со знаком плюс). Ряд российских исследований рассматривает такого рода направленность в рамках категории установок (Б.С. Алишев, Г.И. Кашапова). Так, исследованиями Г.И. Кашаповой было показано, что разница между характером оговариваемой направленности личности рассматривается для индивидуалистов, как мотивация помощи, определяется чувством личной от-

ветственности, в то время как у коллективистов она более связана с желанием быть частью своей социальной группы (Кашапова, 2012).

Всего в процессе отбора слов было выявлено 15180 прилагательных, характеризующих индивидуалистские или коллективистские тяготения, из которых направленность на «коллективизм» отражали 5951 слов, а 9229 слов связаны с направленностью на «индивидуализм». Первая направленность включала такие категории слов, как «коллективный», «наш», «общий», «моральный», «социальный», «нормальный», «юридический», «национальный», «правовой», «корпоративный». Представленный на Рисунке 5 обобщенный анализ прилагательных отражает выявленный нами количественный перевес позиций в сторону восприятия профессиональной ответственности как индивидуалистического явления. В рамках такого понимания максимально представлены слова, характеризующие ближний социальный круг (мой, свой, твой) пользователей, и минимально представлена ответственность как национальный, правовой (категориальный) или корпоративный феномен. Эти результаты, скорее, указывают на недостаточную сформированность коллективистских форм ответственности в сознании интернет-пользователей.

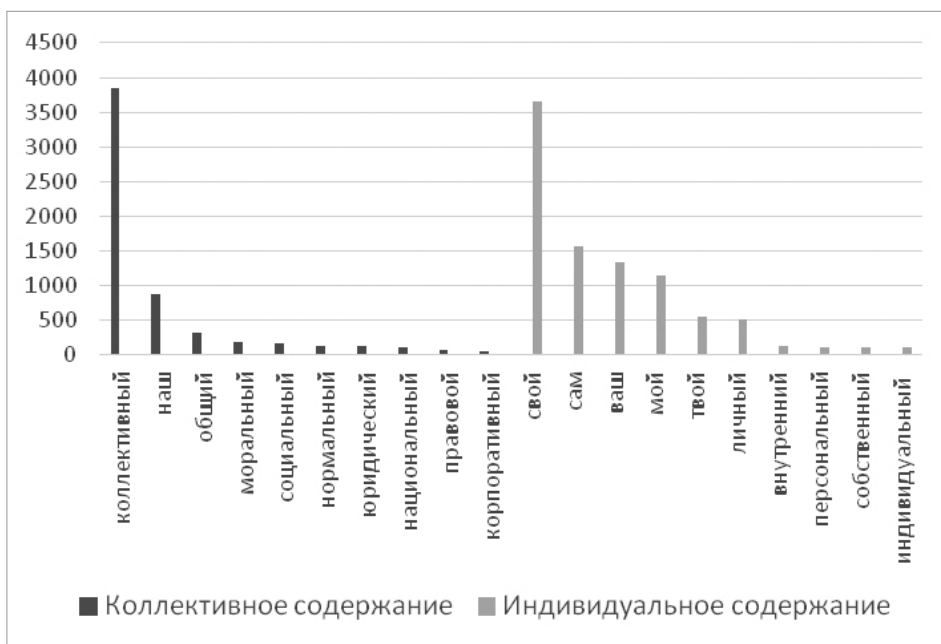


Рисунок 5
 Частота встречаемости слов, отражающих представления об ответственности в дихотомии «индивидуализм-коллективизм»

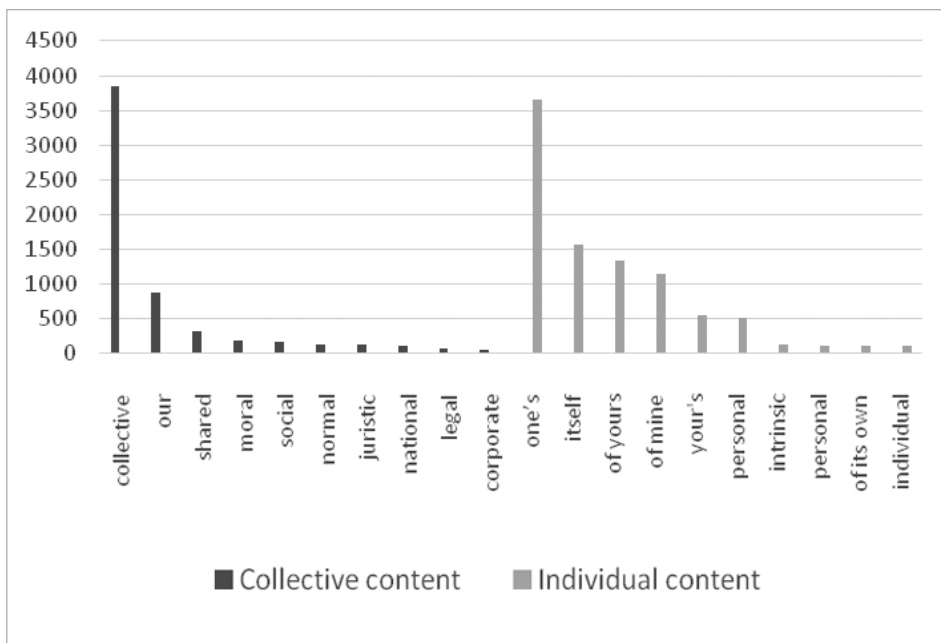


Figure 5
 Frequency of occurrence of words reflecting concepts of responsibility in the dichotomy of “individualism-collectivism”

Таким образом, результаты анализа представлений о профессиональной ответственности пользователей соответствуют изложенным выше теоретическим положениям и конструктам и вполне поддаются изучению через трехкомпонентную структуру анализиру-

емого феномена (Рисунок 6). При этом, как оказалось, его когнитивный и эмоциональный компоненты имеют большую представленность (количественный перевес слов) по сравнению с поведенческим. Тем не менее, в ходе исследования выявлен четвертый

метаструктурный компонент, не выделявшийся ранее другими авторами, который связан с конструктором «Бог». Он содержит в себе одновременно все три компонента профессиональной ответственности (когнитивный, аффективный и поведенческий), которые детерминируются внутренними психологическими паттернами и которые преломляются через представления о внешнем контроле (являясь внутренним паттерном, он одновременно соотносится с внешними факторами). Таким образом можно говорить о четырехкомпонентной структуре феномена.

Следовательно, направленность по типу «коллективизм» имеет меньшее число высказываний (5950 слов или 39%) по сравнению с «индивидуализмом» (9230 слов или 61%), и это может говорить о том, что несмотря на устоявшееся представление об общей культуре России коллективистического типа, в отношении профессиональной ответственности есть своя специфика, которая заключается в преобладании стратегии индивидуальной (персональной) ответственности специалиста.

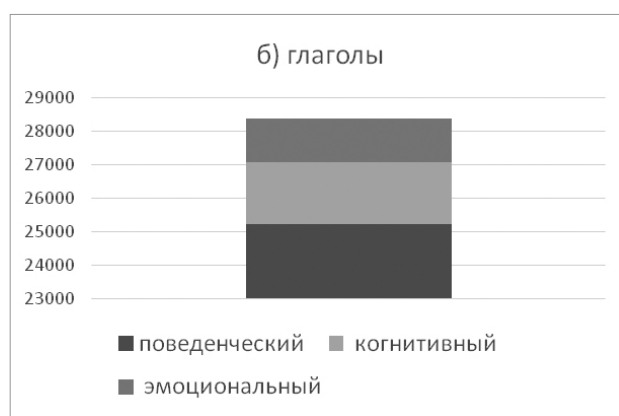


Рисунок 6

Результаты общего количественного анализа слов, связанных с профессиональной ответственностью: а) существительные; б) глаголы

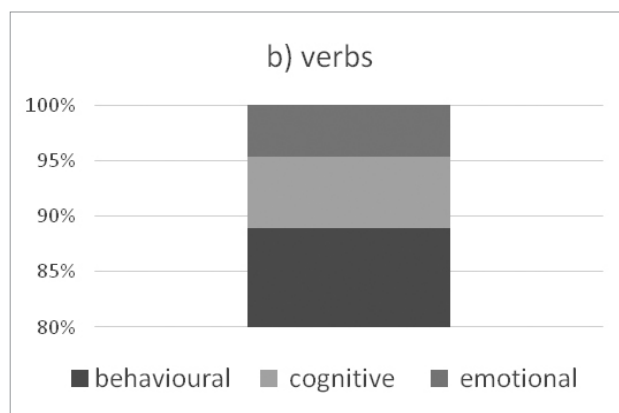
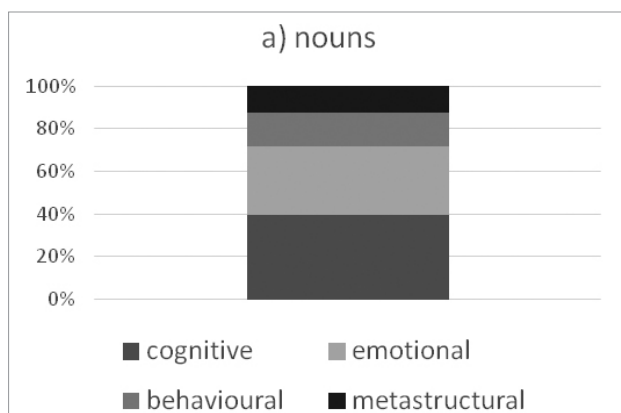


Figure 6

General quantitative analysis of professional responsibility words: a) nouns; b) verbs

Анализ эмоционального фона сообщений

Как показал анализ, осознание профессиональной ответственности связано с широким спектром переживаний, эксплицитированных в интервале от высоко негативного до менее негативного фона (Рисунок 7), то есть позиций с положительным эмоциональным

фоном в текстах практически не обнаружено. В категории существительных был получен диапазон показателей эмоционального фона от -0.22779 до -0.10715 , среди глаголов эмоциональный фон колебался в пределах от -0.32662 до -0.08818 , прилагательных — от -0.21621 до -0.08766 .

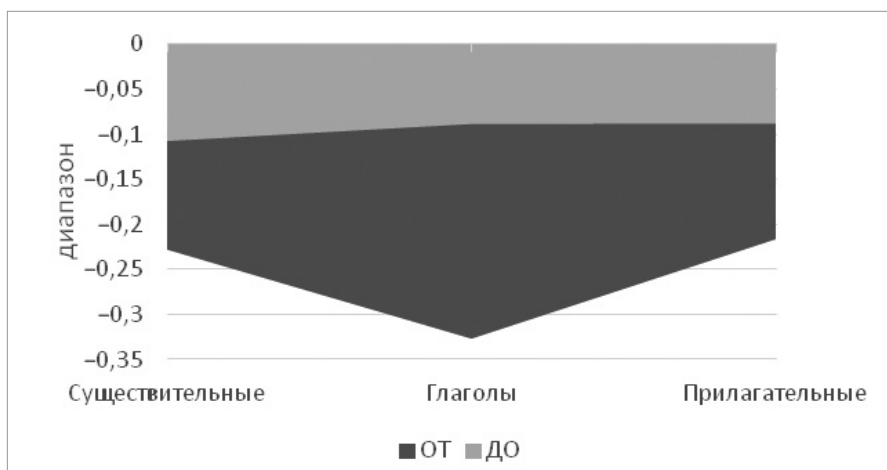


Рисунок 7
 Анализ эмоционального фона сообщений пользователей о профессиональной ответственности

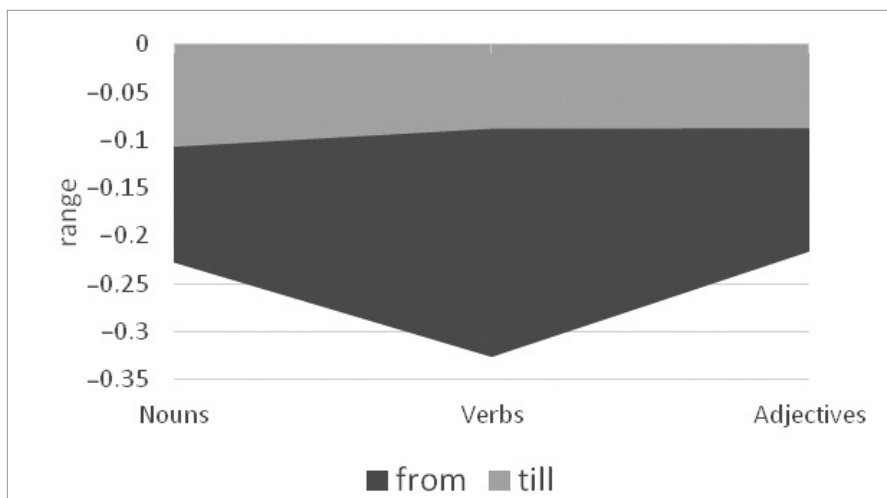


Figure 7
 Analysis of the emotional background of users' messages about professional responsibility

Согласно двухфакторной теории Ф. Херцберга, принятие ответственности за результаты профессиональной деятельности выступает основой заинтересованности субъекта труда в выполнении поставленных перед ним профессиональных задач (Herzberg, 1960), а нежелание брать на себя ответственность свидетельствует о сниженном уровне мотивации специалиста и может приводить к неудовлетворенности трудом, отсутствию интереса к работе. По результатам некоторых отечественных исследований, положительное отношение к труду ведет к формированию конструктивного поведения субъекта труда, а негативное — усиливает возможность совершения нежелательных поступков, приводит к безответственности, снижению уровня вовлеченности в работу, прогулам и т.д. (Шилова, 2021). Таким образом, наиболее тревожным сигналом стало то, что все обнаруженные нами высказывания, связанные с

ответственностью в целом и с профессиональной в частности, демонстрируют отрицательно окрашенный эмоциональный фон.

Для более подробного анализа полученных результатов мы обратились к некоторым высказываниям пользователей, которые могут указать на общие тенденции принятия/непринятия ответственности, помочь увидеть психологические факторы детерминации негативного фона высказываний. Последние связаны, как видно из Таблицы 2, и с философскими оценками ситуаций (вина, не признаю³), и характером оценки «других» (брать, выбирать), размышлениями о коллективном субъекте (лежит на нас) или о самом себе (снять, нести), своих чувствах и эмоциях (пугает, чувствовать), отражает социальный (общий) и процессуальный (вина) аспекты проблемы.

³ В скобках приводятся смыслообразующие слова из предложений об ответственности, представленные в первом столбце.

Таблица 2

Эмоциональный фон слов в высказываниях пользователей сети Интернет о профессиональной ответственности

Регуляторы	Высказывания пользователей
Коллективизм (<i>существительное</i>)	Коллективная ответственность — это отсутствие <i>всякой</i> ответственности
Брать (<i>глагол</i>)	<i>Никто</i> не хочет <i>брать</i> ответственность за свою улицу, район, город, область, за свою жизнь
Выбирать (<i>глагол</i>)	Он не любит делать <i>выбор</i> , так как за выбором следует ответственность
Лежит (<i>глагол</i>)	Именно на нас <i>лежит</i> ответственность за то, чтобы отучаться от плохих вещей, которым нас тут научили ...
Снять (<i>глагол</i>)	Что это всего лишь попытка <i>снять с себя</i> ответственность, найти виноватого <i>вовне!</i>
Нести (<i>глагол</i>)	Все, чего бы мне сейчас хотелось, это просто умереть, тихонько так, без боли, чтобы больше <i>не нести</i> ответственность за все, что я наворотила в своей жизни
Ненавижу (<i>глагол</i>)	<i>Ненавижу</i> ответственность во всех ее проявлениях
Пугает (<i>глагол</i>)	Меня <i>пугает</i> моя неосведомленность и отсутствие понимания, где там моя ответственность
Брать, чувствовать (<i>глагол</i>)	Ответственность — то, за чем должна следовать рефлексия и стремление изменить настоящее/будущее так, чтобы <i>брать</i> на себя большую ответственность, но я не <i>чувствую</i> себя взрослой
Общий (<i>прилагательное</i>)	Увы, дети платят по долгам родителей — <i>общая</i> ответственность
Социальный (<i>прилагательное</i>)	Мне кажется, я просто не тяну эту <i>социальную</i> ответственность, которую человек должен брать на себя, вступая в диалог с другими
Вина, личная (<i>существительное, прилагательное</i>)	<i>Вина о личном</i> , а ответственность об общественном, и вина — это чувство, а ответственность — это независимый от человека и его существа фактор

Table 2

Emotional background of words in statements of Internet users on professional responsibility

Regulators	Comments of users
Collectivism (<i>noun</i>)	<i>Collective responsibility</i> is the absence of any responsibility
Take upon (<i>verb</i>)	Nobody wants to <i>take</i> responsibility <i>upon</i> their street, neighborhood, city, region, their life
Choose (<i>verb</i>)	He doesn't like to make <i>choices</i> because the choice is a responsibility
Lies on (<i>verb</i>)	It is responsibility <i>lying on</i> us to learn from the bad things we have been taught here ...
Take away (<i>verb</i>)	This is just an attempt to <i>take</i> responsibility away, to find the culprit outside!
Be (<i>verb</i>)	All I want to do right now is just to die quietly, without pain, so I don't have to <i>be responsible</i> for everything I've done in my life
Hate (<i>verb</i>)	I <i>hate</i> responsibility in all its manifestations
Scare (<i>verb</i>)	What <i>scares</i> me is my ignorance and lack of understanding
Take on, feel (<i>verb</i>)	Responsibility — something that must be followed by reflection and the desire to change the present/future so as to <i>take on</i> more responsibility, but I do not <i>feel</i> adult
Shared (<i>adjective</i>)	Alas, children pay their parents' debts — a <i>shared</i> responsibility
Social (<i>adjective</i>)	I guess I just don't cope with this <i>social responsibility</i> that a person has to take on by engaging in a dialogue with others
Guilt, feel (<i>noun, adjective</i>)	<i>Guilt</i> is personal, and responsibility is public; guilt is a <i>feeling</i> , and responsibility is a factor independent of man and his essence

Важно иметь в виду, что негативный эмоциональный фон оказывает отрицательное воздействие на субъективное благополучие человека и может приводить к нежеланию развиваться в избранном профессиональном направлении или тратить ресурсы на преодоление профессионально сложных ситуаций. Тенденция к негативной оценке может быть связана и с высокой ситуационной неопределенностью среды, и с неуверенностью в завтрашнем дне, то есть поиски в этом направлении необходимо продолжить.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы, которые связаны с характером представлений пользователей сети Интернет о профессиональной деятельности.

- В современной научной литературе наиболее активно представлена двухкомпонентная детерминация профессиональной ответственности — внешними (социальными) и внутренними (психологическими) факторами. В свою очередь, внутренняя структура ответственности характеризуется взаимопроникновением когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, что стало методологическим основанием исследования. Также, несмотря на высокую теоретическую проработанность феномена обнаруживается явный недостаток его эмпирических исследований, особенно в области изучения эмоционального компонента ответственности. Предложенное эмпирическое исследование показало, что внутренние психологические регуляторы ответственности представлены большей частотой слов и большим смысловым разнообразием по сравнению с внешними (социальными) регуляторами.
 - Пользователи больше связывают ответственность с внутренними механизмами регуляции поведения (совесть, стыд, вина), нежели с возможными внешними (правовыми или санкционными) воздействиями или их ожиданием. Общие представления об ответственности в рамках профессиональной деятельности также в значительной степени описывают ответственность как внутренний выбор (характеризуются такими словами как «выбор», «поступок», «свобода», «смысл»), соотносят с переживанием соответствия/несоответствия идеалу, преломляя через внутреннее ценностное ядро личности. Выявлен метаструктурный компонент ответственности, который связан с восприятием «Бога» и выступает интегрированным/триединым объединением когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.
 - Подавляющее большинство пользователей настроены на добросовестные (с высокой ответственностью) взаимоотношения с окружающими.
- Одновременно с этим выявлено, что направленность на оценку социальных условий среды представлена незначительно, что может быть свидетельством о бесконфликтном восприятии сложившейся общественной обстановки и принятием на себя ответственности за собственные действия и поступки при различных обстоятельствах. Это позитивно характеризует духовно-нравственную сферу пользователей, как минимум, на уровне самооценки (при рассмотрении такого состояния как готовности нести ответственность за свои поступки и действия в рамках социального взаимодействия).
- В представлениях о профессиональной ответственности преобладает лексика, отличающаяся индивидуалистической направленностью. При этом осмысление и оценка собственной ответственности встречается реже, нежели оценка действий других людей, то есть желание контролировать других обнаруживается чаще, чем рефлексия или критическая оценка собственного поведения. Таким образом, из двух мотивационных стратегий (принятия и избегания ответственности), пользователям сети более свойственна первая, при этом в их высказываниях выявляется более строгое отношение к оценке поведения других, нежели к самому себе. Важно также, что профессиональная ответственность тесно связана с персональной (личной) ответственностью, при этом представления о национальной, общественной или корпоративной ответственности имеют незначительный вес и величину.
 - Как оказалось, в незначительной степени представлены суждения (и слова) о коллективной ответственности (национальной, общественной, корпоративной), что может быть связано, во-первых, с отсутствием в сознании пользователей сети четких границ между разными видами ответственности (личной, гражданской, национальной, корпоративной и др.), во-вторых, с равнодушным отношением к коллективной ответственности, что может указывать как на возможное пренебрежение или непонимание роли коллективной ответственности для развития человека и общества. Для выявления причин такого отношения к коллективной собственности требуется дополнительное исследование.
 - В представлениях пользователей феномен ответственности, включая и профессиональную ответственность, оценивается и обсуждается исключительно на негативном фоне, что тоже требует поиска причин такой ситуации. Тем не менее полученный результат уже является тревожным, так как негативный фон отношения к ответственности может отрицательно сказываться на желании специалистов ставить перед собой и решать сложные профессиональные задачи. Сниженный эмоциональный фон в отношении профессиональной ответственности может быть связан с

отсутствием мотивации в работе, что требует поиска условий снижения уровня отрицательных оценок в организационной среде.

- Как о перспективном итоге исследования можно сказать о том, что изучение мотивационной детерминации полученных результатов представляет большой интерес именно в контексте продолжения предпринятого исследования.

Предложенный в данном исследовании теоретико-эмпирический подход может стать основой анализа особенностей целостного социального поведения личности, что в свою очередь «будет способствовать выявлению и прогнозированию мотивационно-ценностных установок субъекта труда, характера его намерений, его смысловую направленность» (Китова, Журавлев, 2021, с. 109).

Список литературы

- Аксеновская, Л.Н. (2005). Ордера концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов. Изд-во Саратовский университет.
- Белов, А.В. (2011). Социальная ответственность: содержание и механизм реализации: Автореф. дисс. канд. филос. наук. Волгоград.
- Богомаз, С.Л. (2010). Сравнительный анализ показателей профессиональной ответственности кандидатов на рабочее место и в процессе выполнения ими профессиональной деятельности. В: Материалы XV Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО ВГУ им. П.М. Машерова: Большая советская энциклопедия: в 30 т. Под. ред. А.М. Прохорова (1970–1981). Москва: Изд-во «Советская Энциклопедия».
- Водолянова, Н.Е. (2016). Профессиональная ответственность: понятие и модели в организации. В: Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия: коллективная монография. Под ред. Акимова А.Ю., Барилык И.А., Бессонова Ю.В., Броневицкий Г.Г., Водолянова Н.Г., Гаврилова Е.А., Гофман О.О., Грачев А.А., Гудименко Ю.Ю., Гусев А.Н., Дикая Л.Г., Жалагина Г.А., Журавлев А.Л., Занковский А.Н., Караванова Л.Ж., Ключева О.А., Копылова Н.В., Короткина Е.Д., Нестик Т.А., Обознов А.А. и др. Тверь: Изд-во Тверского государственного ун-та. С. 88–97.
- Двойникова, А.А., Карпов, А.А. (2020). Аналитический обзор подходов к распознаванию тональности русскоязычных текстовых данных. *Информационно-управляющие системы*, 4(107), 20–30. <https://doi.org/10.31799/1684-8853-2020-4-20-30>
- Дементий, Л.И. (2005). Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности: Автореф. дисс. докт. психол. наук. Москва.
- Демидова, О.А. (2023). Метод максимального правдоподобия. Изд-во Высшая школа экономики. URL: https://www.hse.ru/staff/demidova_olga (дата обращения: 28.06.2023).
- Емельянова, Т.П. (2013). Профессиональная ответственность в обыденном сознании студентов-энергетиков. *Знание. Понимание. Умение*, (2). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Emelianova_Professional-Responsibility-Students (дата обращения: 26.06.2023).
- Журавлев, А.Л., Китова, Д.А. (2022). Феномен ответственности в структуре представлений россиян о профессиональной деятельности. *Психологический журнал*, 43(5), 47–57. <https://doi.org/10.31857/S020595920022781-5>
- Кашапова, Г.И. (2012). Ответственность как социально-психологический феномен и уровни ее развития. *Казанский педагогический журнал*, 1(91), 119–124.
- Китова, Д.А., Журавлев, А.Л. (2021). Мировоззрение как психологический феномен в обыденном представлении россиян. *Психологический журнал*, 42(4), 106–117. <https://doi.org/10.31857/S020595920016045-5>
- Кочнева, Е.М., Морозова, Л.Б. (2016). Профессиональная ответственность как предмет психологических исследований. *Вестник Мининского университета*, 4(17), 30.
- Леньков, С.Л., Рубцова, Н.Е., Букин, А.М. (2023). Профессиональная направленность абитуриентов вузов как предиктор успешности профессионального становления. *Национальный психологический журнал*, 2(50), 103–118. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0208>
- Леонтьев, Д.А. (2003). Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва: Изд-во: «Смысл».
- Муконина, М.В. (2002). Типы профессионально ответственного отношения работников опасного производства в разных организационно-экономических условиях: дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Мясищев, В.Н. (1960). Основные проблемы и современное состояние психологии отношений. Психологическая наука в СССР. Москва: Изд-во АПН РСФСР.
- Поляков, А.С. (2019). Проблема профессиональной ответственности в психологии труда: теоретические аспекты: психология управления персоналом и социальное предпринимательство в условиях изменения технологического уклада: Сб. Статей. Всерос. науч.-практич. конф. (14–15 ноября, 2019 г.). Под ред. Л.Н. Захаровой, М.В. Прохоровой. Новгород: Изд-во Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
- Смагина, Е.Н. (2020). Теоретический обзор концепций ценностей в психологии. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 2(155), 275–295. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2020.155.2.017>
- Грачев, А. А., Емельянова, Т.П., Журавлев, А.Л., Китова, Д.А., Ковалева, Ю.В., Красников, М.А., Позняков, В.П., Русалинова, А.А., Семенов, В.Е., Смирнов, А.А., Соснин, В.А., Хашеенко, В.А. (2023). Социальная психология: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во «ИНФРА-М».
- Шилова, Е.В. (2021). Организационное поведение: учебное пособие. Пермь: Изд-во Пермский государственный национальный исследовательский университет. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnipersobiya/organizacionnoepovedenie.pdf> (дата обращения: 11.06.2023).
- Яссман, Л.В., Яссман, В.П. (2011). Духовность как метасистемное свойство самоорганизации внутреннего мира человека. *Психологическая наука и образование*, 3(3). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n3/47061 (дата обращения: 09.06.2023).

Behr, H., Ho, A.S., Mitchell, E.S., Yang, Q., DeLuca, L., Michealides, A. (2021). How Do Emotions during Goal Pursuit in Weight Change over Time? Retrospective Computational Text Analysis of Goal Setting and Striving Conversations with a Coach during a Mobile Weight Loss Program. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(12), 6600. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8296374> (access date: 20.06.21). <https://doi.org/10.3390/ijerph18126600>

Dubey, A.D. (2020). Twitter Sentiment Analysis during COVID-19 Outbreak. *Social Science Research Network (SSRN)*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3572023> (access date: 10.06.21). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3572023>

Farooqui, N., Ritika, M., Saini, A. (2019). Sentiment Analysis of Twitter Accounts using Natural Language Processing. *International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT)*, 8(3), 473–479.

Foti, K., Xanthopoulou, D., Papagiannidis, S., Kafetsios, K. (2019). The Role of Tweet-Related Emotion on the Exhaustion — Recovery from Work Relationship: 18th Conference on e-Business, e-Services and e-Society (I3E). (September 2019) (pp. 380–391). Trondheim: Norway. URL: <https://inria.hal.science/hal-0251056> (access date: 17.03.2020). https://doi.org/10.1007/978-3-030-29374-1_31

Heidbreder, L.M., Lange, M., Reese, G. (2021). PlasticFreeJuly — Analyzing a Worldwide Campaign to Reduce Single-use Plastic Consumption with Twitter. *Environmental Communication*, 1–17, 1920447. <https://doi.org/10.1080/17524032.2021.1920447>

Herzberg, F.I. Mausne, B., Snyderman, B. (1960). The Motivation to work. *Relations Industrielles-industrial Relations*, 15(2), 275–276. <https://doi.org/10.7202/1022040AR>

Hu, Q. (2019). Twitter data in public administration: a review of recent scholarship. *International Journal of Organization Theory & Behavior*, 22(2), 209–222. <https://doi.org/10.1108/IJOTB-07-2018-0085>

Marechal, C., Mikołajewski, D., Tyburek, K., Prokopowicz, P., Bougueroua, L., Ancourt, C., Węgrzyn-Wolska, K. (2019). Survey on AI-Based Multimodal Methods for Emotion Detection. High-Performance Modelling and Simulation for Big Data Applications. *Lecture Notes in Computer Science*, 11400. https://doi.org/10.1007/978-3-030-16272-6_11

Minkov, M., Hofstede, G. (2011). The evolution of Hofstede's doctrine. *Cross Cultural Management*, (18), 10–20. <https://doi.org/10.1108/13527601111104269>

Rajput, N.K., Grover, B.A., Rathi, V.K. (2020). Word frequency and sentiment analysis of twitter messages during Coronavirus pandemic. URL: arxiv.org/abs/2004.03925 (access date: 06.01.24). <https://doi.org/10.48550/arXiv.2004.03925>

Robila, M., Robila, S.A. (2019). Applications of Artificial Intelligence Methodologies to Behavioral and Social Sciences. *Journal of Child and Family Studies*, (29), 2954–2966. <https://doi.org/10.1007/s10826-019-01689-x>

Triandis, H.C. (2001). Individualism-collectivism and personality. *Journal of Personality*, 69(6), 907–924. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.696169>

Vassilakis, C., Maniataki, D., Lepouras, G., Antoniou, A., Spiliotopoulos, D., Pouloupoulos, V., Wallace, M., Margaritis, C, Database D. (2020). Database Knowledge Enrichment Utilizing Trending Topics from Twitter. In: Proc. 2020 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (pp. 870–876). The Hague, Netherlands <https://doi.org/10.1109/ASONAM49781.2020.9381421>

Wu, J., Ma, J., Wang, Y., Wang, J. (2020). Understanding and Predicting the Burst of Burnout via Social Media. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 4(265), 1–27. <https://doi.org/10.1145/3434174>

Xu, H., Zhang, N., Zhou, L. (2020). Validity Concerns in Research Using Organic Data. *Journal of Management*, 46(7), 1257–1274. <https://doi.org/10.1177/0149206319862027>

Zheng, H., Komatsu, S., Aoki, K., Kato, C. (2020). Analysis of the Impressions before and after A Preciation of Japanese, Chinese and Korean Traditional Dance Based on Text Mining. *Psychology*, (11), 845–864. <https://doi.org/10.4236/psych.2020.116055>

Zhou, Y., Na, J. (2019). A comparative analysis of Twitter users who Tweeted on psychology and political science journal articles. *Online Information Review*, 43(7), 1188–1208. <https://doi.org/10.1108/OIR-03-2019-0097>

Zhuravlev, A.L., Zinchenko, Y.P., Kitova, D.A. (2022). Trends in the Study of Cultural-Historical Phenomena on the Internet (based on a study of Russians' attitudes towards money). *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(1), 103–119. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0107>

References

Aksenovskaya, L.N. (2005). The order concept of organizational culture: issues of methodology. Saratov: Publishing house of Saratov University. (In Russ.).

Behr, H., Ho, A.S., Mitchell, E.S., Yang, K., Deluca, L., Michealides, A. (2021). How do emotions change during the achievement of a weight goal over time? A retrospective computer analysis of the text of conversations with a trainer about setting goals and striving for them during a mobile weight loss program. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(12), 6600. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8296374> (access date: 06.02.24). <https://doi.org/10.3390/ijerph18126600>

Belov, A.V. (2011). Social'naya otvetstvennost': sodержanie i mekhanizm realizacii: Abstract diss. kand. psikhol. nauk. (Social responsibility: content and mechanism of implementation) Cand. Sci. (Psychology), Volgograd. (In Russ.).

Bogomaz, S.L. (2010). Comparative analysis of indicators of professional responsibility of candidates for the workplace and in the course of their professional activities. In the materials of the XV Regional Scientific and Practical Conference of teachers, researchers and postgraduates dedicated to the 100th anniversary of the founding of the Higher Educational Institution of the P.M. Masherov VSU: The Great Soviet Encyclopedia. In: A.M. Prokhorov (1970–1981) (pp. 246–247.). Moscow: Publishing house "Soviet Encyclopedia". (In Russ.).

Dementiy, L.I. (2005). Otvetstvennost' lichnosti kak svoystvo sub'ekta zhiznedeyatel'nosti: Abstract diss. doct. psikhol. nauk. (Personal responsibility as a property of the subject of vital activity). Dr. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).

Demidova, O.A. (2023). The maximum likelihood method. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. URL: https://www.hse.ru/staff/demidova_olga (access date: 06.02.2024). (In Russ.).

Dubey, A.D. (2020). Analysis of Twitter sentiment during the COVID-19 outbreak. *Social Science Research Network (SSRN)*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3572023> (access date: 02.06.2024). <http://doi.org/10.2139/ssrn.3572023>

Dvoynikova, A.A., Karpov, A.A. (2020). An analytical review of approaches to recognizing the tonality of Russian-language text data. *Informacionno-upravlyayushchie sistemy (Information and control systems)*, 4(107), 20–30. <https://doi.org/10.31799/1684-8853-2020-4-20-30>

- Farooqui, N., Hrithik, M., Saini, A. (2019). Analyzing the sentiment of Twitter accounts using natural language processing. *International Journal of Engineering and Advanced Technology*, 8(3), 473-479.
- Foti, K., Xanthopoulou, D., Papagiannidis, S., Kafetsios, K. (2019). The role of Tweet-related emotions in Post-Employment Recovery: The 18th Conference on E-Business, E-Services and E-Society (I3E). (September 2019) (pp. 380-391). Trondheim, Norway. URL: <https://inria.hal.science/hal-0251056> (access date: 03.17.2020). https://doi.org/10.1007/978-3-030-29374-1_31
- Grachev, A.A., Yemelyanova, T.P., Zhuravlev, A.L., Kitova, D.A., Kovaleva, Yu.V., Krasnikov, M.A., Poznyakov, V.P., Rusalina, A.A., Semenov, V.E., Smirnov, A.A., Sosnin, V.A., Khashcheenko, V.A. (2023). Social psychology: a textbook. 3rd ed. Moscow: INFRA-M Publishing House. (In Russ.).
- Heidbreder, L., Lange, M., Reese, G. (2021). PlasticFreeJuly is an analysis of the Worldwide Campaign to reduce the consumption of single-use plastic using Twitter. *Environmental Communication*, 1-17, 1920-447. <https://doi.org/10.1080/17524032.2021.1920447>
- Herzberg, F., Mousne, B., Snyderman, B. (1960). Motivation to work. *Industrial Relations-industrial Relations*, 15(2), 275-276. <https://doi.org/10.7202/1022040AR>
- Hu, Q. (2019). Twitter data in Public Administration: a review of recent research. *International Journal of Organization and Behavior Theory*, 22(2), 209-222. <https://doi.org/10.1108/IJOTB-07-2018-0085>
- Kashapova, G.I. (2012). Responsibility as a socio-psychological phenomenon and the levels of its development. *Kazanskij Pedagogicheskij Zhurnal (Kazan Pedagogical Journal)*, (1), 119-124. (In Russ.).
- Kitova, D.A., Zhuravlev, A.L. (2021). Worldview as a psychological phenomenon in the everyday view of Russians. *Psihologicheskij Zhurnal (Psychological Journal)*, 42(4), 106-117. <https://doi.org/10.31857/S020595920016045-5> (In Russ.).
- Kochneva, E.M., Morozova, L.B. (2016). Professional responsibility as a subject of psychological research. *Vestnik Mininskogo Universiteta (Bulletin of Mininsky University)*, 4(17), 30. (In Russ.).
- Lenkov, S.L., Rubtsova, N.E., Bukinich, A.M. (2023). The professional orientation of university applicants as a predictor of the success of professional development. *National Psychological Journal*, 2(50), 103-118. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0208> (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2003). Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality. Moscow: Publishing house: "Smysl". (In Russ.).
- Marechal, S., Mikolaevsky, D., Tiburek, K., Prokopovich, P., Bugerua, L., Ankur, T.S., Vengzhin-Volska, K. (2019). An overview of multimodal emotion recognition methods based on artificial intelligence. High-performance modeling for big data processing. Lecture notes on computer science, 11400. https://doi.org/10.1007/978-3-030-16272-6_11
- Minkov, M., Hofstede, G. (2011). The evolution of the Hofstede doctrine. *Cross-cultural Management*, (18), 10-20. <https://doi.org/10.1108/135276011111104269>
- Mukonina, M.V. (2002). Tipy professional'no otvetstvennogo otnosheniya rabotnikov opasnogo proizvodstva v raznykh organizacionno-ekonomicheskikh usloviyakh: diss. kand. psikhol. Nauk. (Types of professionally responsible attitude of hazardous production workers in different organizational and economic conditions): Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).
- Myasishchev, V.N. (1960). The main problems and the current state of relationship psychology. Psychological science in the USSR. Moscow: Publishing House of the APN of the RSFSR. (In Russ.).
- Polyakov, A.S. (2019). The problem of professional responsibility in labor psychology: theoretical aspects: psychology of personnel management and social entrepreneurship in the context of changing technological structure: Collection of articles. All-Russian scientific and practical. Conf. (November 14-15, 2019) (pp. 151-155). In: L.N. Zakharova, M.V. Prokhorova. Novgorod: Publishing house of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. (In Russ.).
- Rajput, N.K., Grover, B.A., Rati, V.K. (2020). Word frequency and sentiment analysis of twitter messages during Coronavirus pandemic. URL: arxiv.org/abs/2004.03925 (access date: 06.01.24). <https://doi.org/10.48550/arXiv.2004.03925>
- Robila, M., Robila, S.A. (2019). Application of artificial intelligence methodologies to behavioral and social sciences. *Journal of Child and Family Studies*, (29), 2954-2966. <https://doi.org/10.1007/s10826-019-01689-x>
- Shilova, E.V. (2021). Organizational behavior: a textbook. Perm: Publishing house of Perm State National Research University. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnipozobiya/organizacionnoepovedenie.pdf> (access date: 01.12.2023). (In Russ.).
- Smagina, E.N. (2020). A theoretical review of the concepts of values in psychology. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta (Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University)*, 2(155), 275-295. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2020.155.2.017> (In Russ.).
- Triandis, H.S. (2001). Individualism is collectivism and personality. *Journal of Personality*, 69(6), 907-924. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.696169>
- Vasilakis, S., Maniataki, D., Lepouras, G., Antoniou, A., Spiliotopoulos, D., Pulpoulos, V., Wallace, M., Margaritis, S., Database D. (2020). Enriching the database with knowledge using relevant topics from Twitter. In: IEEE/ACM Proc. 2020 International Conference on Advances in Social Media Data Analysis and Mining (pp. 870-876). The Hague, Netherlands <https://doi.org/10.1109/ASONAM49781.2020.9381421>
- Vodopyanova, N.E. (2016). Professional responsibility: concepts and models in the organization. Psychology, management, business: problems of interaction: a collective monograph. In: Akimova A.Yu., Barilyak I.A., Bessonova Yu.V., Bronevitsky G.G., Vodopyanova N.G., Gavrilova E.A., Hoffman O.O., Grachev A.A., Gudimenko Yu.Yu., Gusev A.N., Dikaya L.G., Zhalagina G.A., Zhuravlev A.L., Zankovsky A.N., Karavanova L.J., Klyueva O.A., Kopylova N.V., Korotkina E.D., Nestik T.A., Oboznov A.A. and et al. Tver: Publishing House of the Tver State University. (pp. 88-97). (In Russ.).
- Wu, J., Ma, J., Wang, Y., Wang, J. (2020). Understanding and predicting an outburst of emotional burnout using social media. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 4(265), 1-27. <https://doi.org/10.1145/3434174>
- Xu, H., Zhang, N., Zhou, L. (2020). Reliability problems in research using organic data. *Journal of Management*, 46(7), 1257-1274. <https://doi.org/10.1177/0149206319862027>
- Yassman, L.V., Yassman, V.P. (2011). Spirituality as a meta-systemic property of self-organization of the inner world of man. *Psihologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 3(3). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n3/47061 (access date: 08.02.2024). (In Russ.).
- Yemelyanova, T.P. (2013). Professional responsibility in the everyday consciousness of energy students. *Znanie. Ponimanie. Umenie (Knowledge. Understanding. Skill)*, (2). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Emelianova_Professional-Responsibility-Students (access date: 26.10.2023). (In Russ.).

Zheng, H., Komatsu, S., Aoki, K., Kato, S. (2020). Analysis of impressions before and after learning Japanese, Chinese and Korean traditional dance based on text analysis. *Psychology*, (11), 845–864. <https://doi.org/10.4236/psych.2020.116055>

Zhou, Yu, Na, J. (2019). A comparative analysis of Twitter users who tweeted about articles in psychology and political science journals. *Online Information Review*, 43(7), 1188–1208. <https://doi.org/10.1108/OIR-03-2019-0097>

Zhuravlev, A.L., Zinchenko, Yu.P., Kitova, D.A. (2022). Trends in the study of cultural and historical phenomena on the Internet (based on the study of the attitude of Russians to money). *Psychology in Russia: Current State*, 15(1), 103–119. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0107>

Zhuravlev, A.L., Kitova, D.A. (2022). The phenomenon of responsibility in the structure of Russians' ideas about professional activity. *Psihologicheskij Zhurnal (Psychological Journal)*, 43(5), 47–57. <https://doi.org/10.31857/S020595920022781-5> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Анатолий Лактионович Журавлев, академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, alzhuravlev2018@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2502-10899>

Anatoly L. Zhuravlev, Academician of the Russian Academy of Sciences (Psychology), Professor, Scientific Director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, alzhuravlev2018@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2502-10899>



Юрий Петрович Зинченко, академик РАО, профессор, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, zinchenko_y@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6271-2327>

Yuri P. Zinchenko, Academician of the Russian Academy of Education (Psychology), Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, zinchenko_y@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6271-2327>



Джюльетта Альбертовна Китова, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, j-kitova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>

Juliet A. Kitova, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Leading Researcher at the Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, j-kitova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>



Ольга Александровна Первачева, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук, младший научный сотрудник лаборатории труда, эргономики и инженерной психологии Института психологии РАН, г. Москва, Российская Федерация, opervacheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3265-4020>

Olga A. Pervacheva, Graduate Student, State Academic University for the Humanities, Junior Researcher at the Laboratory of Work, Ergonomics and Engineering Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, opervacheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3265-4020>

Поступила: 04.08.2023; получена после доработки: 10.10.2023; принята в печать: 09.02.2024.

Received: 04.08.2023; revised: 10.10.2023; accepted: 09.02.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0105>
УДК/UDC 159.22.4, 316.61, 159.923.2

Контекстуальные и индивидуально-личностные предикторы адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане

А.В. Трифонова ✉, Н.М. Лебедева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

✉ avtrifonova@hse.ru

Резюме

Актуальность. Выбор стратегии аккультурации и успешность адаптации к инокультурной среде зависят как от индивидуально-личностных характеристик участников межкультурного взаимодействия, так и от особенностей контекста. В связи с этим, актуальным представляется применение единого комплексного подхода для изучения взаимного вклада контекстуальных и индивидуально-личностных факторов в успешность аккультурации мигрантов и меньшинств.

Цель. Выявление комплексных личностно-контекстуальных предикторов адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане, а также выявление взаимосвязей этих комплексных предикторов со стратегиями аккультурации и психологическим благополучием русских в этих республиках.

Выборка. В исследовании приняли участие 302 русских жителя Эстонии ($M_{\text{возраст}} = 37,51$; $SD = 16,55$; 52% — женщины) и 300 русских жителей Кыргызстана ($M_{\text{возраст}} = 35,56$; $SD = 17,40$; 64,8% — женщины).

Методы. Использовались шкалы из опросника MIRIPS, авторские методики для измерения идентичностей и межкультурных установок, разработанные в ЦСКИ НИУ ВШЭ, и шкала локальной идентичности О. Дроселтис и В.Л. Вигнолес.

Результаты. Выявлены три комплексных предиктора адаптации в каждой стране: воспринимаемая инклюзивность контекста, этнокультурная самобытность и близость к принимающей стране. Все комплексные предикторы в обеих странах положительно связаны с удовлетворенностью жизнью, а в Эстонии — с самоуважением. В обеих странах воспринимаемая инклюзивность контекста и близость к принимающей стране отрицательно связаны с сепарацией и положительно — с интеграцией, этнокультурная самобытность положительно связана с сепарацией. Культурно-специфическими связями для Кыргызстана являются: положительные связи между этнокультурной самобытностью и стратегией интеграции и между близостью к принимающему обществу и стратегией ассимиляции.

Выводы. Исследование взаимного вклада индивидуально-личностных и контекстуальных характеристик в успешность адаптации к инокультурной среде способствует более глубокому пониманию аккультурации как сложного динамического процесса, компоненты которого находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

Ключевые слова: адаптация, контекст аккультурации, идентичности, психологическое благополучие, русские, Эстония, Кыргызстан

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитирования: Трифонова, А.В., Лебедева, Н.М. (2024). Контекстуальные и индивидуально-личностные предикторы адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 77–89. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0105>

Contextual and Individual-Personal Predictors of Russians' Adaptation in Estonia and Kyrgyzstan

Anastasia V. Trifonova ✉, Nadezhda M. Lebedeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ avtrifonova@hse.ru

Abstract

Background. Acculturation strategy choice and success of adaptation to new cultural environment depend both on individual characteristics of participants of intercultural interaction and on characteristics of the context. In this regard, it is important to apply an integrated approach to study the mutual contribution of contextual and individual-personal predictors of acculturation.

Objective. The study aims at identifying complex contextual and individual-personal predictors of adaptation of Russians in Estonia and Kyrgyzstan, and revealing relationship between these complex predictors, acculturation strategies, and psychological well-being of Russians in these republics.

Study Participants. The sample consisted of 302 Russians in Estonia ($M_{age} = 37.51$; $SD = 16.55$; 52% females) and 300 Russians in Kyrgyzstan ($M_{age} = 35.56$; $SD = 17.40$; 64,8% females).

Methods. We used scales from the MIRIPS questionnaire, instruments for measuring identities and intercultural attitudes developed in CSCR of HSE, and local identity scale by O. Droseltis and V.L. Vignoles.

Results. The study revealed three complex predictors of adaptation in each country: perceived inclusiveness of context, ethnocultural identity and closeness to host country. These three complex factors in both countries were positively associated with life satisfaction, and in Estonia with self-esteem as well. Perceived inclusiveness of the context and closeness to host country negatively related to separation and positively related to integration, ethno-cultural identity positively related to separation. In Kyrgyzstan we also revealed culture-specific positive links between ethno-cultural identity and integration and between closeness to host society and assimilation.

Conclusion. The study of the mutual contribution of personal and contextual characteristics to success in adaptation to new cultural environment contributes to a deeper understanding of acculturation as a complex dynamic process, the components of which are in constant interaction with each other.

Keywords: adaptation, context of acculturation, identities, psychological well-being, Russians, Estonia, Kyrgyzstan

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00268.

For citation: Trifonova, A.V., Lebedeva, N.M. (2024). Contextual and individual-personal predictors of Russians' adaptation in Estonia and Kyrgyzstan. *National Psychological Journal*, 18(4), 77–89. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0105>

Введение

В последние десятилетия наблюдается рост интереса социально-психологической науки к проблемам аккультурации мигрантов и этнических меньшинств. Исследования показывают, что процесс аккультурации и его результаты во многом зависят как от индивидуально-личностных характеристик участников межкультурного взаимодействия, так и от особенностей социокультурного контекста, в рамках которого оно разворачивается (Ward, Geeraert, 2016). Зачастую, однако, исследователи рассматривают индивидуально-личностные и контекстуальные факторы по отдельности. Между тем, в реальной жизни эти факторы, будучи тесно взаимосвязанными, как правило, работают вместе, что обуславливает необходимость комплексного индивидуально-личностного и контекстно ориентированного подхода к проблемам аккультурации и адаптации мигрантов и меньшинств.

В поисковом эмпирическом исследовании мы приняли попытку соединить индивидуально-личностные и контекстуальные характеристики в единые комплексные переменные, которые могли бы выступить предикторами выбора стратегий аккультурации и показателей психологического благополучия среди русских в Эстонии и Кыргызстане. После распада СССР русские жители этих стран были вынуждены адаптироваться к резко изменившимся условиям независимых республик. В настоящее время русская диаспора в Эстонии насчитывает 322,7 тыс. человек (24,3% от общей численности населения) (Estonian Statistical Office, 2020), а в Кыргызстане — 341,4 тыс. человек (5,1% от общей численности населения) (Национальный..., 2021), а потому сравнительное исследование факторов, способствующих успешной адаптации русских в этих странах, представляется важным и актуальным.

В настоящем исследовании в качестве индивидуально-личностных предикторов адаптации мы рас-

смаатриваем разные виды социальной идентичности и прескриптивные межкультурные установки. В качестве контекстуальных предикторов выступают субъективно воспринимаемые особенности контекста аккультурации — дискриминация, безопасность, культурная близость, проницаемость границ и дескриптивные межкультурные установки. Исследователи подчеркивают, что важную роль в аккультурации играют не только контекстуальные факторы сами по себе, но и их субъективное восприятие со стороны участников межкультурного взаимодействия (Zagefka, Brown, 2002). Человек смотрит на мир через призму социальных идентичностей и установок. В связи с этим, важное значение приобретает изучение совместного вклада воспринимаемых контекстуальных факторов, а также индивидуально обусловленных предикторов — разных видов социальной идентичности и прескриптивных (идеальных, нормативных) межкультурных установок — в успешность адаптации. Ниже представлен краткий обзор этих факторов.

Индивидуально-личностные факторы

Идентичности. Идентификация с той или иной социальной группой может оказывать значимое влияние на то, как человек воспринимает окружающую его действительность, обуславливая тем самым выбор аккультурационной стратегии и психологическое благополучие индивида (Raudsepp, 2009). Среди представителей этнических меньшинств ярко выраженная этнокультурная идентичность работает на сохранение своей культуры (Verkuyten, Thijs, 2002), способствуя выбору стратегий сепарации или интеграции в зависимости от особенностей социокультурного контекста. Идентификация со страной проживания, в свою очередь, работает на сближение с принимающим обществом (Рябиченко и др., 2019). Характер взаимосвязи между разными видами социальной идентичности и показателями психологического благополучия также зависит от контекста: так, например, этническая идентичность может быть как положительно, так и отрицательно связана с психологическим благополучием (Smith, Silva, 2011). Позитивные последствия бикультурной идентичности проявляются лишь в контекстах, характеризующихся низкой дискриминацией, а при высоких уровнях дискриминации бикультурная идентичность может быть связана с большей уязвимостью (Kus-Harbord, Ward, 2015).

Прескриптивные межкультурные установки. Это индивидуально-личностные представления индивида о том, как должны быть устроены взаимоотношения между этническими группами в поликультурном обществе (Wolsko et al., 2006). Ориентация на культурное многообразие облегчает адаптацию индивида к инокультурной среде, способствуя сохранению культуры своей этнической группы и обеспе-

чивая более позитивное восприятие представителей аут-группы и этнических различий в целом (Wolsko et al., 2006). Это, в свою очередь, может способствовать сохранению психологического благополучия мигрантов и меньшинств. Исследования показывают, что поддержка мультикультурной идеологии положительно связана с самоуважением и удовлетворенностью жизнью (Hui et al., 2015; Verkuyten, 2009).

Контекстуальные факторы

Воспринимаемая дискриминация. Восприятие себя в качестве объекта несправедливого отношения со стороны большинства затрудняет адаптацию индивида к инокультурной среде, ухудшая показатели психологического благополучия (Berry, Hou, 2016). Воспринимаемая дискриминация увеличивает идентификацию с ин-группой и ослабляет идентификацию с принимающим обществом (Verkuyten, Martinovic, 2012).

Воспринимаемая безопасность. Отсутствие чувства безопасности затрудняет психологическую адаптацию мигрантов и меньшинств: чем выше воспринимаемая угроза, тем ниже показатели психологического благополучия (Schmid, Muldoon, 2015). Кроме того, воспринимаемая угроза может оказывать влияние на выбор аккультурационной стратегии, усиливая идентификацию с ин-группой (Verkuyten, Thijs, 2002). Ощущение угрозы оказывает влияние на то, как человек строит свои отношения с принимающей страной. Среди русских в Эстонии символическая угроза (воспринимаемое ассимиляционное давление) со стороны большинства снижает чувство принадлежности к стране (Nimmerfeldt, 2011).

Воспринимаемая культурная дистанция между принимающим обществом и родной культурой. Воспринимаемая культурная близость между принимающим обществом и родной культурой может способствовать большому принятию представителей аутгруппы, помогая формированию установок на интеграцию, в то время как воспринимаемая инаковость этнического большинства может вести к выбору стратегий сепарации и маргинализации (Piontkowski et al., 2000). Воспринимаемая культурная дистанция может предсказывать успешность психологической адаптации: чем больше дистанция между культурами, тем сложнее проходит процесс адаптации к инокультурной среде (Ward, Geeraert, 2016).

Воспринимаемая проницаемость границ. Это воспринимаемая возможность перехода из одной социальной группы в другую. Разное восприятие проницаемости межгрупповых границ может быть связано с различиями в аккультурационных предпочтениях (Piontkowski et al., 2000). Среди представителей этнических меньшинств восприятие межэтнических границ как стабильных, легальных и проницаемых работает на сближение с принимающим обществом и дистанцирование от своей этнической группы (Verkuyten, Reijerse, 2008). В то же время субъективная непроницаемость границ может способствовать усилению идентификации со своей этнической груп-

пой (Verkuyten, Martinovic, 2012). Кроме того, субъективное восприятие проницаемости межгрупповых границ является важным предиктором успешности психологической адаптации к инокультурной среде (Terry et al., 2006).

Дескриптивные межкультурные установки. Это оценочные представления индивида о том, как в реальности устроены взаимоотношения между этническими группами в поликультурном обществе. Эти представления, как правило, основаны на повседневном межкультурном опыте индивида, включающем в себя не только впечатления от непосредственного взаимодействия с представителями других культур, но и субъективную интерпретацию процессов, протекающих в обществе в целом (Watters et al., 2020). Воспринимаемая ориентация принимающего общества на мультикультурализм у представителей недоминантных групп положительно связана с психологическим благополучием и чувством близости к принимающей стране (Ward et al., 2020).

Цель исследования

Настоящее исследование является поисковым и направлено на кросс-страновое изучение комплексных личностно-контекстуальных предикторов адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане.

Задачи исследования

— выявление комплексных личностно-контекстуальных предикторов адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане;

— выявление взаимосвязей этих комплексных предикторов со стратегиями аккультурации и психологическим благополучием русских в данных республиках.

Исходя из вышеназванных задач исследования, мы сформулировали следующие *исследовательские вопросы*:

ИВ1: образуют ли индивидуально-личностные и контекстуальные предикторы адаптации единую структуру факторов?

ИВ2: являются ли комплексные личностно-контекстуальные факторы предикторами выбора стратегий аккультурации и психологического благополучия русских в Эстонии и Кыргызстане?

Выборка

Социально-психологический опрос проводился среди русских Эстонии и Кыргызстана. Для привлечения респондентов использовались стратегии «удобной выборки» и «снежного кома». Выборку составили 302 русских Эстонии ($M = 37,51$; $SD = 16,55$; 52% — женщины) и 300 русских Кыргызстана ($M = 35,56$; $SD = 17,40$, 64,8% — женщины).

Методы исследования

Идентичности

Для измерения этнической и гражданской идентичностей использовались шкалы из опросника MIRIPS, широко применяемые в последние 20 лет более чем в 20 странах (Berry, 2017), и адаптированные для использования на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009). Религиозная, советская и европейская идентичности измерялись с помощью модифицированных вопросов из опросника MIRIPS (Berry, 2017) и шкалы М. Веркайтена (Verkuyten, 2007), адаптированных для использования в России (Велкова, 2020). Также мы использовали шкалу локальной идентичности (Droseltis, Vignoles, 2010). Каждая шкала включала 4 пункта, например: «Я считаю себя русским» (этническая идентичность), $\alpha > 0,85$.

Прескриптивные межкультурные установки (идеальный мультикультурализм) измерялись с помощью краткой версии пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии (rMCI) (Berry, 2020), 8 пунктов, например: «Было бы хорошо, если бы все этнические группы в Эстонии/Кыргызстане сохраняли свои культуры», $\alpha > 0,73$.

Воспринимаемая дискриминация измерялась с помощью шкалы из опросника MIRIPS (Berry, 2017), адаптированной на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009), 5 пунктов, например: «Ко мне несправедливо относились на работе или во время учебы из-за моей национальности», $\alpha > 0,78$.

Воспринимаемая безопасность измерялась с помощью шкалы из опросника MIRIPS (Berry, 2017), адаптированной на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009), мы использовали 6 пунктов, например: «Я считаю, что Эстония/Кыргызстан сегодня безопасное место для жизни», $\alpha > 0,52$. Низкая согласованность шкалы безопасности может быть объяснена многомерностью измеряемого конструкта: 6 вопросов фиксируют физическую, экономическую и культурную безопасность (по 2 вопроса на каждую субшкалу).

Воспринимаемая культурная дистанция, 12 пунктов. Используя 5-балльную шкалу, от «1» — «очень непохожи» до «5» — «очень похожи», респонденты оценивали, насколько похожими или отличными в России и в Эстонии/Кыргызстане являются разные показатели, например: прием пищи, отношение к женщине, ценности, $\alpha > 0,84$.

Воспринимаемая проницаемость границ, 4 пункта, например: «Русскому человеку быть принятым в эстонское/кыргызское общество...». Для ответов использовалась 5-балльная шкала, от «1» — «очень трудно» до «5» — «очень легко», $\alpha > 0,86$.

Дескриптивные межкультурные установки (реальный мультикультурализм), измерялись с помощью модифицированных вопросов из краткой версии пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии

(гMCI) (Berry, 2020), 8 пунктов, например: «В Эстонии/Кыргызстане отношение к людям не зависит от их этнической принадлежности», $\alpha > 0,77$.

Стратегии аккультурации (Berry, 2017; Лебедева, Татарко, 2009) измерялись с помощью 3 шкал — ассимиляции, интеграции и сепарации. Каждая шкала включала в себя 4 пункта, например: «Для меня важно владеть в совершенстве и русским, и эстонским/кыргызским языками» (стратегия интеграции), все $\alpha > 0,44$.

Самоуважение (Лебедева, Татарко, 2009), 4 пункта из шкалы М. Розенберга, например: «В целом, я удовлетворен собой», $\alpha > 0,81$.

Удовлетворенность жизнью (Лебедева, Татарко, 2009), 4 пункта из шкалы Э. Динера, например: «Во многом, моя жизнь близка к идеалу», $\alpha > 0,79$.

Для ответов респонденты использовали 5-балльную шкалу от «1» — «Полностью не согласен», до «5» — «Полностью согласен» (кроме случаев, оговоренных выше).

Результаты

Для снижения количества факторов успешной адаптации мы провели эксплораторный анализ, используя метод главных компонент с вращением Варимакс. Для определения числа факторов использовался критерий Кеттела и результаты параллельного анализа. В Эстонии мы выделили 3 фактора, объясняющие 49,5% дисперсии (Таблица).

Таблица

Результаты эксплораторного анализа контекстуальных и индивидуально-личностных предикторов адаптации русских в Эстонии / Кыргызстане

	Факторные нагрузки*		
	Воспринимаемая инклюзивность контекста	Близость к Эстонии / Кыргызстану	Этнокультурная самобытность
Идентичности			
Этническая			0,77 / 0,66
Гражданская		0,75 / 0,75	
Религиозная			0,67 / 0,76
Советская	- / -0,34	-0,41 / -	0,66 / 0,56
Европейская		0,71 / -	- / 0,52
Локальная		0,67 / 0,83	
Безопасность			
Культурная	0,59 / 0,52		-0,36 / -0,48
Экономическая	0,71 / 0,76		
Физическая	0,32 / 0,56	0,57 / -	
Межкультурные установки			
Прескриптивные (идеал)	- / -0,36	- / 0,45	0,30 / -
Дескриптивные (реальность)	0,64 / 0,50	- / 0,43	
Проницаемость границ	0,76 / 0,78		
Дискриминация	-0,60 / -0,64		
Культурная близость	- / 0,31	- / 0,34	0,54 / -

*показаны только факторные нагрузки выше 0,30

Высокие нагрузки по первому фактору имеют такие переменные как *проницаемость границ*, *экономическая безопасность*, *дескриптивный мультикультурализм*, *воспринимаемая дискриминация* (с отрицательным знаком) и *культурная безопасность*. Условно этот фактор можно назвать «*Воспринимаемая инклюзивность контекста*». Он объясняет 25,1% дисперсии.

Наибольшие нагрузки по второму фактору имеют *гражданская*, *европейская*, *локальная идентичности* и *физическая безопасность*. С умеренной нагрузкой в этот фактор вошла также *советская идентичность* (с отрицательным знаком). Второй фактор получил условное название «*Близость к Эстонии*». Он объясняет 15,3% дисперсии.

Table
Results of an exploratory analysis of contextual and individual-personal predictors of adaptation of Russians in Estonia / Kyrgyzstan

	Factor loadings*		
	Perceived inclusiveness of context	Closeness to Estonia / Kyrgyzstan	Ethnocultural identity
Identities			
Ethnic			0.77 / 0.66
National		0.75 / 0.75	
Religious			0.67 / 0.76
Soviet	- / -0.34	-0.41 / -	0.66 / 0.56
European		0.71 / -	- / 0.52
Local		0.67 / 0.83	
Security			
Cultural	0.59 / 0.52		-0.36 / -0.48
Economic	0.71 / 0.76		
Physical	0.32 / 0.56	0.57 / -	
Intercultural attitudes			
Prescriptive (ideal)	- / -0.36	- / 0.45	0.30 / -
Descriptive (reality)	0.64 / 0.50	- / 0.43	
Permeability of borders	0.76 / 0.78		
Discrimination	-0.60 / -0.64		
Cultural closeness	- / 0.31	- / 0.34	0.54 / -

*Only factor loadings higher than 0.30 are shown

В третий фактор с наибольшими нагрузками вошли *этническая, религиозная, советская идентичности и воспринимаемая культурная близость* между Россией и Эстонией. Умеренные нагрузки по этому фактору также демонстрируют *культурная безопасность* (с отрицательным знаком) и *прескриптивный мультикультурализм*. Условно он может быть назван «*Этнокультурная самобытность*». На долю этого фактора приходится 9,1% дисперсии.

В Кыргызстане мы также выделили 3 фактора, объясняющие 48,4% общей дисперсии (Таблица). Высокие нагрузки по первому фактору имеют такие переменные как *проницаемость границ, экономическая, физическая и культурная безопасность, воспринимаемая дискриминация* (с отрицательным знаком), а также *дескриптивный мультикультурализм*. Поскольку в Кыргызстане, как и в Эстонии, высокие нагрузки по первому фактору имеют индикаторы открытости принимающего общества, мы проинтерпретировали данный фактор как «*Воспринимаемая инклюзивность контекста*». В Кыргызстане первый фактор объясняет 22,7% дисперсии.

Во второй фактор с высокими нагрузками вошли *религиозная, этническая, советская и европейская идентичности*, а также *культурная безопасность* (с отрицательным знаком). Мы проинтерпретировали

второй фактор как «*Этнокультурная самобытность*». На его долю в Кыргызстане приходится 16,2% дисперсии.

Наибольшие нагрузки по третьему фактору имеют *локальная и гражданская идентичности*. С умеренными нагрузками в него также вошли *дескриптивный и прескриптивный мультикультурализм*, а также *воспринимаемая культурная близость* между Кыргызстаном и Россией. Мы проинтерпретировали данный фактор как «*Близость к Кыргызстану*». По якорным переменным (переменным с высокими нагрузками) он схож с фактором «*Близость к Эстонии*», полученным на эстонской выборке. В Кыргызстане третий фактор объясняет 9,4% дисперсии.

Для оценки конгруэнтности факторных структур, полученных на эстонской и кыргызской выборках, мы использовали индекс Тьюкера. Для *воспринимаемой инклюзивности контекста* значение этого показателя составило 0,93, для *близости с принимающим обществом* — 0,67, для *этнокультурной самобытности* — 0,79. Таким образом, лишь фактор *воспринимаемой инклюзивности контекста* удовлетворяет условию, позволяющему говорить о достаточном сходстве факторных структур в разных этнокультурных контекстах (He, van de Vijver, 2012).

С помощью моделирования структурными уравнениями мы проанализировали взаимосвязь между комплексными факторами адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане, их аккультурационными стратегиями и психологическим благополучием.

В Эстонии модель (Рисунок 1) продемонстрировала приемлемые показатели пригодности: $\chi^2/df = 2,80$, CFI = 0,98, SRMR = 0,03, RMSEA = 0,08, PCLOSE = 0,14. *Воспринимаемая инклюзивность* контекста значимо отрицательно связана с установкой на сепарацию и положительно (на уровне тенденции, $p = 0,8$) — с уста-

новкой на интеграцию. *Близость к Эстонии* значимо положительно связана с установкой на интеграцию и значимо отрицательно — с установкой на сепарацию. *Этнокультурная самобытность* значимо положительно связана с установкой на сепарацию. Нами также были выявлены положительные взаимосвязи всех комплексных личностно-контекстуальных факторов с удовлетворенностью жизнью и самоуважением. Из аккультурационных стратегий только установка на ассимиляцию у русских в Эстонии отрицательно связана с самоуважением.

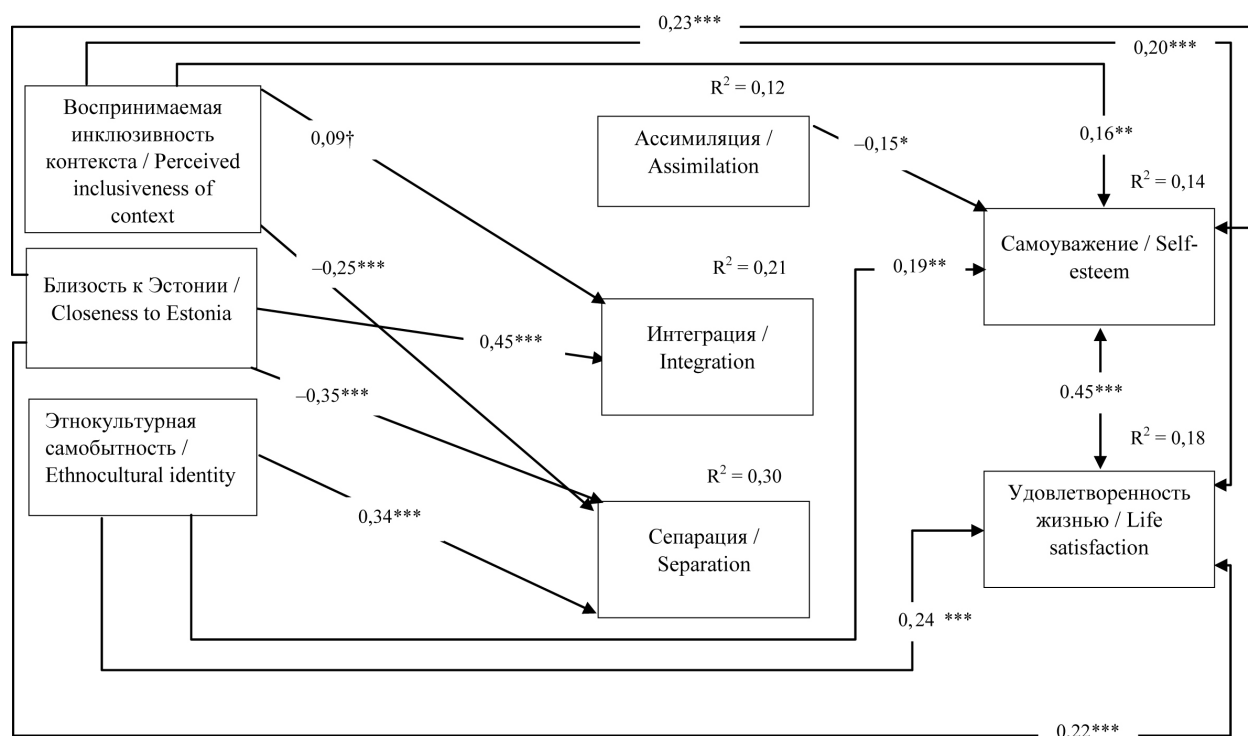


Рисунок 1

Взаимосвязь между комплексными факторами адаптации, аккультурационными стратегиями и психологическим благополучием русских в Эстонии (показаны только значимые связи)

Figure 1

Relationship between complex factors of adaptation, acculturation strategies and psychological well-being of Russians in Estonia (only significant relationships are shown)

В Кыргызстане модель (Рисунок 2) продемонстрировала хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df = 0,57$, CFI = 1,00, SRMR = 0,01, RMSEA = 0,00, PCLOSE = 0,92. *Воспринимаемая инклюзивность контекста* значимо отрицательно связана с установкой на сепарацию и значимо положительно — с установкой на интеграцию, в целом, как и в Эстонии, но положительная связь с интеграцией здесь более ярко выражена. *Этнокультурная самобытность* значимо положительно связана с установкой на сепарацию и положительно на уровне тенденции ($p = 0,07$) — с установкой на интеграцию. *Близость к Кыргызстану* значимо поло-

жительно связана с установками на интеграцию и ассимиляцию и значимо отрицательно — с установкой на сепарацию. Здесь также были выявлены положительные взаимосвязи всех комплексных факторов с удовлетворенностью жизнью. С самоуважением положительно связаны *воспринимаемая инклюзивность контекста* и *близость к Кыргызстану*. Установка на сепарацию у русских в Кыргызстане положительно связана с самоуважением, а установка на ассимиляцию отрицательно связана с самоуважением. Установка на интеграцию положительно связана с удовлетворенностью жизнью.

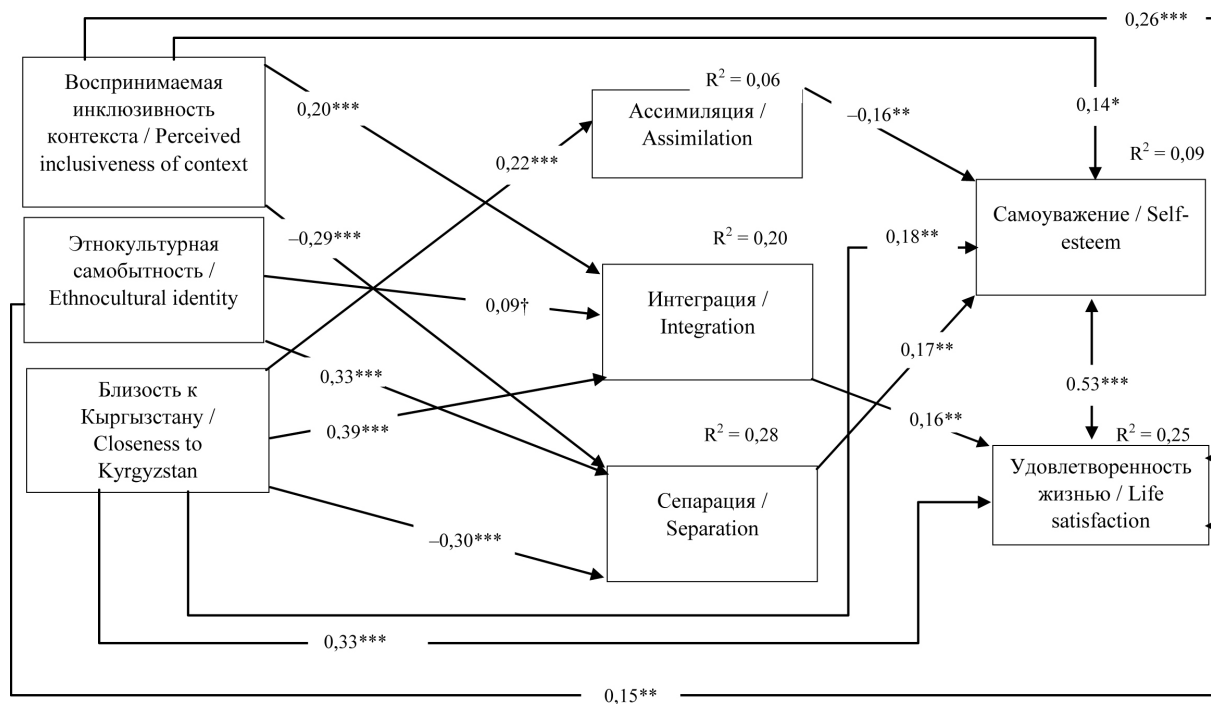


Рисунок 2

Взаимосвязь между комплексными факторами адаптации, аккультурационными стратегиями и психологическим благополучием русских в Кыргызстане (показаны только значимые связи)

Figure 2

Relationship between complex factors of adaptation, acculturation strategies and psychological well-being of Russians in Kyrgyzstan (only significant relationships are shown)

Обсуждение

Настоящее эмпирическое исследование было направлено на изучение комплексных личностно-контекстуальных предикторов адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане.

Отвечая на первый исследовательский вопрос, мы выявили три комплексных фактора в каждой стране. Ими стали *воспринимаемая инклюзивность контекста*, *этнокультурная самобытность* и *близость к принимающей стране*.

В первый фактор в обеих странах вошли переменные, измеряющие *воспринимаемую инклюзивность контекста* — экономическая безопасность, проницаемость границ, воспринимаемая дискриминация (с отрицательным знаком) и дескриптивный мультикультурализм. Этот фактор продемонстрировал высокую конгруэнтность факторной структуры в рассматриваемых контекстах, что позволяет говорить об достаточной эквивалентности этого фактора в Эстонии и Кыргызстане. Таким образом, у русских в обеих странах открытость принимающего обще-

ства ассоциируется с распространенностью в нем мультикультурных идеологий и практик, позволяющих представителям этнических меньшинств быть включенным в это общество, активно участвовать в его жизни наравне с представителями титульного населения и иметь равный доступ к материальным и нематериальным ресурсам. Иными словами, под инклюзивным социокультурным контекстом в обеих странах понимается контекст, открывающий возможности прежде всего для структурной интеграции меньшинств, то есть их социально-экономической включенности в основные институты принимающего общества (Bosswick, Neckmann, 2006).

Второй фактор демонстрирует самую низкую конгруэнтность факторной структуры: для русских в Эстонии и Кыргызстане близость к принимающему обществу имеет несколько разное значение. С высокими нагрузками во второй фактор в обеих странах вошли лишь гражданская и локальная идентичности. Для русских Эстонии чувство общности с этой страной тесно связано с европейской идентичностью, чего не наблюдается в Кыргызстане. Важность европейской компоненты для русских в Эстонии отмечалась и в

предыдущих исследованиях (Cheskin, 2015; Valk, 2018). Советская идентичность является эксклюзивной в эстонском контексте: в сознании русских Эстонии близость к принимающей стране отрицательно связана с выраженностью советской идентичности. Негативное отношение эстонцев к советскому прошлому затрудняет интеграцию в эстонское общество тех, кто продолжает ощущать себя советским человеком (Cheskin, 2015). Отсюда — негативная связь советской идентичности и близости к Эстонии. Важное значение для чувства общности с Кыргызстаном у русских этой страны имеют их собственные мультикультурные установки и воспринимаемый мультикультурализм кыргызского общества. Другим важным фактором, дающим русским Кыргызстана чувство близости с этой страной, является воспринимаемая культурная близость между Россией и Кыргызстаном, вероятно, основанная на широком использовании русского языка в республике, где он является официальным языком, наряду с кыргызским. Это создает для русских вполне комфортную среду в плане образования на родном языке, социальной мобильности и доступа к ресурсам.

Третий фактор в обеих странах — *этнокультурная самобытность*. С высокими нагрузками и в Эстонии, и в Кыргызстане в него вошли этническая, религиозная и советская идентичности. Еще одним компонентом, связанным (отрицательно) с этнокультурной самобытностью в обеих странах, является культурная безопасность, что согласуется с результатами предыдущих исследований (Raudsepp, 2009). Этот фактор также демонстрирует слабую конгруэнтность факторной структуры в двух социокультурных контекстах, что свидетельствует о различном его восприятии со стороны русских в Эстонии и Кыргызстане. Для кыргызских русских важное значение имеет европейская идентичность — ощущение себя европейцами играет важную роль в контексте центральноазиатской республики (Kosmarskaya, 2014). Для эстонских русских чувство этнокультурной самобытности связано с прескриптивным (идеальным) мультикультурализмом. Положительная взаимосвязь ориентации на культурное многообразие с этнической идентичностью и позитивной этнической самооценкой характерна для мигрантов и меньшинств (Gale et al., 2021). По мнению экспертов, это может быть связано с тем, что идеология мультикультурализма поддерживает стремление к сохранению идентичности и культуры меньшинств, позволяя им «оставаться собой» в инокультурной среде (Wolsko et al., 2006).

Отвечая на второй исследовательский вопрос, мы проанализировали взаимосвязи комплексных факторов с аккультурационными стратегиями и психологическим благополучием русских в Эстонии и Кыргызстане. В обеих странах этнокультурная самобытность значимо положительно связана с установкой на сепарацию. Таким образом, восприятие себя частью русского / советского мира работает на сохранение культурной самобытности через отдале-

ние от принимающего общества. На позитивную взаимосвязь между этнической идентичностью (одним из ключевых индикаторов этнокультурной самобытности) и установкой на сепарацию указывают также результаты предыдущих исследований на постсоветском пространстве (Kodja, Ryabichenko, 2019). Примечательно, однако, что в Кыргызстане этнокультурная самобытность на уровне тенденции положительно связана с установкой на интеграцию, в то время как в Эстонии такой взаимосвязи не наблюдается. Различия во взаимосвязях этнокультурной идентичности со стратегией интеграции у русских в постсоветских странах фиксировались и ранее. Так, среди русских в Грузии этническая идентичность предсказывает интеграцию наряду с гражданской и локальной идентичностями, в то время как среди русских в Латвии она не входит в число предикторов интеграции (Рябиченко и др., 2019). Характер взаимосвязи между этнокультурной самобытностью и интеграцией может быть обусловлен особенностями социокультурных контекстов исследуемых стран. Так, некоторые эксперты объясняют «уход» этнокультурной идентичности из интеграционной сферы в странах Балтии ассимиляционным давлением со стороны принимающего общества (Рябиченко и др., 2019; Kus-Harbord, Ward, 2015). Результаты настоящего исследования позволяют предположить, что фактором, препятствующим интеграции русских в Эстонии, может быть советский компонент этнокультурной самобытности. Разное отношение к советскому прошлому у эстонцев и русских, сохраняющих советскую идентичность, препятствуют сближению последних с эстонским обществом. В Кыргызстане, по мнению экспертов, наблюдается более прагматичное отношение к советскому / русскому прошлому (Kosmarskaya, 2014), что, возможно, способствует большей открытости титульного населения по отношению к русской культуре, обеспечивая положительную взаимосвязь между этнокультурной самобытностью русских и стратегией интеграции.

Близость к принимающей стране в обеих странах положительно связана с установкой на интеграцию и отрицательно — с установкой на сепарацию. Кроме того, в Кыргызстане наблюдается положительная взаимосвязь с установкой на ассимиляцию. Еще в советское время жители балтийских и центральноазиатских республик ощущали себя «иными» русскими, значительно отличающимися от тех, кто живет в России (Cheskin, 2015). Процессы локализации этнического самосознания значительно усилились после распада Советского Союза и способствовали усилению чувства солидарности, близости с принимающим населением постсоветских стран. Локальная и гражданская идентичности в обеих странах носят инклюзивный характер, повышая чувство принадлежности к стране проживания. В Эстонии их подкрепляют европейская идентичность и физическая безопасность, в Кыргызстане — мультикультурализм,

а также воспринимаемая культурная близость между Кыргызстаном и Россией.

Воспринимаемая инклюзивность принимающего общества в обеих странах отрицательно связана с сепарацией, что согласуется с результатами предыдущих исследований (Лепшокова, 2020). Чем более инклюзивным ощущается принимающее общество, тем ниже установка на дистанцирование от него, и наоборот. В Кыргызстане воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана с интеграцией. В Эстонии данная связь также является положительной, но она наблюдается лишь на уровне тенденции.

Что касается психологического благополучия, то и в Эстонии, и в Кыргызстане мы выявили положительные связи комплексных факторов с удовлетворенностью жизнью. Кроме того, все три комплексных фактора в Эстонии были связаны с самоуважением русских. В Кыргызстане наблюдалась положительная связь самоуважения с воспринимаемой инклюзивностью контекста и близостью к Кыргызстану.

Таким образом, мы можем говорить об адаптивной функции выявленных нами комплексных факторов. Полученные результаты согласуются с результатами предыдущих исследований, отмечающих важную роль воспринимаемой инклюзивности контекста, этнической идентичности и чувства принадлежности к принимающему обществу в адаптации мигрантов и меньшинств (Nimmerfeldt, 2011; Smith, Silva, 2011; Лепшокова, 2020).

Ограничение

Одним из главных ограничений настоящего исследования является узкий набор индивидуально-личностных факторов, рассматриваемых в качестве предикторов адаптации индивида к инокультурной среде. Помимо идентичностей и прескриптивных

межкультурных установок, важную роль в процессе аккультурации могут играть ценности, черты личности, самоэффективность и другие индивидуально-личностные характеристики участников аккультурационного процесса. В связи с этим перспективным представляется расширение набора индивидуально-личностных предикторов адаптации в дальнейших исследованиях. Включение в анализ дополнительных контекстуальных факторов, таких как воспринимаемые аккультурационные ожидания принимающего общества, воспринимаемая легитимность межгруппового контекста и т.д., также будет способствовать более глубокому пониманию роли воспринимаемого контекста в процессе аккультурации.

Заключение

Настоящее исследование выявило три комплексных предиктора адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане, однако лишь один из них (*воспринимаемая инклюзивность контекста*) продемонстрировал достаточную эквивалентность факторной структуры в обеих странах. Другие два комплексных предиктора — *этнокультурная самобытность* и *близость к принимающей стране* — показали слабую конгруэнтность факторных структур, что свидетельствует о различном их «наполнении» в сознании русских Эстонии и Кыргызстана. Объединение индивидуально-личностных и контекстуальных характеристик в единые комплексные переменные позволило показать взаимный вклад особенностей контекста и усилий личности в успешность аккультурации, «расширить» наполнение предикторов адаптации и повысить их предсказательную силу. В дальнейших исследованиях мы планируем проверить действие этих комплексных предикторов в других странах и регионах с целью проверить их универсальность и выявить культурную специфику.

Список литературы

- Велкова, К. (2020). Множественные идентичности русских и болгар: кросс-культурный анализ. *Психологические исследования*, 13(73), 6.
- Лебедева, Н.М., Татарко А.Н. (2009). Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. Москва: Изд-во РУДН.
- Лепшокова, З.Х. (2020). Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве. *Общественные науки и современность*, (3), 124–138.
- Национальный состав населения. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2021. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Рябиченко, Т.А., Лебедева, Н.М., Плотка, И.Д. (2019). Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 54–64.
- Berry, J.W. (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry, J.W. (2020). *Multicultural Ideology Scale Revision*. Unpublished document in progress.
- Berry, J.W., Hou, F. (2016). Immigrant acculturation and wellbeing in Canada. *Canadian Psychology*, 57(4), 254–264. <https://doi.org/10.1037/cap0000064>
- Bosswick, W., Heckmann, F. (2006). Integration of migrants: Contribution of local and regional authorities. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. URL: https://www.researchgate.net/publication/297802930_Integration_of_Migrants_Contribution_of_Local_and_Regional_Authorities (access date: 01.01.2006).

- Cheskin, A. (2015). Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis. *Ethnopolitics*, 14(1), 72–93. <https://doi.org/10.1080/17449057.2014.933051>
- Droseltis, O., Vignoles, V.L. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of in-trapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30(1), 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Estonian Statistical Office. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January, administrative division as at 01.01.2018. Estonian Statistical Office. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (access date: 27.04.2021).
- Gale, J., Yogeewaran, K., Verkuyten, M. (2021). Bridging (Identification) divides: Ethnic minority endorsement of new diversity ideologies. *International Journal of Intercultural Relations*, (81), 121–130. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.01.007>
- He, J., Vijver, F. van de. (2012). Bias and Equivalence in Cross-Cultural Research. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(2), 1–19.
- Hui, B.P.H., Chen, S.X., Leung, C.M., Berry, J.W. (2015). Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, (45), 70–84. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.002>
- Kodja, E., Ryabichenko, T. (2019). The Relationship Between Social Identities, Acculturation Strategies and the Psychological Well-Being of Young Russians in Latvia and Crimean Tatars in Crimea. URL: <https://ssrn.com/abstract=3495090> (access date: 01.05.2022)
- Kosmarskaya, N. (2014). Russians in post-Soviet Central Asia: more “cold” than the others? Exploring (ethnic) identity under different sociopolitical settings. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 35(1), 9–26. <https://doi.org/10.1080/01434632.2013.845195>
- Kus-Harbord, L., Ward, C. (2015). Ethnic Russians in Post-Soviet Estonia: Perceived Devaluation, Acculturation, Well-Being, and Ethnic Attitudes. *International Perspectives in Psychology*, 4(1), 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>
- Nimmerfeldt, G. (2011). Sense of Belonging to Estonia. In: R. Vetik, J. Helemäe (Eds.), *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve* (pp. 203–228). Amsterdam: University Press.
- Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P., Obdržálek, P. (2000). Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 24(1), 1–26. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00020-6)
- Raudsepp, M. (2009). Ethnic self-esteem and intergroup attitudes among the Estonian majority and the non-Estonian minority. *Studies of Transition States and Societies*, 1(1), 36–51.
- Schmid, K., Muldoon, O.T. (2015). Perceived threat, social identification, and psychological well-being: The effects of political conflict exposure. *Political Psychology*, 36(1), 75–92. <https://doi.org/10.1111/pops.12073>
- Smith, T.B., Silva, L. (2011). Ethnic Identity and Personal Well-Being of People of Color: A Meta-Analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 58(1), 42–60. <https://doi.org/10.1037/a0021528>
- Terry, D.J., Pelly, R.N., Lalonde, R.N., Smith, J.R. (2006). Predictors of cultural adjustment: Intergroup status relations and boundary permeability. *Group Processes and Intergroup Relations*, 9(2), 249–264. <https://doi.org/10.1177/1368430206062080>
- Valk, A. (2018). Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti? *Mitmekeelne Haridus*, (2), 5–9.
- Verkuyten, M., Martinovic, B. (2012). Immigrants' National Identification: Meanings, Determinants, and Consequences. *Social Issues and Policy Review*, 6(1), 82–112. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2011.01036.x>
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>
- Verkuyten, M. (2009). Self-esteem and multiculturalism: An examination among ethnic minority and majority groups in the Netherlands. *Journal of Research in Personality*, 43(3), 419–427. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2009.01.013>
- Verkuyten, M., Reijerse, A. (2008). Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability. *European Journal of Social Psychology*, (38), 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp>
- Verkuyten, M., Thijs, J. (2002). Multiculturalism among minority and majority adolescents in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 26(1), 91–108. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(01\)00039-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(01)00039-6)
- Ward, C., Geeraert, N. (2016). Advancing acculturation theory and research: The acculturation process in its ecological context. *Current Opinion in Psychology*, (8), 98–104. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.09.021>
- Ward, C., Kim, I., Karl, J.A., Epstein, S., Park, H.J. (2020). How Normative Multiculturalism Relates to Immigrant Well-Being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 26(4), 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Watters, S.M., Ward, C., Stuart, J. (2020). Does normative multiculturalism foster or threaten social cohesion? *International Journal of Intercultural Relations*, (75), 82–94. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.02.001>
- Wolsko, C., Park, B., Judd, C.M. (2006). Considering the Tower of Babel: Correlates of Assimilation and Multiculturalism among Ethnic Minority and Majority Groups in the United States. *Social Justice Research*, 19(3), 277–306. <https://doi.org/10.1007/s11211-006-0014-8>
- Zagefka, H., Brown, R. (2002). The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany. *European Journal of Social Psychology*, 32(2), 171–188. <https://doi.org/10.1002/ejsp.73>

References

- Berry, J.W. (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry, J.W. (2020). *Multicultural Ideology Scale Revision*. Unpublished document in progress.
- Berry, J.W., Hou, F. (2016). Immigrant acculturation and wellbeing in Canada. *Canadian Psychology*, 57(4), 254–264. <https://doi.org/10.1037/cap0000064>
- Bosswick, W., Heckmann, F. (2006). Integration of migrants: Contribution of local and regional authorities. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. URL: https://www.researchgate.net/publication/297802930_Integration_of_Migrants_Contribution_of_Local_and_Regional_Authorities (access date: 01.01. 2006).
- Cheskin, A. (2015). Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis. *Ethnopolitics*, 14(1), 72–93. <https://doi.org/10.1080/17449057.2014.933051>

- Droseltis, O., Vignoles, V.L. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30(1), 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Estonian Statistical Office. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January, administrative division as at 01.01.2018. Estonian Statistical Office. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (access date: 27.04.2021).
- Gale, J., Yogeewaran, K., Verkuyten, M. (2021). Bridging (Identification) divides: Ethnic minority endorsement of new diversity ideologies. *International Journal of Intercultural Relations*, (81), 121–130. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.01.007>
- He, J., Vijver, F. van de. (2012). Bias and Equivalence in Cross-Cultural Research. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(2), 1–19.
- Hui, B.P.H., Chen, S.X., Leung, C.M., Berry, J.W. (2015). Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, (45), 70–84. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.002>
- Kodja, E., Ryabichenko, T. (2019). The Relationship Between Social Identities, Acculturation Strategies and the Psychological Well-Being of Young Russians in Latvia and Crimean Tatars in Crimea. URL: <https://ssrn.com/abstract=3495090> (access date: 01.05.2022). <https://doi.org/https://doi.org/10.2139/ssrn.3495090>
- Kosmarskaya, N. (2014). Russians in post-Soviet Central Asia: more “cold” than the others? Exploring (ethnic) identity under different sociopolitical settings. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 35(1), 9–26. <https://doi.org/10.1080/01434632.2013.845195>
- Kus-Harbord, L., Ward, C. (2015). Ethnic Russians in Post-Soviet Estonia: Perceived Devaluation, Acculturation, Well-Being, and Ethnic Attitudes. *International Perspectives in Psychology*, 4(1), 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>
- Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia. Moscow: RUDN press. (In Russ.).
- Lepshokova, Z.Kh. (2020). Perceived inclusiveness of the social context, acculturation and adaptation of migrants from the North Caucasus in Moscow. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost' (Social Sciences and Modernity)*, (3), 124–138. (In Russ.)
- National composition of the population. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2021. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (access date: 16.05.2021).
- Nimmerfeldt, G. (2011). Sense of Belonging to Estonia. In: R. Vetik, J. Helemäe (Eds.), *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve* (pp. 203–228). Amsterdam: University Press.
- Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P., Obdržálek, P. (2000). Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 24(1), 1–26. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00020-6)
- Raudsepp, M. (2009). Ethnic self-esteem and intergroup attitudes among the Estonian majority and the non-Estonian minority. *Studies of Transition States and Societies*, 1(1), 36–51.
- Ryabichenko, T.A., Lebedeva, N.M., Plotka, I.D. (2019). Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia. *Kulturno-Istoricheskaya Psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 15(2), 54–64. (In Russ.).
- Schmid, K., Muldoon, O.T. (2015). Perceived threat, social identification, and psychological well-being: The effects of political conflict exposure. *Political Psychology*, 36(1), 75–92. <https://doi.org/10.1111/pops.12073>
- Smith, T.B., Silva, L. (2011). Ethnic Identity and Personal Well-Being of People of Color: A Meta-Analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 58(1), 42–60. <https://doi.org/10.1037/a0021528>
- Terry, D.J., Pelly, R.N., Lalonde, R.N., Smith, J.R. (2006). Predictors of cultural adjustment: Intergroup status relations and boundary permeability. *Group Processes and Intergroup Relations*, 9(2), 249–264. <https://doi.org/10.1177/1368430206062080>
- Valk, A. (2018). Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti? *Mitmekeelne Haridus*, (2), 5–9.
- Velkova, K. (2020). Multiple identities of Russians and Bulgarians: cross-cultural analysis. *Psikhologicheskiye Issledovaniya (Psychological Research)*, 13(73), 6.
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>
- Verkuyten, M. (2009). Self-esteem and multiculturalism: An examination among ethnic minority and majority groups in the Netherlands. *Journal of Research in Personality*, 43(3), 419–427. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2009.01.013>
- Verkuyten, M., Martinovic, B. (2012). Immigrants' National Identification: Meanings, Determinants, and Consequences. *Social Issues and Policy Review*, 6(1), 82–112. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2011.01036.x>
- Verkuyten, M., Reijerse, A. (2008). Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability. *European Journal of Social Psychology*, (38), 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp>
- Verkuyten, M., Thijs, J. (2002). Multiculturalism among minority and majority adolescents in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 26(1), 91–108. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(01\)00039-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(01)00039-6)
- Ward, C., Geeraert, N. (2016). Advancing acculturation theory and research: The acculturation process in its ecological context. *Current Opinion in Psychology*, (8), 98–104. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.09.021>
- Ward, C., Kim, I., Karl, J.A., Epstein, S., Park, H.J. (2020). How Normative Multiculturalism Relates to Immigrant Well-Being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 26(4), 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Watters, S.M., Ward, C., Stuart, J. (2020). Does normative multiculturalism foster or threaten social cohesion? *International Journal of Intercultural Relations*, (75), 82–94. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.02.001>
- Wolsko, C., Park, B., Judd, C.M. (2006). Considering the Tower of Babel: Correlates of Assimilation and Multiculturalism among Ethnic Minority and Majority Groups in the United States. *Social Justice Research*, 19(3), 277–306. <https://doi.org/10.1007/s11211-006-0014-8>
- Zagefka, H., Brown, R. (2002). The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany. *European Journal of Social Psychology*, 32(2), 171–188. <https://doi.org/10.1002/ejsp.73>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Анастасия Валентиновна Трифонова, выпускник аспирантуры по психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, avtrifonova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>

Anastasia V. Trifonova, Postgraduate, Doctoral School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, avtrifonova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>



Надежда Михайловна Лебедева, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, научный руководитель Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, nlebedeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>

Nadezhda M. Lebedeva, Dr. Sci. (Psychology), Academic Supervisor of the Centre for Sociocultural Research, Professor at the Faculty of Social Science, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, nlebedeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>

Поступила: 09.07.2022; получена после доработки: 24.08.2022; принята в печать: 02.02.2024.
Received: 09.07.2022 revised: 24.08.2022; accepted: 02.02.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0106>
УДК/UDC 316.614, 316.477

Подходы к пониманию профессионального самоопределения в социальной психологии

М.А. Череменская ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ egiazarovama@my.msu.ru

Резюме

Актуальность. Перед молодыми людьми всегда вставал вопрос выбора профессии, но особенно актуальным он стал в последние годы в связи с резким увеличением широты и возможностей в выборе профессионального пути. В статье рассматривается концепт профессионального самоопределения (ПС) в рамках социально-психологического знания, обсуждается проблема свободного выбора в социологии (М. Вебер), философии (М. Хайдеггер, Н.А. Бердяев) и психологии (С.Л. Рубинштейн, И.С. Кон, Н.С. Пряжников, Т.Г. Анистратенко).

Цель. Цель нашей работы состоит в обзорно-аналитическом исследовании представлений о ПС и попытке структурировать существующие подходы к изучению целевого конструкта. Ставятся задачи анализа особенностей операционализации понятия ПС разными авторами.

Методы. Теоретический анализ в форме систематизации и обобщения идей социологов, философов и психологов, обсуждающих проблемы осознанности и свободы выбора в самоопределении.

Результаты. Самоопределение разделяется на 2 составляющие: личностную и социальную. Внутри социальной составляющей целесообразно выделить профессиональное самоопределение. Выделяются 4 подхода к пониманию ПС, а также представители подхода в социальной психологии: 1) профессиональное самоопределение как осознанный выбор жизненного пути (Н.С. Пряжников, И.А. Кох, В.А. Орлов); 2) профессиональное самоопределение как свободный выбор, за который личность несет ответственность (И.С. Кон); 3) профессиональное самоопределение как следствие жизненной ориентации (Т.Г. Анистратенко, Р.М. Шамионов); 4) профессиональное самоопределение как психологическое новообразование (А.Д. Андреева, А.Г. Лисичкина).

Выводы. Профессиональное самоопределение является типом социального самоопределения. Данный конструкт в полной мере можно считать социально-психологическим. Выделенные 4 подхода к пониманию ПС являются перспективными для социально-психологических исследований.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, проблема выбора, личностный выбор, свободный выбор

Для цитирования: Череменская, М.А. (2024). Подходы к пониманию профессионального самоопределения в социальной психологии. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 90–100. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0106>

Approaches to Professional Self-Determination in Social Psychology

Maria A. Cheremenskaia ✉

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russian Federation

✉ egiazarovama@my.msu.ru

Abstract

Relevance. Young people have always been concerned about their choice of profession. Currently, in the context of the sharp increase and expansion of opportunities in the sphere of professional choice, this problem has become even more relevant. This article considers the concept of professional self-determination (PS) through social-psychological knowledge. The problem of free choice is discussed in the approaches of sociology (M. Veber), philosophy (M. Heidegger, N.A. Berdyaev) and psychology (S.L. Rubinstein, I.S. Kon, N.S. Pryazhnikov, A.A. Anistratenko).

Objective. The aim of our work is to conduct an overview and analytical research of the PS construct as well as to structure the existing approaches to the study of the target construct.

Methods. Theoretical analysis in the form of systematization and generalization of the ideas of sociologists and psychologists discussing the problems of awareness and freedom of choice in self-determination was carried out.

Results. Self-determination is divided into 2 components: personal and social. The PS is outlined as a subspecies of social self-determination. 4 approaches to understanding PS as well as representatives of these approaches in social psychology are distinguished: 1. professional self-determination as a conscious choice of life path (N.S. Pryazhnikov, I.A. Koch, V.A. Orlov); 2. professional self-determination as a free choice for which a person is responsible (I.S. Kohn); 3 professional self-determination as a consequence of life orientation (T.G. Anistratenko, R.M. Shamionov); 4. professional self-determination as a psychological new formation (A.D. Andreeva, A.G. Lisichkina).

Conclusion. Professional self-determination is a type of social self-determination. This construct can be fully considered socio-psychological. The highlighted 4 approaches to understanding PS are promising for socio-psychological research.

Keywords: professional self-determination, professional choice, problem of choice, personal choice, free choice

For citation: Cheremenskaia, M.A. (2024). Approaches to professional self-determination in social psychology. *National Psychological Journal*, 19(1), 90–100. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0106>

Введение

Вопрос самоопределения является актуальным для целостного понимания личностных и поведенческих особенностей человека. В настоящее время вопросы профессионального самоопределения все больше беспокоят молодое поколение. Молодежь в данной работе будут считаться люди от 14 до 35 лет согласно федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации». Существует множество вариантов профессий, которые могут выбрать молодые люди, при этом, они в праве осуществить свободный выбор будущей профессии или же в любой момент сменить сферу деятельности. Нередко молодежь работает не по специальности или получает дополнительное образование с целью смены профессии.

По статистике научной электронной библиотеки eLibrary, в период с 2017 по 2022 годы было опубликовано более 3000 психологических работ, посвященных профессиональному самоопределению, в то время как в период с 2011 по 2016 годы было опублико-

вано 2208 работ, а в период с 2005 по 2010 годы — 970. Среди исследований чаще встречаются эмпирические статьи. Это может говорить о том, что психологов все больше интересуют процессы профессионального самоопределения. Мы предполагаем, что в дальнейшем вопросы профессионального самоопределения не только не потеряют актуальности, а будут еще более популярным предметом исследования в силу активно меняющегося мира, неопределенности в мировой экономике и быстрых темпов развития высоких технологий.

Несмотря на наличие опубликованных методологических и обзорно-аналитических работ о вопросах профессионального самоопределения (Т.Г. Анистратенко, А.А. Мударисов, Н.С. Пряжников и др.), понимание профессионального самоопределения различается, у авторов нет единого концепта, не представлено систематизации существующих подходов, охватывающих современные психологические исследования. Решение данной научной проблемы является актуальным в контексте расширения воз-

возможностей выбора профессии молодежью, значительного увеличения числа профессий, а также всемирных экономических и культурных процессов.

Целью нашей работы является систематизация существующих подходов к пониманию профессионального самоопределения в психологии, включающая операционализацию понятия «профессиональное самоопределение» в каждом подходе.

В данной статье будут рассмотрены существующие подходы к пониманию профессионального самоопределения, а также представлен новый подход, философскими основаниями которого являются антропоцентрические представления философов-экзистенциалистов. Экзистенциальный антропоцентризм «акцентирует внимание на авторстве жизни человека, осмыслении ценностей и сути собственного образования как возможности осуществить себя в жизни, преодолении социальной и собственной ограниченности на пути к самоосуществлению, глубокой рефлексивной позиции в познании себя и мира» (Ниязбаева, 2018, с. 133–134). Таким образом, человек вправе выбирать возможности для выбора своего профессионального пути, опираясь на индивидуальное понимание себя и мира.

Профессиональное самоопределение как тип социального самоопределения

В силу того, что самоопределение является широким понятием, разделим его на 2 составляющих: *личностную* и *социальную*. Н.С. Пряжников приводит четкие различия между жизненным, личностным и профессиональным самоопределением (Пряжников, 2008), что также подчеркивается и в более современных исследованиях (Шереметова, 2015). Таким образом, личностное самоопределение «может рассматриваться как высший тип жизненного самоопределения, когда человеку удается действительно стать хозяином ситуации и всей своей жизни» (Шереметова, 2015, с. 105).

Т.Г. Анистратенко считает самоопределение «базисной социальной рефлексией человеческого существования» (Анистратенко, 2017, с. 67), а также выделяет такие грани самоопределения, как социализация, личностная адаптация, ценностные приоритеты, смысловые предпочтения, готовность к социальной жизни, социальный статус. При этом самоопределение «реализуется на уровне повседневных практик, в сфере межличностных отношений, в семейно-бытовой сфере, в широкой сфере социального пространства, в профессиональной сфере и в сфере гражданского самоопределения» (Там же). Таким образом, можно увидеть очевидную важность социально-психологического аспекта в изучении феномена самоопределения личности.

Внутри социальной составляющей самоопределения стоит выделить тип профессионального самоопределения. Профессиональное самоопределение включается в социальное как тип лишь в некоторых психологических работах. И.С. Кон разделил соци-

альное самоопределение на профессиональное и моральное, в его концепции самоопределение рассматривается как «процесс определения своего положения в мире, оно направлено вовне, но подразумевает и определенную внутреннюю работу» (Кон, 1978, с. 333).

При этом, Н.С. Пряжников выделяет профессиональное самоопределение в отдельный тип (Пряжников, 2008). В его концепции профессиональное самоопределение — это самостоятельное, осознанное и добровольное построение, корректировка и реализация профессиональных перспектив, включая выбор, освоение и совершенствование профессиональной деятельности (Пряжников, 2008).

Таким образом, процесс профессионального самоопределения связан с осознанным выбором (что подчеркивается и другими исследователями феномена самоопределения, в частности, С.Л. Рубинштейном), умением планировать свои действия и видеть перспективу.

Стоит подчеркнуть связь социализации личности с профессиональным самоопределением. Р.М. Шамяионов формулирует и обосновывает соображения о важной роли социализации в процессе профессионального самоопределения (Шамяионов, 2012). Социализация включает в себя и профессиональное становление субъекта. Именно профессиональное становление выступает как один из основных процессов в молодом возрасте. Таким образом, причины определенного выбора профессионального пути в рамках самоопределения молодежи могут быть связаны с особенностями социализации этой группы людей.

Таким образом, профессиональное самоопределение можно в полной мере считать социально-психологическим понятием.

Основные подходы к пониманию феномена профессионального самоопределения

В отечественной психологии уже существует классификация подходов к пониманию профессионального самоопределения, представленная Т.В. Кудрявцевым. Он выделял 2 подхода к рассмотрению самоопределения. Первый подход связан с исследованием возрастных особенностей, но имеет ряд существенных ограничений, ведь процесс профессионального самоопределения не ограничивается выбором профессии школьниками. Второй подход рассматривает профессиональное самоопределение как «неотъемлемый и существенный компонент профессионального становления личности» (Кудрявцев, 1983, с. 53).

Мы предлагаем классификацию, дающую возможность операционализировать понятие ПС в первую очередь для социально-психологических исследований. Тем не менее представленная классификация включает подходы, позволяющие проводить междисциплинарные исследования, выходящие за рамки исследований в определенной отрасли психологии. Так

как междисциплинарные исследования проводятся все чаще, стоит обратить внимание на новое видение подходов к пониманию профессионального самоопределения.

Рассмотрим основные подходы к пониманию профессионального самоопределения и выделим их представителей.

Профессиональное самоопределение как осознанный выбор жизненного пути

Первый подход к пониманию самоопределения основан на понимании самоопределения как всегда осознанного выбора своего пути, личностного и социального. С.Л. Рубинштейн выделял понятие «сознательное самоопределение», которое означает, что «человек не только находится в определенном отношении к миру, но и сам определяет это свое отношение» (Рубинштейн, 1999, с. 151). Здесь самоопределение выступает в качестве внутренней детерминации с сохранением «верности себе», исключается одностороннее подчинение внешнему (Рубинштейн, 1973, с. 382). Таким образом, профессиональное самоопределение также можно считать осознанным выбором своей карьеры и профессионального пути. Такое понимание профессионального самоопределения в полной мере соответствует идеям деятельностного подхода. Помимо С.Л. Рубинштейна, понимание профессионального самоопределения как осознанного выбора придерживались многие известные отечественные психологи (Е.А. Климов, Т.В. Кудрявцев и др.).

Данного подхода в социально-психологических исследованиях профессионального самоопределения придерживаются такие исследователи, как Н.С. Пряжников, И.А. Кох, В.А. Орлов. Работы И.А. Коха, В.А. Орлова основываются на деятельностном подходе, при этом в одном из исследований отдельно подчеркивается, что чаще всего молодежь совершает профессиональный выбор осознанно (Кох, 2020).

Операционализация понятия ПС в подходе

В рамках понимания профессионального самоопределения как осознанного выбора была проведена операционализация понятия, проводилось много исследований. А.А. Мударисов основывался в своих работах на мыслях С.Л. Рубинштейна и понимал самоопределение как «саморазвивающийся процесс активного осознанного выбора жизненного пути, детерминируемый изменениями в восприятии ценностей и норм локальной и глобальной социокультурной среды, сопровождающими развитие человека как личности» (Мударисов, 2016, с. 94–95). Следовательно, те же характеристики относятся и к самоопределению в мире профессий. При исследовании профессионального самоопределения стоит использовать следующие методы:

- 1) психодиагностические методики: анкета «карта интересов» А.Г. Грецова, А.А. Азбель (Грецов, 2012); дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова в модификации А.А. Азбель (Там же); методика «построение личной профессиональной перспективы» (Пряжников, 2008) и др.;
- 2) социально-психологические методы: ролевая игра, деловая игра.

С точки зрения практической психологии, данный подход будет особенно эффективен в работе с совершеннолетней молодежью, так как методы подхода всегда предлагают считать выбор профессии сознательным.

При профессиональной ориентации молодежи, во время карьерного консультирования в центрах занятости, при работе психолога со студентами вузов полезным было бы предлагать молодежи осознанные упражнения, игры и практики для уточнения своего ПС или его корректировки.

Профессиональное самоопределение как свободный выбор, за который личность несет ответственность

Второй подход к пониманию профессионального самоопределения как свободного выбора не противоречит первому, а, скорее, дополняет и конкретизирует его. Он основан на включении в понимание профессионального самоопределения контекста свободы. При этом, выбор будущей профессии представляется хоть и свободным, но за который личность несет ответственность. Философскими основаниями подхода выступают идеи зарубежных и отечественных экзистенциальных философов. Именно экзистенциальные философы поднимали проблему свободного выбора при самоопределении личности, далее их идеи развивались в рамках экзистенциального подхода в психологии.

М. Хайдеггер затрагивал такие философские проблемы, как проблема истины, проблема свободы и проблема выбора. Он высказывал идею о том, что человек сам создает критерии истины (Хайдеггер, 1991). Соответственно, человек выбирает свой жизненный путь по своим собственным критериям. Возможность опираться на такие критерии, в свою очередь, дает свобода выбора человека. Позже С.Н. Ставцев, комментируя мысли М. Хайдеггера, подчеркивает, что только через поиски и блуждания (подразумеваемая под блужданиями осуществление выбора в неизвестности) человек способен определиться со своим жизненным путем (Ставцев, 2000).

Отечественный экзистенциальный философ Н.А. Бердяев подчеркивал, что в основании мира лежит свобода, которая существовала еще до Бога и мира (Бердяев, 1989). При этом, «свобода религиозная, свобода совести не есть право» (Бердяев, 1989, с. 193). Напротив, свобода дает человеку определенные обя-

занности, он несет за нее ответственность. «Человек обязан нести бремя свободы, не имеет права сбросить с себя это бремя» (Бердяев, 1989, с. 193). Эти суждения применимы ко всем жизненным процессам личности, включая выбор во время самоопределения. Человек имеет свободу в самоопределении, он волен стать тем, кем выберет, но будет нести за это ответственность. Л. Шестов также обсуждал вопросы свободы, выбора и ответственности. Философ говорил о том, что любое проявление свободы личности — это основа ее подлинного существования несмотря на то, что свобода не существует сама по себе, а взаимодействует с понятием ответственности. «Человек свободен в связанном законами мире» (Шестов, 1966, с. 242).

Действительно, самоопределение можно считать свободным процессом, что подтверждают мысли экзистенциальных философов. В молодом возрасте человек имеет возможность свободно выбрать ту карьеру и тот путь, который представляется ему близким. Этот выбор, хоть и имеющий статус свободного, дает человеку ответственность, определенные обязательства, поэтому самоопределение неразрывно связано с ответственностью за выбор того профессионального существования, которое представляет интерес для человека.

К представителям данного подхода в социальной психологии косвенно можно отнести идеи И.С. Кона несмотря на то, что напрямую в своих работах он не подчеркивает связь с идеями экзистенциалистов. Несмотря на отсутствие оформленной научной школы в области социальной психологии, представляющей данный подход, его можно считать перспективным.

Операционализация понятия ПС в подходе

В рамках этого подхода профессиональное самоопределение стоит понимать как совокупность свободных выборов, совершенных на профессиональном пути личности, за каждый из которых личность несет ответственность. Эффективным для исследования самоопределения в экзистенциальном подходе нам представляется метод нарративного интервью с целью выяснения основных стадий и этапов жизненного пути, уточнения принятых решений в профессиональной сфере и их влияния на дальнейшую карьеру.

Данный подход также может заинтересовать практических психологов, занимающихся консультированием и психотерапией. Экзистенциальная психотерапия зарекомендовала себя как серьезный метод, ориентированный на принятие личностью ответственности за свой выбор, построение внутренних опор, самоопределение. Целесообразность применения такого подхода в карьерном консультировании и профориентации подчеркивает Л.А. Васильева, в этом подходе «дается свобода для предъявления человека так, как он хочет и может» (Васильева, 2021, с. 174).

Профессиональное самоопределение как следствие жизненной ориентации

Рассмотрим другое представление о самоопределении, в основе которого лежит теория социального действия М. Вебера. М. Вебер ставит вопрос осознанности, осмысленности социального действия (Вебер, 1990). В своей концепции М. Вебер выделяет 4 типа ориентаций, которыми руководствуется человек при совершении выбора, а именно:

- 1) традиционную, предполагающую следование привычке;
- 2) аффективную, предполагающую опору на преобладающие эмоции человека;
- 3) ценностно-рациональную, при которой человек совершает истинно осознанный выбор, руководствуясь рациональностью и последовательным планированием, опорой на сложившиеся ценности;
- 4) целерациональную, включающую взвешивание собственных приобретений и потерь, выгод и издержек (Вебер, 1990).

Личность руководствуется различными ориентациями при совершении выбора. В случае исследования факторов профессионального самоопределения это может иметь решающее значение. Человек может остановиться на выборе определенной профессии, так как его семья в нескольких поколениях придерживается этого профессионального пути (традиционная ориентация), определенная профессия вызывает у него яркую эмоциональную реакцию по той или иной причине (аффективная ориентация), профессия соответствует его ценностям и убеждениям (ценностно-рациональная ориентация) или имеет много выгод и преимуществ на определенном жизненном этапе (целерациональная ориентация). Говоря о традиционной и аффективной ориентации, М. Вебер подчеркивал относительную, условную осознанность в совершении выбора, «чисто аффективное действие также находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано» (Вебер, 1990, с. 628). Благодаря этому становится очевидно, что нельзя говорить о полной осознанности любого выбора, в том числе профессионального. Следует обращать внимание, на что именно ориентировался человек, совершая профессиональный выбор.

Представителями данного подхода в социальной психологии можно считать Т.Г. Анистратенко, Р.М. Шамионова, которые также не останавливаются на понимании самоопределения как исключительно осознанного или же полностью свободного выбора.

Операционализация понятия ПС в подходе

В данном подходе профессиональное самоопределение стоит понимать как выбор с условной осознанностью, включающий социальную составляющую (сформированные привычки, социальные эмоции,

ценности, ориентация на других). Данный подход представляется нам эффективным для изучения факторов профессионального самоопределения. Следуя традиции М. Вебера, выбор профессии молодежью можно считать влиянием одной из ориентаций. На основе этого можно выделить 4 группы возможных факторов и использовать их как основу при проведении исследований.

Перспективным мы считаем создание опросника для выявления ориентации социального действия при профессиональном самоопределении, на основании идей М. Вебера. Возможно использование подобного опросника и в практике. Например, дополнительную информацию о кандидате на вакансию может дать именно его ориентация в выборе профессии. Так, если у кандидата аффективная ориентация в выборе своего профессионального пути, то его выбор может быть временным, а кандидат вряд ли станет перспективным и приверженным организации сотрудником.

Профессиональное самоопределение как психологическое новообразование

Особое понимание профессионального самоопределения находит свое место в возрастной психологии. Появление у личности потребности определить свое место в профессиональном мире появляется в определенном возрасте, поэтому это можно считать психологическим новообразованием. Так, Л.И. Божович считала, что сама потребность в самоопределении возникает на рубеже старшего подросткового и раннего юношеского возрастов (Божович, 1968). И.В. Дубровина конкретизировала мысли Л.И. Божович, считая психологическим новообразованием скорее саму готовность к самоопределению, возникающую в юношеском возрасте (Дубровина, 1991). Отметим, что известная концепция профессионального самоопределения Э.Ф. Зеера также подчеркивает особую важность подросткового возраста, ранней юности и юности (Зеер, 2003). Именно в ранней юности (14–15 лет) происходит процесс рефлексии, самонализа в процессе выбора профессионального пути, а в юности (16–23 года) происходит кристаллизация профессиональной направленности личности (Там же). Тем не менее, концепция Э.Ф. Зеера шире понимания ПС как психологического новообразования. Она включает также и вопрос осознанности профессионального выбора, факторов профессионального самоопределения. Помимо этого, особенностью концепции является и описание факторов ПС от дошкольного возраста до пожилого. Таким образом, концепция Э.Ф. Зеера имеет скорее промежуточный статус и не в полной мере относится к данному подходу, но, при этом, дополняет его более полной возрастной периодизацией.

Данный подход стоит на стыке психологии развития и социальной психологии. Тем не менее, среди

прочих социально-психологических подходов к пониманию ПС он не менее важен. В процессе взросления личность проходит этапы социализации, получая влияние от различных институтов социализации, включая семью, школу, СМИ. В зависимости от особенностей социализации описанные новообразования могут иметь свою специфику, проявляться быстрее или позже выделенного в исследованиях срока. При определении появления новообразования в беседе с подростком необходимо получить информацию и о социальных аспектах его жизни.

Представителями данного подхода в социальной психологии можно считать А.Д. Андрееву и А.Г. Лисичкину, поднимающих проблему ПС юношества. Данные авторы делают акцент на ПС внутри определенных социальных групп, включая современное цифровое экономическое сообщество (Андреева, 2022).

Операционализация понятия ПС в подходе

В рамках данного подхода будем считать профессиональное самоопределение новообразованием, появляющимся на рубеже старшего подросткового и раннего юношеского возрастов. На современном этапе развития психологической науки данному подходу уделяется мало внимания. Тем не менее, исследования в рамках подхода могут изменить взгляд на специфику формирования и развития новообразований в подростковом и юношеском возрасте.

Специально разработанных психодиагностических опросников на наличие и специфику проявления данного новообразования на данный момент не существует, обычно диагностика новообразований совершается в результате беседы и наблюдения за подростками.

Данный подход к пониманию самоопределения особенно применим в рамках школьной социально-психологической службы, а также в работе психологов в колледжах и вузах. В результате беседы квалифицированный психолог способен выявить у личности потребность в ПС и саму готовность к ПС. Благодаря этому можно вовремя предложить подростку набор профориентационных практик или несколько карьерных консультаций, а также сформировать просветительскую программу для школ и других учебных учреждений. Профориентацию, а также тренинги профессионального самоопределения необходимо проводить своевременно. Для определения подходящего периода их проведения и нужно обращаться к данному подходу.

Возможности и ограничения подходов к пониманию профессионального самоопределения в социальной психологии

Обобщим основную информацию, необходимую для детального понимания и разделения существующих подходов к пониманию ПС в социальной психологии с точки зрения возможностей и ограничений подходов. Основные аспекты указаны в Таблице 1.

Таблица 1

Основные подходы к пониманию профессионального самоопределения в социальной психологии

ПС как осознанный выбор жизненного пути	ПС как свободный выбор, за который личность несет ответственность	ПС как следствие жизненной ориентации	ПС как психологическое новообразование
Теоретическая основа подходов (авторы)			
С.Л. Рубинштейн	М. Хайдеггер	М. Вебер	Л.И. Божович И.В. Дубровина
Представители в социальной психологии			
Н.С. Пряжников И.А. Кох В.А. Орлов	И.С. Кон	Т.Г. Анистратенко Р.М. Шамионов	А.Д. Андреева А.Г. Лисичкина
Возможности подходов			
Обширный теоретико-методологический и диагностический материал, позволяющий работать с детьми, подростками и взрослыми	Проведение междисциплинарных исследований, применение экзистенциальной психотерапии в карьерном консультировании	Прогнозирование мотивации и действий молодежи при устройстве на работу. Подходит для работы с подростками и взрослыми	Позволяет точно определить период появления новообразования и подобрать программу профориентационной работы
Ограничения подходов			
Рассмотрение ПС исключительно как осознанного выбора, не учитывается влияние неосознанных факторов на ПС	Не учитываются обстоятельства возможного несвободного, вынужденного выбора профессионального пути. Не подходит для работы с детьми и подростками	Исследование строго в рамках концепции четырех жизненных ориентаций, сложности в определении комбинированных ориентаций	Не предусмотрено наблюдение за развитием и трансформацией новообразования в более взрослом возрасте

Table 1

The main approaches to understanding professional self-determination in social psychology

PS as a conscious choice of a life path	PS as a free choice for which a person is responsible	PS as a consequence of life orientation	PS as a psychological new formation
The theoretical basis of the approaches (authors)			
S.L. Rubinstein	M. Heidegger	M. Weber	L.I. Bozhovich I.V. Dubrovina
Representatives in social psychology			
N.S. Pryazhnikov I.A. Koch V.A. Orlov	I.S. Kon	A.A. Anistratenko R.M. Shamionov	A.D. Andreeva A.G. Lisichkina
The opportunities of the approaches			
Extensive theoretical, methodological and diagnostic material that allows to work with children, adolescents and adults	Conducting interdisciplinary research, the use of existential psychotherapy in career counseling	Forecasting the motivation and actions of young people when applying for a job. Suitable for work with adolescents and adults	It allows to accurately determine the period of the appearance of a new formation and select a career guidance programme
The limitations of the approaches			
Considering PS solely as a conscious choice, the influence of unconscious factors on PS is not taken into account	The circumstances of a possible un-free, forced choice of a professional path are not taken into account. It is not suitable for working with children and teenagers	The study is strictly within the framework of the concept of four life orientations. There are difficulties in determining combined orientations	There is no provision for monitoring the development and transformation of a new formation in adulthood

Перспективы исследования профессионального самоопределения в социальной психологии

Профессиональное самоопределение является социально-психологическим понятием и создает предпосылки для дальнейшего определения человеком своей жизни и его успешной самореализации. Самоопределение является «определением своего положения в мире...» (Кон, 1978, с. 333), в то время как профессиональное самоопределение отвечает за место человека в профессиональном сообществе. Безусловно, за процессами профессионального самоопределения стоят определенные личностные и социально-психологические факторы. Тем не менее, можно только предполагать о конкретных факторах, влияющих на процесс самоопределения, ведь, как отмечает В.Т. Кудрявцев, «ощущается острый дефицит в работах, представляющих целостную картину влияния различных факторов на динамику профессионального самоопределения на всех стадиях профессионального становления личности» (Кудрявцев, 1983, с. 56). На современном этапе развития психологии все так же ощущается дефицит исследований факторов профессионального самоопределения, это отмечает Ю.П. Поваренков, «факторы, инициирующие и/или останавливающие процессы личностного и профессионального самоопределения, сегодня не исследованы» (Поваренков, 2012, с. 212).

На данном этапе развития психологии все чаще появляются исследования, связанные с факторами ПС. При этом, обычно исследователи сосредоточены на выявлении влияния определенного фактора или группы факторов. Например, в рамках прикладного исследования среди первокурсников-дефектологов была выявлена преобладающая мотивация выбора будущей профессии и освоения необходимых для нее навыков, а также высокие показатели познавательной мотивации (Войлокова, 2021). В рамках исследования профессионального самоопределения молодых единокорцев было установлено, что «большинство студентов-единокорцев после окончания высшего учебного заведения имеют желание работать по профессии, связанной с военной службой» (Вареников, 2020, с. 57). Другие прикладные исследования показывают, что на сегодняшний день студенты не всегда довольны профессиональным выбором, а их профессиональное самоопределение может быть неустойчиво. Так, в исследовании студентов Южно-Уральского государственного колледжа было выявлено, что «не все опрошенные готовы работать по полученной специальности. Наблюдается неопределенность в отношении профессиональных планов» (Мошкина, 2022, с. 135).

Одним из социально-психологических факторов профессионального самоопределения могут служить особенности социализации молодежи. Процесс социализации как таковой, действительно, связан с профессиональным становлением (Шамяионов, 2012). Среди факторов, влияющих на профессиональное самоопределение, уже были выявлены и описаны

фактор общения со сверстниками (Калашникова, 2015), фактор семьи (Янгальшева, 2010), влияние ценностных ориентаций (Кох, 2020). Известным является факт того, что ценности человека направляют его деятельность, влияют на выбор профессии. Было показано, каким набором ценностей (терминальных, инструментальных, профессиональных) обладают предприниматели различного типа (Журавлев, 2023). Авторы исследования убедились в важной роли ценностей в процессе профессионального самоопределения на примере ценностей современных предпринимателей традиционного бизнеса и основателей стартапов. «Современный человек для сознательного существования в мире, для того чтобы сформировать свое ценностно-смысловое пространство, должен поместить себя в мир общечеловеческих ценностей, которые выступают в качестве потенциальных мотивов» (Луговская, 2009, с. 72).

Таким образом, на формирование своего «Я» в профессии будут оказывать влияние и значимые для жизни личности конструкты, то есть, ценности. При этом, какие именно ценности на сегодняшний день влияют на становление и самоопределение личности в профессиональном плане, стоит уточнять в исследованиях.

Выводы

Процесс, структура и особенности самоопределения представляют междисциплинарный интерес. Самоопределение можно разделить на личностную и социальную составляющие. В рамках социальной составляющей самоопределения выделяется профессиональное самоопределение.

Для операционализации понятия профессионального самоопределения следует определиться с подходом к его пониманию. Мы предлагаем классифицировать существующие работы по четырем подходам:

- 1) профессиональное самоопределение как осознанный выбор жизненного пути (теоретическая основа подхода — С.Л. Рубинштейн; представители в социальной психологии — Н.С. Пряжников, И.А. Кох, В.А. Орлов);
- 2) профессиональное самоопределение как свободный выбор, за который личность несет ответственность (теоретическая основа подхода — М. Хайдеггер; представители в социальной психологии — И.С. Кон);
- 3) профессиональное самоопределение как следствие жизненной ориентации (теоретическая основа подхода — М. Вебер; представители в социальной психологии — Т.Г. Анистратенко, Р.М. Шамяионов);
- 4) профессиональное самоопределение как психологическое новообразование (теоретическая основа подхода — Л.И. Божович, И.В. Дубровина; представители в социальной психологии — А.Д. Андреева, А.Г. Лисичкина).

Выделенные подходы являются социально-психологическими или стоят на стыке социальной психологии и других отраслей психологической науки. Каждый подход является перспективным для исследований. Предлагаются варианты развития подходов, проводится операционализация понятий, анализируются уже опубликованные работы в рамках подхода. Каждый подход имеет ряд своих преимуществ и ограничений и рекомендуется к использованию для различных социальных групп. Так, если первые два подхода применимы для исследований ПС взрослых, то подход 4 может быть полезен и для исследований ПС подростков. Подход 3 можно использовать для исследований и практической работы со всеми возрастными группами молодежи, но особенно эффективным будет в рамках профессиональной диагностики кандидатов на работу.

Подходы, которые мы рассматриваем в данной работе, в большей части основываются на исследованиях отечественных социальных психологов. При этом, перспективным представляется детальное рассмо-

трение современных зарубежных исследований профессионального самоопределения и анализ зарубежных представлений о ПС. Достаточно часто можно встретить зарубежные работы, которые посвящены лишь одному аспекту ПС (например, профессиональным намерениям), а не ПС в целом, что также требует дальнейшего обсуждения и анализа.

Мы предположили, что особенности социализации и сформировавшиеся у личности ценности будут оказывать влияние на самоопределение человека в молодом возрасте. Факторы социализации могут быть неосознанными, и выбор определенной профессии может быть движим не осознанностью и рациональностью, а традициями и убеждениями, привитыми агентами социализации в различные периоды развития личности. Факторы социализации также являются лишь определенной группой социально-психологических факторов ПС, при этом целостную картину социально-психологических факторов профессионального самоопределения еще предстоит уточнить в будущих исследованиях.

Список литературы

- Андреева, А.Д., Лисичкина, А.Г. (2022). Проблема профессионального самоопределения юношества в исследованиях сотрудников Психологического института: 1920–2020-е гг. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 3(15), 198–210. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-198-210>
- Анистратенко, Т.Г. (2017). Индивидуально-личностное самоопределение в повседневных социальных практиках. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 1(194), 66–71.
- Бердяев, Н.А. (1989). Смысл творчества. Философия свободы. Москва: Правда.
- Божович, Л.И. (1968). Личность и ее формирование в детском возрасте (Психологическое исследование). Москва: Просвещение.
- Вареников, Н.А., Попова, И.Е., Бабуева, М.Г. (2020). Профессиональное самоопределение студентов, занимающихся единоборствами. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*, 7(185), 53–58. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.7.р.53-58>.
- Васильева, Л.А. (2021). Размышления на тему самоопределения и профориентации в рамках экзистенциального подхода. *Психологические проблемы смысла жизни и акмеология*, (1), 171–175.
- Вебер, М. (1990). Основные социологические понятия. Москва: Прогресс.
- Войлокова, Е.Ф. (2021). Профессиональное самоопределение студентов-дефектологов. *Вестник психофизиологии*, (4), 59–64. <https://doi.org/10.34985/z1609-4024-4878-m>
- Грецов, А.Г., Азбель, А.А. (2012). Психологические тесты для старшеклассников и студентов. Санкт-Петербург: Питер.
- Даль, В.И. (1994). Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Прогресс-Универс.
- Дубровина, И.В. (1991). Школьная психологическая служба: вопросы теории и практики. Москва: Педагогика.
- Журавлев, А.В., Череменская, М.А. (2023). Сравнительный анализ ценностей у предпринимателей традиционного бизнеса и основателей стартапов. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 216–238. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-34>
- Зеер, Э.Ф. (2003). Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Калашникова, А.А. (2015). Влияние общения со сверстниками на профессиональное самоопределение старшеклассников. *Бюллетень медицинских интернет-конференций*, 5(5), 570.
- Кон, И.С. (1978). Открытие «Я». Москва: Политгиздат.
- Кох, И.А., Орлов В.А. (2020). Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи. *Образование и наука*. 22(2), 141–168. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-2-141-168>
- Кудрявцев, Т.В., Шегурова В.Ю. (1983). Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности. *Вопросы психологии*, (2), 51–59.
- Луговская, Т.В. (2009). Ценностно-смысловое пространство человека. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 1(2), 71–74.
- Мударисов, А.А. (2016). Личностно-профессиональное самоопределение как социально-психологическое понятие. *Акмеология*, 3(59), 45–49.
- Мошкина, Л.Д., Швачко, Е.В., Кочегин, А.Г. (2022). Профессиональное самоопределение студентов профессиональных образовательных организаций: результаты исследования. *Инновационное развитие профессионального образования*, 1(33), 132–141.

- Ниязбаева, Н.Н. (2018). Экзистенциальная антропология как антропология образования. *Дискурс-Пи*, 2(31).
- Орлов, В.А. (1990). Психологическое профконсультирование как метод интенсификации профессионального самоопределения старших подростков. Москва: Изд-во АПН СССР.
- Поваренков, Ю.П. (2014). Психологическое содержание профессионального самоопределения личности: системогенетический подход. *Ярославский психологический вестник*, 2(2), 211–217.
- Прыжников, Н.С. (2008). Профессиональное самоопределение: теория и практика: учеб. пособие. Москва: Академия.
- Рубинштейн, С.Л. (1973). Проблемы общей психологии. Москва: Педагогика.
- Рубинштейн, С.Л. (1999). Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер Ком.
- Сартр, Ж.-П. (1989). Экзистенциализм — это гуманизм. Сумерки богов. Москва: Политиздат.
- Соловьев, В.С. (1988). Философские начала цельного знания. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль.
- Ставцев, С.Н. (2000). Введение в философию Хайдеггера. Санкт-Петербург: Лань.
- Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». СПС КонсультантПлюс.
- Франк, С.Л. (1992). Духовные основы общества. Москва: Республика.
- Хайдеггер, М. (1991). Разговор на проселочной дороге. Москва: Высшая школа.
- Шамяионов, Р.М. (2012). Социализация и ресоциализация личности: нормативность и процессуальность. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития»*, 12(4), 3–8.
- Шереметова, Г.П. Понятие социального самоопределения личности и его сущность. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2243 (дата обращения: 07.04.2015)
- Шестов, Л. (1966). Sola fide — только верую: греческая и средневековая философия, Лютер и церковь. Париж: YMCA-PRESS.
- Щедровицкий, П.Г. (1993). Очерки по философии образования. Москва: Изд-во педагогического центра Эксперимент.
- Янгальшева, Г.Х. (2010). Влияние семьи как социального фактора на профессиональное самоопределение молодежи. *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*, (1–2), 286–290.

References

- Andreeva, A.D., Lisichkina, A.G. (2022). The problem of professional self-determination of youth in the research of the Psychological Institute: 1920–2020. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya (Theoretical and Experimental Psychology)*, 3(15), 198–210. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-198-210> (In Russ.).
- Anistratenko, T.G. (2017). Individual personal self-determination in daily social practices. *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sotsiologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kul'turologiya (Bulletin of Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies)*, 1(194), 66–71. (In Russ.).
- Berdyayev, N.A. (1989). The meaning of creativity. *Philosophy of Freedom*. Moscow: Pravda. (In Russ.).
- Bozhovich, L.I. (1968). Personality and its formation in childhood (Psychological research). Moscow: Prosveschenie. (In Russ.).
- Dal', V.I. (1994). Explanatory dictionary of the living Great Russian language, vol. 4. Moscow: Progress-Univers. (In Russ.).
- Dubrovina, I.V. (1991). School psychological service: questions of theory and practice. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
- Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2020 g. № 489-FZ "O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii" (Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ "On youth policy in the Russian Federation.") SPS ConsultantPlus (In Russ.).
- Frank, S.L. (1992). The spiritual foundations of society. Moscow: Respublika. (In Russ.).
- Gretsov, A.G., Azbel', A.A. (2012). Psychological tests for high school students and students. St. Peterburg: Piter. (In Russ.).
- Kalashnikova, A.A. (2015). The influence of communication with peers on the professional self-determination of high school students. *Byulleten' Meditsinskikh Internet-Konferentsii (Bulletin of Medical Internet Conferences)*, 5(5), 570. (In Russ.).
- Khaidegger, M. (1991). A conversation on a country road. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Koch, I.A., Orlov, B.A. (2020). Values and professional identity of student-age population. *Obrazovanie i Nauka (Education and Science Journal)*, 2(22), 141–168. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-2-141-168> (In Russ.).
- Kon, I.S. (1978). The discovery of "I". Moscow: Politizdat. (In Russ.).
- Kudryavcev, T.V., Shegurova, V.Y. (1983). Psychological analysis of the dynamics of professional self-determination of the individual. *Voprosy psikhologii*, (2), 51–59. (In Russ.).
- Lugovskaya, T.V. (2009). The value-semantic space of a person. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kul'turologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki (Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice)*, 1(2), 71–74. (In Russ.).
- Moshkina, L.D., Shvachko, E.V., Kochegin, A.G. (2022). Professional self-determination of students of vocational educational organizations: research results. *Innovatsionnoe Razvitie Professional'nogo Obrazovaniya (Innovative Development of Professional Education)*, 1(33), 132–141. (In Russ.).
- Mudarisov, A.A. (2016). Personal-professional identity as sociopsychological concept. *Akmeologiya (Acmeology)*, 3(59), 45–49. (In Russ.).
- Niyazbaeva, N.N. (2018). Existential anthropology as an anthropology of education. *Diskurs-Pi (Discourse-Pi)*, 2(31). (In Russ.).
- Orlov, V.A. (1990). Psychological professional counseling interview as a method of intensification of professional self-determination of older adolescents. Moscow: APN SSSR Press.
- Povarenkov, Yu.P. (2014). The psychological content of professional self-determination of a personality: a systematic genetic approach. *Yaroslavskii Psikhologicheskii Vestnik (Yaroslavl Psychological Bulletin)*, 2(2), 211–217. (In Russ.).
- Pryazhnikov, N.S. (2008). Professional self-determination: theory and practice: a textbook. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
- Rubinshtein, S.L. (1973). Problems of general psychology. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
- Rubinshtein, S.L. (1999). Fundamentals of general psychology. St. Petersburg: Peter Com. (In Russ.).
- Sartre, Zh.P. (1989). Existentialism is humanism. Twilight of the Gods. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

- Shamionov, R.M. (2012). Socialization and re-socialization of personality: normativity and processality. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya "Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya"* (Proceedings of the Saratov University. A New Series. The Series "Acmeology of Education. Developmental Psychology"), 12(4), 3–8. (In Russ.).
- Shchedrovitskii, P.G. (1993). Essays on the philosophy of education. Moscow: Experiment Press. (In Russ.).
- Sheremetova, G.P. The concept of social self-determination of the individual and its essence. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2243 (access date: 04.07.2015) (In Russ.).
- Shestov, L. (1966). *Sola fide — only by faith: Greek and Medieval philosophy, Luther and the Church*. Paris: YMCA-PRESS. (In Russ.).
- Solov'ev, B.C. (1988). Philosophical principles of integral knowledge. Op.: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
- Stavtsev, S.N. (2000). An introduction to Heidegger's philosophy. St. Petersburg: Lan'. (In Russ.).
- Varenikov, N.A., Popova, I.E., Babueva, M.G. (2020). Professional selfdetermination of students engaged in martial arts. *Uchenye Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta (Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University)*, 7(185), 53–58. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.7.p.53-58> (In Russ.).
- Vasil'eva, L.A. (2021) Reflections on the topic of "self-determination and proforientation" in the framework of existential approach. *Psihologicheskie Problemy Smysla Zhizni i Akmeologiya (Psychological Problems of the Meaning of Life and Acmeology)*, (1), 171–175. (In Russ.).
- Veber, M. (1990). Basic sociological concepts. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Voilokova, E.F. (2021). Professional self-determination of students-defectologists. *Vestnik Psikhofiziologii (Psychophysiology News)*, (4), 59–64. <https://doi.org/10.34985/z1609-4024-4878-m> (In Russ.).
- Yangalysheva, G.Kh. (2010). The influence of family as a social factor on the professional self-determination of young people. *Sovremennyye Tendentsii V Ekonomike i Upravlenii: Novyi Vzgl'yad (Modern Trends in Economics and Management: a New Perspective)*, (1-2), 286–290.
- Zhuravlev, A.V., Cheremenskaia, M.A. (2023). Comparative analysis of the values of traditional business entrepreneurs and startup founders. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. (Lomonosov Psychology Journal)*, 46(3), 216–238. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-34> (In Russ.).
- Zeer, E.F. (2003). Psychology of professions: A textbook for university students. 2nd ed., reprint, add. Moscow: Academic Project; Yekaterinburg: Business Book.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR



Мария Андреевна Череменская, аспирант кафедры социальной психологии, факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, egiazarovama@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-1350>

Maria A. Cheremenskaia, Postgraduate in Psychology, Psychologist at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, egiazarovama@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-1350>

Поступила: 11.11.2022; получена после доработки: 06.12.2023; принята в печать: 01.02.2024.

Received: 11.11.2022; revised: 06.12.2023; accepted: 01.02.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА / OCCUPATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0107>
УДК/UDC 159.9.072.432

Разработка и апробация методики субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач

О.Г. Корнева ✉, М.М. Абдуллаева, В.В. Барабанщикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ korneva_og@mail.ru

Резюме

Актуальность. В современном мире существуют организации, в которых высокий уровень регламентации задач связан с ценой ошибочных действий и требованиями к безопасности. Если представления о регламентации труда, сложившиеся у профессионала, не совпадают с реальными требованиями деятельности, это может привести к снижению качества работы, а также формированию негативных состояний. Это обуславливает необходимость создания психодиагностической методики, позволяющей оценивать субъективное восприятие специалистами уровня регламентации их профессиональной деятельности.

Цель. Разработка и апробация методики субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач.

Выборка. Для реализации цели исследования в выборку были включены представители профессий с разным уровнем регламентации трудовых задач: военнослужащие, проходящие службу по контракту (n = 96), медицинские работники (n = 57), артисты и музыканты (n = 67). Всего в исследовании приняли участие 220 человек.

Методы. По итогам анализа существующих исследований в области регламентации профессиональной деятельности разработана методика субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач. В методику вошло 18 пунктов, оценивающих шкалы: «Регламентация» (9 пунктов) и «Креативность» (9 пунктов). В качестве внешних критериев оценки валидности методики были подобраны опросники, имеющие шкалы оценивающие отдельные параметры профессиональной деятельности, связанные с ее регламентацией (16-шкальный семантический дифференциал «Моя работа» и анкета для оценки субъективно важных характеристик деятельности «Job Diagnostic Survey»). Апробация позволила оценить психометрические характеристики разработанной методики.

Результаты. Разработанная методика субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач характеризуется приемлемой конструктивной валидностью, однако недостаточной надежностью-согласованностью.

Выводы. Разработанный вариант методики нуждается в дальнейшей доработке, однако уже сейчас может рассматриваться как ситуационный опросник, применение которого допустимо совместно с другими методиками.

Ключевые слова: психодиагностическая методика, психометрика, регламентация трудовых задач, креативность, военнослужащие, медики, музыканты

Для цитирования: Корнева, О.Г., Абдуллаева, М.М., Барабанщикова, В.В. (2024). Разработка и апробация методики субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач. *Национальный психологический журнал*, 18(4), 101–113. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0107>

Development and Approbation of a Questionnaire for Subjective Assessment of the Level of Work Tasks Regulation

Oksana G. Korneva ✉, Mehirban M. Abdullaeva, Valentina V. Barabanshchikova

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russian Federation

✉ korneva_og@mail.ru

Abstract

Background. In the modern world, there are organizations in which a high level of task regulation is associated with the cost of erroneous actions and safety requirements. If the perceptions of work regulation, formed in a professional, do not coincide with the real requirements of the activity, it can lead to a decrease in the quality of work, as well as to the development of negative states. This necessitates the creation of a psychodiagnostic methodology to assess the subjective perception of the level of regulation in their professional activities by professionals.

Objectives. The focus is on the development and approbation of the method for subjective assessment of the level of work tasks regulation.

Study Participants. To reach the goal of the study, the sample included representatives of professions with different levels of work tasks regulation: military personnel serving under contract ($n = 96$), medical staff ($n = 57$), artists and musicians ($n = 67$). In total 220 people participated in the study.

Methods. Based on the results of the analysis of existing studies in the field of regulation of professional activity, a technique for subjective assessment of the level of work tasks regulation was developed. The questionnaire included 18 items assessing the following scales: "Regulation" (9 items) and "Creativity" (9 items). Questionnaires with scales evaluating individual parameters of professional activity related to its regulation (the 16-scale semantic differential "My job" and the questionnaire for assessing subjectively important characteristics of the "Job Diagnostic Survey" activity) were selected as an external criterion for assessing the validity of the technique. The approbation allowed us to evaluate the psychometric characteristics of the developed questionnaire.

Results. The developed questionnaire for subjective assessment of the level of work tasks regulation is characterized by acceptable construct validity but insufficient reliability and consistency.

Conclusions. The developed version of the questionnaire needs further improvement. However, it can already be considered as a situational questionnaire, the use of which is acceptable in combination with other methods.

Keywords: psychodiagnostic technique, psychometrics, regulation of work tasks, creativity, military servicemen, medical staff, musicians

For citation: Korneva, O.G., Abdullaeva, M.M., Barabanshchikova, V.V. (2024). Development and approbation of a questionnaire for subjective assessment of the level of work tasks regulation. *National Psychological Journal*, 19(1), 101–113. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0107>

Введение

Современное общество в настоящий момент переживает четвертую индустриальную революцию, связанную с внедрением в профессиональную деятельность кибернетических технологий, и повсеместную цифровизацию труда (Зубов, Пакунова, 2023; Нестик, 2023; Lemstra, de Mesquita, 2023). Распространение дистанционных форм профессиональной деятельности, появление новых профессий, институционализация статуса «самозанятости» — приводят к тому, что границы трудовых задач и способы их регламентации размываются (Галкина, 2020; Онопюк, 2021). Зачастую ответственность за организацию выполнения задач на рабочем месте ложится на самого профессионала,

требуя от него автономности, развитой саморегуляции, проактивности и творческого подхода (Rubery et al., 2018; Ferdinando et al., 2022; Тимофеева, Тимофеев, 2023).

Подготовка к такой форме профессиональной деятельности должна осуществляться еще на этапе обучения. В связи с этим говорят о возникновении образования 4.0, ориентированного на: 1) обучение, не ограниченное во времени и пространстве за счет применения дистанционных форматов; 2) расширение возможности развития «мягких» навыков (soft skills) эффективной коммуникации, творческого подхода, саморегуляции (Лебедева и др., 2016; Степанова, Зеер, 2019; Moraes, 2023).

При этом, в тех организациях, где требуется высокая степень точности и контроля за выполнением трудовых задач, а также в тех видах деятельности, где ошибки могут иметь серьезные последствия, трудовая деятельность должна оставаться высоко регламентированной (Лазебная, Бессонова, 2013). Это может относиться, например, к медицинским учреждениям, авиационному и железнодорожному транспорту, военным и правительственным организациям, а также крупным финансовым и юридическим учреждениям. Однако молодые специалисты, обучение которых было направлено на формирование творческого и автономного подхода в работе, отвечающего современным вызовам общества, попав в высокорегламентированную среду таких организаций, могут испытывать сложности в адаптации к профессиональной деятельности, связанные с несопадением их ожиданий с требованиями деятельности (Левицкая, Покровская, 2021).

Актуальность изучения того, как специалисты воспринимают и оценивают уровень регламентации в своей профессиональной деятельности связан с риском негативных последствий как для работника, так и для организации при несопадении и противоречивости субъективно воспринимаемой и объективно существующей регламентации трудовых задач. Было показано, что недооценка реальных требований деятельности может привести к снижению производительности и качества работы, увеличению вероятности совершения ошибочных действий, а также формированию негативных психических состояний (Коропец, 2020).

Несмотря на то, что проблематика регламентации в профессиональной деятельности является традиционным предметом рассмотрения экономистов, теоретиков менеджмента, политологов и специалистов по трудовым отношениям, подчеркивающих важность и необходимость локальных стандартов выполнения работы для возможности осуществления внутреннего контроля, в настоящее время под влиянием массового внедрения информационно-коммуникационных технологий, меняющих условия существования человека, к ней обращаются психологи, специалисты по человеческому фактору. Динамичность изменений, связанных с роботизацией, нейротехнологиями, интернетом вещей требует учета и социально-психологических факторов, связанных с регламентацией трудовой деятельности (Rubery, 2018). Регламентация, под которой в общем смысле понимается «совокупность норм, правил, стандартов и процедур, ограничивающих и определяющих формы деятельности в обществах с развитым разделением труда» (Нестеров, 2008, с. 91) необходима для установления порядка и четких правил выполнения профессиональной деятельности, определения ответственности каждого сотрудника, снижения вероятности ошибок и улучшения качества работы (Савельева, 2018; Юсупова, 2022). При этом «соблюдение определенных правил, нормативов и стандартов, в соответствии с которыми осуществляется трудовая деятельность персонала»

(Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих, 1998) выступает в качестве маркера степени строгости требований к содержанию и исполнению предписываемых функций, компетенциям и жесткости формализации трудового поведения.

Один из принципов регламентации заключается в сочетании рутинных (следующих по известному шаблону) операций и творческого начала в деятельности (Нестеров, 2008), который предполагает не только действия по определенным правилам, но и закладывает «отступления» от них в связи с непредсказуемыми и неожиданными изменениями в условиях и содержании деятельности. В связи с этим особое значение приобретают исследования творчества на рабочем месте (англ. workplace creativity) и факторов, влияющих на него. К числу таких факторов может относиться, по мнению исследователей, так же и рутинизация, как процесс превращения новых идей и методов в привычные и стандартные действия и процедуры, высвобождающие когнитивные ресурсы для творчества (Chae, Choi, 2019). И если регламентация — это установление правил и норм, а рутинизация — процесс «привыкания» к новым правилам и нормам, превращение их в привычные процедуры, то можно говорить о существовании тесной связи между двумя этими понятиями.

Кроме того, в теории регламентации существует проблема соотношения «процедуры» и «процесса». Человек с «процессуальной» природой своей активности, примером которой является кривая работоспособности, вынужденный следовать заданным процедурам (определенным правилам и способам) в реальных условиях сталкивается с другими требованиями. Так, врачи, принимая решения о консервативном или хирургическом ведении больного, учитывают не только диагноз и протоколы лечения, но и личностные особенности пациента, его физические и материальные возможности, характер его социального окружения.

Целью данного исследования является создание психодиагностической методики, позволяющей оценивать субъективное восприятие специалистами уровня регламентации их профессиональной деятельности.

Выборка

В исследовании приняли участие представители следующих профессий: военнослужащие, проходящие службу по контракту различных специальностей ($n = 96$), гражданские медики ($n = 57$), артисты и музыканты ($n = 67$). Всего в исследовании приняли участие 220 человек, из них 53 женщины, средний возраст респондентов составил 25,1 года, средний стаж работы 5,8 лет.

При этом выборка была подобрана и поделена на две части по уровню регламентации профессиональ-

ной деятельности: в первую вошли военнослужащие, проходящие службу по контракту и медицинские специалисты ($n = 153$) как представители строго регламентированных видов деятельности (Брыкова, 2014; Голиков и др., 2021). Вторую часть выборки составили артисты и музыканты ($n = 67$), чья деятельность характеризуется небольшой регламентацией деятельности, относящейся лишь к отдельным этапам этапам их деятельности, например, необходимость участия в выстраивании звука перед концертом (Цагарелли, 2008; Juillerat, 2010; Hirst et al., 2011). Далее в статье данные группы будут обозначаться как «Группа регламентированных профессий» и «Группа менее регламентированных профессий».

Методы исследования

В ходе исследования осуществлялась разработка психодиагностической методики опросного типа. Выбор опросной формы связан с простотой в использовании, высокой скоростью проведения и понятностью такого формата для обследуемых независимо от их возраста и уровня образования.

Разработка пунктов методики осуществлялась следующим образом:

1. Проведен анализ литературы, целью которого был поиск психодиагностического инструментария, направленного на оценку аналогичных конструктов. Была подобрана анкета, состоящая из ряда утверждений, нацеленных на оценку рутинизации профессиональной деятельности (Ohly, 2006). В связи с тем, что концепт рутинизации связан с регламентацией трудовых задач, было принято решение о включении данных утверждений в методику.
2. Утверждения анкеты переведены на русский язык, сформирован первичный перечень из десяти пунктов методики с разной формулировкой утверждений для возможности выбора наиболее адекватного цели нашей работы.
3. Перевод оценен по критериям эквивалентности, семантической близости оригинальному варианту утверждения и по соответствию цели диагностики тремя экспертами-психологами, имеющими опыт работы от 1 года, свободно владеющими английским языком. В ходе анализа эксперты оценивали каждый пункт по трехбалльной шкале, где 1 балл свидетельствовал о невозможности использования пункта для оценки регламентации трудовых задач; 2 балла свидетельствовали о том, что пункт может быть использован для оценки уровня регламентации задач после синтаксической или семантической доработки (при этом экспертами предлагались варианты доработки пункта); 3 балла свидетельствовали о возможности включения пункта в методику в первоначально предложенном виде. Результаты экспертной оценки были усреднены. Если средний балл за пункт был меньше или равен 2,5, он включался в методику,

если средний балл находился в диапазоне от 1,5 до 2,4, формулировка пункта дорабатывалась и снова проходила этап оценивания, если пункт получал менее 1,4 баллов, он исключался из методики. Доработка пунктов была связана с исправлением стилистических и смысловых неточностей. Всего на данном этапе было исключен один пункт, который эксперты сочли не связанным с оцениваемым конструктом, и доработаны четыре.

4. Для того чтобы утверждения были разнообразными по содержанию и включали такие аспекты регламентации задач, которые относятся к оценке особенностей рабочего процесса и степени свободы действий работника в рамках заданных правил и процедур, также были добавлены пункты, направленные на субъективную оценку возможностей для проявления творчества. Это решение было обусловлено тем, что многие исследователи (Chae, Choi, 2019; Левицкая, Покровская, 2021; Sayarina, Botone, 2021) подчеркивают, что умеренный уровень регламентации задач оказывает положительное влияние на творческое поведение на рабочем месте, рост личной ответственности, тогда как слишком сильная регламентация может привести к ограничению свободы и превращению человека в послушного «робота», лишённого собственной воли. Одновременный учет того, как респондент субъективно воспринимает уровень регламентации и возможности для творчества в своей деятельности, позволит исследователю решить вопрос выявления противоречий субъективно воспринимаемой и объективно существующей регламентации трудовых задач. В результате данного этапа было добавлено еще десять пунктов, касающихся наиболее значимых условий для проявления творчества на рабочем месте.
5. Добавленные пункты прошли экспертную оценку аналогичную экспертной оценке из пункта 3. В результате из предложенных экспертам пунктов был исключен один пункт, который эксперты сочли не связанным с оцениваемым конструктом, и стилистически доработаны два пункта.
6. В результате в первоначальную версию методики вошли 18 пунктов (Таблица 1), направленные на оценку двух шкал: регламентации в профессиональной деятельности (четные пункты) возможности для проявления творчества (нечетные пункты). Для краткости шкалы названы так: шкала «Регламентация» и шкала «Креативность», соответственно.

В качестве ответов на пункты предлагался выбор из нескольких вариантов по 7-балльной шкале: «Совсем нет», «Очень редко», «Редко», «Иногда», «Часто», «Очень часто», «Всегда». Выбор такой шкалы был обусловлен тем, что она позволяет респондентам выразить свое мнение или отношение к вопросу, используя различные степени согласия или несогласия. Это делает процесс сбора данных более гибким и позволяет получить более точные результаты (Лактионов, Луценко, 2006).

Таблица 1

Перечень утверждений, вошедших в методику субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач

№ п/п	Утверждение
1.	Я легко изменяю существующие рабочие процессы в соответствии с текущими потребностями.
2.	Я могу быть уверен, что в практически любой ситуации на работе буду знать, что делать.
3.	У меня не возникает сложностей с тем, чтобы использовать уже существующие идеи.
4.	Каждая новая ситуация с моей работе — уникальна.
5.	Я считаю, что являюсь хорошим источником новых рабочих идей или способов использования существующего оборудования.
6.	В моей работе очень много правил, за нарушение которых я могу понести ответственность.
7.	Мне нравится работать по заданному стандарту.
8.	В моей работе есть только одно правило: отсутствие правил.
9.	У меня есть возможность проявлять оригинальность в моей работе.
10.	Всю мою работу сопровождает большое количество документации.
11.	У меня нет необходимости предлагать принципиально новые решения для задач, стоящих передо мной.
12.	Моя работа разнообразна настолько, что я не могу заранее знать, что ждет меня каждый новый день.
13.	В условиях недостатка ресурсов приходится изобретать новые способы решать стоящие передо мной профессиональные задачи.
14.	Моя работа характеризуется большим количеством повторяющихся похожих или одинаковых действий.
15.	Сложные случаи/задачи, заставляющие меня искать или придумывать решение, вызывают у меня тревогу.
16.	Для многих моих повседневных задач нет четкой инструкции или алгоритма действий.
17.	Меня часто хвалят за свежие идеи.
18.	У меня очень много должностных инструкций, которые необходимо соблюдать.

Table 1

List of statements included in the technique for subjective assessment and the level of work tasks regulation

№	Item
1.	I easily modify existing workflows to meet current needs.
2.	I can be sure that in almost any situation at work, I will know what to do.
3.	I don't have any difficulties using existing ideas.
4.	Every new situation in my work is unique.
5.	I believe that I am a good source of new ideas or ways to use existing equipment.
6.	There are a lot of rules in my work that I can be responsible for violating.
7.	I like to work according to a given standard.
8.	There is only one rule in my work: no rules.
9.	I have the opportunity to show originality in my work.
10.	All my work is accompanied by a large amount of documentation.
11.	I don't need to come up with fundamentally new solutions to the challenges I face.
12.	My work is so diverse that I can't know in advance what awaits me every new day.
13.	In the face of a lack of resources, I have to invent new ways to solve my professional tasks.
14.	My work is characterized by a large number of repetitive similar or identical actions.
15.	Complex cases/tasks that force me to search for or come up with a solution cause me anxiety.
16.	For many of my daily tasks, there are no clear instructions or algorithms.
17.	I am often praised for my fresh ideas.
18.	I have a lot of job descriptions that need to be followed.

В методику вошли как прямые, так и обратные пункты. В шкале «Креативность» прямые пункты — 1, 5, 9, 13, 17; обратные пункты — 3, 7, 11, 15. В шкале «Регламентация» прямые пункты — 2, 6, 10, 14, 18; обратные пункты — 4, 8, 12, 16.

Для оценки содержательной валидности разработанной методики в качестве внешних критериев в работу был включен следующий пакет методик:

1. Краткая анкета, включавшая сбор данных о возрасте, стаже, месте работы и специальности, а также о субъективной оценке возможностей для творчества, предоставляемых профессиональной деятельностью.
2. 16-шкальный семантический дифференциал (далее — СД) «Моя работа» (Абдуллаева, 2016) для получения информации об особенностях профессиональной деятельности. В предоставлении результатов он обозначается СД «Моя работа», в таблицах и визуализациях его биполярные шкалы обозначены названием полюсов.
3. Сокращенная версия анкеты для оценки субъективно важных характеристик деятельности «Job Diagnostic Survey» (Величковская, 2005) (далее — JDS).

Подбор данных методик обусловлен наличием в них шкал, касающихся оценки автономности, возможности для проявления творчества на работе, или рутинности профессиональной деятельности.

После подбора хорошо зарекомендовавших себя методик в качестве внешних критериев была проведена апробация разработанной методики. Результа-

ты полученные по итогам апробации анализировались следующим образом:

- сначала было осуществлено разделение выборки на две группы различающихся по уровню регламентации трудовых задач (см. раздел «выборка»);
- далее с целью выявления различий между группами был проведен сравнительный анализ показателей, полученных в разных группах, при помощи статистического критерия Манна — Уитни;
- затем с целью анализа психометрических характеристик методики субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач для проверки валидности и поиска связи между шкалами разработанной методики со шкалами методик, взятых в качестве внешнего критерия, проведен корреляционный анализ и анализ надежности-согласованности при помощи коэффициента альфа Кронбаха.

Данные обрабатывались при помощи статистического пакета SPSS 22.0 для Windows и Microsoft Excel 2019.

Результаты исследования

Анализ различий между группами с разным уровнем регламентации трудовых задач

Описательные статистики результатов, полученных в ходе проведения апробации, представлены в Таблице 2 с указанием данных по каждому пункту разработанной методики и шкалам методик, выступившим в качестве внешних критериев по отношению к содержанию пунктов нашей методики.

Таблица 2

Описательные статистики для пунктов опросника, а также показателей, выступивших в качестве внешних критериев надежности

Наименование параметра	Среднее для группы регламентированных профессий	Среднее для группы менее регламентированных профессий	Общее среднее	Общее среднеквадратичное отклонение
п. 1. Креативность	3,43	3,46	4,38	1,70
п. 2. Регламентация	5,24	5,50	5,18	1,47
п. 3. Креативность	5,22	5,43	2,86	1,61
п. 4. Регламентация	3,23	3,39	3,34	1,75
п. 5. Креативность	3,48	3,18	4,49	1,61
п. 6. Регламентация	5,40	5,48	5,40	1,65
п.7. Креативность	4,48	4,55	3,50	1,72
п. 8. Регламентация	6,02	5,93	6,05	1,58
п. 9. Креативность	3,51	3,69	4,37	1,79
п. 10. Регламентация	4,36	4,39	4,23	1,99
п. 11. Креативность	3,97	3,93	4,02	1,55
п. 12. Регламентация	3,59	3,89	3,70	1,86
п. 13. Креативность	3,69	3,20	4,39	1,69

п. 14. Регламентация	4,70	4,96	4,80	1,66
п. 15. Креативность	2,90	2,55	5,16	1,61
п. 16. Регламентация	4,53	4,40	4,60	1,66
п. 17. Креативность	3,90	3,95	4,04	1,64
п. 18. Регламентация	2,71	2,77	5,32	1,67
Шкала Креативность	36,93	38,07	37,22	5,72
Шкала Регламентация	43,51	40,02	42,62	6,13
Творческий потенциал работы (на основании анкеты)	1,22	0,93	1,13	0,89
Разнообразие (JDS)	4,77	3,91	4,51	1,77
Независимость (JDS)	4,15	3,87	3,96	1,82
Творческая-Рутинная (СД)	3,09	3,76	3,27	2,09

Table 2

Descriptive statistics for questionnaire items, as well as indicators that serve as external reliability criteria

Name of the parametre	Average for the groups of regulated professions	Average for groups of less regulated professions	Total average	Total standard deviation
p. 1. Creativity	3.43	3.46	4.38	1.70
p. 2. Regulation	5.24	5.50	5.18	1.47
p. 3. Creativity	5.22	5.43	2.86	1.61
p. 4. Regulation	3.23	3.39	3.34	1.75
p. 5. Creativity	3.48	3.18	4.49	1.61
p. 6. Regulation	5.40	5.48	5.40	1.65
p. 7. Creativity	4.48	4.55	3.50	1.72
p. 8. Regulation	6.02	5.93	6.05	1.58
p. 9. Creativity	3.51	3.69	4.37	1.79
p. 10. Regulation	4.36	4.39	4.23	1.99
p. 11. Creativity	3.97	3.93	4.02	1.55
p. 12. Regulation	3.59	3.89	3.70	1.86
p. 13. Creativity	3.69	3.20	4.39	1.69
p. 14. Regulation	4.70	4.96	4.80	1.66
p. 15. Creativity	2.90	2.55	5.16	1.61
p. 16. Regulation	4.53	4.40	4.60	1.66
p. 17. Creativity	3.90	3.95	4.04	1.64
p. 18. Regulation	2.71	2.77	5.32	1.67
Scale "Creativity"	36.93	38.07	37.22	5.72
Scale "Regulation"	43.51	40.02	42.62	6.13
Creativity of work (based on questionnaires)	1.22	0.93	1.13	0.89
Diversity (JDS)	4.77	3.91	4.51	1.77
Independence (JDS)	4.15	3.87	3.96	1.82
Creative Routine (SD)	3.09	3.76	3.27	2.09

Проверка распределения полученных результатов на нормальность при помощи теста Колмогорова — Смирнова показала, что эмпирические распределения результатов по шкалам отличаются от нормального (на уровне значимости $p < 0,006$), и поэтому при дальнейшем анализе мы использовали непараметрические методы.

С целью выявления ключевых различий между представителями профессий с разным уровнем регламентации трудовых задач был проведен сравнительный анализ при помощи критерия Манна — Уитни для независимых выборок. Было выявлено наличие значимых различий по шкалам семантического дифференциала, описывающего работу, индекса потенциальной мотивации, а также по шкале «Регламентация» (Таблица 3).

Таблица 3
Значимые различия между группами с разным уровнем регламентации деятельности при помощи критерия Манна — Уитни

Наименование шкалы	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Регламентация	-1,006	0,314
Креативность	-3,286	0,001
Ненавистная/Любимая	-7,469	0,000
Интересная/Скучная	-3,178	0,001
Однообразная/Разнообразная	-5,766	0,000
Развивающая/Тормозящая	-2,721	0,007
Конфликтная/Мирная	-0,856	0,392
Перспективная/Бесперспективная	-0,141	0,888
Малоподвижная/Динамичная	-1,988	0,047
Творческая/Рутинная	-6,308	0,000
Нервная (стрессовая)/Спокойная	-0,627	0,531
Дорогая/Дешевая	-2,180	0,029
Без обязательств/Ответственная	-1,528	0,126
Активная/Пассивная	-0,891	0,373
На одном месте/в разъездах	-3,629	0,000
Высокая оплата/Низкая оплата	-4,336	0,000
Уединенная/Людная	-4,355	0,000
Обычная/Особенная	-3,752	0,000
Индекс потенциальной мотивации (JDS)	-6,244	0,000

В полученных результатах обращает на себя внимание, что группы с различной регламентацией трудовых задач не различаются в оценках своей работы по таким критериям как: «Конфликтная», «Перспективная», «Нервная», «Ответственная» и «Активная». В связи с этим можно предположить, что субъектив-

ная оценка регламентации задач напрямую не связана с данными характеристиками работы.

Вместе с тем представители регламентированных профессий статистически значимо оценивают свою работу как более регламентированную и при этом характеризуются более высоким индексом профессиональной мотивации. Это может быть объяснено тем, что регламентация трудовых задач может устанавливать четкие цели и пути их достижения, которые помогают профессионалам понимать, что от них требуется и зачем это нужно.

Однако по шкале «Креативность» значимого различия между группой регламентированных профессий и группой менее регламентированных профессий не выявлено, что, с одной стороны, подтверждает данные о том, что регламентация трудовых задач не всегда негативно влияет на то, как профессионал оценивает возможности для проявления творчества на рабочем месте (Ohly, 2006; Chae, Choi, 2019), но, с другой стороны, требует дальнейшей работы для уточнения возможности различать субъективную оценку творчества у разных профессиональных групп при помощи разработанной методики.

Table 3
Significant differences between groups with different levels of regulation of activities using the Mann — Whitney criterion

Name	Z scale	Asymptotic significance (2-sided)
Regulation	-1.006	0.314
Creativity	-3.286	0.001
Hated/Favorite	-7.469	0.000
Interesting/Boring	-3.178	0.001
Monotonous/Diverse	-5.766	0.000
Educational/Inhibitory	-2.721	0.007
Conflict/Peaceful	-0.856	0.392
Promising/Unpromising	-0.141	0.888
Sedentary/Dynamic	-1.988	0.047
Creative/Routine	-6.308	0.000
Nervousing (stressful)/Calm	-0.627	0.531
Expensive/Cheap	-2.180	0.029
No strings attached/Responsible	-1.528	0.126
Active/Passive	-0.891	0.373
In one place/Traveling	-3.629	0.000
High Payment/Low Payment	-4.336	0.000
Private/Crowded	-4.355	0.000
Regular/Special	-3.752	0.000
Potential Motivation Index (JDS)	-6.244	0.000

Анализ психометрических характеристик разработанной методики

Для подтверждения того, что разработанная методика действительно измеряет то, для чего она была создана, был проведен корреляционный анализ значений по шкалам «Креативность» и «Регламентация»

со шкалами других, уже проверенных методик, выбранными в качестве внешних критериев. Корреляционный анализ показал наличие значимых связей между ними (Таблица 4). Данный результат говорит о приемлемой конструктивной валидности у разработанной методики.

Таблица 4

Коэффициенты корреляций показателей по шкалам «Креативность» и «Формализация» с внешними критериями

	Творческий потенциал работы	Разнообразие (JDS)	Независимость (JDS)	Творческая-Рутинная (СД)
Сумма по шкале «Креативность»	0,288	0,347	0,251	-0,361
Сумма по шкале «Регламентация»	-0,319	-0,308	-0,250	0,247

Table 4

Correlation coefficients of indicators on the “Creativity” and “Formalization” scales with external criteria

	Creative Work	Diversity (JDS)	Independence (JDS)	Creative-Routine (SD)
Total on the “Creativity” scale	0.288	0.347	0.251	-0.361
Total on the “Regulation” scale	-0.319	-0.308	-0.250	0.247

Далее была проанализирована корреляция пунктов разработанной методики друг с другом и с суммой по шкалам «Креативность» и «Регламентация». Это было сделано для того, чтобы определить пункты, не имеющие корреляции, «вклад» в который они должны сделать. Результаты данного корреляционного анализа показывают, что пункты 3 («У меня не возникает сложностей с тем, чтобы использовать уже существующие идеи») и 7 («Мне нравится работать по заданному стандарту») не коррелируют ни с одной из шкал разработанной методики, а значит, требуют доработки, так как содержательно «выпадают» из опросника.

Также, чтобы убедиться, что пункты разработанной методики измеряют один и тот же конструкт, а не разные конструкты или разные аспекты одного и того же конструкта был проведен анализ надежности-согласованности как показателя того, насколько все вопросы позволяют выявлять один и тот же психологический феномен. Анализ осуществлялся при помощи коэффициента альфа Кронбаха (чем выше значение коэффициента альфа, тем выше надежность-согласованность методики).

Показатель альфа Кронбаха для шкалы «Креативность» при первой проверке составил 0,274, а для шкалы «Регламентация» 0,343, что является низкими показателями надежности для психодиагностического опросника (Шмелев, 2013). Для того чтобы повысить альфа Кронбаха, можно удалить пункты, которые имеют низкий коэффициент альфа. После удаления «не работающего» пункта, коэффициент пересчитывается. Если после изъятия «не работающего» пункта коэффициент альфа Кронбаха повысился, то целесообразно исключить пункт из методики (Митина, 2013; Шинина, Митина, 2019).

В нашем случае низкий показатель альфа Кронбаха был выявлен у пунктов 3, 7, 11 и 15 для шкалы «Креативность» и 4, 8, 12, 16 для шкалы «Регламентация».

В результате исключение четырех пунктов повышает значение альфа Кронбаха до 0,720, что является более приемлемым показателем надежности (Шмелев, 2013). Интересно, что исключение пунктов в шкале «Креативность» дает резкий рост показателя альфа Кронбаха, что возможно связано с «размытостью» представлений об этом качестве у респондентов в целом. При этом для шкалы «Регламентация» наилучшее значение альфа Кронбаха при исключении четырех вопросов равно 0,566, что все еще является достаточно низким показателем.

Кроме того исключение из содержания разработанной методики восьми пунктов (3, 4, 7, 8, 11, 12, 15, 16) повысит психометрические свойства разработанного опросника, однако, при этом в шкалах «Креативность» и «Регламентация» останется только по пять пунктов, что влияет на полноту оценки измеряемого свойства с точки зрения ее внутренней валидности, так как пунктов «на тему» слишком мало (Батулин и др., 2015).

Обсуждение результатов

Таким образом, разработанная методика субъективной оценки уровня регламентации трудовых задач характеризуется приемлемой конструктивной валидностью, однако недостаточной надежностью-согласованностью. По результатам проведенной работы можно сделать вывод, что без дополнительной доработки опросник может считаться «квазитестом», так как имеет ряд признаков теста, но не в полной мере отвечает психометрическим требованиям к его

качеству, однако, это не мешает рассматривать его как «ситуационный тест-опросник», удовлетворяющий требованию дополнительного подтверждения результатов, полученных при помощи других методик (Батури́н и др., 2015). Применение данной методики, с учетом понимания уровня достоверности получаемых результатов, может быть полезно в тех случаях, когда осуществление профессиографического анализа профессиональной деятельности затруднено. В таких случаях разработанная методика может помочь задать направление поиска проблемных областей организации профессиональной деятельности.

В качестве перспектив развития данной версии методики можно определить следующие направления работы: доработка существующих пунктов, чтобы они более точно измеряли нужные конструкты; добавление новых пунктов, которые будут измерять тот же конструкт. После внесения таких изменений для получения точных данных о надежности-согласованности методики необходимо проведение исследования на выборке, включающей большее количество различных профессиональных групп, имеющих различные уровни регламентации трудовых задач.

Выводы

Регламентация в профессиональной деятельности может рассматриваться с разных сторон, как фактор, влияющий на темпы и характер инноваций и то, как специалисты, работающие в организациях, принимают их (Aghion et al., 2021), как средство координации деятельности организации за счет уменьшения изменчивости поведения и, в итоге, его прогнозирования и контроля (Pemartín, Rodríguez-Escudero, 2021).

Список литературы

- Абдуллаева, М.М. (2016). К вопросу о психосемантической классификации профессий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 3–9.
- Батури́н, Н.А., Вучетич, Е.В., Костромина, С.Н., Кукаркин, Б.А., Куприянов, Е.А., Лурье, Е.В., Шмелев, А.Г. (2015). Российский стандарт тестирования персонала (временная версия, созданная для широкого обсуждения в 2015 году). *Организационная психология*, 5(2), 67–138.
- Брыкова, Е.Ю. (2014). Оценка значимости социальной и организационной среды в деятельности военнослужащих в период реформирования Вооруженных сил. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (7), 45–49.
- Величковская, С.Б. (2005). Зависимость возникновения и развития стресса от факторов профессиональной деятельности педагогов: дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Галкина, Е.Д. (2020). Психологические барьеры начального этапа профессиональной деятельности самозанятых. В: Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков: Сб. тр. 5-й Всеросс. науч. конф. (9–10 октября, 2020 г.). Под ред. Ю.Э. Макаревич, З.И. Рябикиной, Т.Д. Дубовицкой, И.Г. Макаревич, А.В. Шашковой, Л.В. Кравченко, Л.А. Базалева, С.В. Воронина. Сочи: Мир науки. С. 158–163.
- Голиков, А.В., Толкачева, И.В., Дремова, Н.Б. (2021). Профессионально важные качества и психологические характеристики врача-хирурга глазами студентов-медиков. В: Современные вызовы для медицинского образования и их решения: Сб. тр. Международ. науч.-практич. конф. (3 февраля, 2021 г.). Под ред. В.А. Лазаренко. Курск: Курский государственный университет. С. 460–463.
- Зубов, Д.А., Пакунова, В.А. (2023). Индустрия 4.0: как цифровая революция влияет на мировую экономику. В: Молодой ученый года 2023: Сборник статей VII Международ. научно-исслед. конкурса. (15 августа, 2023 г.). Под ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение. С. 29–31.
- Коропец, О.А. (2020). Представления студентов о психологической безопасности профессиональной деятельности. *Мир науки. Педагогика и психология*, 8(6). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19PSMN620.pdf>
- Лазебная, Е.О., Бессонова, Ю.В. (2013). Функциональная надежность и успешность профессиональной деятельности лиц опасных профессий: субъектный подход. В: Личность профессионала в современном мире: Сб. тр. Инст-та психологии РАН. Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. Москва: Изд-во ИП РАН. С. 283–302.

Регламентация обеспечивает структуру и порядок в работе, устанавливает четкие правила и стандарты, которые помогают сотрудникам выполнять свои задачи более эффективно и результативно. Она также снижает уровень неопределенности, что позволяет сотрудникам сосредоточиться на выполнении своих обязанностей. Творчество, с другой стороны, позволяет работникам находить новые способы выполнения задач (Woodman et al., 1993). Таким образом, регламентация и творчество играют важную роль в трудовой деятельности, и их сочетание позволяет достичь максимальной эффективности и результативности работы.

Разработанный и апробированный в ходе данного исследования опросник нуждается в доработке, что необходимо учитывать при работе с ним, однако уже в данном виде может применяться для проверки или подтверждения результатов при использовании комплекса психодиагностических методик, или выполнять функцию «экспресс-теста», позволяющего оценить то, как специалисты воспринимают уровень регламентации трудовых задач в своей профессиональной деятельности.

Практическое применение

Применение такого экспресс-теста может помочь определить, насколько сотрудники удовлетворены уровнем регламентации своих трудовых задач, помочь эффективнее подобрать сотрудников на те или иные должности, учитывая их представления, выявить области, где необходима более детальная регламентация или, наоборот, где можно ослабить контроль.

- Лактионов, А.Н., Луценко, Е.Л. (2006). Основы психодиагностики, психометрии и тестологии: Учебно-методическое пособие. Харьков: Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина.
- Лебедева, О.В., Повshedная, Ф.В., Карабущенко, Н.Б. (2016). Возможности развития саморегуляции студента — будущего педагога в условиях современного педагогического вуза. *Вестник Мининского университета*, 2(15), 32.
- Левицкая, А.Н., Покровская, Н.Н. (2021). Карьерные ожидания и планы молодых специалистов на рынке труда. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(1), 105–137.
- Митина, О.В. (2013). Разработка и адаптация психологических опросников. Москва: Смысл.
- Нестеров, А.В. (2008). О теории и практике регламентации. *Государство и право*, (1), 91–95.
- Нестик Т.А. (2023) Перспективные направления социально-психологических исследований (к 75-летию со дня рождения А.Л. Журавлева). *Теоретическая и экспериментальная психология*, (3), 9–24.
- Онопюк, Е.Ю. (2021). Анализ процесса легализации неформальной занятости в России. *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*, 2(48), 72–78.
- Савельева, Е.А. (2018). Сущность и функции регламентации труда при переходе к цифровой экономике. *Экономика труда*, 5(1), 1–12.
- Степанова, Л.Н., Зеер, Э.Ф. (2019). Soft skills как предикторы жизненного самоосуществления студентов. *Образование и наука*, 21(8), 65–89.
- Тимофеева, С.С., Тимофеев, С.С. (2023). Подготовка специалистов в области управления рисками в рамках Индустрии 4.0. XXI век. *Техносферная безопасность*, 8(1), 72–90.
- Цагарелли, Ю.А. (2008). Психология музыкально-исполнительской деятельности. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во: Композитор.
- Шинина, Т.В., Митина, О.В. (2019). Разработка и апробация опросника «Готовность подростков к самостоятельной жизни»: оценка и развитие жизненных навыков. *Психологическая наука и образование*, 24(1), 50–68.
- Шмелев, А.Г. (2013). Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. Москва: Маска.
- Юсупова, С.М. (2022). Регламентация труда в российских организациях в условиях цифровой экономики. *Гуманитарный научный журнал*, (2), 3–14.
- Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (утв. Постановлением Минтруда России от 21.08.1998 N 37) (ред. от 27.03.2018). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=294402&dst=1000000001&cacheid=E6B947C70D91FA4595A5EDB3AF07E3CD&mode=splus&rnd=4C1C7035C49ADC49B879A73E2BE0B378#jsfgzqT6ndWewY411> (дата обращения: 25.06.2023).
- Aghion, P., Bergeaud, A., Van Reenen, J. (2021). The impact of regulation on innovation *National Bureau of Economic Research*, 28381.
- Chae, H., Choi, J.N. (2019). Routinization, free cognitive resources and creativity: The role of individual and contextual contingencies. *Human Relations*, 72(2), 420–443.
- Ferdinando, T., Eleonora, B., Salvatore, Z. (2022). Working remotely during the COVID-19 pandemic: work-related psychosocial factors, work satisfaction, and job performance among Russian employees. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(1), 3–19.
- Hirst, G., Van Knippenberg, D., Chen, C.H., Sacramento, C.A. (2011). How does bureaucracy impact individual creativity? A cross-level investigation of team contextual influences on goal orientation-creativity relationships. *Academy of Management Journal*, 54(3), 624–641.
- Isfahani, S.S., Hosseini, M.A., Khoshknab, M.F., Peyrovi, H., Khanke, H.R. (2015). Nurses' creativity: Advantage or disadvantage. *Iranian Red Crescent Medical Journal*, 17(2), e20895.
- James, K., Brodersen, M., Eisenberg, J. (2004). Workplace affect and workplace creativity: A review and preliminary model. *Human Performance*, 17(2), 169–194.
- Juillerat, T.L. (2010). Friends, not foes?: Work design and formalization in the modern work context. *Journal of Organizational Behavior*, 31(2-3), 216–239.
- Sayapina, K., Botone, D.N. (2021). A Counterproductive Work Behavior in Russian Nanotechnology Organizations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(1), 49–68. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0105>
- Lemstra, M.A.M.S., de Mesquita, M.A. (2023). Industry 4.0: A tertiary literature review. *Technological Forecasting and Social Change*, (186), 122204.
- Moraes, E.B., Kipper, L.M., Hackenhaar Kellermann, A.C., Austria, L., Leivas, P., Moraes, J.A.R., Witczak, M. (2023). Integration of Industry 4.0 technologies with Education 4.0: Advantages for improvements in learning. *Interactive Technology and Smart Education*, 20(2), 271–287.
- Ohly, S., Sonnentag, S., Pluntke, F. (2006). Routinization, work characteristics and their relationships with creative and proactive behaviors. *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*, 27(3), 257–279.
- Pemartín, M., Rodríguez-Escudero, A.I. (2021). Is the formalization of NPD collaboration productive or counterproductive? Contingent effects of trust between partners. *BRQ Business Research Quarterly*, 24(1), 2–18.
- Rubery, J., Grimshaw, D., Keizer, A., Johnson, M. (2018). Challenges and contradictions in the 'normalising' of precarious work. *Work, Employment and Society*, 32(3), 509–527.
- Woodman, R.W., Sawyer, J.E., Griffin, R.W. (1993). Toward a theory of organizational creativity. *Academy of management review*, 18(2), 293–321.

References

- Abdullaeva, M.M. (2016). On the issue of psychosemantic classification of professions. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psihologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, (3), 3–9. (In Russ.).
- Aghion, P., Bergeaud, A., Van Reenen, J. (2021). The impact of regulation on innovation *National Bureau of Economic Research*, 28381.

- Baturin, N.A., Vuchetich, E.V., Kostromina, S.N., Kukarkin, B.A., Kupriyanov, E.A., Lurie, E.V., Shmelev, A.G. (2015). Russian Standard for Personnel Testing (a temporary version created for wide discussion in 2015). *Organizacionnaya Psihologiya (Organizational Psychology)*, 5(2), 67–138. (In Russ.).
- Brykova, E.Y. (2014). Assessment of the significance of the social and organizational environment in the activities of military personnel during the reform of the armed forces. *Gumanitarnye, Social'no-ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki (Humanities, Socio-economic and Social Sciences)*, (7), 45–49. (In Russ.).
- Chae, H., Choi, J.N. (2019). Routinization, free cognitive resources and creativity: The role of individual and contextual contingencies. *Human Relations*, 72(2), 420–443.
- Ferdinando, T., Eleonora, B., Salvatore, Z. (2022). Working remotely during the COVID-19 pandemic: work-related psychosocial factors, work satisfaction, and job performance among Russian employees. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(1), 3–19.
- Galkina, E.D. (2020). Psychological barriers of the initial stage of professional activity of the self-employed. In: Psychology of safety and psychological safety: problems of interaction between theorists and practitioners. In: Yu.E. Makarovskaya, Z.I. Ryabikina, T.D. Dubovitskaya, I.G. Makaryevskaya, A.V. Shashkova, L.V. Kravchenko, L.A. Bazaleva, S.V. Voronin (Eds.), Sat. tr. 5th All-Russian Scientific. conf. (October 9–10, 2020). Sochi: Mir Nauki. (pp. 158–163). (In Russ.).
- Golikov, A.V., Tolkacheva, I.V., Dremova, N.B. (2021). Professionally important qualities and psychological characteristics of a surgeon through the eyes of medical students. In: V.A. Lazarenko. (Ed.), Modern challenges for medical education and their solutions. Sat. tr. International. scientific and practical. conf. (February 3, 2021). Kursk: Kursk State University. (pp. 460–463). (In Russ.).
- Hirst, G., Van Knippenberg, D., Chen, C.H., Sacramento, C.A. (2011). How does bureaucracy impact individual creativity? A cross-level investigation of team contextual influences on goal orientation-creativity relationships. *Academy of management journal*, 54(3), 624–641.
- Isfahani, S.S., Hosseini, M.A., Khoshknab, M.F., Peyrovi, H., Khanke, H.R. (2015). Nurses' creativity: Advantage or disadvantage. *Iranian Red Crescent Medical Journal*, 17(2), e20895.
- James, K., Brodersen, M., Eisenberg, J. (2004). Workplace affect and workplace creativity: A review and preliminary model. *Human Performance*, 17(2), 169–194.
- Juillerat, T.L. (2010). Friends, not foes?: Work design and formalization in the modern work context. *Journal of Organizational Behavior*, 31(2-3), 216–239.
- Koropets, O.A. (2020). Students' ideas about the psychological safety of professional activity. *Mir Nauki. Pedagogika i Psihologiya (The world of science. Pedagogy and Psychology)*, 8(6), 15. (In Russ.).
- Laktionov, A.N., Lutsenko, E.L. (2006). Fundamentals of psychodiagnostics, psychometry and testology: An educational and methodological guide. Khar'kov: V.N. Karazin Khar'kov National University. (In Russ.).
- Lazebnaya, E.O., Bessonova, Y.V. (2013). Functional reliability and success of professional activity of persons in dangerous professions: a subjective approach. In: L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev (Eds.), The personality of a professional in the modern world. Collection of tr. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Publishing house of IP RAS. (pp. 283–302). (In Russ.).
- Lebedeva, O.V., Povshednaya, F.V., Karabushchenko, N.B. (2016). Opportunities for developing self-regulation of a student-future teacher in a modern pedagogical university. *Vestnik Mininskogo Universiteta (Bulletin of the Minin University)*, 2(15), 32. (In Russ.).
- Lemstra, M.A.M.S., de Mesquita, M.A. (2023). Industry 4.0: A tertiary literature review. *Technological Forecasting and Social Change*, (186), 122204.
- Levitskaya, A.N., Pokrovskaya, N.N. (2021). Career expectations and plans of young professionals in the labor market. *Zhurnal Sociologii i Social'noj Antropologii (Journal of Sociology and Social Anthropology)*, 24(1), 105–137. (In Russ.).
- Mitina, O.V. (2013). Development and adaptation of psychological questionnaires. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Moraes, E.B., Kipper, L.M., Hackenhaar Kellermann, A.C., Austria, L., Leivas, P., Moraes, J.A.R., Witczak, M. (2023). Integration of Industry 4.0 technologies with Education 4.0: Advantages for improvements in learning. *Interactive Technology and Smart Education*, 20(2), 271–287.
- Nesterov, A.V. (2008). On the theory and practice of regulation. *Gosudarstvo i Pravo (State and Law)*, (1), 91–95. (In Russ.).
- Nestik, T.A. (2023). Perspective directions of social and psychological research (to the 75th anniversary of the birth of A.L. Zhuravlev). *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psihologiya (Theoretical and Experimental Psychology)*, (3), 9–24. (In Russ.).
- Ohly, S., Sonnentag, S., Pluntke, F. (2006). Routinization, work characteristics and their relationships with creative and proactive behaviors. *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*, 27(3), 257–279.
- Onopyuk, E.Y. (2021). Analysis of the process of legalization of informal employment in Russia. *Izvestiya Vysshih Uchebnyh Zavedenij. Seriya: Ekonomika, Finansy i Upravlenie Proizvodstvom (News of Higher Educational Institutions. Series: Economics, Finance and Production Management)*, 2(48), 72–78. (In Russ.).
- Pemartín, M., Rodríguez-Escudero, A.I. (2021). Is the formalization of NPD collaboration productive or counterproductive? Contingent effects of trust between partners. *BRQ Business Research Quarterly*, 24(1), 2–18.
- Qualification directory of positions of managers, specialists, and other Employees (approved by the Government of the Russian Federation). Resolution of the Ministry of Labor of the Russian Federation No. 37 of 21.08.1998 (as amended on 27.03.2018). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=294402&dst=1000000001&cacheid=E6B947C70D91FA4595A5EDB3AF07E3CD&mode=splus&rnd=4C1C7035C49ADC49B879A73E2BE0B378#sfqzqT6ndWewY411> (access date: 25.06.2023). (In Russ.).
- Rubery, J., Grimshaw, D., Keizer, A., Johnson, M. (2018). Challenges and contradictions in the 'normalising' of precarious work. *Work, Employment and Society*, 32(3), 509–527.
- Savelyeva, E.A. (2018). The essence and functions of labor regulation in the transition to the digital economy. *Ekonomika Truda (Russian Journal of Labor Economics)*, 5(1), 1–12. (In Russ.).
- Sayapina, K., Botone, D.N. (2021). A Counterproductive Work Behavior in Russian Nanotechnology Organizations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(1), 49–68. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0105>
- Shinina, T.V., Mitina, O.V. (2019). Development and testing of the questionnaire "Adolescents' readiness for independent living": assessment and development of life skills. *Psihologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 24(1), 50–68. (In Russ.).

- Shmelev, A.G. (2013). Practical testology. Testing in education, applied psychology, and human resources management. Moscow: Mask. (In Russ.).
- Stepanova, L.N., Zeer, E.F. (2019). Soft skills as predictors of students' life self-fulfillment. *Obrazovanie i Nauka (Education and Science)*, 21(8), 65–89. (In Russ.).
- Timofeeva, S.S., Timofeev, S.S. (2023). Training of specialists in the field of risk management in the framework of Industry 4.0. XXI vek. *Tekhnosfernaya Bezopasnost' (XXI century. Technosphere security)*, 8(1), 72–90. (In Russ.).
- Tsagarelli, Yu.A. (2008). Psychology of musical and performing activity. Training manual. St. Petersburg: Publ. house: Composer. (In Russ.).
- Velichkovskaya, S.B. (2005). Zavisimost' vzniknoveniya i razvitiya stressa ot faktorov professional'noi deyatel'nosti pedagogov (Dependence of the occurrence and development of stress on the factors of professional activity of teachers). Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).
- Woodman, R.W., Sawyer, J.E., Griffin, R.W. (1993). Toward a theory of organizational creativity. *Academy of management review*, 18(2), 293–321.
- Yusupova, S.M. (2022). Labor regulation in Russian organizations in the digialeconomy. *Gumanitarnyj Nauchnyj Zhurnal (Humanitarian Scientific Journal)*, (2), 3–14. (In Russ.).
- Zubov, D.A., Pakunova, V.A. (2023). Industry 4.0: How the digital revolution is affecting the global economy. In: G.Yu. Gulyaev (Ed.), *Young Scientist of the Year 2023: Collection of articles of the VII International. scientific research. the competition.* (August 15, 2023). Penza: Science and Education. (pp. 29–31). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Оксана Геннадьевна Корнева, аспирант кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, korneva_og@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4510-0641>

Oksana G. Korneva, Postgraduate at the Department of Work and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, korneva_og@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4510-0641>



Мехирбан Махаметжановна Абдуллаева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, mehirban@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7927-48-53>

Mehirban M. Abdullaeva, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Work and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, mehirban@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7927-48-53>



Валентина Владимировна Барабанщикова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, vvb-msu@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2152-823X>

Valentina V. Barabanshchikova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Head of the Department of Work and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, vvb-msu@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2152-823X>

Поступила: 20.09.2023; получена после доработки: 15.02.2024; принята в печать: 06.02.2024.

Received: 20.09.2023; revised: 15.02.2024; accepted: 06.02.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА / OCCUPATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
УДК/UDC 159.9.07
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0108>

Психологическое благополучие работников сферы образования в связи с различными психологическими аспектами их профессиональной деятельности

Е.Г. Денисова ✉, Д.А. Бовдуй, А.О. Гостева

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ keithdenisova@gmail.com

Резюме

Актуальность. Современный ритм жизни предполагает увеличение общей продуктивности человека и вынуждает сталкиваться с систематическим напряжением и стрессовыми воздействиями, в связи с чем индивидуальные ресурсы и субъективное благополучие приобретают особое значение, как факторы, препятствующие выгоранию. Проблема психологического здоровья работников сферы образования является особенно значимой, поскольку они влияют на процесс обучения и состояние обучающихся.

Цель. Изучение психологического благополучия работников сферы образования в связи с особенностями мотивации профессиональной деятельности, уровнем удовлетворенности трудом и профессионального выгорания.

Выборка. Эмпирическое исследование проведено на выборке респондентов в количестве 140 человек в возрасте от 20 до 80 лет, имеющих различный социальный статус и половую принадлежность.

Методы. С целью исследования заявленных характеристик использовались следующие методики: «Методика диагностики субъективного благополучия личности» (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова), «Источники мотивации профессиональной деятельности» (адаптация Е.В. Сидоренко), «Оценка профессиональной дезадаптации» (О.Н. Родина), «Опросник удовлетворенности трудом» (П. Спектор), «Опросник выгорания» (версия Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой). Статистические методы: критерий Шапиро — Уилка, U-критерий Манна — Уитни; коэффициент ранговой корреляции Спирмана, φ Коэна и z-тест для сравнения двух выборочных коэффициентов корреляции. Статистическая обработка осуществлялась с применением программного пакета JASP 0.16.

Результаты. В результате корреляционного анализа установлено, что повышение уровня профессионального выгорания сопряжено со снижением выраженности компонентов психологического благополучия, профессиональной мотивации и удовлетворенности трудом (при $p < 0,05$). Также характер связей профессионального выгорания с составляющими мотивации профессиональной деятельности различается у респондентов с разным стажем работы в сфере образования.

Выводы. Полученные результаты позволили выделить наиболее значимые компоненты мотивации профессиональной деятельности и удовлетворенности трудом, связанные с уровнем психологического благополучия и профессионального выгорания у работников сферы образования.

Ключевые слова: психологическое благополучие, субъективное благополучие, мотивации профессиональной деятельности, профессиональное выгорание, образование

Для цитирования: Денисова, Е.Г., Бовдуй, Д.А., Гостева, А.О. (2024). Психологическое благополучие работников сферы образования в связи с различными психологическими аспектами их профессиональной деятельности. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 114–129. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0108>

University Staff Well-Being and Various Psychological Aspects of their Professional Activity

Ekaterina G. Denisova ✉, Diana A. Bovdui, Anastasia O. Gosteva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ keithdenisova@gmail.com

Abstract

Background. Modern rhythm of life determines the need to accelerate the overall personal productivity and forces us to face systematic strain and stress. In this regard, individual resources and subjective well-being are of particular importance as factors that can prevent burnout and social maladjustment. The problem of psychological health in educational staff is especially significant, since they affect the academic process and the well-being of students.

Objective. The research aims to study psychological well-being of university staff in connection with their professional motivation, the levels of job satisfaction, and professional burnout.

Study Participants. The empirical study involved 140 people aged 20 to 80, university staff, of both sexes and with different social status.

Methods. The study was carried out using the Method for diagnosing the subjective well-being of a person (R.M. Shami-onov, T.V. Beskova), Motivation Sources Inventory (version of E.V. Sidorenko), Professional maladaptation questionnaire (O.N. Rodina), Job Satisfaction Survey (P. Spektor), Maslach Burnout Inventory (version by N.E. Vodopyanova). Statistical methods included Shapiro — Wilk test, Spearman's rank-order correlation. Statistical analysis was carried out using the JASP 0.16 software.

Results. It has been established that an increase in the levels of professional burnout components correlates with a decrease in the levels of psychological well-being, professional motivation and job satisfaction ($p < 0.05$). It is also shown that the correlations between professional burnout with the components of professional motivation are different in groups with different work experience in education.

Conclusions. The results obtained made it possible to identify the most significant factors in professional motivation and job satisfaction that affect psychological well-being and the development of professional burnout among educators.

Keywords: psychological well-being, subjective well-being, professional motivation, professional burnout, education

For citation: Denisova, E.G., Bovdui, D.A., Gosteva, A.O. (2024). University Staff Well-Being and Various Psychological Aspects of their Professional Activity. *National Psychological Journal*, 19(1), 114–129. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0108>

Введение

В современных условиях психика человека и общество в целом сталкиваются с чередой глобальных кризисов и систематически подвергаются стрессовым воздействиям. В таких условиях индивидуальные ресурсы, морально-психологическое состояние и субъективное благополучие личности приобретают особое значение (Скорынин, 2020). Проблема психологического здоровья работников сферы образования является особенно значимой, поскольку они не просто являются специалистами одной из самых динамичных сфер профессиональной деятельности, но и влияют на процесс и результат обучения, на состояние обучающихся (Корешникова, Фрумин, 2020; Pyushin, Azbel, 2017). Педагогическая деятельность имеет огромную социальную значимость и от-

личается высоким уровнем ответственности. Стоит отметить, что профессии, подразумевающие большое количество межличностных взаимодействий и постоянное повышение уровня профессиональных компетенций всегда отличались повышенным риском развития выгорания, невротических расстройств, психосоматических проблем (Константиновский, 2019; Чернышова, 2021). Сохранение и предотвращение таких негативных состояний безусловно требует углубленного изучения связей психологического благополучия с различными аспектами профессиональной деятельности.

Психологическое благополучие — это сложный конструкт. В литературе встречаются как самостоятельные термины «субъективное благополучие» или «внутреннее благополучие» (subjective well-being), «психологического благополучие» (psychological

well-being), «эмоционально-личностное благополучие» (emotional and personal well-being) и другие, более частные, термины (например, эмоциональное, материальное, межличностное и др.). В истории исследования данного феномена сложилось несколько подходов. В первую очередь стоит упомянуть гедонистический подход, где благополучие раскрывается через удовлетворение потребностей и баланса аффектов (Bradburn, 1969; Diener, 1984) и эвдемонистический, где основной акцент делается на гармоничном развитии, функционировании и «процветании» личности (Ryff, 1989; Deci, Ryan, 1985), развивавшиеся на Западе. Последний подразумевает включение в категорию благополучия самоприятия, автономии, целенаправленности жизни и мотивационной вовлеченности (Скорынин, 2020). В отечественной психологии сегодня исследования ведутся как в рамках классических подходов, так и в более эклектичном ключе (Шаехов, 2021), в том числе с обоснованием возможного синонимичного использования вышеуказанных терминов и попытки системного осмысления благополучия, где оно рассматривается как системное образование психики, отражающее различные аспекты позитивного функционирования личности (Лактионова, Матюшина, 2018; Батурин и др., 2013). Психологическое благополучие индивида способно оказывать определяющее влияние на его поведение, социальные взаимодействия, других людей и, в конечном итоге, может быть рассмотрено как индикатор благополучия общества (Карпетян, Глотова, 2020). В свою очередь само благополучие, вне зависимости от подхода, имеет сложную факторную структуру (внутренние, внешние, психологические, межличностные). Часто, особенно в рамках системного и эвдемонистического подходов, в качестве наиболее важных факторов благополучия выделяются самореализация и профессиональная деятельность (Избасарова, 2021; Скорынин, 2020).

В современных работах личностные характеристики все чаще рассматриваются как предикторы стабильности личности, общего уровня благополучия и удовлетворенности жизнью, а также самоэффективности (Реан и др., 2022). Кроме того, удовлетворенность жизнью, самооценка и самоэффективность рассматриваются как компоненты психологического благополучия, имеющие тесную связь с эффективностью в профессиональной деятельности, а также выраженностью профессионального выгорания (Реан и др., 2021).

Психологические аспекты деятельности педагога изучаются через удовлетворенность трудом, социально-психологические характеристики педагогов, их мотивацию, уровень эмоционального и профессионального выгорания, а также уровень психологического благополучия (Колокольникова, 2017). Так, установлено, что более высокий уровень благополучия преподавателей способствует более адекватной адаптации и менее негативному отно-

шению к организационным изменениям (Исаева и др., 2021). Е.Ф. Яценко показала, что параметры субъективного благополучия отрицательно коррелируют со многими самоактуализационными характеристиками (Яценко, 2012). Л.В. Карпетян и Г.А. Глотова выявили взаимосвязи социальной перцепции с уровнем внутреннего благополучия участников образовательного процесса. Показано, что самооценка благополучия преподавателей характеризуется наличием определенных взаимосвязей с представлениями респондентов о людях, входящих в их близкий круг общения (Карпетян, 2020). М. Эллиот и С.Дж. Блайт изучали гендерное неравенство и его влияние на психологическое благополучие преподавательниц. Авторы показали, что женщины сообщают о более частых микроагрессиях и сложностях совмещения работы с личной жизнью, которые в значительной степени связаны с большим стрессом и меньшей удовлетворенностью работой, женщины также имеют меньший доступ к социальной поддержке на рабочем месте, что предсказывает стресс и неудовлетворенность работой (Elliott, Blithe, 2021).

Психологическое благополучие учебно-вспомогательного персонала изучается в меньшей степени. В отечественных исследованиях показано, что положительное отношение к должности руководителя, к себе как к руководителю, а также направленность на коллектив позволяют поднять уровень психологического благополучия руководителей структурных подразделений вуза (Герасимова, Обознов, 2019). Н.В. Лукьянченко установлено, что более высоким уровням психологического благополучия соответствуют продуктивное отношение к работе (Лукьянченко, 2016).

Таким образом, теоретический анализ научной литературы свидетельствует о том, что исследование психологического благополучия работников сферы образования имеет большую научную и социальную значимость. Данный феномен имеет сложные отношения с большим количеством социально-психологических факторов, такими как удовлетворенность трудом, мотивация профессиональной деятельности, особенности взаимоотношений с коллегами и, безусловно, различными особенностями личности. При этом, несмотря на обширное количество работ, посвященных теоретическим и эмпирическим исследованиям психологического благополучия, его личностная детерминация и роль различных психологических аспектов профессиональной деятельности работников сферы образования, в частности мотивации профессиональной деятельности, по-прежнему остается недостаточно изученной.

Цель исследования

Целью исследования является изучение психологического благополучия работников сферы образова-

ния в связи с особенностями мотивации профессиональной деятельности, уровнем удовлетворенности трудом и профессионального выгорания.

Гипотеза

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что уровень психологического благополучия работников сферы образования, вероятно, связан с особенностями мотивации профессиональной деятельности, уровнем удовлетворенности трудом и профессионального выгорания. Кроме того, предполагается наличие связи уровня выгорания и индикаторов профессиональной дезадаптации с ведущими компонентами мотивации профессиональной деятельности работников сферы образования, а также возможное наличие различий в характере этих связей в зависимости от стажа профессиональной деятельности.

Методы исследования

Для изучения особенностей мотивации работников использован опросник «Источники мотивации профессиональной деятельности» (Дж. Барбуто, Р. Сколл, адаптация Е.В. Сидоренко 1998; 30 утверждений (ответы оценивались по 7-балльной шкале (от -3 до +3), где «-3» — полностью не согласен, а «+3» — полностью согласен), 5 шкал по источникам профессиональной мотивации, по каждой шкале оценивалась сумма баллов, мин. -18 баллов, макс. +18 баллов), и опросник «Оценка профессиональной дезадаптации» (Родина, 1995) шкала «Снижение мотивации к деятельности» — 4 утверждения, ответы совпадающие с ключом оценивались в 2 балла, ответ «соответствует частично» 1 балл, по шкале рассчитывалась сумма баллов, мин. 0 баллов, макс. 8 баллов); для выявления уровня удовлетворенности трудом «Опросник удовлетворенности трудом» (Спектор, 1985); 36 утверждений (ответы оценивались по 6-балльной шкале, где «1» — совершенно не согласен, а «5» — совершенно согласен), общий показатель удовлетворенности трудом и 9 шкал по ее компонентам, по каждой шкале оценивалась не сумма баллов, а среднее значение, мин. 1 балл, макс. 6 баллов; α Кронбаха $> 0,9$); с целью изучения психологического благополучия и его компонентов использована «Методика диагностики субъективного благополучия личности» (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова, 2018; 34 утверждения (ответы оценивались по 5-балльной шкале, где «1» — полностью не согласен, а «5» — полностью согласен), 5 шкал по видам благополучия, по каждой шкале оценивалась не сумма баллов, а среднее значение, мин. 1 балл, макс. 5 баллов; α Кронбаха $> 0,75$); для изучения выраженности компонентов профессионального выгорания использован «Опросник выгорания» (К. Маслах,

версия Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, 2001; 22 утверждения (ответы оценивались по 7-балльной шкале, где «1» — никогда, а «7» — каждый день), 1 шкала, по каждой шкале мин. 22 баллов, макс. 154 балла; α Кронбаха $> 0,9$).

Методы математической статистики: для определения соответствия эмпирического распределения нормальному закону был использован критерий Шапиро — Уилка; для изучения значимости различий в выделенных подгруппах применялся непараметрический U-критерий Манна — Уитни; для изучения характеристик взаимосвязи между исследуемыми показателями — коэффициент ранговой корреляции Спирмена (в качестве апостериорного анализа был использован метод Холма); для сравнения значимости различий в сравнительном корреляционном анализе были использованы q Коэна и z -тест для сравнения двух выборочных коэффициентов корреляции. Статистическая обработка осуществлялась с применением программного пакета JASP 0.16 и системы статистической обработки данных «R».

Выборка

В исследовании приняли участие 140 человек, работников вузов Южного федерального округа. Из них: 106 научно-педагогических работников в возрасте от 20 до 80 лет (75% женщины) — преподаватели (ассистенты, старшие преподаватели, доценты и профессора) как гуманитарных, так и технических специальностей; 34 человека — учебно-вспомогательный персонал и административные работники в возрасте от 21 до 60 лет (76% женщины) — документоведы, инженеры, лаборанты, специалисты по УМР, а также административно-управленческий персонал.

Результаты исследования

На первом этапе анализа результатов производился расчет средних значений по методике «Диагностика субъективного благополучия» в исследуемой выборке, а также отдельно ННР (научно-педагогических работников) и УВП (учебно-вспомогательного персонала). Здесь и далее такое разделение обусловлено различиями в содержании профессиональной деятельности в подгруппах. В результате установлено, что обе исследуемые подгруппы показывают средние нормативные результаты и наиболее высоко оценивают свое благополучие по шкале «Социально-нормативное благополучие», что вероятно означает удовлетворенность респондентов своим местом в обществе и конгруэнтность их ценностей социальным нормам (Рисунок 1). В подгруппе ННР средние значения по шкалам немного выше, чем в группе УВП. При этом уровня статистической значимости эти различия не достигают.

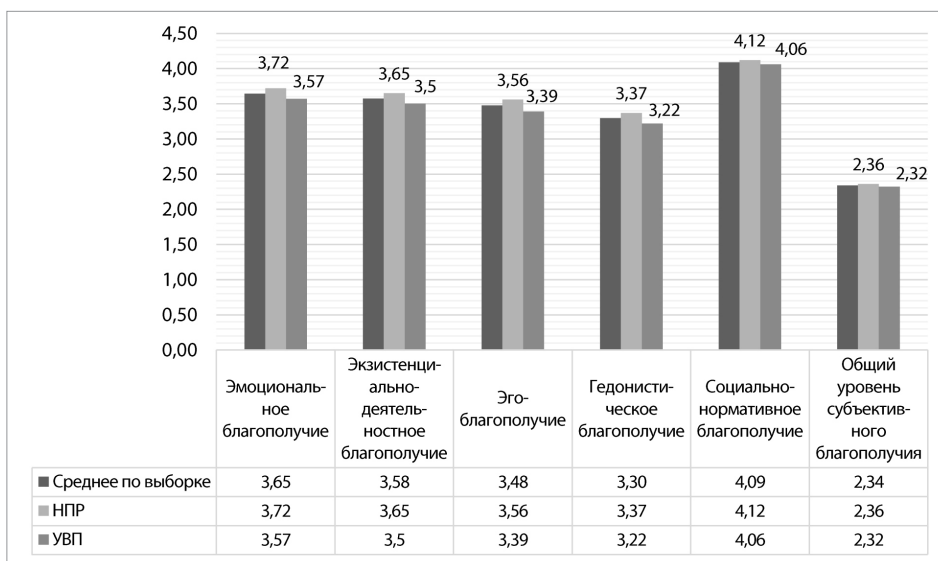


Рисунок 1
Анализ средних значений по методике «Диагностика субъективного благополучия»

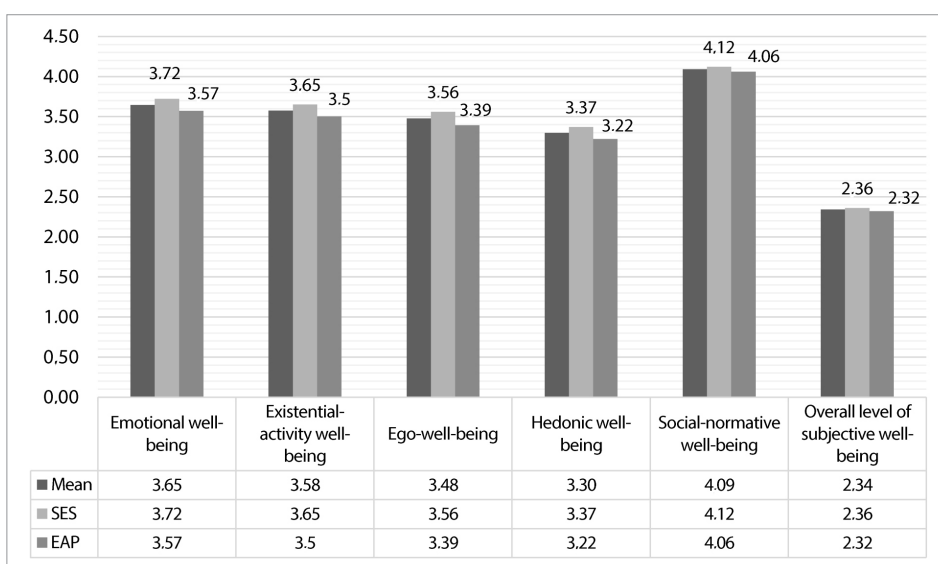


Figure 1
Analysis of average values according to the method of “Diagnosis of subjective well-being”

Анализ источников мотивации профессиональной деятельности в группе НПР и УВП показал, что все исследуемые показатели попадают в диапазон средней выраженности (диапазон от -3 до +3). Можно отметить, что наиболее характерным источником мотивации для выделенных подгрупп является внутренняя Я-концепция, то есть выраженная ориентация на соответствие собственным представлениям о качествах и стандартах занимаемой должности. На-

менее характерным является внешняя Я-концепция, при которой характерно руководство стандартами, установленными социумом (Рисунок 2). В сравнении с группой УВП выше показатели внутренних процессов и внешней Я-концепции, ниже — по показателям инструментальной мотивации, внутренней Я-концепции и интернализации цели. При этом уровня статистически значимых различий между группами не обнаружено.

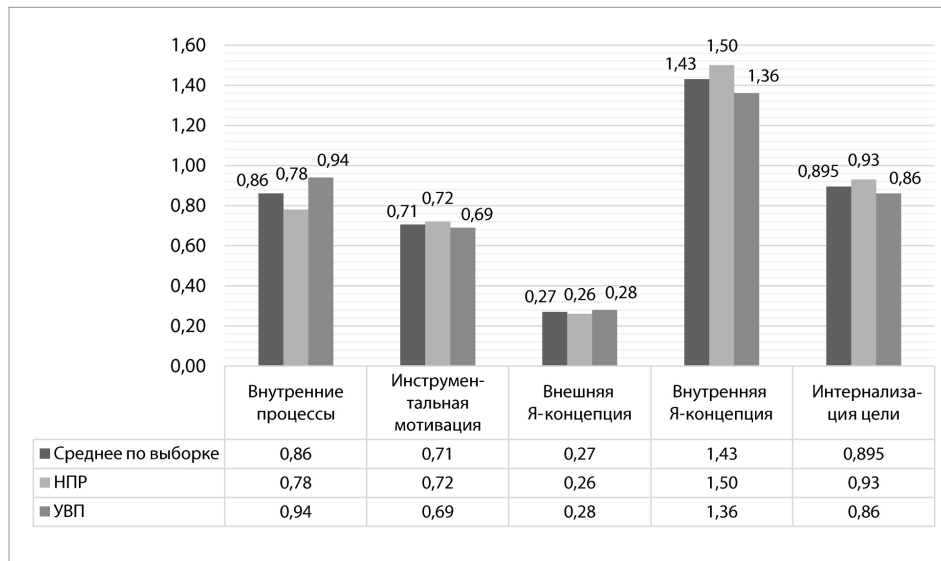


Рисунок 2

Сравнительный анализ средних значений по методике «Источники мотивации профессиональной деятельности» между двумя группами

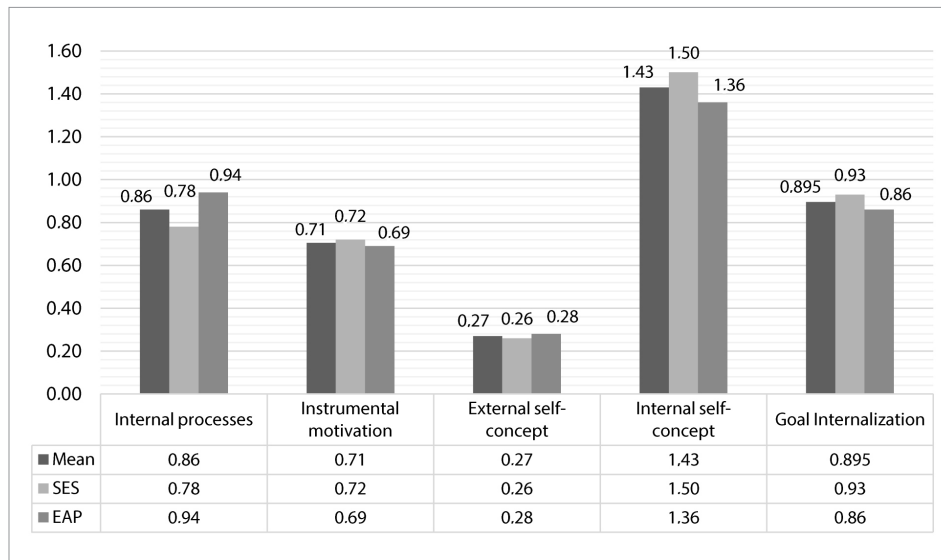


Figure 2

Comparative analysis of average values according to the method “Sources of motivation in professional activity” between two groups

Предварительная проверка распределения данных по исследуемым шкалам показала, что в большинстве случаев распределение отличалось от нормального, что обусловило использование непараметрического коэффициента корреляции Спирмана с

поправкой Холма. В результате корреляционного анализа было выявлено, что все компоненты психологического благополучия достоверно связаны с компонентами профессионального выгорания (Таблица 1).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа уровня субъективного благополучия и компонентов профессионального выгорания работников сферы образования (N = 140, при $p_{holm} < 0,05$)

Показатели		Rs Спирмена	Уровень значимости (p-value)	Уровень значимости (p-value) с поправкой Холма
Эмоциональное благополучие	Эмоциональное истощение	-0,485	< 0,001	1,76E-07
	Деперсонализация	-0,328	< 0,001	0,001
	Интегральный индекс выгорания	-0,581	< 0,001	1,21E-11
	Редукция профессиональных достижений	0,658	< 0,001	8,86E-17
Экзистенциально-деятельностное благополучие	Эмоциональное истощение	-0,495	< 0,001	8,27E-08
	Деперсонализация	-0,347	< 0,001	0,001
	Интегральный индекс выгорания	-0,604	< 0,001	9,93E-13
	Редукция профессиональных достижений	0,685	< 0,001	1,63E-18
Эго-благополучие	Эмоциональное истощение	-0,502	< 0,001	1,36E-08
	Деперсонализация	-0,273	< 0,001	0,006
	Интегральный индекс выгорания	-0,544	< 0,001	1,74E-10
	Редукция профессиональных достижений	0,564	< 0,001	1,78E-11
Гедонистическое благополучие	Эмоциональное истощение	-0,478	< 0,001	8,27E-08
	Деперсонализация	-0,255	0,001	0,006
	Интегральный индекс выгорания	-0,462	< 0,001	3,17E-07
	Редукция профессиональных достижений	0,453	< 0,001	6,19E-07
Социально-нормативное благополучие	Эмоциональное истощение	-0,319	< 0,001	0,001
	Деперсонализация	-0,351	< 0,001	< 0,001
	Интегральный индекс выгорания	-0,468	< 0,001	1,98E-07
	Редукция профессиональных достижений	0,552	< 0,001	6,84E-10
Субъективное благополучие	Эмоциональное истощение	-0,533	< 0,001	1,29E-06
	Деперсонализация	-0,341	< 0,001	0,001
	Интегральный индекс выгорания	-0,609	< 0,001	4,61E-10
	Редукция профессиональных достижений	0,659	< 0,001	8,26E-14

Table 1

The results of the correlation analysis of the level of subjective well-being and components of professional burnout in education workers (N = 140, with $p_{holm} < 0.05$)

Indicators		Rs Spearman	Significance level (p-value)	Significance level (p-value) with Halm's correction
Emotional well-being	Emotional exhaustion	-0.485	< 0.001	1.76E-07
	Depersonalization	-0.328	< 0.001	0.001
	Integral burnout index	-0.581	< 0.001	1.21E-11
	Reduction of professional achievements	0.658	< 0.001	8.86E-17
Existential-activity well-being	Emotional exhaustion	-0.495	< 0.001	8.27E-08
	Depersonalization	-0.347	< 0.001	0.001
	Integral burnout index	-0.604	< 0.001	9.93E-13
	Reduction of professional achievements	0.685	< 0.001	1.63E-18

Indicators		Rs Spearman	Significance level (p-value)	Significance level (p-value) with Halm's correction
Ego well-being	Emotional exhaustion	-0.502	< 0.001	1.36E-08
	Depersonalization	-0.273	< 0.001	0.006
	Integral burnout index	-0.544	< 0.001	1.74E-10
	Reduction of professional achievements	0.564	< 0.001	1.78E-11
Hedonic well-being	Emotional exhaustion	-0.478	< 0.001	8.27E-08
	Depersonalization	-0.255	0.001	0.006
	Integral burnout index	-0.462	< 0.001	3.17E-07
	Reduction of professional achievements	0.453	< 0.001	6.19E-07
Social-normative well-being	Emotional exhaustion	-0.319	< 0.001	0.001
	Depersonalization	-0.351	< 0.001	< 0.001
	Integral burnout index	-0.468	< 0.001	1.98E-07
	Reduction of professional achievements	0.552	< 0.001	6.84E-10
Subjective well-being	Emotional exhaustion	-0.533	< 0.001	1.29E-06
	Depersonalization	-0.341	< 0.001	0.001
	Integral burnout index	-0.609	< 0.001	4.61E-10
	Reduction of professional achievements	0.659	< 0.001	8.26E-14

Так, эмоциональное истощение имеет отрицательные корреляции с эмоциональным благополучием ($R_s = -0,485, p < 0,001$), экзистенциально-деятельностным благополучием ($R_s = -0,495, p < 0,001$), эго-благополучием ($R_s = -0,502, p < 0,001$), гедонистическим благополучием ($R_s = -0,478, p < 0,001$), социально-нормативным благополучием ($R_s = -0,319, p < 0,001$) и субъективным благополучием ($R_s = -0,533, p < 0,001$). Также шкала деперсонализации отрицательно связана с эмоциональным благополучием ($R_s = -0,328, p < 0,001$), экзистенциально-деятельностным благополучием ($R_s = -0,347, p < 0,001$), эго-благополучием ($R_s = -0,273, p < 0,001$), гедонистическим благополучием ($R_s = -0,255, p < 0,001$), социально-нормативным благополучием ($R_s = -0,351, p < 0,001$) и субъективным благополучием ($R_s = -0,341, p < 0,001$). Показатель редукиции профессионализма имеет положительные корреляции со шкалами эмоциональным благополучием ($R_s = 0,658, p < 0,001$), экзистенциально-деятельностным благополучием ($R_s = 0,685, p < 0,001$), эго-благополучием ($R_s = 0,564, p < 0,001$), гедонистическим благополучием ($R_s = 0,453, p < 0,001$), социально-нормативным благополучием ($R_s = 0,552, p < 0,001$) и субъективным благополучием ($R_s = 0,659, p < 0,001$). Интегральный индекс выгорания также имеет достоверные связи со всеми составляющими психологического благополучия, а именно с эмоциональным благополучием ($R_s = -0,581, p < 0,001$), экзистенциально-деятельностным благополучием ($R_s = -0,604, p < 0,001$), эго-благополучием ($R_s = -0,502, p < 0,001$),

гедонистическим благополучием ($R_s = -0,544, p < 0,001$), социально-нормативным благополучием ($R_s = -0,468, p < 0,001$) и субъективным благополучием ($R_s = -0,609, p < 0,001$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при повышении уровня эмоционального благополучия, оценки себя как субъекта собственных достижений, удовлетворенности собой, степени удовлетворения базовых потребностей, соответствия поведения с социальными и нравственными нормами, а также общего уровня субъективного благополучия, снижается выраженность таких показателей профессионального выгорания, как эмоциональное истощение, деперсонализация, редукиции профессиональных достижений и общего уровня выгорания. Следует отметить, что шкала редукиции профессиональных достижений имеет наиболее тесные корреляции с компонентами психологического благополучия, чем эмоциональное истощение и деперсонализация. Следовательно, тенденция к занижению собственных профессиональных достижений и успехов, негативизм по отношению к служебным обязанностям будет наиболее тесно связаны (значения коэффициента R_s в диапазоне от 0,5 до 0,7) со снижением психологического благополучия работника сферы образования.

Далее был проведен корреляционный анализ связи уровня выгорания и индикаторов профессиональной дезадаптации с ведущими компонентами мотивации профессиональной деятельности работников

сферы образования (Рисунок 3). Показано, что шкала эмоционального истощения имеет достоверную обратную связь с показателями удовлетворенности трудом ($R_s = -0,538$, при $p_{holm} < 0,001$) и всеми ее компонентами ($p_{holm} < 0,05$). Показатель деперсонализации также отрицательно коррелирует с общим уровнем удовлетворенности трудом ($R_s = -0,491$, при $p_{holm} < 0,001$) и большинством ее компонентов ($p_{holm} < 0,05$). Шкала редукции профессиональных достижений положительно коррелирует с внутренней Я-концепцией ($R_s = 0,525$, $p_{holm} < 0,001$), интернализацией цели ($R_s = 0,318$, $p_{holm} < 0,007$), а также с общим показателем удовлетворенности трудом ($R_s = 0,46$, $p_{holm} < 0,001$), удовлетворенность характером работы

($R_s = 0,615$, $p_{holm} < 0,001$), информированием в организации ($R_s = 0,446$, $p_{holm} < 0,001$), системой зависимых вознаграждений ($R_s = 0,321$, $p_{holm} < 0,011$) и коммуникацией с коллегами ($R_s = 0,293$, $p_{holm} < 0,039$). Интегральный индекс выгорания отрицательно коррелирует с внутренней концепцией Я ($R_s = -0,297$, $p < 0,002$), а также с удовлетворенностью трудом ($R_s = -0,615$, $p_{holm} < 0,001$) и всеми ее компонентами ($p_{holm} < 0,021$). Показатель снижения мотивации профессиональной деятельности (как индикатор профессиональной дезадаптации) отрицательно связан с общим уровнем удовлетворенности трудом ($R_s = -0,609$, $p_{holm} < 0,001$) и всеми ее компонентами, при уровне значимости $p_{holm} < 0,015$.

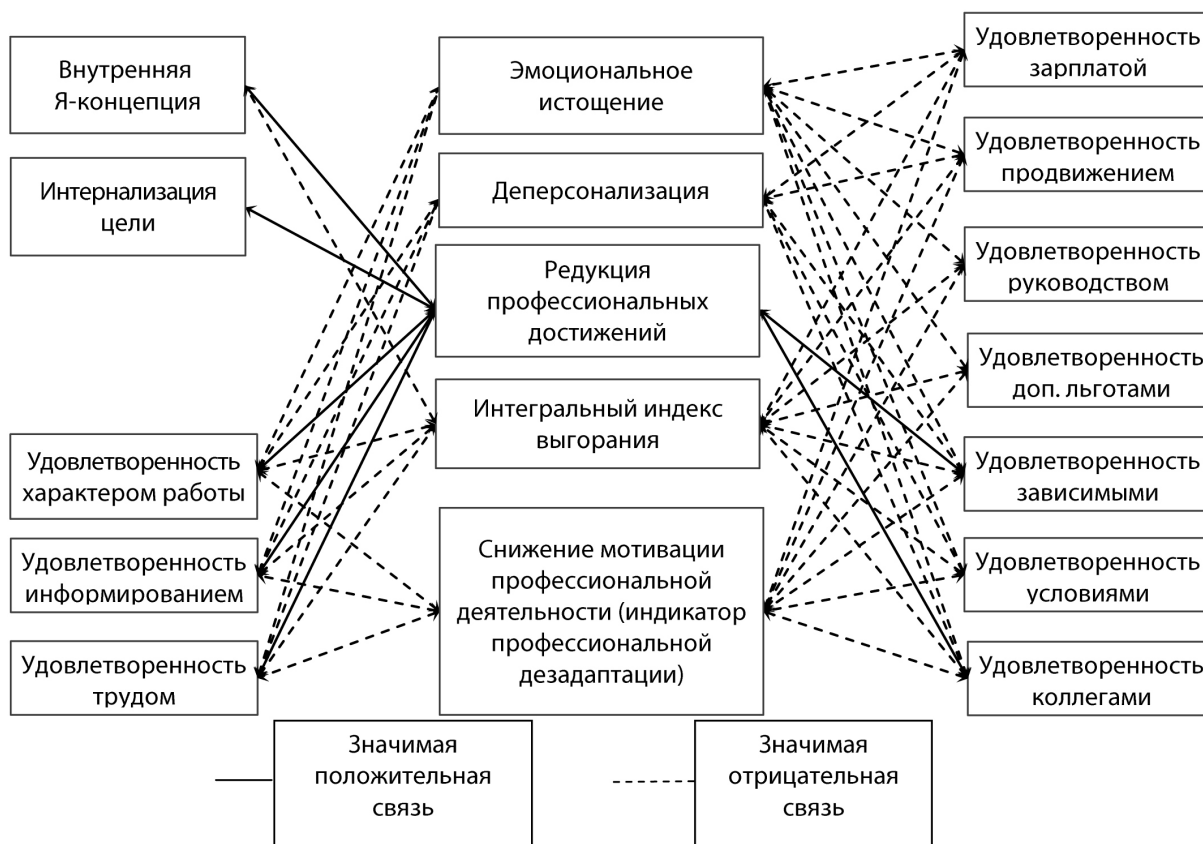


Рисунок 3

Результаты корреляционного анализа уровня профессионального выгорания с особенностями мотивации профессиональной деятельности и удовлетворенности трудом ($N = 140$, при $p_{holm} < 0,05$)

Описанные результаты позволяют заключить, что повышение уровня эмоционального истощения, эмоциональной отстраненности, неудовлетворенности собой и уровнем своего профессионализма сопряжено со снижением удовлетворенности трудом

и значимости внутренних компонентов профессиональной мотивации. При этом шкалы «Инструментальная мотивация» и «Внутренние процессы» не обнаруживают достоверных связей ни со снижением мотивации, ни профессиональным выгоранием.

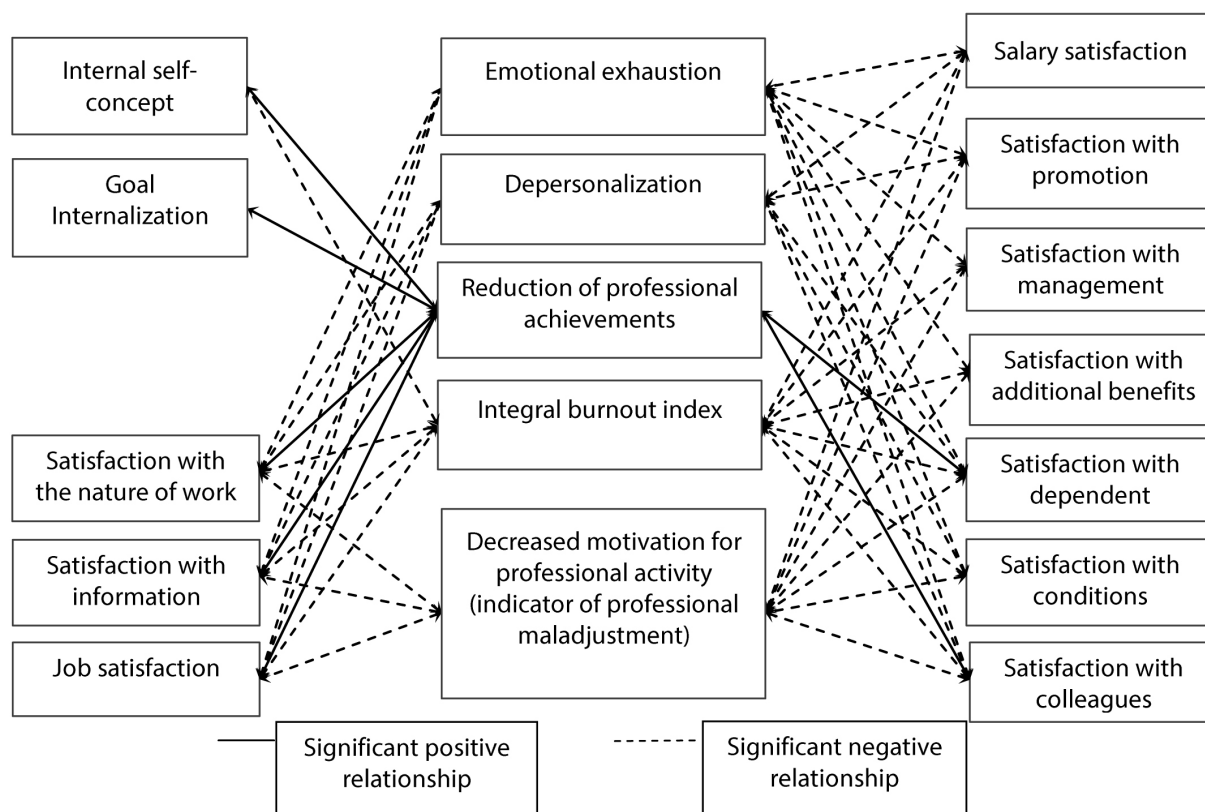


Figure 3
Results of correlation analysis of the level of professional burnout with characteristics of motivation for professional activity and job satisfaction (N = 140, with $p_{\text{holm}} < 0.05$)

Учитывая вышеописанную выраженность этих компонентов мотивации по выборке, в отношении инструментальной мотивации, это может быть интерпретировано как игнорирование желания материальной компенсации. В то время как относительно высокая выраженность мотива на получение удовольствия от профессиональной деятельности («Внутренние процессы»), вероятно, свидетельствует об удовлетворенности этой потребности.

Далее был проведен сравнительный корреляционный анализ в двух подгруппах, выделенных по стажу (Таблица 2).

В группе работников со стажем менее 10 лет выявлены достоверные положительные корреляции между профессиональной успешностью и внешней Я-концепцией ($R_s = 0,561, p < 0,003$), а также между снижением мотивации профессиональной деятельности (как индикатором профессиональной дезадаптации) и инструментальной мотивацией ($R_s = 0,474, p < 0,014$). Внутренняя Я-концепция отрицательно коррелирует со снижением мотивации профессиональной деятельности ($R_s = -0,595, p < 0,001$) и уровнем выгорания ($R_s = -0,432, p < 0,027$). В группе со

стажем более 10 лет выявлены положительные корреляции между профессиональной успешностью и внешней Я-концепцией ($R_s = 0,317, p < 0,004$), внутренней Я-концепцией ($R_s = 0,536, p < 0,001$), интернализацией цели ($R_s = 0,323, p < 0,003$). Показатель интернализации цели отрицательно коррелирует со деперсонализацией ($R_s = -0,260, p < 0,02$) и интегральным показателем выгорания ($R_s = -0,235, p < 0,036$). Отрицательные корреляции обнаружены между интегральным индексом выгорания и внутренней Я-концепцией ($R_s = -0,263, p < 0,019$), а также между снижением мотивации профессиональной деятельности и внешней Я-концепцией ($R_s = -0,277, p < 0,013$). Так, интерпретируя тесноту и значимость описанных связей, можно предположить, что в группе со стажем профессиональной деятельности менее 10 лет позитивный опыт в профессии и материальная компенсация могут выступать существенными поддерживающими факторами в профилактике развития синдрома профессионального выгорания и дезадаптации. В то время как в группе со стажем более 10 лет, связи между компонентами мотивации и показателями выгорания усложняются.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа корреляционных связей показателей профессионального выгорания и мотивации профессиональной деятельности в группах с различным профессиональным стажем в сфере образования

Показатели	Стаж менее 10 лет (N = 46)	Стаж более 10 лет (N = 94)	Сравнительный анализ		
	Rs Спирмена	Rs Спирмена	q Коэна	z-значение	Значимость различий (p-value)
Деперсонализация & Интернализация цели	-0,077	-0,260*	0,189	1,021	0,307
Редукция профессиональных достижений & Внешняя Я-концепция	-0,115	0,317**	0,444	-2,398	0,016
Редукция профессиональных достижений & Внутренняя Я-концепция	0,561**	0,536***	0,036	0,1933	0,847
Редукция профессиональных достижений & Интернализация цели	0,331	0,323**	0,009	0,048	0,961
Интегральный индекс выгорания & Внутренняя Я-концепция	-0,432*	-0,263*	0,193	-1,043	0,297
Интегральный индекс выгорания & Интернализация цели	-0,302	-0,235*	0,072	-0,391	0,696
Снижение мотивации профессиональной деятельности & Инструментальная мотивация	0,474*	0,189	0,324	1,751	0,080
Снижение мотивации профессиональной деятельности & Внешняя Я-концепция	0,062	-0,277*	0,347	1,873	0,061
Снижение мотивации профессиональной деятельности & Внутренняя Я-концепция	-0,595***	-0,202	0,481	-2,597	0,009

Примечание: * — отражает уровень значимости коэффициентов корреляции (* p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001)

Table 2

Results of a comparative analysis of correlations between indicators of professional burnout and motivation for professional activity in groups with different professional experience in the field of education

Indicators	Less than 10 years of experience (N = 46)	More than 10 years of experience (N = 94)	Comparative analysis		
	Rs Spearman	Rs Spearman	q Cohen	z- meaning	Significance of differences (p-value)
Depersonalization & Goal Internalization	-0.077	-0.260*	0.189	1.021	0.307
Reduction of professional achievements & External self-concept	-0.115	0.317**	0.444	-2.398	0.016
Reduction of professional achievements & Internal self-concept	0.561**	0.536***	0.036	0.1933	0.847
Reduction of professional achievements & Goal Internalization	0.331	0.323**	0.009	0.048	0.961
Integral burnout index & Internal self-concept	-0.432*	-0.263*	0.193	-1.043	0.297
Integral burnout index & Goal Internalization	-0.302	-0.235*	0.072	-0.391	0.696
Decreased motivation for professional activity & Instrumental motivation	0.474*	0.189	0.324	1.751	0.080
Decreased motivation for professional activity & External self-concept	0.062	-0.277*	0.347	1.873	0.061
Decreased motivation for professional activity & Internal self-concept	-0.595***	-0.202	0.481	-2.597	0.009

В результате анализа значимости различий между полученными коэффициентами корреляций в отношении положительной связи шкалы «Внутренняя Я-концепция» с самооценкой редукиции профессиональных достижений и отрицательной связи с индексом выгорания не обнаружено, что указывает на устойчивость связи мотивации на поддержание соответствия внутренним стандартам компетентности и личностных характеристик с самооценкой профессиональной успешности. Вероятно, чем более выражено это стремление, тем более прозрачными и заметными для специалиста будут его результаты профессиональной деятельности.

Установлено, что достоверно различаются связи между показателем профессиональной успешности и внешней Я-концепцией ($p = 0,016$). Стоит отметить, что различается не только теснота, но и направленность связи. В группе со стажем работы в сфере образования менее 10 лет связь обратная, в то время как во второй группе прямая. То есть, значимость статуса и стремление к поиску подтверждения собственной компетентности от других людей на более поздних этапах профессионального становления будет достоверно более тесно связано с самооценками своей компетентности и продуктивности, при этом на ранних этапах академической карьеры повышение мотивации внешней валидации будет связано со снижением удовлетворенности своей самореализацией или чувством неадекватности уровня своей компетентности занимаемой должности.

Также удалось выявить достоверные различия коэффициентов корреляции между снижением мотивации профессиональной деятельности и шкалой «Внутренняя Я-концепция» ($p = 0,009$). В группе молодых специалистов их обратная связь достоверно выше, что может указывать на возможность высокой эффективности профилактики профессиональной дезадаптации на ранних этапах развития карьеры в сфере образования через поддержание позитивного образа преподавателя и определенного уровня внутренней мотивации.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что среди работников сферы образования в целом отмечается довольно высокие показатели по исследуемым компонентам психологического благополучия. При этом среди источников мотивации явно выделяются внутренние компоненты мотивации, что в целом не противоречит результатам современных исследований мотивации в рамках теории самодетерминации в разных сферах деятельности (Ryan, Deci, 2020; Осин, 2017). Внутренняя мотивация в рамках данного подхода включает в себя интерес к самой деятельности, удовольствие от процесса или результата ее выполнения и другие личные причины вовлеченности субъекта (Мандрикова, 2010). Показано, что внутренняя профессиональная мотивация положительно коррелирует с уровнем удовлетворенности трудом, эмо-

ционального благополучия, более высоким уровнем приверженности организации и сохраняет связь с повышением уровня субъективного благополучия даже в отсутствие внешних наград (Randall, Ryan, 2020; Perez-Rivases et al., 2017; Wray-Lake et al., 2019).

Выявленная нами связь между повышением уровня выраженности компонентов профессионального выгорания со снижением показателя психологического благополучия работников сферы образования, также согласуется с исследованием Л.В. Карапетян и Г.А. Глотовой (Карапетян, Глотова, 2020). Авторами выявлен ряд достоверных связей профессионального выгорания с показателями по шкалам методики «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ) и делается вывод том, что респонденты с высокой самооценкой эмоционально-личностного благополучия не обнаруживают склонности к проявлению признаков профессионального выгорания.

Нами было показано, что уровень психологического благополучия понижается при повышении общего уровня выгорания и таких его компонентов, как эмоциональное истощение, личностная отстраненность и снижение самооценки собственных достижений. При этом, повышение выраженности всех показателей профессионального выгорания, сопряжено со снижением уровня удовлетворенности трудом и мотивации профессиональной деятельности. Сходные результаты получены в исследованиях Г.А. Чомаевой и О.А. Веселовой на выборках педагогов и социальных работников (Чомаева, 2018; Веселова, 2019).

Примечательным в нашем результате является то, что инструментальная мотивация не связана с выраженностью профессионального выгорания, однако положительно коррелирует с выраженностью снижения мотивации профессиональной деятельности (как индикатора профессиональной дезадаптации). Это свидетельствует о невысокой значимости материального вознаграждения для преподавателей. При этом связи снижения уровня мотивации с источниками мотивации различаются в группах с разным стажем. Сам факт такого отличия может объясняться усилением значимости определенных мотивов с возрастом, что также находит подтверждение в современных работах (Первицкая, 2018). Нам удалось установить, что на ранних этапах академической карьеры удовлетворенность своей самореализацией достоверно сильнее связана с мотивом на поиск внешних подтверждений своей компетентности, а уровень мотивации профессиональной деятельности сопряжен с желанием соответствовать внутренним представлениям о «хорошем специалисте».

Снижение мотивации профессиональной деятельности (как индикатора профессиональной дезадаптации), согласно нашим данным, положительно коррелирует с большинством компонентов удовлетворенности трудом. В качестве предположения, можно рассматривать эти связи как индикаторы комплексной реакции: снижение удовлетворенности материальными, коммуникативными, процессуальными

асpekтами профессиональной деятельности может вести не только к потере интереса к работе, но и развитию синдрома выгорания, снижению психологического благополучия личности и дестабилизации образовательного процесса. Данное предположение согласуется с современными исследованиями образовательной среды на разных уровнях. Образовательная среда представляет собой системное образование, где различные ее элементы, в том числе и субъекты образовательной деятельности, находясь в системе сложных взаимодействий, активно ее преобразуют, и сама среда как целое влияет на каждый субъект (Ясвин, 2020). При этом отсутствие удовлетворенности процессом взаимодействия часто рассматривается как одна из психологических угроз безопасности образовательной среды (Баева, Тарасов, 2018 и др.).

Таким образом, представленные результаты исследования психологического благополучия работников сферы образования в связи с особенностями мотивации профессиональной деятельности, уровнем удовлетворенности трудом и профессионального выгорания, с одной стороны, не противоречат современным исследованиям на сходных или более широких выборках. С другой, представляют собственную ценность, так как позволяют уточнить взаимоотношения между изучаемыми компонентами в контексте содержания и стажа профессиональной деятельности.

Выводы

В результате корреляционного анализа установлено, что повышение уровня эмоционального истощения, эмоциональной отстраненности, неудовлетворенности собой и уровнем своего профессионализма, сопряжено со снижением выраженности компонентов психологического благополучия и профессиональной мотивации. Учитывая характер и тесноту связей, а также тот факт, что аналогичные связи получены абсолютно по всем измеренным компонентам благополучия, можно сказать, что субъективное благополучие и профессиональное выгорание могут быть рассмотрены как взаимообусловленные феномены. Также было обнаружено, что повышение уров-

ня профессионального выгорания связано со снижением общего уровня удовлетворенности трудом, а также снижением значимости таких компонентов мотивации профессиональной деятельности, как ориентация на собственные стандарты и социальные нормы, а также желание достижения целей, навязанных социальной ролью. При этом показатель мотивации на материальные вознаграждения и получение удовольствия от профессиональной деятельности не имеют достоверных связей с компонентами профессионального выгорания.

Кроме того, показано, что связь профессионального выгорания с составляющими мотивации профессиональной деятельности различается у респондентов с разным стажем работы в сфере образования. В целом результаты проведенного сравнительного анализа указывают на возможность деформации мотивационно-ценностной сферы работников с низким уровнем адаптации в должности на ранних этапах профессионального становления, а также на возможные мишени профилактики развития выгорания.

В качестве перспективы дальнейшей разработки темы можно обозначить углубленный анализ роли эмоционально-личностных характеристик работников сферы образования в формировании устойчивого уровня психологического благополучия с различных психологических аспектов профессиональной деятельности.

Практическое применение

Практическая значимость исследования психологического благополучия и психологических аспектов профессиональной деятельности работников сферы образования состоит в том, что результаты данной работы могут быть применены при составлении программ психологического сопровождения и профилактических мероприятий, направленных на предотвращение развития или терапию профессионального выгорания и иных синдромов, вызванных различными стрессовыми воздействиями.

Список литературы

- Акимова, А.Ю., Васильева, Е.Н., Исаева, О.М. (2021). Женщина в структуре Федерации бокса России: профессиональная мотивация и связь с психологическим благополучием. *Национальный психологический журнал*, 41(1), 149–159. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0112>
- Баева, И.А., Тарасов, С.В. (2018). Показатели психологической безопасности образовательного пространства как фактор принятия управленческих решений. *Научное мнение*, (1), 28–37.
- Батуринов, Н.А., Башкатов, С.А., Гафарова, Н.В. (2013). Теоретическая модель личностного благополучия. *Психология. Психофизиология*, (4), 4–14.
- Веселова, О.А. (2019). Профессиональная мотивация и уровень эмоционального выгорания у педагогов. *Вестник науки и образования*, 18(72), 96–98.

- Герасимова, А.С., Обознов, А.А. (2019). Особенности психологического благополучия руководителей структурных подразделений вуза. *Научный результат. Педагогика и психология образования*, 5(1), 70–85.
- Избасарова, С.А. (2021). Вербальные и невербальные методы в исследовании социальных представлений о счастье. *Национальный психологический журнал*, 41(1), 53–62. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0205>
- Исаева, О.М., Савинова, С.В., Волков, И.В. (2021). Психологическое благополучие как условие готовности преподавателей университетов к организационным изменениям. *Педагогика и психология образования*, (2), 150–168. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2021-2-150-168>
- Карапетян, Л.В., Глотова, Г.А. (2020). Внутреннее благополучие человека: монография. Екатеринбург: Уральский институт ГПС МЧС России.
- Козьмина, Л.Б. (2022). Особенности психологического благополучия и удовлетворенности трудом женщин разных возрастных групп. *Общество: социология, психология, педагогика*, 2(94). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.15>
- Колокольникова, З.У. (2017). Педагогика и психология: Курс лекций. Лесосибирск: ЛПИ-филиал СФУ.
- Константиновский, Д.Л., Константиновский, Д.Л., Пинская, М.А., Звягинцев, Р.С. (2019). Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания. *Социологические исследования*, (5), 14–25. <https://doi.org/10.31857/S013216250014949-6>
- Корешникова, Ю.Н., Фрумин, И.Д. (2020). Профессиональные компетенции педагога как фактор сформированности критического мышления студентов. *Психологическая наука и образование*, 25(6), 88–103. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250608>
- Лактионова, Е.Б., Матюшина, М.Г. (2018). Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. (26), 77–88. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.26.77>
- Лукьянченко, Н.В. (2016). Взаимосвязь профессионально значимых качеств личности и рабочей мотивации руководителей с их психологическим благополучием. *Сибирский психологический журнал*, (62), 153–168.
- Малинина, С.Е. (2018). Удовлетворенность трудом в коллективе как фактор повышения производительности труда. *Вестник науки и образования*, 5(41), 60–62.
- Мандрикова, Е.Ю. (2010). Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД). *Психологическая диагностика*, (2), 87–111.
- Мерзлякова, С.В., Кулигина, Н.В. (2019). Исследование связи мотивации и удовлетворенности трудом медицинского персонала. *Вестник ЮурГГПУ*, (4), 265–278. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2019.11.34.017>
- Осин, Е.Н. (2017). Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности. *Организационная психология*, (4), 21–49.
- Первитская, А.М. (2018). Профессиональное выгорание педагогов дополнительного образования. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, (3), 87–90.
- Реан, А.А., Ставцев, А.А., Кузьмин, Р.Г. (2021). Позитивно-психологический подход как фактор стимулирования психологического благополучия и редуцирования рисков профессионального выгорания педагога. *Психология человека в образовании*, 3(4), 461–473. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-461-473>
- Реан, А.А., Ставцев, А.А., Кузьмин, Р.Г. (2022). Сильные стороны личности в модели VIA как медиатор психологического благополучия в профессиональной деятельности. *Национальный психологический журнал*, 46(2), 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0203>
- Скорынин, А.А. (2020). К вопросу о структуре психологического благополучия личности. *Гуманитарные исследования. Педагогика и психология*, (2), 87–93. <https://doi.org/10.24411/2712-827X-2020-10210>
- Чернышова, М.Д. (2021). Профессиональное здоровье педагога. *Научный лидер*, 15(17), 65–72.
- Чомаева, Г.А. (2018). Особенности и факторы возникновения синдрома эмоционального выгорания у социальных работников. *Проблемы современного педагогического образования*, 58(3), 365–368.
- Шаехов, З.Д. (2021). Психологическое благополучие в контексте пола и сексуальной идентичности. *Национальный психологический журнал*, 43(3), 31–42. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0303>
- Ясвин, В.А. (2020). Технология средового проектирования в образовании. *Социально-политические исследования*, 6(1), 74–93. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-74-93>
- Ященко, Е.Ф. (2012). Самоактуализация и субъективное благополучие как социально-психологические проблемы профессионального образования: студенты и преподаватели университета. *Психология. Психофизиология*, (31), 56–63.
- Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological well-being*. Chicago: Aldine Pub.
- Deci, E.L., Ryan, R.M. (1985). The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 19(2), 109–134.
- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, (95), 542–575.
- Elliott, M., Blithe, S. J. (2021). Gender Inequality, Stress Exposure, and Well-Being among Academic Faculty. *International Journal of Higher Education*, 22(10), 240–252.
- Ilyushin, L.S. Azbel, A.A. (2017). The modern Russian teacher: Studying awareness with the use of the semi-structured interview. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(1), 49–66. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0104>
- Perez-Rivases, A., Torregrosa, M., Viladrich, C., Pallares, S. (2017). Women occupying management positions in top-level sport organizations: a self-determination perspective. *Anales De Psicologia*, 33(1), 102–113. <https://doi.org/10.6018/analesps.33.1.229171>
- Randall, C., Ryan, R. (2020). Moral self-determination: The nature, existence, and formation of moral motivation. *Journal of Moral Education*, 49(3), 295–315. <https://doi.org/10.1080/03057240.2020.1793744>
- Ryan, R.M., Deci, E.L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*, (61), 101860.
- Ryff, C.D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing. *Journal of Personality and Social Psychology*, (57), 1069–1081.
- Wray-Lake, L., DeHaan, C., Shubert, J., Ryan, R. (2019). Examining links from civic engagement to daily well-being from a self-determination theory perspective. *Journal of Positive Psychology*, 14(2), 166–177.

References

- Akimova, A.Yu., Vasilyeva, E.N., Isaeva, O.M. (2021). A woman in the structure of the Boxing Federation of Russia: professional motivation and connection with psychological well-being. *National Psychological Journal*, 1(41), 149–159. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0112> (In Russ.).
- Baeva, I.A., Tarasov, S.V. (2018). Indicators of psychological safety of educational space as a factor of managerial decision-making. *Nauchnoe Mnenie (Scientific Opinion)*, (1), 28–37. (In Russ.).
- Baturin, N.A., Bashkatov, S.A., Gafarova, N.V. (2013). Theoretical model of personal well-being. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya (Psychology. Psychophysiology)*, (4), 4–14. (In Russ.).
- Veselova, O.A. (2019). Professional motivation and the level of emotional burnout among teachers. *Vestnik Nauki i Obrazovaniya (Bulletin of Science and Education)*, 18(72), 96–98. (In Russ.).
- Gerasimova, A.S., Oboznov, A.A. (2019). Features of psychological well-being of heads of structural divisions of the university. *Nauchnyi Rezultat. Pedagogika i Psikhologiya Obrazovaniya (Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education)*, 1(5), 70–85. (In Russ.).
- Izbasarova, S.A. (2021). Verbal and nonverbal methods in the study of social ideas about happiness. *National Psychological Journal*, 41(1), 53–62. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0205> (In Russ.).
- Isaeva, O.M., Savinova, S.V., Volkov, I.V. (2021). Psychological well-being as a condition of university teachers' readiness for organizational changes. *Pedagogika i Psikhologiya Obrazovaniya (Pedagogy and Psychology of Education)*, (2), 150–168. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2021-2-150-168> (In Russ.).
- Karapetyan, L.V., Glotova, G.A. (2020). Internal human well-being: monograph. Yekaterinburg: Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia. (In Russ.).
- Kozmina, L.B. (2022). Features of psychological well-being and job satisfaction of women of different age groups. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika (Society: Sociology, Psychology, Pedagogy)*, 94(2). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.15> (In Russ.).
- Kolokolnikova, Z.U. (2017). Pedagogy and psychology: A course of lectures. Lesosibirsk: LPI-branch of SibFU. (In Russ.).
- Konstantinovsky, D.L., Konstantinovsky, D.L., Pinskaya, M.A., Zvyagintsev, R.S. (2019). Professional well-being of teachers: from enthusiasm to burnout. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological Research)*, (5), 14–25. <https://doi.org/10.31857/S013216250014949-6> (In Russ.).
- Koreshnikova, Yu.N., Frumin, I.D. (2020). Professional competencies of a teacher as a factor in the formation of critical thinking of students. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 6(25), 88–103. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250608> (In Russ.).
- Lukyanchenko, N.V. (2016). Interrelation of professionally significant personality qualities and work motivation of managers with their psychological well-being. *Sibirskii Psikhologicheskii Zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, (62), 153–168. (In Russ.).
- Malinina, S.E. (2018). Satisfaction with work in the team as a factor of increasing labor productivity. *Vestnik Nauki i Obrazovaniya (Bulletin of Science and Education)*, 5(41), 60–62. (In Russ.).
- Mandrikova, E.Yu. (2010). Development of the questionnaire of self-organization of activity (OSD). *Psikhologicheskaya Diagnostika (Psychology Diagnostics)*, (2), 87–111. (In Russ.).
- Merzlyakova, S.V., Kuligina, N.V. (2019). Investigation of the relationship between motivation and job satisfaction of medical personnel. *Vestnik YuUrGGPU (The Bulletin of the YUrGGPU)*, (4), 265–278. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2019.11.34.017> (In Russ.).
- Osin, E.N. (2017). Professional motivation of employees of Russian enterprises: diagnostics and connections with well-being and success of activity. *Organizatsionnaya Psikhologiya (Organizational Psychology)*, (4), 21–49. (In Russ.).
- Osin, E.N., Suchkov, D.D., Gordeeva, T.O., Ivanova, T.Y. (2015). Satisfaction of basic psychological needs as a source of labor motivation and subjective well-being among Russian employees. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 4(12), 103–121. (In Russ.).
- Pervitskaya, A.M. (2018). Professional burnout of teachers of additional education. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika (Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics)*, (3), 87–90. (In Russ.).
- Rean, A.A., Stavtsev, A.A., Kuzmin, R.G. (2021). Positive psychology approach as a factor of stimulating psychological well-being and reducing the risks of professional burnout of a teacher. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii (Psychology in Education)*, 4(3), 461–473. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-461-473> (In Russ.).
- Rean, A.A., Stavtsev, A.A., Kuzmin, R.G. (2022). Strengths of the personality in the VIA model as a mediator of psychological well-being of the individual in professional activities. *National Psychological Journal*, 2(46), 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0203> (In Russ.).
- Skorynin, A.A. (2020). On the question of the structure of psychological well-being of the individual. *Gumanitarnye Issledovaniya. Pedagogika i Psikhologiya (Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology)*, (2), 87–93. <https://doi.org/10.24411/2712-827X-2020-10210>. (In Russ.).
- Chernyshova, M.D. (2021). Professional health of a teacher. *Zhurnal "Nauchnyi Lider" (Journal "Scientific leader")*, 15(17), 65–72. (In Russ.).
- Chomaeva, G.A. (2018). Features and factors of the emergence of the syndrome of "emotional burnout" in social workers. *Problemy Sovremennogo Pedagogicheskogo Obrazovaniya (Problems of Modern Pedagogical Education)*, 58(3), 365–368. (In Russ.).
- Shaekhov, Z.D. (2021). Psychological well-being in the context of gender and sexual identity. *National Psychological Journal*, 43(3), 31–42. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0303> (In Russ.).
- Yasvin, V.A. (2020). Technology of environmental design in education. *Sotsial'no-Politicheskie Issledovaniya (Socio-Political Research)*, 6(1), 74–93. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-74-93> (In Russ.).
- Yashchenko, E.F. (2012). Self-actualization and subjective well-being as socio-psychological problems of vocational education: students and university teachers. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya (Psychology. Psychophysiology)*, (31), 56–63. (In Russ.).
- Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological Well-being*. Chicago: Aldine Pub.
- Deci, E.L., Ryan, R.M. (1985). The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 19(2), 109–134.

- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, (95), 542–575.
- Elliott, M., Blithe, S.J. (2021). Gender Inequality, Stress Exposure, and Well-Being among Academic Faculty. *International Journal of Higher Education*, 22(10), 240–252.
- Ilyushin, L.S. Azbel, A.A. (2017). The modern Russian teacher: Studying awareness with the use of the semi-structured interview. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(1), 49–66. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0104>.
- Perez-Rivases, A., Torregrosa, M., Viladrich, C., Pallares, S. (2017). Women occupying management positions in top-level sport organizations: a self-determination perspective. *Anales De Psicologia*, 33(1), 102–113. doi: 10.6018/analesps.33.1.229171
- Randall, C., Ryan, R. (2020). Moral self-determination: The nature, existence, and formation of moral motivation. *Journal of Moral Education*, 49(3), 295–315. <https://doi.org/10.1080/03057240.2020.1793744>
- Ryan, R.M., Deci, E.L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*, (61), 101860.
- Ryff, C.D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing. *Journal of Personality and Social Psychology*, (57), 1069–1081.
- Wray-Lake, L., DeHaan, C., Shubert, J., Ryan, R. (2019). Examining links from civic engagement to daily well-being from a self-determination theory perspective. *Journal of Positive Psychology*, 14(2), 166–177.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Екатерина Геннадьевна Денисова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, keithdenisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0240-8176>

Ekaterina G. Denisova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, keithdenisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0240-8176>



Диана Александровна Бовдуй, студентка кафедры общей психологии факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, diana.bovduj26022001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9965-3754>

Diana A. Bovdui, student of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology at the Department of General Psychology Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, diana.bovduj26022001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9965-3754>



Анастасия Олеговна Гостева, ассистент кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, agosteva.dstu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1348-9995>

Anastasia O. Gosteva, Teaching Assistant at the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, agosteva.dstu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1348-9995>

Поступила: 12.08.2022; получена после доработки: 18.05.2023; принята в печать: 26.01.2024.

Received: 12.08.2022; revised: 18.05.2023; accepted: 26.01.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА / OCCUPATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0109>
УДК/UDC 159.9.072.43

Формирование компонентов метаресурса жизненной успешности сотрудников ОВД с помощью тренинга профессионально- личностного роста

Н.А. Семенова ✉

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация

✉ natalya_deeva@bk.ru

Резюме

Актуальность. Освещено значение исследования метаресурсов в современных условиях нестабильного мира, которые упорядочивают систему личностных ресурсов и помогают человеку решать жизненные задачи с опорой на свои сильные стороны. Отмечается, что важность развития ресурсного подхода в психологии трудовой и служебной деятельности состоит в его возможностях повышения успешности профессиональной деятельности. Дано понятие метаресурса жизненной успешности, как важного предиктора профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Предложена разработка тренинга жизненной и профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел. Дано его обоснование как эффективной технологии формирования данного метаресурса.

Цель. Изучение динамики компонентов метаресурса жизненной успешности при целенаправленном воздействии на них в процессе тренинговой работы.

Выборка. В исследовании приняли участие 115 человек из них 44 курсанта, 44 слушателя, 12 адъюнктов и 15 начинающих преподавателей образовательной организации МВД России, которые были разделены на четыре экспериментальных и две контрольных группы. Экспериментальные группы были сформированы с учетом специфики процесса профессионализации в экспериментальных группах.

Методы. Реализован квазиэкспериментальный план исследования. Воздействие происходило посредством тренинговой технологии при реализации Тренинга жизненной и профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел. Перед началом и после проведения тренинга осуществлялись диагностические срезы.

Результаты. Теоретически и эмпирически доказана эффективность тренинга. Во всех экспериментальных группах выявлена положительная динамика определенных компонентов жизненной успешности. Положительные изменения рефлексивных механизмов успешности произошли во всех экспериментальных группах, исключение составляет группа адъюнктов. Отмечена положительная динамика практических, нравственных и бытовых переживаний. В выборках слушателей и преподавателей зафиксировано повышение показателя жизненной диспозиции, которая является одним из важных предикторов профессиональной успешности.

Выводы. Полученные результаты позволили обосновать возможности целенаправленного формирования метаресурса жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел посредством тренинга. Теоретически и эмпирически доказана эффективность тренинга жизненной и профессиональной успешности, что делает целесообразным его включение в программы психологического сопровождения сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: личностный ресурс, метаресурс, жизненная успешность, профессиональная успешность, успех, профессионально-личностный рост, тренинг, сотрудник полиции

Для цитирования: Семенова, Н.А. (2024). Формирование компонентов метаресурса жизненной успешности сотрудников ОВД с помощью тренинга профессионально-личностного роста. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 130–143. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0109>

Development of a meta-resource for the life success in police officers using professional and personal growth training

Natalya A. Semenova ✉

The Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

✉ natalya_deeva@bk.ru

Abstract

Background. The importance of studying personal meta-resources in modern conditions of an unstable world is highlighted. Meta-resources streamline the system of personal resources and help a person solve life problems using their own strengths. It is noted that developing the resource approach in the psychology of work and service activity enables to increase the success of professional activity through the formation of certain resources. The concept of a meta-resource of life success is described as an important predictor for the professional activity of employees of internal affairs bodies. The development of training for life and professional success of employees of internal affairs bodies is proposed. Its justification as an effective technology for the development of this meta-resource is given.

Objective. The aim is to study the dynamics of components in the meta-resource of life success with targeted influence on them in the process of training work.

Sample. The study involved 115 people, including 44 cadets, 44 students, 12 adjuncts, and 15 novice teachers at the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia, who were divided into four experimental and two control groups. The experimental groups were formed taking into account the specifics of the professionalization process in the experimental groups.

Methods. A quasi-experimental research design was implemented. The impact occurred in the process through training technology during the implementation of "Training for the life and professional success of employees of internal affairs bodies." Before and after the training, diagnostic sessions were taken.

Results. The effectiveness of the training has been theoretically and empirically proven. In all experimental groups, positive dynamics of certain components of life success were revealed. Positive changes in the reflexive mechanisms of success occurred in all experimental groups, with the exception of the group of adjuncts. Positive dynamics of practical, moral, and existential emotional experiences was noted. In samples of students and teachers, an increase in the life disposition indicator was recorded, which is one of the important predictors of professional success.

Conclusion. The results obtained made it possible to draw a generalized picture of the possibilities for purposeful formation of a meta-resource for the life success of employees at internal affairs bodies through training. The effectiveness of life and professional success training has been theoretically and empirically proven, which makes it advisable to include it in psychological support programmes for internal affairs officers.

Keywords: personal resource, meta-resource, life success, professional success, success, professional and personal growth, training, police officer

For citation: Semenova, N.A. (2024). Development of a meta-resource for the life success in police officers using professional and personal growth training. *National Psychological Journal*, 19(1), 130–143. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0109>

Введение

Значимость изучения возможности формирования метаресурсов обусловлена проблемами, с которыми личность сталкивается в контексте типичных характеристик современного мира. Данные характеристики уже привычно выражаются через акроним BANI-мир: хрупкость (Brittle), беспокойство (Anxious), нелинейность (Nonlinear), непостижимость (Incomprehensible) (Cascio, 2021). В этой связи актуализируется необходимость обнаружения

психологических ресурсов, обеспечивающих баланс между сохранением внутреннего мира личности и ее эффективным взаимодействием с реальностью; выполняющих буферную функцию по отношению к воздействию негативных факторов на личность; способствующих поиску позитивных возможностей для преодоления трудных ситуаций (Vokhan et al., 2021). Суть ресурсного подхода заключается в возможности обращения личности к своим сильным сторонам, благодаря которым она может эффективно решать задачи в различных сферах жизни, в том числе в профессиональной деятельности.

Отметим, что на сегодняшний день особый интерес к изучению ресурсов личности наблюдается в рамках психологии труда, где успешность профессиональной и социальной реализации связывается с личностными ресурсами (Водопьянова, 2015; Дикая и др., 2016 и др.). В частности, это касается и профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, которые в современных условиях должны быть готовы сохранять стабильность общества и решительно противодействовать преступности при возникновении нештатных ситуаций¹. Исследователями ведется активный поиск факторов, влияющих на успешность сотрудников в различных видах служебной деятельности (Вахнина, Ефимова, 2021; Костина, Воронина, 2018; Поршук, 2020; Реутова, 2018 и др.)

Личностные ресурсы имеют сложную иерархическую структуру, где метаресурсы занимают высший уровень и упорядочивают работу всей их системы, обеспечивают ее эффективность (Марков, 2010; Моросанова, 2021). Метаресурсы являются регулятивами, которые выполняют функцию организации «ресурсной базы» личности: механизмов психической регуляции деятельности и поведения, свойств и структуры их связей, ресурсных состояний (Водопьянова, 2015). В снятом виде метаресурсы как регулятивы высшего порядка включают в себя механизмы, свойства и состояния, работа которых во взаимосвязи обеспечивает «настройку» ресурсов более низшего порядка на обеспечение конструктивной жизни личности. Суть функционирования метаресурсов состоит в наиболее эффективном разрешении противоречий, возникающих у субъекта социальных отношений за счет рефлексивной трансформации и преобразования ценностно-смысловой сферы личности в процессе саморегуляции посредством рефлексивных механизмов, определенных свойств и состояний.

В рамках развиваемой нами концепции в качестве одного из метаресурсов обосновывается жизненная успешность личности. Понимание жизненной успешности, в данном случае, приобретает статус интегративного психологического образования, которое возникло и оформилось в процессе культурно-исторического развития общества, по крайней мере, от базовых имплицитных моделей успешности, оформившихся в античности до индивидуальных проектов жизненной успешности современной личности. Необходимо сказать, что на всем протяжении исторического развития феномен успешности содержал в себе ресурсную составляющую, которая проявлялась через ее участие в саморегуляции (Деева, 2020).

На основании теоретического анализа междисциплинарных, психологических классических и современных отечественных, а также эмпирических исследований был выведен концепт жизненной успешности как метаресурса личности (Батурина, Черняева, 2018; Генфольд и др., 2020; Реан и др., 2022;

Шабунова и др., 2019; Гусельцева, Асмолов, 2020 и др.) и зарубежных работ (Springstein, English, 2023; Mogashana Disaapele et al., 2023; Yunissov Yersin et al., 2023 и др.).

Основной предпосылкой, позволяющей рассматривать жизненную успешность как метаресурс является осуществление ею акцепторной функции. Проблема акцептора действия как аппарата предвидения и оценки результатов действия была поставлена в теории функциональных систем (Анохин, 1973). Обобщенно проблему, поставленную П.К. Анохиным, можно обозначить так: каким образом живой организм узнает, что его действие (возможно, из множества повторений) было правильным, результативным? Для психологии данная идея выражается в поиске неких регулятивов (механизмов, феноменов, образований), которые организуют работу всей системы саморегуляции (либо системы ресурсов, обеспечивающих саморегуляцию), за счет предвосхищения и оценки результативности. Значение «акцептора» подчеркивали такие известные деятели в области психологии, как С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, Ю.И. Александров, особую роль при этом отводя процессам предвосхищения, прогнозирования и обратной связи (Александров и др., 1999).

Акцепторная функция жизненной успешности отличает ее от понимания как простой совокупности успехов в различных сферах жизни, а также от феномена успеха как такового. Субъект, достигая успеха в чем-либо, соприкасается с результатом, как с некой границей, отражаясь от которой, подтверждает свое существование. Сам по себе успех не является акцептором. Это скорее эффект, который возникает в результате работы акцептора и окончательно сигнализирует о полученном результате. Механизм же работы акцептора включает в себя возможность правильно предвосхитить результат с учетом опыта и складывающейся ситуации, своего внутреннего состояния, а также умение сопоставить данный результат с созданным образом, продумать варианты его коррекции и т.п.

Таким образом, жизненная успешность с точки зрения интеграции принципов ресурсного, регулятивного и субъектного подходов понимается как «метаресурс личности в системе саморегуляции, который выполняет акцепторную функцию (предвидения и оценки результатов действия) за счет рефлексивного соотношения жизненных целей с результатами субъективной активности в пространстве «цель-ценность-смысл» и выступает как система взаимосвязанных рефлексивных механизмов, интегративных качеств личности и эмоциональных переживаний» (Деева, 2022, Семенова, 2023) (Рисунок 1). Отметим, что содержательное наполнение и обоснование компонентов метаресурса жизненной успешности произошло посредством теоретического тематического и категориального видов анализа, а также контент-анализа эмпирических данных, полученных на выборке более 1500 человек.

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744>

Таблица 1

Структурно-функциональная и содержательная организация жизненной успешности как метаресурса личности

Метаресурс жизненная успешность			
Компоненты	Контексты ценностно-смысловой сферы		
	Цели	Ценности	Смыслы
<i>Рефлексивные механизмы</i> (рефлексиование собственных целей, ценностей и смыслов и на этом основании построение дальнейших перспектив; понимание подлинности собственных целей и ценностей)	<i>Рефлексивно-технологический</i> — анализ и прогнозирование личностью наиболее оптимальных путей достижения цели, сопоставления цели и результата, гибкость в выборе способов и средств достижения целей	<i>Рефлексивно-аксиологический</i> — конструирование личностью своего взаимодействия с социальной реальностью на основании ценностей как социальных и внутрличностных образований при осуществлении значимой социально оцениваемой цели	<i>Рефлексивно-онтологический</i> — переработка и переживание жизненного опыта на основе наиболее универсальных жизненных принципов (правил, точек опоры), которые даны в человеческом бытии
<i>Интегративные личностные качества</i> (субъектные качества, которые являются необходимыми условиями функционирования данного метаресурса и обеспечивают наличие поведенческих паттернов личности, лежащих в основе построения собственного успеха)	<i>Инструментальные качества</i> (формулирование целей, прогнозирование хода событий, видение происходящего со стороны, гибкость мышления, критичность, развитое воображение, гибкость поведения, сила воли, настойчивость, дисциплинированность, инициативность, целеустремленность)	<i>Социально-психологические качества</i> (мотивация достижения успеха, оптимальная склонность к риску, лидерские качества, умение работать в команде, социальный интерес, потребность в саморазвитии, увлеченность деятельностью, уверенность в себе)	<i>Жизненная диспозиция</i> (оптимистичность, реалистичность, принципиальность, жизнестойкость, внутренняя свобода, активная позиция, ответственность, совесть, устойчивость к неопределенности)
<i>Эмоциональные переживания</i> (оказывают активизирующее влияние на личность и сигнализируют о достижении подлинного успеха)	<i>Практические переживания</i> (удовлетворенность и увлеченность процессом, удовлетворенность результатом, восторг, радость, бодрость и т.п.)	<i>Нравственные переживания</i> (чувство собственного достоинства, чувство значимости своей деятельности (профессии), гордость, любовь, альтруистические чувства, чувство патриотизма, долга)	<i>Бытийные переживания</i> (наполненность жизни, переживание осмысленности своей жизни, пиковые бытийные переживания и т.п.)

Table 1

Structural, functional and content-based organization of life success as a meta-resource of the individual

Metaresource life success			
Components	Contexts of the value and meaning sphere		
	Goals	Values	Meanings
<i>Reflexive mechanisms</i> (reflecting on one's own goals, values and meanings and, on this basis, building further prospects; understanding the authenticity of one's own goals and values)	<i>Reflexively technological.</i> Analysis and forecasting by a person of the most optimal ways to achieve a goal, comparison of goals and results, flexibility in choosing ways and means of achieving goals	<i>Reflexively axiological.</i> A person's construction of his interaction with social reality on the basis of values as social and intrapersonal formations in the implementation of a significant socially assessed goal	<i>Reflexively ontological.</i> Processing and experiencing life on the basis of the most universal life principles (rules, support points) that are given in human existence
<i>Integrative Personality Qualities:</i> subjective qualities that are necessary conditions for the functioning of a given meta-resource and ensure the presence of behavioral patterns of personality that underlie the construction of one's own success	<i>Instrumental qualities:</i> formulation of goals, forecasting the course of events, seeing what is happening from the outside, flexibility of thinking, criticality, developed imagination, flexibility of behavior, strength of will, perseverance, discipline, initiative, purposefulness	<i>Social and psychological qualities:</i> motivation to achieve success, optimal risk appetite leadership skills, skill to work in team, social interest, need for self-development, passion for activity, self confidence	<i>Life disposition:</i> optimism, realism, integrity, vitality, inner freedom, active position, responsibility, conscience, resistance to uncertainty
<i>Emotional experiences</i> (have an activating effect on the personality and signal the achievement of true success)	<i>Praxic experiences</i> (satisfaction and passion for the process, satisfaction with the result, delight, joy, cheerfulness, etc.)	<i>Moral experiences</i> (self-esteem, sense of significance of one's activity (profession), pride, love, altruistic feelings, sense of patriotism, duty)	<i>Existential experiences</i> (fullness of life, experiencing the meaning of one's life, peak existential experiences, etc.)

Предвидение и оценка результатов действия как основная функция жизненной успешности объединяет все сферы жизни человека, представленные основными видами жизнедеятельности. Одной из наиболее значимых сфер в данном пространстве является профессиональная деятельность с ее ценностно-смысловой конфигурацией, способами деятельности и поведения, где важное место занимает значимость пользы для общества.

Процессы актуализации, осознания и совершенствования метаресурса жизненной успешности влияют на определение личностью эффективной стратегии профессионального развития, с опорой на подлинные цели, ценности и жизненные принципы, что является необходимой базой для сохранения психологического здоровья и соответствия морально-нравственным требованиям профессии. Данный тезис подтверждается результатами проведенных нами эмпирических исследований, направленных на выявление взаимосвязей жизненной успешности с продуктивными личностными ресурсами, определение компонентов жизненной успешности как предикторов профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел (Деева, 2022; Семенова, 2023). Данные регрессионного анализа свидетельствуют о том, что многие компоненты метаресурса жизненной успешности являются предикторами определенных показателей субъективной и объективной сторон профессиональной успешности респондентов. Обнаружены классификационные особенности метаресурса жизненной успешности, которые выражаются в его рефлексивно-эмоциональной специфике, связанной с напряженностью служебной деятельности (Семенова, 2023).

Таким образом, целенаправленное воздействие на компоненты жизненной успешности будет способствовать повышению показателей внешней и внутренней сторон профессиональной успешности сотрудников (Пряхина, 2000; Иноземцев, 2013; Рутлова, 2018 и др.). Успешность профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел не приравнивается только лишь к ее эффективности и результативности и профессиональной карьере. Профессиональную успешность исследователи понимают гораздо шире, выделяя в ней по крайней мере две составляющих: внутренняя (психологическая) сторона профессиональной успешности воплощается в интегративных самооценочных феноменах, таких как самоэффективность, вовлеченность в работу, самооценка успешности в профессии; внешняя сторона профессиональной успешности включает в себя результаты экспертных оценок и объективные показатели служебно-профессиональной деятельности. При этом именно внутренней составляющей отводится базовое значение, потому что от того, насколько значима для человека его профессиональная деятельность, насколько она правильно выбрана и приносит удовлетворение и дает возможность само-

реализовываться, будут во многом зависеть и объективные ее результаты.

За счет осознания жизненной диспозиции, целей, ценностей, определенных эмоциональных переживаний становится возможным повышение таких показателей, как вовлеченность в работу, самоэффективность, адекватность профессиональной самооценки, прямых объективных показателей эффективности трудовой деятельности и качества жизни в целом. Исследование динамики компонентов жизненной успешности при целенаправленном воздействии позволит наиболее целостно подойти к пониманию феномена профессиональной успешности сотрудников, сделать процесс ее формирования более осознанным и управляемым.

Наиболее эффективное формирование данных компонентов возможно за счет включения субъектов во взаимодействие. В данном случае оптимальным контекстом является тренинговая технология, а именно тренинг профессионально-личностного роста. Тренинг как эффективная технология уже традиционно включается в программы психологического сопровождения сотрудников (Костина, Воронина, 2018; Караяни, Караяни, 2021 и др.). Идея интерактивности, лежащая в основе тренинговой работы, предполагает диалог участников. Именно в диалоге постепенно проявляется понимающий субъект (Прилукова и др., 2023), появляется возможность структурирования опыта, внешнего выражения высокой внутренней активности субъектов, эмоционального единения в смысловом пространстве, совместного погружения в проблемное поле решаемой задачи, включения в единое творческое пространство. Тренинг профессионально-личностного роста направлен на формирование личностных образований с учетом адекватности содержанию и требованиям профессиональной деятельности. Это способствует формированию метаресурсов личности в контекст ее профессиональной деятельности и достижению конструктивных изменений в жизни в целом (Маилян, 2022; Шамардина, Даренских, 2017).

В рамках метаресурсной концепции жизненной успешности личности был разработан и апробирован «Тренинг жизненной и профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел» (Деева, 2021). В основу построения тренинга был положен теоретически обоснованный и эмпирически проверенный конструкт жизненной успешности, результаты проведенных эмпирических исследований были учтены при отборе его содержания.

Методологическую основу построения тренинга и определения основных принципов его реализации составила интеграция регулятивного, субъектного и ресурсного подходов и выведенный на их основе конструкт жизненной успешности (Рисунок 1).

На основании методологического аппарата были определены содержательные блоки тренинга в соответствии с ценностно-смысловым контекстом и компонентами жизненной успешности, которые реали-

зуются в логической последовательности. Каждый из выделенных блоков предполагает работу в несколько взаимосвязанных этапов: осознание, преобразование, проектирование, апробация.

Программа тренинга

Блок 1. Ценностно-смысловая сфера

Цель: актуализация значимости и осмысления целей, ценностей и смыслов с учетом контекста профессиональной деятельности.

Осознание. Ознакомление с разнообразием сценариев жизненной успешности личности в современном обществе. Выявление зависимости сценария жизненной успешности от профессиональной деятельности и ценностной направленности личности. Осознание собственных целей и ценностей. Осознание значимости собственной профессиональной деятельности для себя и общества. Упражнения: «Личная мотивация», «Круг ассоциаций», самодиагностика жизненной успешности, «Шкала успешности».

Преобразование. Сопоставление собственной целевой, ценностной и смысловой иерархии с иерархией успешного человека (субъективно определенной). Выстраивание целевой иерархии. Поиск смыслов деятельности и жизни. Упражнения: «Мои жизненные цели», «Лишившись всего», «Мужество быть».

Проектирование. Конструирование индивидуальных целей, определение ценностных ориентиров и координат жизненной успешности. Оценка и активизация ценностей и смыслов как ресурсов личности. Упражнения: «Десять заповедей», «Сценарий жизненной и профессиональной успешности».

Апробация. Критическая оценка предложенных сценариев жизненной и профессиональной успешности. Упражнение «Форум успешности».

Блок 2. Эмоциональные переживания

Цель: проработка практических, нравственных и бытийных переживаний в контексте профессиональной и жизненной успешности.

Осознание. Ознакомление с практическими, нравственными, бытийными переживаниями. Осознание наличия, либо отсутствия в своей жизни данных состояний. Упражнения: «Mindfulness», «Открытие доступа к эмоциям», «Экспрессивное письмо», «Горячая точка», «Эмоциональная схема».

Преобразование. Выявление вредоносных убеждений, разрушающих переживаний, мешающих жизненной успешности. Преобразование деструктивных убеждений в конструктивные. Переживание состояний успешности. Упражнения: «Неоправданные чувства и разрушающие переживания», «Иррациональные убеждения», «Вредоносные убеждения», «Групповой рисунок».

Проектирование. Проектирование ситуаций успеха в жизни и профессиональной деятельности. Фиксация возникающих переживаний. Рациональное

объяснение возникающих переживаний. Упражнения: «Принятие эмоций», «Рескриптинг образов».

Апробация. Анализ реальных жизненных и профессиональных ситуаций и обсуждение состояний, которые возникают. Упражнения: «Дневник эмоций и успешности», «Событийная карта».

Блок 3. Интегративные качества

Цель: осознание интегральных качеств, способствующих жизненной и профессиональной успешности, понимание возможностей их формирования.

Осознание. Ознакомление с качествами успешной личности: инструментальные качества, направленность на успех, жизненная диспозиция. Определение общего уровня субъектности и ее проблемных зон. Актуализация субъектности. Упражнения: «Самодиагностика качеств успешного человека», «Кто Я?».

Преобразование. Оценка качеств, мешающих и способствующих жизненной и профессиональной успешности. Активизация субъектной позиции. Упражнения: «Близнец издалека», «Современный успешный профессионал (полицейский)».

Проектирование. Определение точек личностного и профессионального роста. Поиск и активизация ресурсов. Упражнения: «Мой герб», «Выдающаяся личность».

Апробация. Критическая оценка ресурсов, с точки зрения успешности личности. Упражнение: «Кейс», решение ситуационных задач.

Блок 4. Рефлексивные механизмы жизненной успешности

Цель: освоение способов формирования механизмов жизненной и профессиональной успешности (рефлексивно-технологический, рефлексивно-аксиологический и рефлексивно-онтологический), как компонента, имеющего нитрирующую функцию по отношению к предыдущим.

Осознание. Ознакомление с механизмами жизненной успешности личности: рефлексивно-технологический, рефлексивно-аксиологический, рефлексивно-онтологический. Выявление особенностей данных механизмов и их выраженности. Определение проблем функционирования механизмов. Упражнения: «Самодиагностика механизмов жизненной успешности», «Мозговой штурм».

Преобразование. Выявление и выстраивание взаимосвязей в иерархии цель-ценность-смысл. Оценка и активизация ценностей и смыслов как ресурсов личности. Упражнения: «Пределный смысл», «Сделать то, чего делать не хочется».

Проектирование. Конструирование индивидуальных проектов жизни. Моделирование профессиональной успешности. Оценка и активизация ценностей и смыслов как ресурсов личности. Упражнения: «Проект жизни», «Модель успешного профессионала».

Апробация. Критическая оценка предложенных сценариев жизненной и профессиональной успешности. Упражнение: «Ситуация успеха».

В тренинге интегрируются приемы и техники рационально-эмотивной и позитивной терапии, ролевое проигрывание ситуаций и проектирование позитивных жизненных сценариев. Упражнения тренинга отобраны с учетом возможности их использования в качестве отдельных методик групповой работы. Комплекс упражнений является универсальным по отношению к различным профессиональным и возрастным группам. Его части достаточно продуктивно могут встраиваться в специфику профессионального контекста посредством конкретизации инструкций. В зависимости от стадии профессионализации будет изменяться контекст рефлексии, содержание обсуждений, результаты выполненных упражнений.

Гипотеза исследования

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что положительная динамика компонентов жизненной успешности личности возможна при их целенаправленном осознании, преобразовании, проектировании и апробации в процессе тренинга профессионально-личностного роста.

Цель исследования

Целью исследования стало изучение динамики компонентов метаресурса жизненной успешности при целенаправленном воздействии на них в процессе тренинговой работы.

Выборка

В исследовании приняли участие 115 человек. Основным критерием для формирования выборки явилась специфика процесса профессионализации, связанная с переходом между стадиями профессио-

нализации, их специфичном наложении и повторении. Переход между стадиями профессионализации, либо специфичное их повторение при смене видов деятельности предполагают динамику ценностно-смысловой сферы, пересмотра значимости профессиональной деятельности, переосмысления профессиональной позиции. Выборка включила шесть групп респондентов из них две контрольных и четыре экспериментальных. План эксперимента построен следующим образом (Таблица 1). Предложенный план является квазиэкспериментальным, так как имеет неклассическое построение, связанное со сложностью многокомпонентной структуры изучаемого метаресурса жизненной успешности, а также сложностью формирования контрольных групп.

Методы исследования

Исследование реализовывалось на базе психологического отдела Краснодарского университета МВД России в 2023 году в несколько этапов.

Предварительная и повторная диагностика осуществлялась при помощи методики «Жизненная успешность» Н.А. Деевой (Семеновой) (Деева, 2022). Диагностические замеры в группах проводились до начала реализации и через неделю после окончания тренинга, соответственно между замерами прошло четыре недели.

Для обработки результатов диагностики использовались методы описательной статистики, непараметрический критерий различий Манна — Уитни в программе IBM SPSS Statistics 26.

В качестве метода воздействия использовался тренинг жизненной и профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел, целью которого является актуализация и формирование компонентов жизненной успешности личности посредством осознания, преобразования, проектирования и апробации.

Тренинг реализовывался за 20 академических часов (5 встреч по четыре часа) во внеучебное время два раза в неделю общей продолжительностью три недели.

Таблица 3

Структура выборки в соответствии с планом эксперимента

Категория участников эксперимента	Кол-во	Группы	Предварительная диагностика	Воздействие (тренинг)	Повторная диагностика
Курсанты 2 курс	22	Контрольная группа	есть	нет	есть
	22	Экспериментальная группа	есть	есть	есть
Слушатели 5 курс	22	Контрольная группа	есть	нет	есть
	22	Экспериментальная группа	есть	есть	есть
Адъюнкты 1 курс	12	Экспериментальная группа	есть	есть	есть
Начинающие преподаватели 1 год пед. стажа	15	Экспериментальная группа	есть	есть	есть

Table 3
Sampling structure in accordance with the experimental plan

Category of experiment participants	Num.	Groups	Preliminary diagnostics	Impact (training)	Repeated diagnostics
Cadets 2 course	22	Control group	yes	no	yes
	22	Experimental group	yes	yes	yes
Listeners 5 course	22	Control group	yes	no	yes
	22	Experimental group	yes	yes	yes
Adjuncts 1 course	12	Experimental group	yes	yes	yes
Beginning teachers 1 year	15	Experimental group	yes	yes	yes

Результаты

По результатам диагностических срезов можно констатировать статистически значимые различия по отдельным компонентам жизненной успешно-

сти во всех выборках, где был реализован тренинг профессиональной и жизненной успешности. Важно отметить, что количество и характер значимых различий варьирует в экспериментальных выборках (Таблицы 4–6).

Таблица 4

Результаты диагностических срезов с учетом U-критерия Манна — Уитни (критическое значение при $p \leq 0,05$) (курсанты)

Компоненты	Курсанты 2 курс		U	Сред срез 1	Сред срез 2	U
	Контрольная группа	Экспериментальная группа				
	Сред срез 1	Сред срез 2				
РТ	6,73	6,80	174,23	6,86	7,44	130,27*
РА	6,28	6,31	201,02	6,31	6,89	162,03*
РО	6,49	6,55	204,23	6,24	6,32	184,30
ИК	6,67	6,65	237,03	6,52	6,59	242,04
НУ	6,23	6,27	271,07	6,45	6,98	138,05*
ЖД	6,25	6,32	258,20	6,17	6,27	195,20
ПП	6,93	6,87	236,53	7,10	7,21	186,48
НП	5,71	5,73	204,73	5,97	6,33	169,80*
БП	6,23	6,15	177,33	6,21	6,44	178,27

Примечание для таблиц 4–6:

критическое значения U-критерия для выборок курсантов и слушателей равно слушателей — 171, для выборки адъюнктов — 42, для выборки преподавателей — 72.

РТ — рефлексивно-технологический механизм,

РА — рефлексивно-аксиологический механизм,

РО — рефлексивно-онтологический механизм,

ИК — инструментальные качества,

НУ — направленность на успех,

ЖД — жизненная диспозиция,

ПП — практические переживания,

НП — нравственные переживания,

БП — бытийные переживания.

Table 4

Results of diagnostic sections taking into account the Mann — Whitney U test (at $p \leq 0.05$) (cadets)

Components	Cadets 2 course		U	average slice1	average slice 2	U
	Control group	Experimental group				
	average slice 1	average slice 2				
RT	6.73	6.80	174.23	6.86	7.44	130.27*
RA	6.28	6.31	201.02	6.31	6.89	162.03*
RO	6.49	6.55	204.23	6.24	6.32	184.30
IQ	6.67	6.65	237.03	6.52	6.59	242.04
FS	6.23	6.27	271.07	6.45	6.98	138.05*
LD	6.25	6.32	258.20	6.17	6.27	195.20
PE	6.93	6.87	236.53	7.10	7.21	186.48
MF	5.71	5.73	204.73	5.97	6.33	169.80*
EE	6.23	6.15	177.33	6.21	6.44	178.27

Note for tables 4–6:

the critical value of the U-criterion for samples of cadets and students is equal to students — 171, for a sample of adjuncts — 42, for a sample of teachers — 72.

RT — reflexive-technological mechanism,

RA — reflexive-axiological mechanism,

RO — reflexive-ontological mechanism,

IQ — instrumental qualities,

FS — focus on success,

LD — life disposition,

PE — practical experiences,

MF — moral feelings,

EE — existential experiences.

Таблица 5

Результаты диагностических срезов с учетом U-критерия Манна — Уитни (при $p \leq 0,05$) (слушатели)

Компоненты	Слушатели 5 курс		U	Сред срез 1	Сред срез 2	U
	Контрольная группа	Экспериментальная группа				
	Сред срез 1	Сред срез 2				
РТ	6,71	6,63	173,23	6,85	7,44	159,23*
РА	6,62	6,67	200,01	6,52	6,89	150,02*
РО	6,61	6,65	203,20	6,62	7,00	134,30*
ИК	6,48	6,21	222,03	6,38	6,67	242,04
НУ	6,69	6,70	268,07	6,74	6,78	278,07
ЖД	6,61	6,53	254,20	6,63	7,00	155,20*
ПП	6,90	6,87	245,54	7,01	7,67	130,48*
НП	5,97	6,17	173,80	6,22	6,33	183,80
БП	6,00	6,15	178,02	6,02	6,44	148,30*

Table 5

Results of diagnostic trials taking into account the Mann — Whitney U test (at $p \leq 0.05$) (listeners)

Components	Listeners 5 course		U	average trial 1	average trial 2	U
	Control group	Experimental group				
	average trial 1	average trial 2				
RT	6.71	6.63	173.23	6.85	7.44	159.23*
RA	6.62	6.67	200.01	6.52	6.89	150.02*
RO	6.61	6.65	203.20	6.62	7.00	134.30*
IQ	6.48	6.21	222.03	6.38	6.67	242.04
FS	6.69	6.70	268.07	6.74	6.78	278.07
LD	6.61	6.53	254.20	6.63	7.00	155.20*
PE	6.90	6.87	245.54	7.01	7.67	130.48*
MF	5.97	6.17	173.80	6.22	6.33	183.80
EE	6.00	6.15	178.02	6.02	6.44	148.30*

Таблица 6

Результаты диагностических срезов в исследуемых выборках адъюнктов и начинающих преподавателей с учетом U-критерия Манна — Уитни (при $p \leq 0,05$)

Компоненты	Адъюнкты 1 курс		U	Начинающие преподаватели		U
	Сред срез 1	Сред срез 2		Сред срез 1	Сред срез 2	
	РТ	7,20		7,82	30,50*	
РА	7,00	6,59	35,60*	6,08	6,96	53,20*
РО	6,70	6,80	62,10	6,08	6,40	58,22*
ИК	6,70	6,67	67,07	5,85	6,02	83,05
НУ	6,70	6,72	76,05	6,08	6,50	63,41*
ЖД	7,00	7,00	80,20	6,15	6,71	58,09*
ПП	7,30	7,57	56,04	6,46	6,48	123,02
НП	6,00	7,16	10,01*	5,31	5,43	99,55
БП	6,20	6,98	21,30*	5,31	5,70	68,21*

Table 6

Results of diagnostic trials in the studied samples of adjuncts and beginning teachers, taking into account the Mann — Whitney U test (at $p \leq 0.05$)

Components	Adjuncts 1 course		U	Beginning teachers		U
	average trial 1	average trial 2		average trial 1	average trial 2	
	RT	7.20		7.82	30.50*	
RA	7.00	6.59	35.60*	6.08	6.96	53.20*
RO	6.70	6.80	62.10	6.08	6.40	58.22*
IQ	6.70	7.67	20.07*	5.85	6.02	83.05
NS	6.70	7.02	21.05*	6.08	6.50	63.41*
LD	7.00	7.00	80.20	6.15	6.71	58.09*
PE	7.30	7.57	56.04	6.46	6.48	123.02
MF	6.00	7.16	10.01*	5.31	5.43	99.55
EE	6.20	6.98	21.30*	5.31	5.70	68.21*

Обсуждение результатов

Об эффективности тренинга свидетельствуют значимые изменения в сторону увеличения показателей отдельных компонентов жизненной успешности. В контрольных группах значимых изменений показателей жизненной успешности не произошло.

В экспериментальной группе курсантов второго курса значимые различия в сторону увеличения показателей выявились в таких компонентах, как рефлексивно-технологический и рефлексивно-аксиологический механизмы, направленность на успех и нравственные переживания. Это свидетельствует о том, что респонденты наиболее осознанно стали относиться к своим целям и ценностям, конструктивно выстраивать целевую иерархию и осознавать значимость будущей профессиональной деятельности для себя и общества. У них появилась тенденция актуализации, качеств, которые связаны с общей направленностью личности на успех: большая увлеченность деятельностью, мотивация достижения, интерес к социуму. Повысились положительные нравственные чувства, сопровождающие успешность в деятельности (в данном случае в учебной и служебной), такие как чувство собственного достоинства, гордость, переживание альтруистической направленности выбранной профессии.

В экспериментальной группе слушателей пятого курса, которые уже имеют офицерские звания, также отмечаются значимые различия в сторону увеличения таких показателей, как рефлексивные механизмы успешности, жизненная диспозиция, практические и бытийные переживания. Повышение выраженности показателей всех рефлексивных механизмов жизненной успешности свидетельствует о том, что метаресурс начал функционировать более конструктивно и гармонично. Участникам тренинга удалось подойти к пониманию целей, ценностей и смыслов как к единому пространству построения жизненных координат. Важным моментом является положительная динамика жизненной диспозиции, которая включает в себя оптимизм, жизнестойкость, ответственность, готовность к изменениям. Именно жизненная диспозиция является ключевым предиктором профессиональной успешности.

В группе адъюнктов первого курса очного обучения отмечается несколько иная картина. В целом значимые различия отмечаются в меньшем числе компонентов, чем в остальных группах. На фоне положительной динамики таких компонентов, как рефлексивно-технологический механизм, нравственные и бытийные переживания, отмечается отрицательная значимая динамика рефлексивно-аксиологического механизма. Данный факт требует дополнительно осмысления и проверки. Однако можно предположить, что в данной группе начался сложный процесс кардинального пересмотра собственных ценностей, в том числе ценности научной и профессиональной

деятельности, возможно даже внутренняя борьба со стереотипными позициями. Этот процесс как раз таки стал возможен благодаря работе с собственной целевой иерархией, осмыслению подлинности целей, усилению нравственных и бытийных переживаний. В данной группе целесообразно провести индивидуальные консультации и третий диагностический срез. Возможно, что проблемы, вскрытые в каком-либо компоненте метаресурса жизненной успешности, будут приводить к его переструктурированию и существенным изменениям во внутренней и внешней жизни человека.

Группа начинающих преподавателей состояла из сотрудников, принятых на должности профессорско-преподавательского состава, ранее проходивших службу в различных ведомствах МВД России. Таким образом, они имеют небольшой педагогический стаж (до одного года) и достаточно большой стаж службы. В данной группе значимо повысились показатели механизмов жизненной успешности. Это может проявляться в более конструктивной работе с собственными целями, их постановкой, соподчинением, оценкой подлинности. Также активизировался процесс осознания значимости собственной профессиональной деятельности, осмысление собственных жизненных принципов. Положительная динамика коснулась показателя конструктивной жизненной диспозиции, которая является ключевым предиктором профессиональной успешности. Наиболее выраженной стала направленность на успех, что является положительным моментом для их дальнейшей профессионализации. Начинающие преподаватели за счет повышения выраженности нравственных переживаний наиболее четко стали осознавать значимость педагогического труда. Также у участников тренинга наиболее выраженными стали бытийные переживания, которые заключаются в ощущении полноты жизни, «потоковности», в том числе и в профессиональной деятельности.

Выводы

Эмпирические результаты, полученные после проведения тренинга дают возможность говорить об эффективности данной технологии в формировании метаресурса жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел.

Наибольшую чувствительность к воздействию продемонстрировали рефлексивные механизмы жизненной успешности, которые являются системообразующими для данного метаресурса и выполняют его ключевую функцию предвидения и оценки результатов с учетом системы целей, ценностей и смыслов личности.

Положительная динамика показателей эмоциональных переживаний является чрезвычайно важной для решения проблемы, связанной с низкими уровнями положительных переживаний ситуаций

успеха, что свойственно сотрудникам органов внутренних дел в связи с особой напряженностью деятельности.

Отдельного дополнительного осмысления требуют результаты, полученные на группе адъюнктов, в частности отрицательная динамика рефлексивно-аксиологического механизма.

В выборах слушателей и преподавателей данный тренинг показал наибольшую эффективность, судя по значимому увеличению показателя жизненной

диспозиции, который является ключевым предиктором профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел.

Данный тренинг целесообразно включать в программы психологического сопровождения и морально-психологической подготовки сотрудников. Блочное построение тренинга позволяет использовать отдельные блоки или даже отдельные упражнения в работе с наиболее проблемными компонентами жизненной успешности у конкретных сотрудников.

Список литературы

- Анохин, П.К. (1973). Принципы системной организации функций. Москва: Наука.
- Александров, Ю.И., Брушлинский, А.В., Судаков, К.В., Умрюхин, Е.А. (1999). Системные аспекты психической деятельности. Москва: Эдиториал УРСС.
- Батурина, Н.В., Черняева, Ю.Е. (2018). Отношение успеха, жизненной успешности и личностного благополучия. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 11(4), 18–23.
- Вахнина, В.В., Ефимова, И.В. (2021). Особенности реализации индивидуальных ценностных и смысловых ориентаций руководителей ОВД в ходе развивающего консультирования. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2(85), 134–143. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-2-134-143>
- Водопьянова, Н.Е. (2015). Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности. *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*, (1), 45–54.
- Гусельцева, М.С., Асмолов, А.Г. (2020). Скрытое лидерство и разнообразие моделей успеха в современном обществе. *Поволжский педагогический поиск*, 2(32), 14–23. <https://doi.org/10.33065/2307-1052-2020-2-32-14-23>
- Деева, Н.А. (2022). Методика «Жизненная успешность»: структура и валидизация. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(3), 494–520. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-3-494-520>
- Деева, Н.А. (2021). Тренинг профессиональной и жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел: ресурсы, значимость, субъектность: учебно-практическое пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Деева, Н.А. (2020). Исторический контекст формирования морально-нравственной проблематики жизненной успешности современного человека. В: *Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления*: Сб. статей. Под. ред. Н.В. Борисова, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 576–586.
- Дикая, Л.Г., Журавлев, А.Л., Занковский, А.Н. (2016). Современное состояние и перспективы исследований адаптации и реализации профессионала в условиях непрерывных социально-экономических изменений. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 1(1), 7–48.
- Иноземцев, В.М. (2013). Теоретическая структурно-функциональная модель психологических факторов как субъективная причина профессиональной успешности сотрудника ОВД. *Альманах современной науки и образования*, (4), 83–85.
- Караяни, Ю.М., Караяни, А.Г. (2021). Моделирование жизненных ситуаций как технология личностного роста в процессе социально-психологического тренинга. В: *Социальная психология: вопросы теории и практики*: Сб. тр. VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая, 2021 г.). Москва: МГППУ. С. 221–224.
- Костина, Л.Н., Воронина, А.С. (2018). Особенности психологической работы по профессионально-личностному развитию сотрудников подразделений предварительного следствия МВД России. *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*, 4(18), 194–198.
- Маилян, А.Р. (2022). Тренинг и коучинг как способы стимулирования профессионального развития, карьерного и личностного роста. *Globus*, 4(69), 30–32.
- Марков, В.Н. (2010). Ресурсный подход к психологической диагностике: основные принципы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, (4), 5–10.
- Моросанова, В.И. (2021). Сознательная саморегуляция как метаресурс для достижения целей и решения проблем человеческой деятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (1), 4–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>
- Поршук, А.С. (2020). Личностные и деловые качества сотрудников ОВД, претендующих на должности руководителей, имеющих различный прогноз успешности деятельности. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2(81), 142–149. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-12003>
- Прилукова, Е.Г., Раковский, Д.В., Евсина, Е.В. (2023). Понимание или формирование диалогической интерактивности. *Инновационное развитие профессионального образования*, 1(37), 46–51.
- Пряхина, М.В. (2000). Социально-психологические установки в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: дис. канд. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Реан, А.А., Ставцев, А.А., Кузьмин, Р.Г. (2022). Сильные стороны личности в модели VIA как медиатор психологического благополучия личности в профессиональной деятельности. *Национальный психологический журнал*, 2(46), 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0203>

Реутова, В.И. (2018). Сущность и содержание профессиональной успешности руководителя ОВД. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2(73), 13–18. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-12002>

Семенова, Н.А. (2023). Жизненная успешность, диспозиционный оптимизм и резилентность молодёжи с различным характером учебно-профессиональной деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3(99), 196–208. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-196-208>

Семенова, Н.А. (2023). Метаресурс жизненной успешности личности сотрудников органов внутренних дел. В: Личностные и регуляторные ресурсы человека в условиях социальных вызовов: Сб. тр. VII Международной научно-практической конференции (15–16 июня, 2023 г.). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет. С. 146–151.

Шабунова, А.А., Доброхлеб, В.Г., Медведева, Е.И., Крошили, С.В., Сухоцка, Л., Шухатович, В.Р., Леонидова, Г.В., Молчанова, Е.В. (2019). Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 12(6), 27–50. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.2>

Шамардина, М.В., Даренских, С.С. (2017). Тренинг личностного роста как условие профессиональной самореализации личности. *АНИ: педагогика и психология*, 2(19), 351–353.

Bokhan, T.G., Galazhinsky, E.V., Leontiev, D.A., Rasskazov, E.I., Terekhina, O.V., Ulyanich A.L., Shabalovskaya, M.V., Bogomaz, S.A., Vidyakina, T.A. (2021). COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 18(2), 259–275. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-259-275>

Cascio, J. (2021). A educação em um mundo cada vez mais caótico. *Boletim Técnico do Senac*, 47(1), 101–105.

Mogashana, Disaapele, Basitere, Moses, vala, Eunice (2023). Harnessing student agency for easier transition and success: The role of life coaching. *Journal of Student Affairs in Africa Journal of Student Affairs in Africa*, 11(1), 49–63. <https://doi.org/10.24085/jsaa.v11i1.4206>

Springstein, Tabea, English, Tammy (2023). Studying Emotion Regulation Success in Daily Life: Distinctions From Maladaptive Regulation and Dysregulation. *Personality and Social Psychology Review*, 27(5). <https://doi.org/10.1177/10888683231199140>. URL: <https://www.psiref.com/publications/187463878> (дата обращения: 01.11.2023).

Yunissov, Y., Aizhan I., Urunbassarova, E., Rakimzhanova, S., Hernández, G., de Velasco, J., Seisekenova, A., Tursynbaeva, A. (2023). Perceptions of Life Success and Moral Qualities of a Modern Person of Generation Z: A Study of Economics and Humanities Students. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, (12), 193–202. <https://doi.org/10.36941/ajis-2023-0105>

References

- Anokhin, P.K. (1973). Principles of systemic organization of functions. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Aleksandrov, Yu.I., Brushlinsky, A.V., Sudakov, K.V., Umryukhin, E.A. (1999). Systemic aspects of mental activity. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
- Baturina, N.V., Chernyaeva, Yu.E. (2018). The relationship of success, success in life and *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya (Theoretical and Experimental Psychology)*, 11(4), 18–23. (In Russ.).
- Vakhnina, V.V., Efimova, I.V. (2021). Features of the implementation of individual value and life-meaning orientations of heads of internal affairs bodies in the course of developmental counseling. *Psikhopedagogika v Pravookhranitel'nykh Organakh (Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies)*, 2(85), 134–143. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-2-134-143> (In Russ.).
- Vodopyanova, N.E. (2015). Modern concepts of resources of the subject of professional activity. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika (Bulletin of St. Petersburg State University. Series 16: Psychology. Pedagogy)*, (1), 45–54. (In Russ.).
- Guseltseva, M.S., Asmolov, A.G. (2020). Hidden leadership and diversity of success models in modern society. *Povolzhskii Pedagogicheskii Poisk (Volga Pedagogical Search)*, 2(32), 14–23. <https://doi.org/10.33065/2307-1052-2020-2-32-14-23> (In Russ.).
- Deeva, N.A. (2022). Methodology “Life success”: structure and validation. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki (Psychology Journal of the Higher School of Economics)*, 19(3), 494–520. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-3-494-520> (In Russ.).
- Deeva, N.A. (2021). Training for professional and life success of employees of internal affairs bodies: resources, significance, subjectivity: educational and practical manual, Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.).
- Deeva, N.A. (2020). The historical context of the formation of moral and moral issues of the life success of a modern person. In: N.V. Borisova, M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev. (Eds.), *Individual, national and global in the consciousness of modern man: new ideas, problems, scientific directions.* (pp. 576–58). Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”. (In Russ.).
- Dikaya, L.G., Zhuravlev, A.L., Zankovsky, A.N. (2016). Current state and prospects for research into adaptation and implementation of a professional in conditions of continuous socio-economic changes. *Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda (Organizational Psychology and Occupational Psychology)*, 1(1), 7–48. (In Russ.).
- Inozemtsev, V.M. (2013). Theoretical structural-functional model of psychological factors as subjective causality of the professional success of an internal affairs officer. *Al'manakh Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya (Almanac of Modern Science and Education)*, (4), 83–85. (In Russ.).
- Karayani, Y.M., Karayani, A.G. (2021). Modeling of life situations as a technology of personal growth in the process of socio-psychological training In: *Social psychology: VI Russian International Scientific and Practical Conference in Memory of M.Yu. Kondratiev (May 12–13, 2021)* (pp. 221–224). Moscow: Publishing house MSUPE. (In Russ.).
- Kostina, L.N., Voronina, A.S. (2018). Features of psychological work on professional and personal development of employees of preliminary investigation units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Vestnik Akademii Sledstvennogo Komiteta Rossiiskoi Federatsii (Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation)*, 4(18), 194–198. (In Russ.).
- Mailyan, A.R. (2022). Training and coaching as ways to stimulate professional development, career and personal growth. *Globus*, 4(69), 30–32. (In Russ.).
- Markov, V.N. (2010). Resource approach to psychological diagnostics: basic principles. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika (Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Psychology and Pedagogy)*, (4), 5–10. (In Russ.).
- Morosanova, V.I. (2021). Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving problems of human activity. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, (1), 4–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>. (In Russ.).

- Porshukov, A.S. (2020). Personal and business qualities of police officers applying for positions of managers who have different forecasts for the success of their activities. *Psikhopedagogika v Pravoohranitel'nykh Organakh (Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies)*, 2(81), 142–149. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-12003> (In Russ.).
- Prilukova, E.G., Rakovsky, D.V., Evsina, E.V. (2023). Understanding or forming dialogic interactivity. *Innovatsionnoe Razvitie Professional'nogo Obrazovaniya (Innovative Development of Professional Education)*, 1(37), 46–51. (In Russ.).
- Pryakhina, M.V. (2000). Sotsial'no-psikhologicheskiye ustanovki v professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del: dis. kand. psikhol. nauk. (Social and psychological attitudes in the professional activities of employees of internal affairs bodies). Cand. Sci. (Psychology), St. Petersburg. (In Russ.).
- Rean, A.A., Stavtsev, A.A., Kuzmin, R.G. (2022). Strengths of the individual in the VIA model as a mediator of the psychological well-being of the individual in professional activity. *National Psychological Journal*, 2(46), 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0203>. (In Russ.).
- Reutova, V.I. (2018). The essence and content of professional success of the head of the police department. *Psikhopedagogika v Pravoohranitel'nykh Organakh (Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies)*, 2(73), 13–18. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-12002> (In Russ.).
- Semenova, N.A. (2023). Success in life, dispositional optimism and resilience of youth with different types of educational and professional activities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii (Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)*, 3(99), 196–208. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-196-208>. (In Russ.).
- Semenova, N.A. (2023). Meta-resource of life success of the personality of employees of internal affairs bodies. In: Personal and regulatory human resources in conditions of social challenges: VII Russian International Scientific and Practical Conference (June 15–16, 2023) (pp. 146–151). Stavropol: North Caucasus Federal University. (In Russ.).
- Shabunova, A.A., Dobrokhleb, V.G., Medvedeva, E.I., Kroshilin, S.V., Sukhotska, L., Shukhatovich, V.R., Leonidova, G.V., Molchanova, E.V. (2019). The Success of Modern Man: Theoretical and Methodological Aspects of Research. *Ekonomicheskies i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz (Ekonomicheskies i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz)*, 12(6), 27–50. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.2> (In Russ.).
- Shamardina, M.V., Darenskiikh, S.S. (2017). Personal growth training as a condition for professional self-realization of the individual. *ANI: Pedagogika i Psikhologiya (ANI: Pedagogics and Psychology)*, 2(19), 351–353. (In Russ.).
- Bokhan, T.G., Galazhinsky, E.V., Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I., Terekhina, O.V., Ulyanich, A.L., Shabalovskaya, M.V., Bogomaz, S.A., Vidyakina, T.A. (2021). COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(2), 259–275. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-259-275>
- Cascio, J. (2021). A educação em um mundo cada vez mais caótico. *Boletim Técnico do Senac*, 47(1), 101–105.
- Mogashana, Disapele, Basitere, Moses, Ivala, Eunice (2023). Harnessing student agency for easier transition and success: The role of life coaching. *Journal of Student Affairs in Africa Journal of Student Affairs in Africa*, 11(1), 49–63. <https://doi.org/10.24085/jsaa.v11i1.4206>.
- Springstein, Tabea, English, Tammy (2023). Studying Emotion Regulation Success in Daily Life: Distinctions from Maladaptive Regulation and Dysregulation. *Personality and Social Psychology Review*, 27(5). <https://doi.org/10.1177/10888683231199140>. URL: <https://www.psiref.com/publications/187463878> (access date: 01.11.2023)
- Yunissov, Y., Aizhan I., Urumbassarova, E., Rakimzhanova, S., Hernández, G., de Velazco, J., Seisekenova, A., Tursynbaeva, A. (2023). Perceptions of Life Success and Moral Qualities of a Modern Person of Generation Z: A Study of Economics and Humanities Students. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, (12), 193–202. <https://doi.org/10.36941/ajis-2023-0105>



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Александровна Семенова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Российская Федерация natalya_deeva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>

Natalya A. Semenova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation, natalya_deeva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>

Поступила: 05.11.2023; получена после доработки: 07.12.2023; принята в печать: 29.01.2024.

Received: 05.11.2023; revised: 07.12.2023; accepted: 29.01.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА / OCCUPATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0110>
УДК/UDC 656.7, 331.101.1, 656.7.086

Определение эффективности психологических технологий тренинга в предупреждении и преодолении психологического стресса у пилотов

А.М. Собченко ✉

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации
А.А. Новикова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ sobchenko1963@mail.ru

Резюме

Актуальность. В статье рассматривается исследование эффективности психологического тренинга «Стресс-менеджмент» пилотов, направленного на предупреждение (уменьшение) негативных последствий профессионального стресса и их подготовки к действиям в условиях повышенного риска. Принципиальной особенностью этого подхода, по сравнению с традиционными психологическими интервенциями и групповой психотерапией, является его адресованность конкретным людям в определенных организациях, сочетание образовательных, тренинговых, психокоррекционных, реабилитационных программ с элементами организационного консультирования, и развития (Менделевич, 2003). Общая особенность этих тренингов: обучение направлено на оптимизацию и модификацию отдельных черт личности, коммуникативного потенциала, психокоррекции глубинных личностных качеств.

Цель. Повышение компетентности в сфере деятельности, совершенствование профессионально важных качеств пилотов. Использование психологического тренинга саморегуляции (аутогенная тренировка) в комплексе со средствами психофизиологического или психологического воздействия с целью оптимизации эффективности профессиональной деятельности.

Методы. Для решения поставленных задач и проверки гипотезы был использован комплекс взаимодополняющих методов исследования: наблюдение, беседа, метод экспертных оценок, психодиагностические методики травматического стресса И.О. Котенева «Шкала оценки влияния травматического события — IES-R»; DSM-4; Общее состояние здоровья — GNQ-28; PTSD; Методика самооценки ситуативной и личностной тревожности (Ч. Спилбергера — Ю. Л. Ханина).

Результаты. Эффективность психологического тренинга стресс-менеджмента пилотов определяется результатами и выбором способов его измерения по двум группам переменных, характеризующих социально-психологическим воздействием: а) субъективно переживаемые изменения во внутреннем мире, и б) объективно регистрируемые параметры, характеризующие изменения в различных модальностях внутреннего мира человека, устойчивость изменений после проведения психологического тренинга «Стресс-менеджмент».

Выводы. Для преодоления посттравматического стрессового расстройства у пилотов проведен психологический тренинг «Стресс-менеджмент», который был основным релаксирующим методом. Применение нами тренинга «Стресс-менеджмент» для восстановления психического здоровья пилотов, находящихся в экстремальных условиях полета при тренажерной подготовке под воздействием психотравмирующих факторов, показало свою эффективность.

Ключевые слова: расстройства, синдром, психотерапия, тренинг, саморегуляция, рефлексия, интегральная оценка, психокоррекция, аутогенная релаксация

Для цитирования: Собченко, А.М. (2024). Определение эффективности психологических технологий тренинга в предупреждении и преодолении психологического стресса у пилотов. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 144–157. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0110>

Efficiency of Stress Management Training in Prevention and Overcoming Psychological Stress in Pilots

Alexander M. Sobchenko ✉

St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ sobchenko1963@mail.ru

Abstract

Background. The article discusses a study of the effectiveness of psychological training “Stress Management” for pilots. The training is aimed at preventing (reducing) the negative consequences of professional stress as well as at preparing them for actions in high-risk conditions. The fundamental feature of this approach, in comparison with traditional psychological interventions and group psychotherapy, is its targeting specific people in specific organizations. It is a combination of educational, training, psychocorrectional, rehabilitation programs with elements of organizational consulting and development (Mendelevich, 2003). A common feature is being aimed at optimizing and modifying individual personality traits, developing communication potential, and providing psychocorrection of deep-seated personal qualities.

Objective. The article focuses on increasing competence and improving the professionally important qualities of pilots. Psychological training for self-regulation (autogenic training) in combination with means of psychophysiological or psychological influence is used in order to optimize the effectiveness of professional activity.

Method. To achieve the set goals and to test the hypothesis, the following complementary research methods were used: observation, conversation, the method of expert assessments, methods of traumatic stress psychodiagnostics by I.O. Koteneva “Traumatic Event Impact Rating Scale — IES-R”; DSM-4; General health — GNQ-28; PTSD; Methodology for self-assessment of situational and personal anxiety (Ch. Spielberger — Yu.L. Khanin).

Results. The effectiveness of psychological training for pilots’ stress management is determined by the results and the choice of methods for measuring them in two groups of variables characterizing the socio-psychological impact: a) subjectively experienced changes in the inner world, and b) objectively recorded parameters characterizing changes in various modalities of a person’s inner world combined with the sustainability of changes after “Stress Management” psychological training.

Conclusions. Pilots underwent psychological training “Stress Management” used as the main relaxation method in order to overcome post-traumatic stress disorder. The use of “Stress Management” training to restore the mental health of pilots in extreme flight conditions during simulator training under the influence of traumatic factors has shown its effectiveness.

Keywords: disorders, syndrome, psychotherapy, training, self-regulation, reflection, integral assessment, psychocorrection, autogenic relaxation

For citation: Sobchenko, A.M. (2024). Efficiency of stress management training in prevention and overcoming psychological stress in pilots. *National Psychological Journal*, 19(1), 144–157. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0110>

Введение

Система психологически обоснованных мероприятий, направленных на предупреждение (уменьшение) негативных последствий профессионального стресса у пилотов опасных профессий, включая учет индивидуально-личностных и организационно-управленческих факторов, получила название «Стресс-менеджмент» (Schafer, W., 1987; Lester, D., et al., 1984; Котенев, И.О., 1998). Принципиальной особенностью этого подхода, по сравнению с традиционными психологическими интервенциями и

групповой психотерапией, является его адресованность определенным людям в конкретных организациях, сочетание образовательных, тренинговых, психокоррекционных, реабилитационных программ с элементами организационного консультирования и развития.

Признание негативного влияния стресс-факторов на персонал, а, следовательно, — эффективность организации в целом, забота о привлекательности имиджа побуждают работодателя (руководителя) к поиску, внедрению и финансированию программ защиты сотрудников (и организации) от деструктивного влияния стресса (Бовин, 2015).

В нашей статье мы обращаемся только к той части освещенного комплекса проблем — системы психологически обоснованных мероприятий, направленных на предупреждение (уменьшение) негативных последствий профессионального стресса у пилотов и их подготовки к действиям в условиях повышенного риска (Алешин, 2001).

Главными преимуществами психологического тренинга саморегуляции как средства обучения выступают его способность служить целям обучения и возможность переводить эти цели в реальные результаты. В современной психологии для построения стратегии и тактики психологического тренинга используется принцип деятельностиного опосредования (Ананьев, 2001). Исходя из логики деятельностиного подхода, социально-психологическая реальность детерминирована практической деятельностью. Влияние на индивидуально-личностное развитие через совершенствование форм психологического воздействия осуществляется в ходе тренинга саморегуляции также путем оптимизации психологических характеристик.

Учебный эффект группового взаимодействия в психологическом тренинге определяется тем, что а) сама группа становится как бы моделью для изучения психологических явлений и своеобразной лабораторией формирования профессиональных умений, б) не ведущий группы передает готовые знания участникам, а информация передается от одного участника к другому, то есть каждый может рассматриваться как «учитель» по отношению к другому, между ними создаются отношения равенства или попеременного доминирования участников, в зависимости от того, кто в данный момент имеет нужную информацию, в) в группе формируется и развивается личность индивида, благодаря группе участник тренинга учится способам удовлетворения своих потребностей (Агафонов, 2003). То есть особенностью тренинга является активное овладение психологическими знаниями и навыками.

Процедура исследования

Для изучения оценки эффективности психологического тренинга «Стресс-менеджмент» у пилотов проводилось определение результатов психологического

тренинга и выбор способов его измерения по двум группам переменных, характеризующих социально-психологическое воздействие: а) субъективно переживаемые изменения во внутреннем мире, и б) объективно регистрируемые параметры, характеризующие изменения в различных модальностях внутреннего мира человека, устойчивость изменений в психике после психологического тренинга «Стресс-менеджмент».

Мы изучали диагностические эффекты психологического тренинга стресс-менеджмента — изменения в когнитивных структурах, которые произошли в результате рефлексии, само- и взаимодиагностики участников психологического тренинга как результативной стороны познания и понимания пилотов. Изменения в когнитивных образованиях изучались с помощью определенных нами методов, применявшихся в констатирующем эксперименте.

Методы

В исследовании был использован комплекс взаимодополняющих методов исследования: наблюдение, беседа, метод экспертных оценок, психодиагностические методики травматического стресса И.О. Котенева «Шкала оценки влияния травматического события — IES-R»; DSM-4; Общее состояние здоровья — GNQ-28; PTSD; Методика самооценки ситуативной и личностной тревожности (Ч. Спилбергера — Ю.Л. Ханина).

Результаты

Как свидетельствуют данные, представленные в Таблице 1, симптомы, которые проявляются у пилотов сразу после психологического тренинга «Стресс-менеджмент», существенно уменьшились и приблизились к показателям в группе контроля, а уже через три месяца после тренинга у пилотов наблюдались значительные изменения. Ниже приводятся суммарные оценки влияния травматичных действий на психику пилотов после проведения психокоррекции (n = 82). Данные получены при помощи интерпретации методики исследования «Шкалы оценки влияния травматического события — IES-R травматического стресса» И.О. Котенева.

Таблица 1

Суммарные оценки влияния травматичных действий на психику пилотов после проведения психокоррекции (n = 82)

Шкалы оценки	Группы		
	КГ	ЭГ — сразу после тренинга	ЭГ — через 3 месяца после тренинга
Вторжения	19,86±7,03	9,21*±2,18	4,93±0,78
Избегания	15,52±6,86	8,11*±3,03	5,28±0,64
Гипервозбуждения	11,44±5,36	7,78±2,03	4,0±0,84
Суммарная оценка	39,82±16,83	25,10*±7,84	14,21±3,33

Примечание: КГ — контрольная группа; ЭГ — экспериментальная группа; * достоверность различий между показателями при p ≤ 0,05

Table 1

Summary assessments of the impact of traumatic actions on the psyche of pilots after psychocorrection (n = 82)

Assesment Scales	Groups		
	CG	EG — immediately after the training	EG — 3 months after the training
Invasion	19.86±7.03	9.21*±2.18	4.93±0.78
Avoidance	15.52±6.86	8.11*±3.03	5.28±0.64
Hyperarousal	11.44±5.36	7.78±2.03	4.0±0.84
Total score	39.82±16.83	25.10*±7.84	14.21±3.33

Note: CG — control group; EG — experimental group; * significance of differences between indicators at $p \leq 0.05$

Анализ частоты симптомов посттравматического стрессового расстройства, проведенный с использованием методики И.О. Котенева, показал следующее.

Как видно из Таблицы 2, подавляющее большинство посттравматических стрессовых расстройств изучается в течение тренинга и они изменились не очень значительно. Нет ни одного показателя, который бы за период тренинга приблизился к показателям исследуемых при тренажерной подготовке.

Больше всего к контрольной группе приблизились такие симптомы, как «затруднения с сосредоточением внимания» и «повышенный уровень настроженности». Динамика большинства показателей посттравматического синдрома свидетельствует о незначительном их снижении сразу после тренинга и через три месяца после его проведения.

Таблица 2

Частота разных симптомов посттравматических стрессовых расстройств в (%)

Наблюдаемые симптомы по DSM-4	Группы		
	КГ	ЭГ — сразу после тренинга	ЭГ — через 3 месяца
Избегание			
1. Усилия по возникновению переживания	36,3	32,1	27,5*
2. Трудности воспоминания	14	10,1	8,4*
3. Потеря интереса, неспособность радоваться, любить	48,4	47,2	41,1*
4. Ощущения отчуждения	10,1	10,0	9,0
5. Отсутствие жизненной перспективы	71,5	63,4	58,8
Навязчивые состояния			
1. Навязчивые воспоминания	23,8	18,2	14,3*
2. Кошмарные сновидения	98,7	90,3	70,2
3. Переживания при воспоминании	47,7	30,4*	22,0*
4. Оживление прошлого	15,4	12,1	8,1
Повышенная возбудимость			
1. Нарушения сна	76,4	67,7*	51,8*
2. Раздраженность	86,4	85,1	79,4
3. Трудности с сосредоточением внимания	30,2	25,7*	12,1*
4. Повышенный уровень осторожности	56,5	41,6*	25,4*
5. Гипертрофированная реакция испуга	12,8	10,7	10,0
6. Физиологическая реактивность	80,6	76,7	70,3*

Примечание: КГ — контрольная группа; ЭГ — экспериментальная группа; * соответствие отличия при $p \leq 0,05$

Table 2
Frequency of various symptoms of post-traumatic stress disorder in (%)

Observable symptoms according to DSM-4	Groups		
	CG	EG — immediately after the training	EG — 3 months after the training
Avoidance			
1. Efforts to create an experience	36.3	32.1	27.5*
2. Difficulty remembering	14	10.1	8.4*
3. Loss of interest, inability to rejoice, love	48.4	47.2	41.1*
4. Feelings of alienation	10.1	10.0	9.0
5. Lack of life perspective	71.5	63.4	58.8
Obsessive states			
1. Intrusive memories	23.8	18.2	14.3*
2. Nightmares	98.7	90.3	70.2
3. Experiences when remembering	47.7	30.4*	22.0*
4. Reviving the past	15.4	12.1	8.1
Increased excitability			
1. Sleep disorders	76.4	67.7*	51.8*
2. Irritation	86.4	85.1	79.4
3. Difficulty concentrating	30.2	25.7*	12.1*
4. Increased level of caution	56.5	41.6*	25.4*
5. Exaggerated startle response	12.8	10.7	10.0
6. Physiological reactivity	80.6	76.7	70.3*

Note: CG — control group; EG — experimental group; * correspondence of differences at $p \leq 0.05$

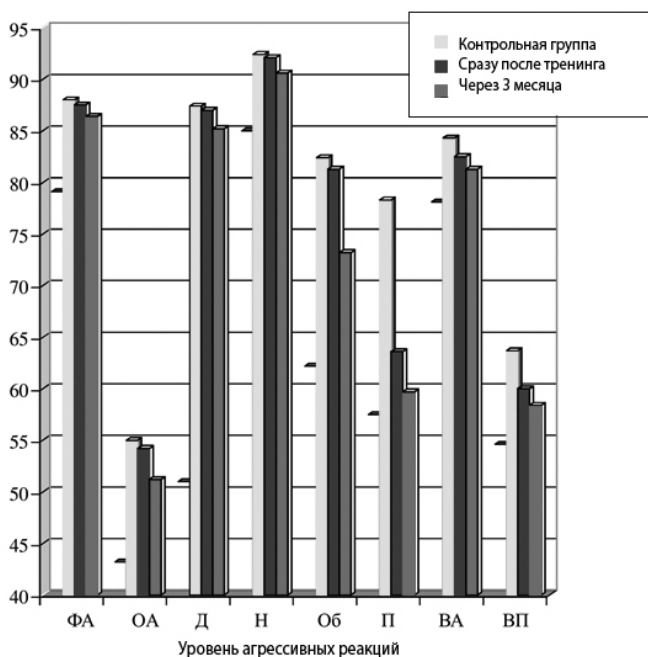


Рисунок 1
Показатели изменений уровня агрессивных враждебных реакций

Примечание: ФА — физическая агрессия, ОА — опосредованная агрессия, Д — раздражительность, Н — негативизм, Об — обидчивость, П — подозрение, ВА — вербальная агрессия, ЧВ — чувство вины

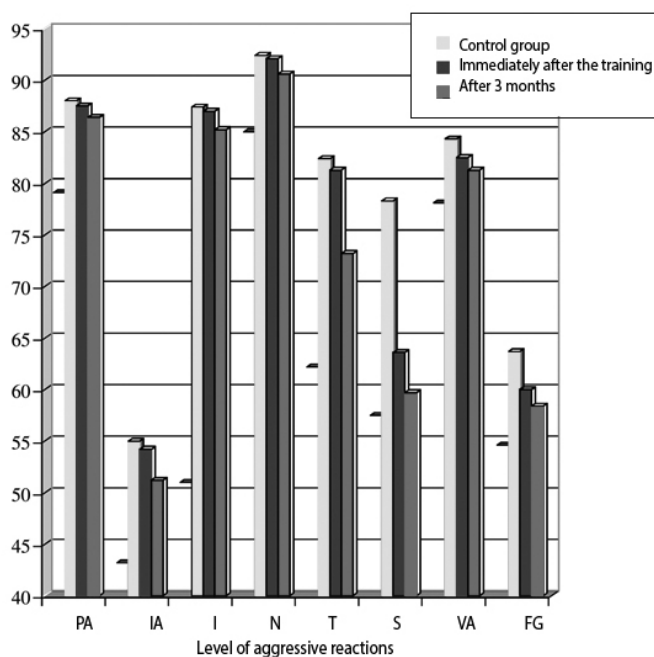


Figure 1
Indicators of changes in the level of aggressive hostile reactions

Note: PA — physical aggression, IA — indirect aggression, I — irritability, N — negativism, T — touchiness, S — suspicion, VA — verbal aggression, FG — feeling of guilt

По динамике показателей уровня агрессивных и враждебных реакций у пилотов наблюдаются подобные тенденции (Рисунок 1).

Здесь к показателям контрольной группы подошли показатели таких симптомов, как «подозрительность», «оскорбление» и «чувство вины», то есть через три месяца после тренинга они значительно уменьшились. В то же время симптом «физическая агрессия» снизился всего на 16%, то есть изменился очень мало. «Раздражительность», «Негативизм» также за полгода уменьшились незначительно: на 7%. Как же изменился уровень реадaptации контингента лиц через три месяца после тренинга? Данные, приведенные в Таблице 3 позво-

ляют проследить динамику показателей после проведения тренинга.

Показатели тревожности и адаптации также характеризуются положительной тенденцией, хотя достоверные различия по сравнению с контрольной группой отсутствуют. Как видим, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что проявление посттравматических стрессовых расстройств у исследованных нами пилотов действительно имеет ряд особенностей. Именно поэтому их совокупность формирует те особые проявления посттравматического стрессового синдрома, которые возникли в результате специфики работы при тренажерной подготовке и тех социально-психологических условий, в которых они находились.

Таблица 3
Показатели изменений уровня реадaptации пилотов в динамике

Группа и сроки исследования	Средние показатели реадaptации						
	ВК	С	СР	ПУ	Т	Р	КА
Группы							
КГ	1,4	16,2	-3,0	9,2	8,6	3,3	0,23
ЭГ сразу после тренинга	1,7	15,0	-4,5	8,1	8,0	4,0	0,29
ЭГ через три месяца после тренинга	1,8	13,1	-5,0*	7,3	6,7	4,6*	0,33

Примечание: ВК — вегетативный коэффициент; С — суммарные отклонения от аутогенной нормы; СР — саморегуляция; ПУ — психическое утомление; Т — тревожность; Р — работоспособность; КА — коэффициент адаптации; * достоверность отличия при $p \leq 0,05$

Table 3
Indicators of changes in pilots' readaptation level over time

Study group and timing	Average readaptation rates						
	VC	T	SR	MF	A	P	AC
	Groups						
CG	1.4	16.2	-3.0	9.2	8.6	3.3	0.23
EG — immediately after the training	1.7	15.0	-4.5	8.1	8.0	4.0	0.29
EG — 3 months after the training	1.8	13.1	-5.0*	7.3	6.7	4.6*	0.33

Note: VC — vegetative coefficient; T — total deviations from the autogenic norm; SR — self-regulation; MF — mental fatigue; A — anxiety; P — performance; AC — adaptation coefficient; * significance of difference at $p \leq 0.05$

Опираясь на наши исследования, а также на данные ведущего специалиста в изучении посттравматических стрессовых расстройств Н.В. Тарабариной (Тарабарина, 2001), можно еще раз утверждать, что исследуемые нами феномены проявляются как устойчивый стрессовый посттравматический синдром. Вместе с тем, есть основания утверждать, что применение психологического тренинга «Стресс-менеджмент» дает возможность существенно нормализовать негативные психологические изменения, наблюдавшиеся у реадaptантов и через 3 месяца после проведенного тренинга.

Имеет место и определенная противоречивость данных, которая, скорее всего, свидетельствует о том, что процесс реадaptации у пилотов происходит достаточно сложно. Для получения данных о динамике здоровья реадaptантов после применения психологического тренинга «Стресс-менеджмент», а также обязательного усвоения ими техник аутогенной релаксации, они обследовались с использованием опросника «Общее состояние здоровья». Интересно, что применение психологического тренинга «Стресс-менеджмент» дает весьма ощутимые результаты и помогает улучшить общее состояние здоровья (Таблица 4).

Таблица 4
Общие данные, полученные с помощью методики «Общее состояние здоровья»

Названия шкалы	Средние значения		
	КГ	ЭГ после тренинга	ЭГ через 3 мес.
Соматические симптомы	14,2	11	10*
Тревога и бессонница	20,9	16*	12*
Социальные дисфункции	12,7	9,3	8,4*
Депрессия	19,6	15,8*	10,4*
Общий уровень здоровья	67,9	58,4*	47,5*

Примечание: * достоверность отличия при $p \leq 0,05$

Table 4
General data obtained using the “General Health” method

Scales	Mean		
	CG	EG — immediately after the training	EG — 3 months after the training
Somatic symptoms	14.2	11	10*
Anxiety and insomnia	20.9	16*	12*
Social dysfunctions	12.7	9.3	8.4*
Depression	19.6	15.8*	10.4*
General health level	67.9	58.4*	47.5*

Note: * significance of difference at $p \leq 0.05$

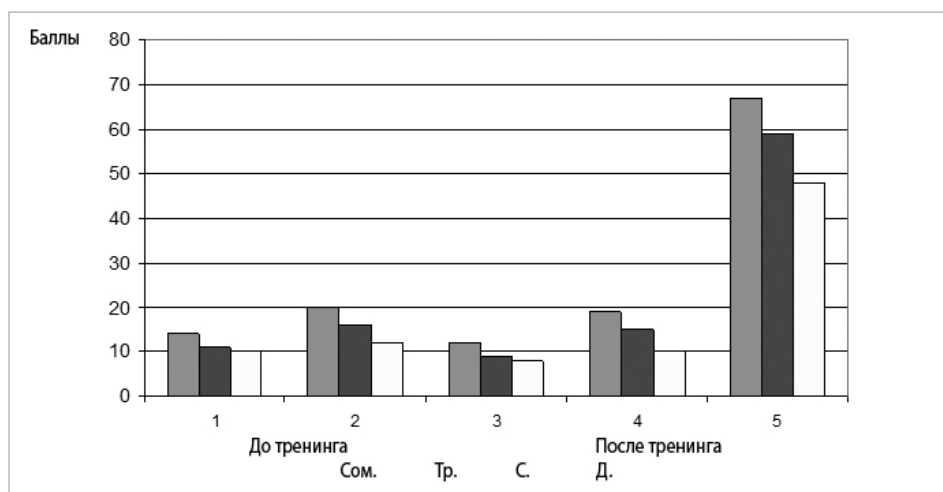


Рисунок 2

Динамика показателей «Общее состояние здоровья»

Примечание: Som — соматические симптомы, Tr — тревога и бессонница, С — социальные дисфункции, Д — депрессия

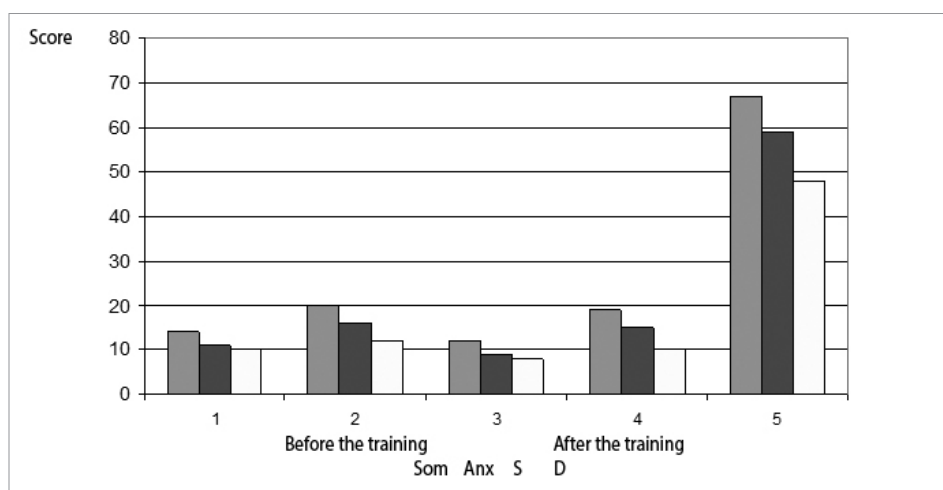


Figure 2

Dynamics of indicators “General health”

Note: Som — somatic symptoms, Anx — anxiety and insomnia, S — social dysfunction, D — depression

На Рисунке 2 показаны данные, полученные с использованием методики «Общее состояние здоровья» в динамике показателей до тренинга и после тренинга. Ранее нами было выявлено, что у пилотов по возвращении после тренажерной подготовки наблюдались существенные изменения в психоэмоциональной сфере и других системах организма, даже спустя длительное время после возвращения. Так, показатели тревоги остались достаточно высокими сразу после тренинга, а депрессия и бессонница существенно уменьшаются через три месяца. В беседах с исследуемыми выяснилось, что у них нормализовался сон (если нет дополнительных нервно-психических напряжений), признаки депрессии, которые

выявлялись у них достаточно часто, теперь стали возникать в единичных случаях. Тогда как в контрольной группе исследуемых все жалобы остались, что позволяет сделать вывод о том, что психологический тренинг «Стресс-менеджмент», для пилотов, дает положительные результаты.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о возможности повысить показатели здоровья пилотов за счет применения психологического тренинга «Стресс-менеджмент».

Для целенаправленного ослабления состояния гиперактивности, симптомов «вторжения», навязчивых воспоминаний и преодоления избегающего поведения у пострадавших, Н.В. Тарабрина (Тарабрина,

2001) рекомендует использовать когнитивно-бихевиоральную психокоррекцию с обязательной мотивацией на нее пациентов. С нашим контингентом пилотов мы снова использовали психологический тренинг «Стресс-менеджмент».

Суть механизма действия метода, при преодолении посттравматических стрессовых расстройств, состоит в том, что на потерпевшего действует страх не только соответствующих травме раздражителей, но и само воспоминание о них (Бодров, 2001). Поэтому воспоминание пациента о событиях, вызывающих страх, должно сопровождаться переосмыслением того, что происходило. До сознания пилотов, имеющих посттравматические стрессовые расстройства, важно довести, чего мы можем добиться, применяя эту технику коррекции, и что лежит в основе ожидаемого результата. Чтобы пилоты почувствовали роль интеграции действующих

на них стрессогенных факторов, мы использовали следующую аналогию. Им объяснялось, что кислород и водород — это газы, обладающие каждый конкретными свойствами, которые отличаются друг от друга. Однако после их соединения, в сочетании двух молекул водорода и одной молекулы кислорода, образуется абсолютно новое вещество — вода со своими свойствами, полностью отличающимися от ее составных частей. Поэтому примерно то же произойдет, если детали воспоминаний, вызывающих страх, объединить. При этом пропадет их специфическое влияние на эмоции, они потеряют свою травмирующее воздействие на психику и как следствие пройдет страх воспоминаний о пережитом. И, наконец, суммарная оценка влияния травматических событий на психику реадaptантов проведена сразу после тренинга и через три месяца после его проведения (Таблица 5).

Таблица 5

Суммарные оценки влияния травматических действий на психику пилотов

Шкалы оценки	Стат. показатели	Группы		
		КГ	ЭГ после тренинга	ЭГ через 3 месяца после тренинга
Вторжения	M	19,86	12,26*	9,21*
	SD	7,03	4,08	2,18
	N	67	61	60
Избегания	M	15,52	11,13	8,11*
	SD	6,86	5,02	3,03
	N	67	61	60
Гипервозбуждения	M	11,44	8,08	7,78*
	SD	5,36	2,47	2,03
	N	67	61	60
Суммарная оценка	M	39,82	31,47*	25,10*
	SD	16,83	10,3	7,84
	N	67	61	60

Примечание: M — среднее арифметическое; SD — стандартное отклонения; N — количество обследованных в группе;

* соответствие отличия при $p \leq 0,05$

Table 5

Summary estimates of the impact of traumatic events on the psyche of pilots

Rating scales	Стат. показатели	Groups		
		CG	EG after training	EG 3 months after the training
Invasions	M	19.86	12.26*	9.21*
	SD	7.03	4.08	2.18
	N	67	61	60
Avoidance	M	15.52	11.13	8.11*
	SD	6.86	5.02	3.03
	N	67	61	60

Hyperarousal	M	11.44	8.08	7.78*
	SD	5.36	2.47	2.03
	N	67	61	60
Total score	M	39.82	31.47*	25.10*
	SD	16.83	10.3	7.84
	N	67	61	60

Note: M — arithmetic mean; SD — standard deviation; N — number of examined people in the group; * correspondence of difference at $p \leq 0.05$

Данные этой таблицы свидетельствуют, что суммарные оценки влияния травматических действий на психику пилотов уменьшились примерно в два раза после тренинга.

Таким образом, на основе изучения динамики изменений исследуемых симптомов посттравматических стрессовых расстройств можно констатировать следующее. Интенсивность посттравматического стрессового расстройства определяется тем, насколько сильно выражена тенденция к вторжению непроизвольных воспоминаний, к избеганию и возражению — К.А. Абульханова-Славская (Абульханова-Славская, 1991). Как видно из проведенного исследования проявление указанных симптомов после тренинга уменьшилось, но большинство из них осталась на высоком уровне. Другими словами, они еще достаточно устойчивы, а значит, интенсивность посттравматического синдрома остается высокой. Полученные данные подтверждают тот факт, что

психологический тренинг «Стресс-менеджмент», который проводился, дает положительные результаты. Так, показатели тревоги остались достаточно высокими, а депрессия и бессонница существенно уменьшаются через три месяца после тренинга. В беседах с исследуемыми выяснилось, что они теперь спят более спокойно (если нет дополнительных нервно-психических напряжений), признаки депрессии, которые проявлялись у них достаточно часто, сейчас стали возникать в единичных случаях. Тогда как в контрольной группе исследуемых еще жалобы остались.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о возможности повысить показатели здоровья пилотов за счет применения психологического тренинга «Стресс-менеджмент». Нами установлено, что после психологического тренинга «Стресс-менеджмент» значительно улучшается субъективное состояние пилотов (Таблица 6).

Таблица 6

Исследования субъективного состояния пилотов экспериментальной группы после тренинга по сравнению с контрольной группой

Показатели	Группы		
	КГ	ЭГ сразу после тренинга	ЭГ через 3 месяца после тренинга
САН	4,59±0,09 *	5,9±0,11 *	6,2±0,15 *

Примечание: * соответствие отличия при $p \leq 0,05$

Table 6

Research on the subjective state of pilots in the experimental group after training compared to the control group

Indicator	Groups		
	CG	EG — immediately after the training	EG — 3 months after the training
Well-being. Activity. Mood	4.59±0.09 *	5.9±0.11 *	6.2±0.15 *

Note: * correspondence of difference at $p \leq 0.05$

В Таблице 6 отражены результаты исследования субъективного состояния пилотов экспериментальной группы после тренинга по сравнению с контрольной группой.

Как видно из Таблицы 6, субъективное состояние в контрольной группе практически не улучшается, наоборот, оно даже ухудшается. В экспериментальной группе субъективное состояние претерпевает

значительные изменения по сравнению с его показателями в группе и улучшается в динамике 3 месяцев. Общая оценка субъективного состояния во втором исследовании выросла до показателя 5,9, а через три месяца до 6,2, в определенной степени это выше, чем в контрольной группе, которая не подлежала влиянию психологического тренинга (при $P < 0,05$). Следовательно, отсутствие различий в группе указывает на стабильность показателей субъективного состоя-

ния и, вероятно, его показатели на 9,3–15,2% выше по сравнению с контрольной групповой.

Методика самооценки ситуативной и личностной тревожности (Ч. Спилбергера — Ю.Л. Ханина) использовалась нами для измерения тревожности после применения тренинга «Стресс-менеджмент». Результаты, полученные при тестировании по методике, позволили выявить динамику ситуационной тревожности пилотов после тренинга (Таблица 7).

Таблица 7

Динамика ситуационной тревожности у пилотов после тренинга

Уровни ситуационной тревожности	Группы		
	КГ	ЭГ сразу после тренинга	ЭГ через 3 месяца после тренинга
Средние значения	64,4±0,03	52,4±0,03	39,8±0,04*

Примечание: * соответствие отличия при $p \leq 0,05$

Table 7

Dynamics of situational anxiety in pilots after training

Levels of situational anxiety	Groups		
	CG	EG — immediately after the training	EG — 3 months after the training
Means	64.4±0.03	52.4±0.03	39.8±0.04*

Note: * correspondence of difference at $p \leq 0.05$

Из результатов Таблицы 7 видно, что в течение трех месяцев у пилотов ситуационная тревожность менялась. Определенное улучшение ситуационной тревожности на (12 баллов) наблюдается у пилотов сразу после тренинга и соответствует 52,4±0,03 балла против 64,4±0,03 в контрольной группе.

неуверенность в себе, мнительность, безосновательные переживания и беспокойство. В целом, для пилотов с высоким уровнем тревожности характерными были: недостаточная регуляция своих состояний и действий, которая приводит к нарушению ритма выполнения обязанностей, неспособность к саморегуляции, раздражительность и несдержанность в общении, также ведущая к затруднению взаимодействия.

Также отмечается улучшение результатов через три месяца после тренинга, где этот показатель составляет 39,8±0,04 балла, что свидетельствует о значительном снижении ситуационной тревожности у пилотов экспериментальной группе после тренинга ($P < 0,05$). В течение всего периода исследования у пилотов с высоким уровнем тревожности наблюдались проявления в виде переживаний, эмоциональной неустойчивости или эмоциональной несдержанности, педантичности, что в итоге приводило к снижению эффективности профессиональной деятельности при исполнении обязанностей.

Таким образом, ситуационная тревожность пилотов приобретает определенную динамику, связанную с изменением показателей высокого и среднего уровня тревожности, что в целом свидетельствует о необходимости поиска эффективных психологических средств для предупреждения и преодоления в условиях профессиональной деятельности пилотов для обеспечения профессиональной деятельности специалистов. Также установлена динамика личностной тревожности пилотов после тренинга (Таблица 8).

Характерными эмоциями для пилотов со средним уровнем ситуационной тревожности были страх и

Таблица 8

Динамика личностной тревожности у пилотов после тренинга

Уровни личностной тревожности	Группы		
	КГ	ЭГ сразу после тренинга	ЭГ через 3 месяца после тренинга
Средние значения	46,0±0,05*	44,4±0,03	37,8±0,04

Примечание: * соответствие отличия при $p \leq 0,05$

Table 8
Dynamics of personal anxiety among pilots after training

Levels of personal anxiety	Groups		
	CG	EG — immediately after the training	EG — 3 months after the training
Means	46.0±0.05*	44.4±0.03	37.8±0.04

Note: * correspondence of difference at $p \leq 0.05$

Из результатов Таблицы 8 видно, что показатели личностной тревожности у пилотов с высоким ее уровнем $46,0 \pm 0,05$ сразу после тренинга остается почти неизменной $44,4 \pm 0,03$. Изменения наблюдаются через три месяца после тренинга $37,8 \pm 0,04$, что несколько влияет на общий показатель высокого уровня личностной тревожности и меняет его на 8,2 балла ($P < 0,05$).

Незначительные изменения также наблюдаются у пилотов со средним и низким уровнем личностной тревожности сразу после тренинга и особенно через три месяца, когда показатели личностной тревожности несколько улучшаются.

Таким образом, применение нами тренинга «Стресс-менеджмент» оказалось эффективным для восстановления психического здоровья пилотов по прибытии после тренажерной подготовки, где они находились длительное время под воздействием психотравмирующих факторов.

Выводы

Таким образом, мероприятия психокоррекционного влияния подтверждают возможность актуализации резервов психики человека и могут быть задействованы и реализовываться в процессе психологического обеспечения профессиональной деятельности. Проведенный тренинг «Стресс-менеджмент» предоставил возможность увидеть и исследовать пилотов, которые вернулись после тренажерной подготовки с симптомами посттравматических расстройств. Особенно заметны изменения, которые относятся к таким важным показателям, как тревога, субъективное состояние, адаптируемость общего психического здоровья, а также последствия стресса.

Диагностика индивидуально-психологических характеристик пилотов позволили выявить их количественные и качественные характеристики пребывания в тренажерной подготовке и сразу же после их возвращения после тренажерной подготовки и завершения задачи.

Подтверждено наличие стрессовых расстройств у пилотов, которые принимали участие в тренажерной подготовке. Выявлены количественные показатели типичных симптомов для синдрома посттравматического стресса и доказано, что они зависят от индивидуальных психологических и адаптивных характеристик личности.

Выявлено снижение уровня саморегуляции, отсутствие надлежащей оценки собственных действий и соответствующего восприятия реальности — все это результат посттравматического стрессового расстройства, лежащего в основе дезадаптации пилотов, которые вернулись после тренажерной подготовки. Кроме того, это выражается не только в проявлении агрессивных реакций, но и в повышенном уровне тревожности, депрессии, эмоциональном дискомфорте, в сочетании с повышенной возбудимостью. Для преодоления посттравматического стрессового расстройства у пилотов проведен психологический тренинг «Стресс-менеджмент», который был основным релаксирующим методом.

Основной целью тренинга было развитие навыка способности пилотов к переоценке травматического опыта и создание у него установки собственной значимости, необходимой для его деятельности в социуме, что позволит ему полноценно жить и трудиться в будущем.

Список литературы

- Абульханова-Славская, К.А. (1991). Типологический подход к личности профессионала. Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала. Под ред. В.А. Бодрова. Москва: Ин-т психол. АПН СССР.
- Агафонов, А.Ю. (2003). Основы смысловой теории сознания. Санкт-Петербург: «Речь».
- Алешин, В.И. (2001). Система отображения состояния орбитального комплекса сложной структуры. *Космонавтика и ракетостроение*, (25), 6.
- Ананьев, Б.Г. (2001). Человек как предмет познания (Ред.). Санкт-Петербург: Питер.
- Баканов, А.С., Обознов, А.А. (2011). Эргономика пользовательского интерфейса. Москва: Изд-во Институт психологии РАН.
- Бенсон, А.Д. (2003). Пространственная дезориентация в полете. *Проблемы психологии и эргономики*, (5), 42–46.
- Береговой, Г.Т., Пономаренко, В.А. (1983). Психологические основы обучения человека-оператора готовности к действиям в экстремальных условиях. *Вопросы психологии*, (1), 51–58.

- Берковиц, Л. (2001). Агрессия: причины, последствия и контроль. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак.
- Бовин, Б.Г. (2015). Экстремальная психология в особых условиях деятельности: монография. Москва: Науч.-исслед. ин-т ФСИИ России.
- Бодров, В.А. (2001). Психология профессиональной пригодности. Москва: Пер Сэ.
- Воронов, И.А. (2012). Экстремальная психология: комплексный подход: монография. Санкт-Петербург: СПбИПиА.
- Воронов, И.А. (2018). Теория и профилактика ошибок принятия решений средствами психотехнологии «Пульсар». *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*, 155(1) 287–291.
- Гаммер, М.Д. (2007). Разработка системы автоматизированного проектирования компьютерных имитационных тренажеров. дисс. канд. техн. наук. Тюмень.
- Голиков, Ю.Я. (2007). Концепции адаптивной автоматизации и подходы к человеку и технике для современных человеко-машинных комплексов. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Дворников, М.В., Сухолитко, В.А. (2003). Проблемы разработки и внедрения активной системы безопасности полетов. *Проблемы психологии и эргономики*, (5), 33–42.
- Душков, Б.А., Смирнов, Б.А., Королев, А.В. (2005). Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности: Словарь. Москва: Фонд «Мир».
- Ломов, Б.Ф., Забродин, Ю.М. (1985). Психологические проблемы деятельности в особых условиях. Москва: Наука.
- Львов, В.М. (2003). Проблема безопасности полетов и эргономические технологии. *Проблемы психологии и эргономики*, (5), 22–26.
- Меденков, А.А. (2003). Обеспечение безопасности маневренных полетов. *Проблемы психологии и эргономики*, (5), 46–51.
- Менделевич, В.Д. (2003). Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) — экспериментально-психологическая методика для оценки готовности к невротическим расстройствам. *Социальная и клиническая психиатрия*, (1), 35–40.
- Регуш, Л.А. (1985). Развитие прогнозирования как познавательной способности личности. Дисс. доктора психол. наук. Ленинград.
- Тарабрина, Н.В. (2001). Практикум по психологии посттравматического стресса. Санкт-Петербург: Питер.
- Ravens, I.A. (2012). Extreme psychology: integrated approach: monograph(s). St. Petersburg: SPBPIA.
- Ravens, I.A. (2018). Theory and prevention of errors of decision-making by means of Pulsars. *Scientists Psychotechnology of a Note of The University of P.F. Lesgaft*, 155(1), 287–291.

References

- Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1991). Typological approach to the personality of a professional. Psychological research of development of the personality of a professional. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- Agafonov, A.Yu. (2003). Basics of the semantic theory of consciousness. St. Petersburg: "Rech" Publ. (In Russ.).
- Alyoshin, V.I. (2001). System for displaying the state of an orbital complex of complex structure. *Kosmonavtika i Raketostroenie (Cosmonautics and rocket science)*, (25), 6.
- Ananyev, B.G. (2001). Human as a subject of knowledge. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Bakanov, A.S., Obobnov, A.A. (2011). Ergonomics of the user interface. Moscow: Institute of Psychology of RAS publishing house. (In Russ.).
- Benson, A.D. (2003). Space disorientation in flight. *Problemy Psikhologii i Ergonomiki (Problems of Psychology and Ergonomics)*, (5), 42–46. (In Russ.).
- Berkowitz, L. (2001). Aggression: reasons, consequences and control. St. Petersburg: Prime-Evroznak. (In Russ.).
- Bodrov, V.A. (2001). Psychology of professional suitability. Moscow: Per Se. (In Russ.).
- Bovin, B.G. (2015). Extreme psychology in special conditions of activity: the monograph. Moscow: Scientific Research Institute of the FPSR. (In Russ.).
- Beregovoy, G.T., Ponomarenko, V.A. (1983). Psychological bases of training of the operator for readiness to act in extreme conditions. *Issues in Psychology*, (1), 51–58. (In Russ.).
- Dushkov, B.A., Smirnov, B.A., Korolev, A.V. (2005). Psychology of work, professional, information and organizational activity: Dictionary. Moscow: "Mir" Foundation. (In Russ.).
- Dvornikov, M.V., Sukholitko, V.A. (2003). Problems of development and introduction of an active security system of flights. *Problemy Psikhologii i Ergonomiki (Problems of Psychology and Ergonomics)*, (5), 33–42. (In Russ.).
- Gammer, M.D. (2007). Razrabotka sistemy avtomatizirovannogo proektirovaniya komp'yuternykh imitatsionnykh trenazherov: diss. kand. tech. nauk. (Development of the system of the automated design of computer imitating exercise machines. Cand. Sci. (Technical), Tyumen (In Russ.).
- Golikhov, Yu.Ya. (2007). Concepts of adaptive automation and approaches to the person and the equipment for modern human-machine complexes. Psychology of adaptation and the social environment: modern approaches, problems, prospects. Moscow: Publishing house of the Institute of Psychology of the RAS. (In Russ.).
- Lomov, B.F., Zabrodin, Yu.M. (1985). Psychological problems of activity in special conditions. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- L'vov, V.M. (2003). Security of flights and ergonomic technologies. *Problemy Psikhologii i Ergonomiki (Problems of Psychology and Ergonomics)*, (5), 22–26. (In Russ.).
- Medenkov, A.A. (2003). Safety of maneuverable flights. *Problemy Psikhologii i Ergonomiki (Problems of Psychology and Ergonomics)*, (5), 46–51. (In Russ.).
- Mendelevich, V.D. (2003). The test of antipsychotic solvency (predictive competence) an experimental and psychological technique for assessment of readiness for neurotic frustration. *Sotsial'naya i Klinicheskaya Psikhiatriya (Social and Clinical Psychiatry)*, (1), 35–40. (In Russ.).

- Ravens, I.A. (2012). *Extreme psychology: integrated approach: monograph(s)*. St. Petersburg: SPBPIA.
- Ravens, I.A. (2018). Theory and prevention of errors of decision-making by means of Pulsars. *Scientists Psychotechnology Of A Note Of The University Of P.F. Lesgaft*, 155(1), 287–291.
- Regush, L.A. (1985). *Razvitie prognozirovaniya kak poznavatel'noi sposobnosti lichnosti: Diss. doct. psikhol. nauk (Forecasting development as informative ability of the personality)*. Dr. Sci. (Psychology), Leningrad. (In Russ.).
- Tarabrina, N.V. (2001). *Workshop on the psychology of post-traumatic stress*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR



Александр Михайлович Собченко, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры № 27 безопасности на воздушном транспорте Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sobchenko1963@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7889-4385>

Alexander M. Sobchenko, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department No. 27 "Complex security in air Transport", St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov, St. Petersburg, Russian Federation, sobchenko1963@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7889-4385>

Поступила: 16.02.2023; получена после доработки: 22.02.2023; принята в печать: 25.01.2024.

Received: 16.02.2023; revised: 22.02.2023; accepted: 25.01.2024.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0111>
УДК/UDC 159.9.07, 159.96

Изменение эмоционального состояния испытуемых по лицевым экспрессиям в условиях 7-суточной сухой иммерсии

А.Н. Гусев^{1✉}, М.С. Баев², С.А. Лебедева³, А.О. Савинкина³

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Учет-Н, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Институт Медико-биологических проблем РАН, Москва, Российская Федерация

✉ angusev@mail.ru

Резюме

Актуальность. Проблема высокоточной и надежной оценки изменения эмоционального состояния человека в особых условиях до сих пор остается нерешенной, а поэтому актуальной. Это особенно важно для предсказания изменений эффективности его профессиональной деятельности, поскольку текущее эмоциональное состояние в значительной степени влияет на точность и скорость выполнения профессиональных задач.

Цель. В исследовании проводится эмпирическая апробация новой методологии и технологии оценивания изменения лицевых экспрессий на видеозаписи, отражающих изменение эмоционального состояния испытуемых в условиях 7-суточного эксперимента.

Выборка. В исследовании приняли участие 10 мужчин-добровольцев в возрасте от 25 до 35 лет, с высшим образованием, отобранных ИМБП РАН для участия в исследовании.

Методы. Ежедневно утром и вечером с участниками исследования проводилось ДРС видеointервью. Видеозаписи лицевых экспрессий обрабатывались с помощью программного обеспечения ЭмоРадар. Выделялись двигательные единицы (AUs) FACS, в ходе их анализа обнаруживались семь базовых эмоций и другие паттерны мимической активности.

Результаты. В ходе анализа данных на примере двух участников исследования даны подробные описания изменений лицевых экспрессий в ходе эксперимента, отражающие закономерные изменения их эмоционального состояния и сопоставляемые с характерными для условий эксперимента переживаниями участников исследования. Показана необходимость дифференцированного оценивания позитивной эмоции радости ввиду того, что ее оценки могут включать не только эту базовую эмоцию, но похожие на нее два выражения улыбки. Наглядно показана эффективность используемого программного обеспечения и авторского подхода к компьютерному анализу мимической активности.

Выводы. Делается вывод, что с помощью разработанной технологии, основанной на имплементации комплексного подхода (comprehensive approach) к измерению и интерпретации лицевых экспрессий, возможно дать объективную и независимую от самооценок респондентов или опыта эксперта информацию о характерных изменениях мимики как надежных поведенческих индикаторов эмоционального состояния человека. Это открывает новые методические возможности для космической психологии при решении задачи автоматического мониторинга эмоционального состояния операторов, работающих в особых условиях профессиональной деятельности.

Ключевые слова: космическая психология, гипогравитация, «сухая» иммерсия, эмоциональные состояния, лицевые экспрессии, двигательные единицы FACS, базовые эмоции

Финансирование. Эксперимент проводился при поддержке Минобрнауки России в рамках соглашения № 075-15-2022-298 от 18.04.2022 на осуществление государственной поддержки создания и развития научного центра мирового уровня «Павловский центр «Интегративная физиология — медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям стрессоустойчивости»».

Благодарности. Авторы выражают признательность студентам-магистрантам факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.С. Кузнецовой и Е.В. Устюжаниной за помощь в проведении исследования.

Для цитирования: Гусев, А.Н., Баев М.С., Лебедева, С.А., Савинкина, А.О. (2024). Изменение эмоционального состояния испытуемых по лицевым экспрессиям в условиях 7-суточной сухой иммерсии. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 158–174. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0111>

Change in Subjects' Emotional States as Observed through Facial Expressions during a Seven-Day Dry Immersion Experiment

Alexey N. Gusev¹✉, Mikhail S. Baev², Svetlana A. Lebedeva³, Alexandra O. Savinkina³

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² LLC Uchet-N, St. Petersburg, Russian Federation

³ Institute for Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences (IBMP RAS), Moscow Russian Federation

✉ angusev@mail.ru

Abstract

Background. The problem of precise and reliable evaluation of the emotional state of operators in spaceflight conditions still remains unresolved, and therefore relevant. This evaluation is especially important for predicting operators' professional activity effectiveness considering the current emotional state which significantly determines the accuracy and rapidity of professional tasks performance.

Objectives. Our study is carried out to empirically test the new method and technology for evaluating changes in the emotional state of the 7-day experiment participants measuring facial expression changes in their DPC-video interview recordings.

Study Participants. The study involved 10 men aged 25 to 35 years. Volunteers were selected by the Institute of Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences as participants in the research.

Methods. DPC video interviews were conducted daily in the morning and in the evening. Facial expression changes evaluation was conducted with the EmoRadar software which detects FACS action units (AUs), seven basic emotions and other patterns of facial activity.

Results. The description of facial expression changes in the experiment are given based on the data from two participants. These changes were compared with the emotional experience of the participants and experimental conditions. The necessity of differentiated evaluation of the positive emotion of happiness is shown since its assessments may include not only happiness as a basic emotion, but also two expressions of smiles (social smile or coy smile) similar to it. The effectiveness of the software used and the author's approach to computer analysis of facial activity is clearly shown.

Conclusions. With the help of the developed technology based on the implementation of a comprehensive approach to measurement and interpretation of facial expressions, it is possible to provide objective information about characteristic changes in facial expressions as reliable behavioral indicators of a person's emotional state. The data are independent of respondents' self-assessments or expert's experience. This opens up new methodological possibilities for aerospace psychology to solve the problem of automatic monitoring of the emotional state of operators.

Keywords: aerospace psychology, hypogravity, "dry" immersion, emotional states, facial expressions, FACS action units, basic emotions

Funding. The experiment was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of Russia within the framework of agreement No. 075-15-2022-298 dated April 18, 2022 for state support for the creation and development of a world-class scientific center "Center Pavlov" Integrative physiology for medicine, high-tech healthcare, and stress resistance technologies.

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the master's students of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, Yu.S. Kuznetsova and E.V. Ustyuzhanina for assistance in conducting the study.

For citation: Gusev, A.N., Baev, M.S., Lebedeva, S.A., Savinkina, A.O. (2024). Change in subjects' emotional states as observed through facial expressions during a seven-day dry immersion experiment. *National Psychological Journal*, 19(1), 158–174. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0111>

Введение

Влияние неблагоприятных факторов космического полета на когнитивные функции и эмоциональное состояние человека изучаются не только в условиях реального космического полета, сколько в наземных

экспериментах, моделирующих эти условия. Одним из исследовательских подходов является моделирование состояния невесомости с помощью создания гипогравитации. «Сухая» иммерсия — один из способов, позволяющих моделировать состояние относительной невесомости человека с помощью его по-

гружения в воду без прямого контакта с жидкостью (Tomilovskaya et al., 2019). В ряде исследований убедительно показана высокая эффективность использования условий «сухой» иммерсии для моделирования изменений физиологических процессов и психических функций человека, возникающих в условиях длительной микрогравитации, действующей на человека в комическом полете (Lebedeva et al., 2022).

Изучение изменения эмоционального состояния человека-оператора в условиях, приближенных к условиям космического полета, является весьма традиционным в авиакосмической психологии и медицине (Oluwafemi et al., 2021; Logan, 2022; Юсупова и др., 2011; Гушин и др., 2018; Supolkina et al., 2021). Это обусловлено очевидной и закономерной связью изменения эффективности выполнения профессиональной деятельности человека и его функциональным состоянием. Фактически хорошо доказано, что неблагоприятные функциональные состояния вызывают снижение работоспособности оператора в целом и его готовности быстро и адекватно реагировать на изменение условий профессиональной деятельности (Леонова, 1984; Леонова, Кузнецова, 2007; Cohen et al., 2016). Поэтому внимание исследователей всегда было связано с возможностью надежно оценивать и предсказывать появление неблагоприятных состояний, обозначаемых как психическая или эмоциональная напряженность, стресс (Смирнов, Долгополова, 2007; Леонова, Кузнецова, 2007; Koglbauer et al., 2021).

Одним из традиционных способов оценивания изменений эмоционального состояния человека является использование опросников как инструментов для получения самооценок (Осин, 2012; Lebedeva, Shved, Savinkina, 2022). Однако хорошо известно, что опросники могут давать смещенные оценки вследствие влияния фактора социальной желательности на ответы респондента, особенно в условиях его повышенной заинтересованности в положительных результатах тестирования и/или нежелании объективно сообщать о своих негативных эмоциональных переживаниях, связанных со стрессом, фрустрацией, усталостью. Кроме того, использование опросников для непрерывного мониторинга эмоционального состояния человека весьма ограничено.

Регистрацию физиологических показателей активности центральной или периферической нервной системы также часто используют для контроля изменения функционального состояния операторов (Леонова, 1984; Kanas, 2023; Koglbauer et al., 2021). Однако их использование имеет ряд методологических ограничений, поскольку как неспецифические показатели они не обладают необходимой конструктивной и операциональной валидностью для оценки эмоционального состояния человека.

Традиционным для авиакосмической психологии является анализ речи и голоса человека как показателей его эмоционального состояния (Никонов, 1985; Banse, Scherer, 1996; Лебедева, Швед, Гушин, 2020; Baykaner et al., 2015; Slavich et al., 2019). Изменения

амплитудных и частотных характеристик речи могут давать надежные оценки изменения эмоционального состояния человека (Banse, Scherer, 1996; Slavich et al., 2019). К сожалению, использование инструментария для акустического анализа голоса имеет техническое ограничение, связанное с зашумленностью рабочего пространства оператора.

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости использования самых разных инструментов для диагностики текущего эмоционального состояния человека, работающего в особых условиях выполнения профессиональной деятельности и/или в условиях моделирования неблагоприятных условий космического полета.

В этом контексте использование методов автоматической оценки лицевых экспрессий может стать вполне легитимным и полезным инструментом в комплексной оценке поведения человека и его эмоциональных переживаний. Укажем на несомненные преимущества этой группы методов: неинвазивность, отсутствие необходимости отвлечения оператора от выполнения профессиональной задачи, минимизация эффекта социальной желательности, возможность автоматической обработки большого массива данных.

Какие инструменты для оценки лицевых экспрессий по видеозаписи доступны исследователям в настоящее время? В первую очередь отметим компьютерную систему Face Reader голландской компании Noldus Information Technology, занимающую большую часть рынка доступного исследователям программного обеспечения (ПО). Хорошо известны разработки американской компании Affectiva, в настоящее время входящие в состав ПО iMotions Lab компании iMotions. Тем не менее, работа указанного выше ПО основана на принципах нейросетевой классификации, которые имеют ряд принципиальных ограничений в точности и селективности оценки базовых эмоций и других лицевых экспрессий (Гусев, Баев, Кремлев, 2021; Baev, Gusev, Kremlev, 2023).

Цель настоящего исследования — показать возможности разработанной технологии автоматического оценивания лицевых экспрессий по видеозаписи для анализа динамики эмоционального состояния участников эксперимента «сухая иммерсия» на материале ежедневных видеоинтервью.

Выборка

Участниками исследования были 10 добровольцев: мужчины в возрасте от 25 до 35 лет, с высшим образованием, здоровые. Отбор участников исследования проводился ИМБП РАН на конкурсной основе. Все участники подписали информированное согласие на участие в исследовании. Программа эксперимента была одобрена на секции физиологии Комитета по биомедицинской этике ИМБП РАН (протокол № 594

от 06.09.2021). Исследование выполнено в соответствии с принципами Хельсинкской декларации (1964 г.) и ее последующих обновлений.

Методы исследования

Процедура

Исследование проходило в рамках эксперимента «сухая» иммерсия на базе ИМБП РАН в период с 29 сентября по 11 ноября 2021 г.

Одновременно в исследовании участвовало по два человека, которые в течение 7 суток лежали в иммерсионной ванне (210×90×110 см), наполненной водой и покрытой неэластичной водонепроницаемой тканью. Утром восьмого дня происходила «выемка» испытуемых из ванны. В воде поддерживалась комфортная температура $32,5 \pm 2$ °С, при температуре окружающей среды 24–26 °С. Раз в день на 15 минут обследуемые покидали иммерсионные ванны для осуществления гигиенических процедур (в основном, в положении лежа на специальной кушетке) и смены белья.

Днем в помещении поддерживалось дневное освещение, в вечерние часы стенд освещали LED-панели на потолке.

Каждый испытуемый в течение дня выполнял различные задания в соответствии с циклограммой исследования, включая медицинское и психологическое обследование. Кратко опишем основные тестовые задания, входившие в блок психологических методик:

Первый день: погружение в ванну, видео- и аудиоотчет в форме интервью DPC (см. ниже) утром и вечером, выполнение теста тревожности Спилбергера и когнитивных тестов дважды в день.

Второй день: видеointервью DPC утром и вечером, выполнение теста тревожности Спилбергера и когнитивных тестов, выполнение методики психологической поддержки в среде виртуальной реальности, видеоотчет до и после выполнения этой методики.

Третий день: видеointервью DPC утром и вечером, выполнение теста тревожности Спилбергера и когнитивных тестов.

Четвертый день: видеointервью DPC утром и вечером.

Пятый день: видеointервью DPC утром и вечером, выполнение теста тревожности Спилбергера и когнитивных тестов.

Шестой день: видеointервью DPC утром и вечером.

Седьмой день: видеointервью DPC утром и вечером, выполнение теста тревожности Спилбергера и когнитивных тестов.

8 день (утро): видеointервью DPC.

Кроме того, испытуемые проходили три раза в день медицинские обследования. Особо отметим, что во вторые и пятые сутки были объемные заборы крови и в седьмые сутки — болезненная процедура — взятие биопсии мышцы.

Видеointервью (DPC — daily planning conference) проводилось следующим образом. Участникам исследования приносили видеокамеру GoPro 9 (подвешена на специальной раме над головой) и диктофон Zoom H1 (держали в руке) и просили рассказать о самочувствии, описать свое психологическое состояние, поделиться переживаниями и ожиданиями. В инструкции испытуемым указывалось, что желательная длительность интервью не менее минуты. Начало и окончание видео- и аудиозаписей осуществлялось самими испытуемыми.

Результаты исследования

«Сырыми» данными по окончании видеointервью были файлы в формате mp4 с разрешением 1920×1080 px, которые сохранялись на карте памяти видеокамеры. Было собрано 104 видеозаписи средней длительностью 49,75 с (СКО = 33,12). Средний процент кадров видеозаписи, на которых автоматически было обнаружено качественное изображение лица — 97,12. Средняя высота лица в кадре 621,6 px (СКО = 117,4). Часть данных (46 файлов из 150) была отбракована, поскольку видеозаписи были сделаны с ошибками.

Все отобранные для анализа видеозаписи были просмотрены и отредактированы с помощью видеоредактора на предмет исключения из них тех участков, которые содержали информацию, не относящуюся к интервью¹.

Все 104 видеозаписи соответствовали критериям автоматической обработки: 1) длительность видеозаписи — не менее 30 с, 2) частота кадров — не менее 20 fps, 3) средняя высота лица по кадрам видеозаписи — не менее 500 px, 4) средний показатель резкости лица в кадре (sharpness) — 8,8 усл. ед. Индекс резкости изображения лица измерялся специальным алгоритмом, оценивающим среднюю размытость отдельных точек на поверхности лица по отдельным кадрам, пороговое значение — 3,0 усл. ед.

Обработка данных осуществлялась с помощью ПО ЭмоРадар WR (авторы: М.С. Баев, А.Н. Гусев, А.Е. Кремлев, см.: <http://emoradar.ru>) в автоматическом режиме. В дальнейшем визуальный и первичный статистический анализ данных также проводился с помощью ПО ЭмоРадар WR.

Показатели мимической активности

В ходе автоматического анализа мимической активности (МА) выделялись 22 базовых *двигательных единицы* на левой и правой половинах лица (action units или AUs, см. Таблицу 1) согласно международной системе FACS (Ekman, Friesen, Hager, 2002).

¹ Авторы выражают признательность нашим студентам-магистрантам Ю.С. Кузнецовой и Е.В. Устюжаниной за помощь в проведении этой работы.

Таблица 1

Двигательные единицы FACS, выделенные ПО ЭмоРадар при анализе МА

Двигательная единица	Движение поверхности лица	Двигательная единица	Движение поверхности лица
AU 1	Поднятие внутренней части брови	AU 12	Поднятие угла губы
AU 2	Поднятие внешней части брови	AU 14	Втягивание угла рта
AU 41	Опускание надпереносья	AU 15	Опускание угла губы
AU 44	Сведение бровей	AU 17	Подъем подбородка
AU 5	Поднятие верхнего века	AU 20	Растяжение губ
AU 7	Сокращение длины век	AU 24	Сжатие губ
AU 43	Закрытие глаз	AU 26/27	Челюсть опускается / Рот открывается
AU 45	Моргание	AU 70	Брови не видны
AU 6	Поднятие щеки	AU 71/72	Глаза не видны / Нижняя часть лица не видна
AU 9	Сморщивание носа	AU 73	Все лицо не видно
AU 10	Поднятие верхней губы	AU 74	Оценка мимики невозможна

Table 1

FACS action units identified by EmoRadar software during MA analysis

Motor unit	Movement of the facial surface	Motor unit	Face surface movement
AU 1	Inner Brow Raise	AU 12	Lip Corner Puller
AU 2	Outer Brow Raise	AU 14	Dimpler
AU 41	Glabella Lowerer	AU 15	Lip Corner Depressor
AU 44	Eyebrow Gatherer	AU 17	Chin Raiser
AU 5	Upper Lid Raise	AU 20	Lip Stretcher
AU 7	Lids Tight	AU 24	Lip Presser
AU 43	Eyes Closure	AU 26/27	Jaw Drop / Mouth Stretch
AU 45	Blink	AU 70	Brows Not Visible
AU 6	Cheek Raise	AU 71/72	Eyes Not Visible / Lower Face Not Visible
AU 9	Nose Wrinkle	AU 73	Entire face not visible
AU 10	Upper Lip Raiser	AU 74	Unscorable

В соответствии с принципами, описанными в FACS Investigator’s Guide (Ekman, Friesen and Hager, 2002) выделялись семь базовых эмоций: радость (Happiness), печаль (Sadness), страх (Fear), злость (Anger), презрение (Contempt), удивление (Surprise) и отвращение (Disgust).

Кроме эмоции радости в МА выделялись два внешне похожих на нее паттерна МА, которые, на наш взгляд, в полной мере не могут рассматриваться, как мимическое выражение базовой эмоции радость: «социальная улыбка» (Social Smile) и «игривая улыбка» (Coy Smile). Первый паттерн отражает мимические изменения, связанные с появлением эмблемы улыбки как позитивного знака социальной коммуникации. Он состоит из появления AUs 12 в сочетании с AU 14 с учетом асимметрии появления этих AUs. Второй паттерн отражает мимические изменения, связанные с появлением эмблемы улыбки как позитивного

знака, призывающего собеседника к коммуникации, своего рода средство привлечения его внимания к себе. Паттерн состоит из появления AUs 12 и/или 14 с обеих сторон лица в сочетании с появлением AU 9 и/или 10 также с обеих сторон лица. Мы так же нашли необходимым выделить мимическое выражение эмблемы базовой эмоции удивление (Surprise emblem), которое отличается от выражения истинной эмоции удивления длительностью характерных сочетаний во времени составляющих ее AUs 1, 2, 5, 26/27.

Все паттерны выделялись на основе анализа сочетаний отдельных AUs во времени.

Нами также был сконструирован паттерн Negative Attitude, характеризующий общую негативную позицию человека в ситуации общения и предназначенный для оценки внешнего выражения лица, соответствующего эмоциональному переживанию отрицательно-го характера. Этот паттерн выделен для обозначения

МА, включающей появления одной из четырех отрицательных эмоций: презрение, отвращение, печаль и страх и/или их сочетания выше определенного порога.

Еще один показатель негативного выражения лица — Паттерн страх/стресс (Pattern fear/stress). Он характеризует общее негативное переживание эмоции страха. Этот паттерн является еще одним вариантом ее оценки. Набор AUs, входящих в паттерн соответствует внешнему выражению эмоции страха, но отличается от него степенью вклада отдельных AUs и не строгим сочетанием их появления во времени в отличие от более строгих критериев определения базовых эмоций (Ekman, Friesen, Hager, 2002).

Для выделения состояния эмоционального напряжения был сконструирован паттерн Напряжение 2 (Tension 2). Этот паттерн соответствует двухстороннему появлению AU 14 выше определенного порога по длительности. Двухстороннее втягивание углов губ традиционно рассматривается как физиологическое проявление стресса (Ellgring, 2008).

Паттерн сужения глаз (Eyes narrowing) выделялся нами как признак повышенной концентрации внимания или отражения физиологической реакции

на высыхание склеры. Он проявляется как сужение глазных щелей и оценивается по появлению AU 43 средней интенсивности слева или справа.

Подчеркнем, что алгоритмы выделения AUs с помощью технологии, реализованной в ПО ЭмоРадар WR, основаны на прямой оценке движений лицевой поверхности. Ранее нами было показано, что использовании технологии нейросетевой классификации для обнаружения AUs имеют принципиальные недостатки для измерения и описания МА (Гусев, Баев, Кремлев, 2021).

Для количественной оценки МА мы использовали относительную плотность AUs, базовых эмоций и указанных выше паттернов МА, оцениваемую как соотношение их длительностей к общей длительности видеозаписи.

Дизайн исследования: повторные измерения МА, полученные при обработке видеointервью в ходе эксперимента, утром и вечером. Анализ содержания речевых высказываний в данном исследовании не выполнялся.

Обработка данных выполнялась в статистической системе IBM SPSS Statistics 25.

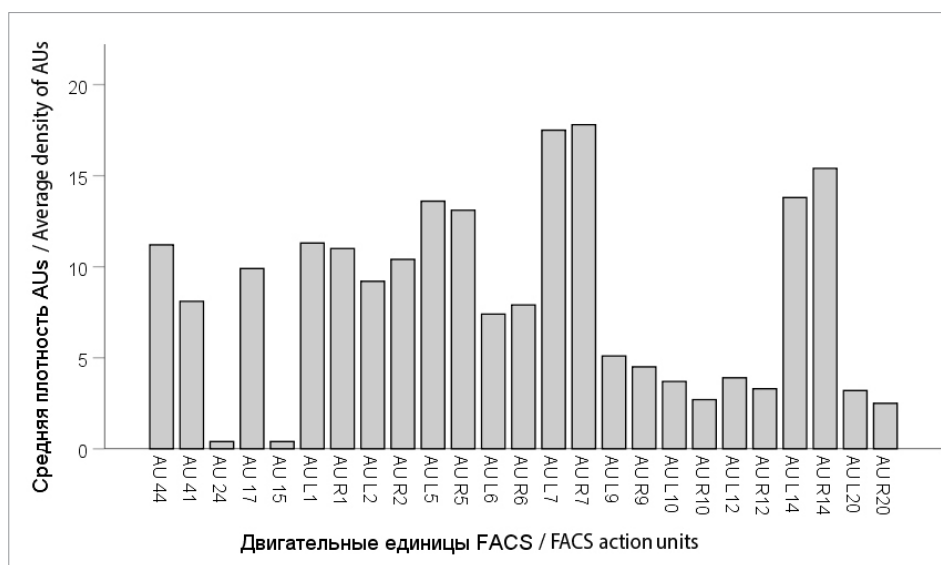


Рисунок 1

Распределение средней плотности разных двигательных единиц по группе испытуемых во время эксперимента

Figure 1

Distribution of the average density of different action units in the group of testers during the experiment

Обсуждение результатов

Как было отмечено выше, основой анализа МА является отдельная AU. Подчеркнем, что от точности и надежности обнаружения на видеозаписи моментов начала и окончания AUs зависит точность и надежность оценок разных мимических событий — про-

явлений базовых эмоций или указанных выше паттернов МА. На Рисунке 1 показано распределение средней плотности различных AUs по группе испытуемых во время 7-суточного эксперимента. Фактически мы видим количественное отражение различных видов движений поверхности лица. Например, видно, что в данном эксперименте явно преобладают две AUs — 7 (сокращение длины век) и 14 (втягивание

углов рта). Минимальная выраженность наблюдалась у AUs 15 (опускание угла губы) и 24 (сжатие губ). На наш взгляд, даже такое усредненное представление единиц МА отражает специфику эмоционального состояния испытуемых, дающих вербальный отчет: 1) AU 7 входит в состав внешнего выражения большинства негативных эмоций; 2) AU 14 является мимическим маркером переживаемого эмоционального напряжения; 3) AUs 15 и 24 являются теми движениями лица, которые тяжело выполняются произвольно в лежачем положении (особенно AU 15), появляются только при интенсивно переживаемых эмоциях, а также не входят в артикуляционные движения.

Вначале покажем, как может выполняться исследователем визуальный анализ МА с помощью ПО ЭмоРадар WR. Мы полагаем, что это важно для того, чтобы читатели смогли более наглядно представить себе, как выделяются на видеозаписи отдельные мимические события в виде AUs, базовых эмоций и паттернов МА.

На Рисунке 2 показаны изменения МА у испытуемого 104 вечером в 7 день эксперимента. Во время 23-секундного интервала, выбранного нами для анализа, он сказал следующее: «А какое сегодня число-то? А, 14 октября, 2021 год. Осталось 10 часов до завершения моего участия в этой части эксперимента. Я завтра в 9 часов утра по идее должен подняться из этой ванны и не возвращаться в нее в ближайшее время точно.

И (глубокий вздох) вот ...». Рисунок представляет собой скриншот экрана ПО ЭмоРадар, на котором в ходе автоматического анализа на временной оси выделены разные мимические события. Мы хотим показать, что в рамках прямого подхода к анализу МА появляется возможность на основе сочетания во времени отдельных AUs (как базовых единиц анализа МА) конструировать более сложные события. Например, на Рисунке 2 курсором (фрейм 90) отмечен момент практически одновременного появления базовой эмоции презрения (Contempt) и социальной улыбки (Happiness, social smile). Подчеркнем, что их обнаружение обосновывается композицией симметричной AU 12 и асимметричной AU 9 (Ekman, Friesen, Hager, 2002). Очевидно, что выражение лица испытуемого в этот момент времени выражает именно это сочетание эмоций. Далее (фрейм 240): выделена эмоция печали (Sadness) как сочетание AUs 1 и 44 (там же).

На Рисунке 3 курсором (фрейм 520) показано более сложное сочетание во времени разных мимических событий: эмоция печали, негативных мимических паттернов Negative Attitude, Fear/Stress. Обращаем внимание на соответствующее этим паттернам появление AUs 1, 10, 14, 41, 44. Также укажем на появление на временной оси паттерна напряжения (Tension 2), определенного нами как сочетание AU 14L и AU 14R (Рисунок 2 или 3, фрейм 60).

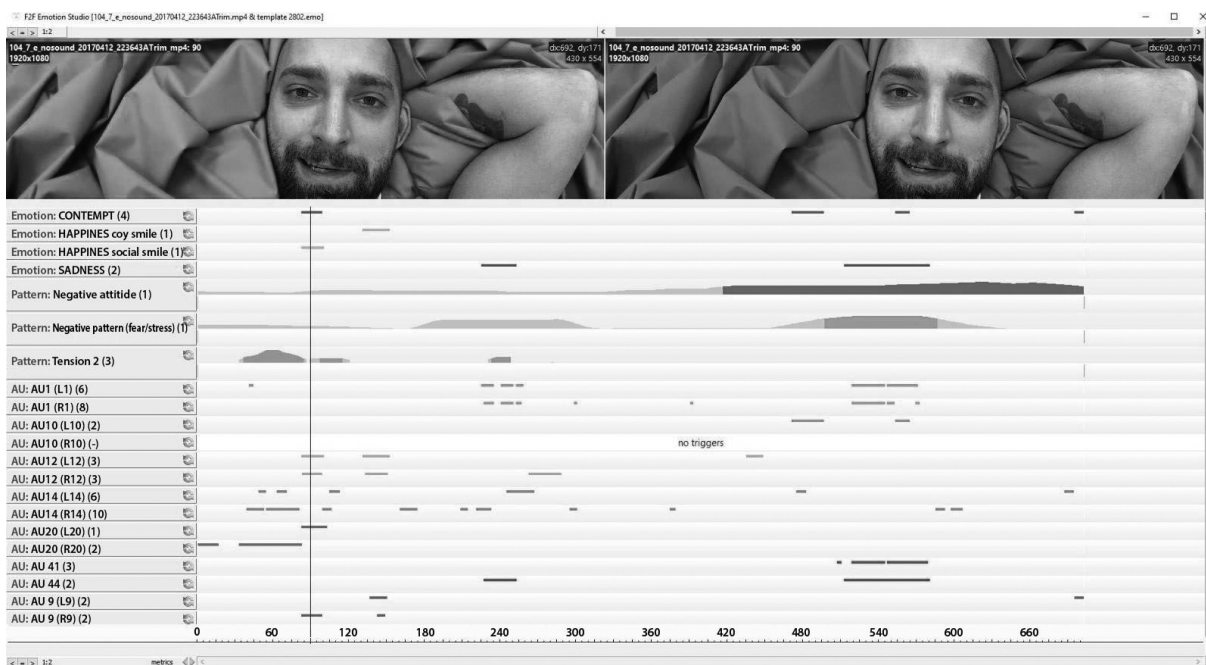


Рисунок 2

Результаты анализа МА видеозаписи интервью испытуемого 104 вечером 7 дня эксперимента

Figure 2

Results of the facial activity analysis analysis for the video recording of the interview with subject 104 in the evening of the 7th experimental day

Скриншот экрана ПО ЭмоРадар WR (кадр 90). Вверху фотография лица испытуемого в момент видеозаписи, соответствующей положению курсора (вертикальная линия). Внизу — графическое изо-

бражение моментов выделения различных мимических событий во времени. Нижняя линия — номера отдельных кадров видеозаписи при частоте кадров видеозаписи — 30 кадр/с.

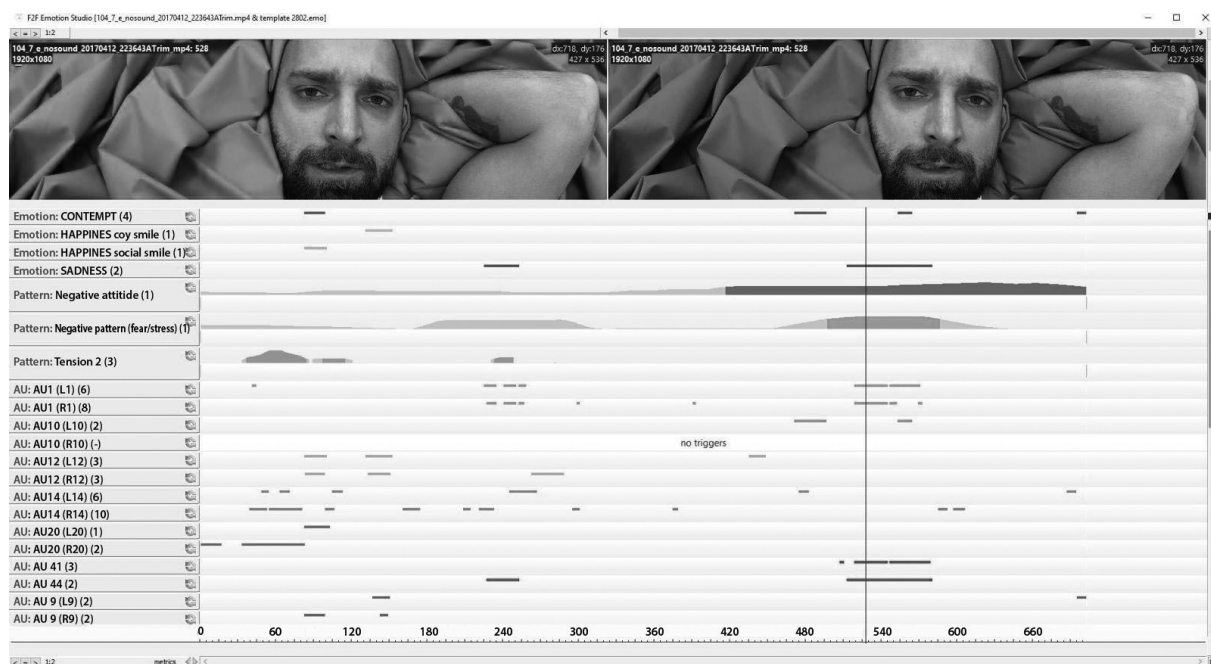


Рисунок 3

Результаты анализа МА видеозаписи интервью испытуемого 104 вечером 7-го дня эксперимента

Figure 3

Results of the facial activity analysis analysis for the video recording of the interview with subject 104 in the evening of the 7th experimental day

Скриншот экрана ПО ЭмоРадар WR, сделанный в другой момент времени (кадр 528). Обозначения те же, что и на Рисунке 2.

В связи с тем, что в нашем исследовании было всего 10 испытуемых, а также оказалось достаточно много потерянных данных (было получено лишь 104 видеозаписи из 150), мы не можем провести корректный статистический анализ данных. Поэтому ниже представим преимущественно результаты качественного описательного анализа изменения лицевых экспрессий, отражающего эмоциональное состояние участников исследования, на примере трех испытуемых: 102, 109 и 103.

У испытуемого 102 были проанализированы 15 видеозаписей: с 1 по 7 дни утром и вечером и утром восьмого дня. На Рисунках 4 и 5 показана динамика плотности различных эмоций, обнаруженных в ходе эксперимента, соответственно, утром и вечером. Максимальное значение плотности достигало вели-

чины 14,1 (Рисунок 5, вечер второго дня), минимальное — 0,3% (Рисунок 5, вечер седьмого дня). Отметим, что далее в наш анализ не включены данные о величинах плотности мимических событий ниже 5% ввиду незначительности их вклада в общую МА.

Как показано на Рисунке 4, в *утренние часы* в первые два дня преобладали мимические выражения негативных эмоций (далее — эмоции) презрения, отвращения и печали. В третий и четвертый дни наблюдалось общее снижение МА: в третий день фактически имела место лишь одна эмоция отвращения, в четвертый — презрения. В пятый и шестой дни наблюдались только два пика эмоций отвращения и презрения, соответственно. В седьмой день наблюдался существенный рост МА за счет появления эмоций презрения, печали, радости и выражения позитивных эмоций в виде социальной улыбки. Утро окончания исследования характеризуется выраженностью одной эмоции — презрения.

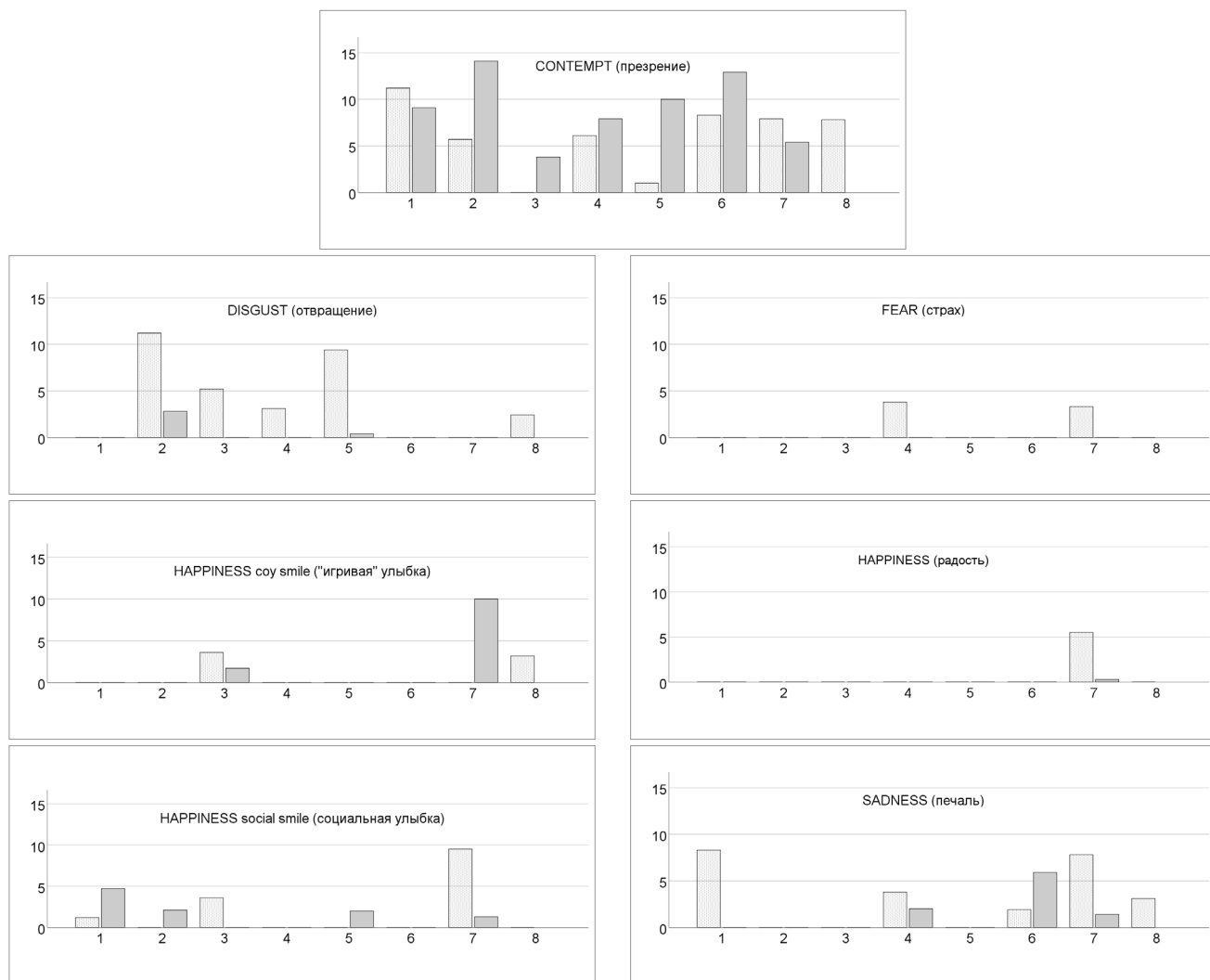


Рисунок 4
Изменение эмоциональных экспрессий в ходе эксперимента у испытуемого 102. По горизонтальной оси — день эксперимента, по вертикальной оси — относительная плотность эмоциональной экспрессии в %. Светлая заливка — утро, темная — вечер

Figure 4
Changes in emotional expressions during the experiment in subject 102. The horizontal axis shows the day of the experiment, the vertical axis reflects the relative density of emotional expression in %. Light fill is for morning, dark fill stands for evening

Появление указанных выше эмоциональных выражений лица мы интерпретируем в рамках дискретной теории эмоций (Дарвин, Экман, 2013; Изард, 2021; Ekman, 1989) следующим образом. По нашему мнению, выражение на лице эмоции презрения отражает работу компенсаторного механизма, помогающего справиться с эмоциональным напряжением, вызванным особыми условиями эксперимента. Презрение выполняет роль социальной эмоции, показывающей коммуниканту (исследователю), что его собеседник (участник исследования) хочет повысить свою зна-

чимость, свой социальный статус, отражает попытку ухода от неприятной ситуации, включение механизмов психологической защиты (Bell, 2013). Отвращение в контексте условий нашего исследования может означать придание своим высказываниям эмоциональной негативной модальности, трансляцию своего состояния и негативных переживаний во время интервью.

Важно отметить, что эмоция отвращения появляется утром вторых суток, когда испытуемый, скорее всего, проснулся после беспокойной ночи, поскольку

примерно к вечеру первых суток начинается то, что в гравитационной физиологии называется «острым периодом адаптации» (Rusanov et al., 2020; Robin et al., 2020; Lebedeva et al., 2022). При длительном нахождении человека в состоянии «безопорности» происходит перераспределение жидких сред организма в краниальном направлении, функционирование систем организма перестраивается, мышцы, ранее участвующие в позных реакциях, теперь оказываются без нагрузки. В совокупности это создает ощущение умеренной или интенсивной боли в поясничной области, спине и области живота на протяжении 3–4-х суток. Наличием острого периода адаптации можно объяснить повышенную концентрацию негативных эмоций в первые три дня эксперимента.

Помимо этого, высокие уровни отвращения на вторые и пятые сутки можно объяснить утренней процедурой забора крови из вены и пальца, которая осложнялась тем, что рука в момент забора нахо-

дилась не на твердой поверхности, а на подвижной пленке, что могло являться дополнительным фактором эмоционального стресса.

Мы полагаем, что выражение печали на лице является знаком призыва о помощи, негативного переживания своего состояния, сниженного настроения, определенной беспомощности. Социальная улыбка, по нашему мнению, может рассматриваться как эмблема эмоции радости в ходе коммуникации, как осознанное придание своему сообщению позитивной модальности. Наличие социальной улыбки, как правило, свидетельствует о положительных намерениях, является произвольной демонстрацией отсутствия негативизма в коммуникации, знаком своего позитивного отношения к интервью и сообщаемым сведениям. В отличие от нее эмоция радости (как выражение базовой эмоции) отражает положительное настроение респондента, по-видимому, в предчувствии окончания исследования.

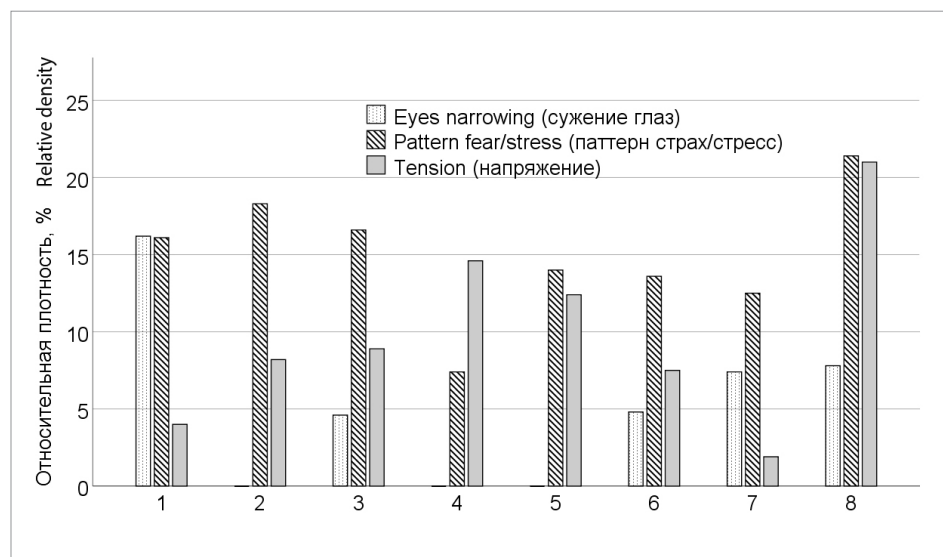


Рисунок 5

Изменение величины плотности паттернов МА в ходе эксперимента в утренние часы у испытуемого 102. Горизонтальная ось — день эксперимента

Figure 5

Change in the density of facial activity analysis patterns during the experiment in the morning hours for subject 102. Horizontal axis shows the day of the experiment

На Рисунке 5 показана динамика плотности трех паттернов МА в утренние часы. Как было указано выше, в отличие от базовых эмоций выделение разработанных нами паттернов не опирается на строгое сочетание во времени отдельных AUs в соответствии с принципами Investigator's Guide (Ekman, Friesen, Hager, 2002), а представляет собой феномен менее строгого совпадения во времени характерных AUs, входящих в структуру базовых эмоций. Это позво-

ляет нам оценивать более широкий спектр МА, не ограничиваясь набором базовых эмоций как независимых дискретных элементов, отражающих аффективное состояние человека. Фактически использование нами паттернов МА позволяет выйти из дискурса описания базовых эмоций как основных единиц анализа эмоционального поведения и перейти к описанию более сложных, составных эмоциональных переживаний.

Визуальный анализ показывает явное преобладание в ходе исследования негативного паттерна fear/stress. В утро дня окончания исследования величина его плотности достигает максимального значения — 21,4%. Паттерн эмоционального напряжения (Tension 2) особо выражен в 4 и 5 дни исследования и также имеет максимальное значение (21%) утром последнего дня. Паттерн fear/stress отражает преобладание в эмоциональном состоянии тревожного компонента, которое сопровождало весь эксперимент. Еще одним внешним проявлением стресса является паттерн напряжения (Tension 2), который мы рассматриваем как признак когнитивного напряжения. Таким образом, лицевые выражения негативных эмоциональных переживаний особенно проявились в 1, 2, 3 дни эксперимента, и были максимальными в 8 день. Отметим, что утро 8-х суток (день окончания экспериментального воздействия и выхода из иммерсионной ванны) было, вероятнее всего, наиболее ожидаемым и сложным периодом эксперимента для обследуемого.

Паттерн сужения глаз (Eyes Narrowing) имеет максимальную плотность в первый день, менее значительно выражен в 7 и 8 дни эксперимента. Можно предположить, что он также отражает стрессовые переживания, хотя мы и не нашли в литературе соответствующих свидетельств. Последнее так же может быть следствием нахождения участника исследования в атмосфере с непривычной для него низкой влажностью воздуха, что особенно отчетливо проявилось в первые сутки эксперимента.

На Рисунке 6 представлена динамика плотности различных эмоций в *вечерние часы*. В эмоциональных экспрессиях явно преобладает выраженность эмоции презрения с максимальными значениями плотности

во второй и шестой день эксперимента. Доминирование этой эмоции мы также рассматриваем как проявление компенсаторного механизма совладания со стрессом. Вечер 2-го дня — это период острой адаптации, также происходил еще один забор крови и выполнение методики в среде виртуальной реальности, которая помимо сенсорного воздействия, как правило, вызывала неприятные вестибулярные ощущения. Отметим, что вечер 6-го дня предшествует крайне болезненной процедуре взятия биопсии. Тогда же наблюдалась максимальная выраженность эмоции печали.

Минимальная выраженность эмоциональных экспрессий наблюдалась в третий (особо) и четвертый дни, что могло быть связано с окончанием острого периода адаптации и общей релаксацией. Пик позитивного выражения лица в виде так называемой «игривой улыбки» (Coy smile) наблюдался лишь один раз — в седьмой день. Мы полагаем, что данное выражение лица характерно для проявления позитивного эмоционального переживания, связанного с ожиданием окончания эксперимента и выемкой из иммерсионной ванны, а также позитивным настроением по поводу окончания болезненной процедуры взятия биопсии.

На Рисунке 6 показано наличие преобладания одного негативного паттерна МА — напряжения (Tension 2) — во второй вечер эксперимента. Как было отмечено выше, мы связываем его появление с переживанием когнитивного напряжения. Намного меньшие значения этого паттерна наблюдались в другие дни. В седьмой день наблюдалось незначительное увеличение плотности негативного паттерна fear/stress, что, по нашему мнению, является отражением в эмоциональном состоянии испытуемого тревожного компонента.

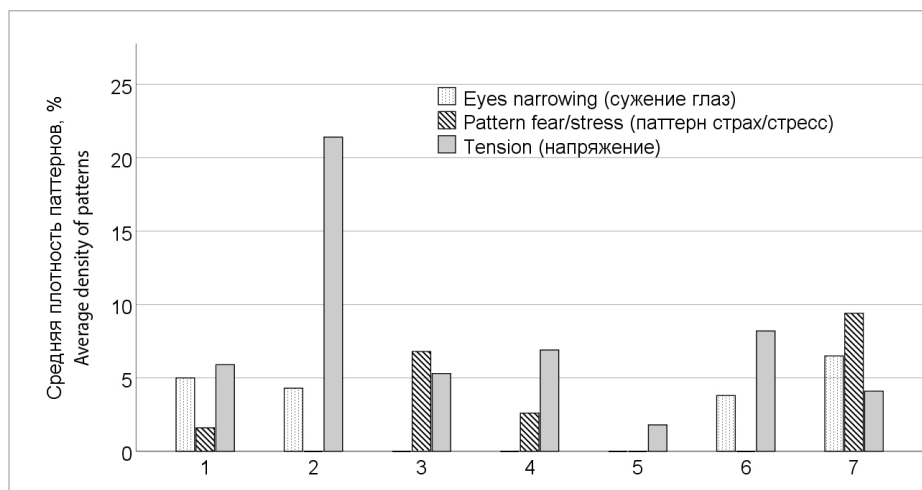


Рисунок 6

Изменение величины плотности паттернов МА в ходе эксперимента в вечерние часы у испытуемого 102.

Обозначения те же, что и на Рисунке 5.

Figure 6

Change in the density of facial activity analysis patterns during the experiment in the evening hours for subject 102.

The designations are the same as in Figure 5.

Подчеркнем еще одну важную особенность динамики лицевых экспрессий. В ряде компьютерных систем по оценке эмоций (например, Noldus FaceReader), основанных на принципе нейросетевой классификации, выделяется лишь один показатель эмоции радости. Тем не менее, опыт разных исследователей показал (Cordaro et al., 2017), что мимическое выражение радости на лице не является по составу двигательных единиц и их соотношению во времени гомогенным событием. Так, мы в настоящем исследовании выделяем три отдельных выражения лица: базовую эмоцию радости, выражение этой эмоции в виде социальной улыбки или «игривой» улыбки. Ниже на Рисунке 7 представлены величины эмоции радости в 7 день утром и вечером. Мы полагаем, что эти три события нельзя объединять в одно, поскольку они имеют разное содержание. Первый столбец обозначает величину плотности эмоции радости, полученную как сумму всех трех ее возможных оценок. Видно, что эта величина не может сама по себе характеризовать эмоциональное состояние радости, поскольку ее составляющие (столбцы справа) вносят в нее различ-

ный вклад. Например, рассмотрим величины всех составляющих суммарного показателя этой эмоции в седьмой день эксперимента утром (на Рисунке 7 слева) и вечером (справа). Утром эта величина есть композиция двух событий — базовая эмоция радости и социальная улыбка, и, фактически, радость — это не более чем выражение социальной улыбки. Наоборот, вечером мимическое выражение радости — это в основном вклад «игривой» улыбки. В строгом смысле, согласно Investigator's Guide (Ekman, Friesen, Hager, 2002) эти паттерны (социальная и «игривая» улыбка) не являются выражением базовой эмоции радости, а являются знаками осознанного позитивного отношения человека к интервью и сообщаемым сведениям. Поэтому объединять в одно целое разные по функциональному значению события нецелесообразно. Принимая во внимание, что величины плотности событий типа социальная улыбка и «игривая» улыбка в разные дни эксперимента (см. Рисунок 4) не достигают 5% уровня, использовать их вклад в суммарное значение как меру базовой эмоции радости было бы неправильно.

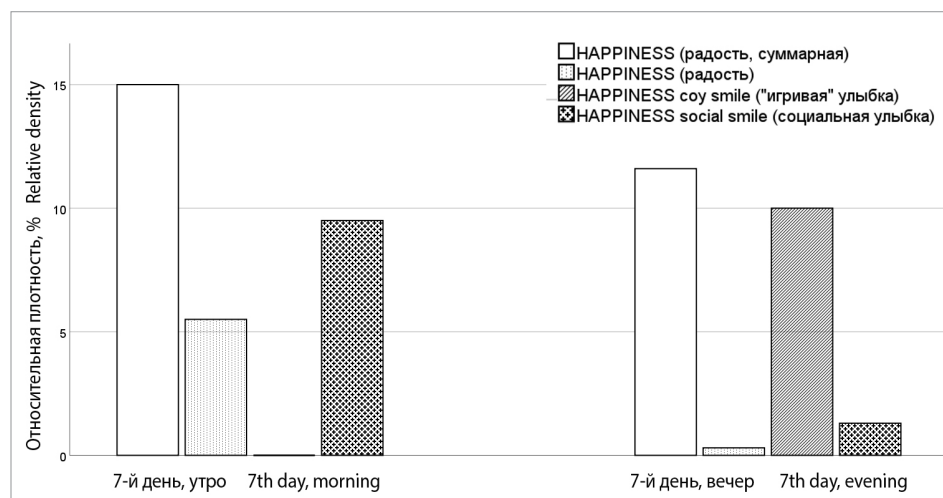


Рисунок 7

Выражение эмоции радости у испытуемого 102 утром и вечером в 7 день эксперимента как композиция разных выражений лица

Примечание: Последовательность столбцов (слева направо): суммарный показатель радости, радость как базовая эмоция, радость как «игривая» улыбка и радость как социальная улыбка.

Figure 7

Happiness expression as a composition of different facial expressions in subject 102 in the morning and in the evening on day 7 of the experiment

Note: Column order (from left to right): total happiness score, joy as a basic emotion, coy smile, and happiness as a social smile.

Приведем еще один пример результатов описания динамики лицевых экспрессий у другого испытуемого. На Рисунках 8 и 9 представлена динамика эмоциональных экспрессий у испытуемого 109 в утренние

часы. К сожалению, по организационно-техническим причинам в вечернее время несколько записей сделаны не были, поэтому мы описываем у него изменения лицевых экспрессий только в утренние часы.

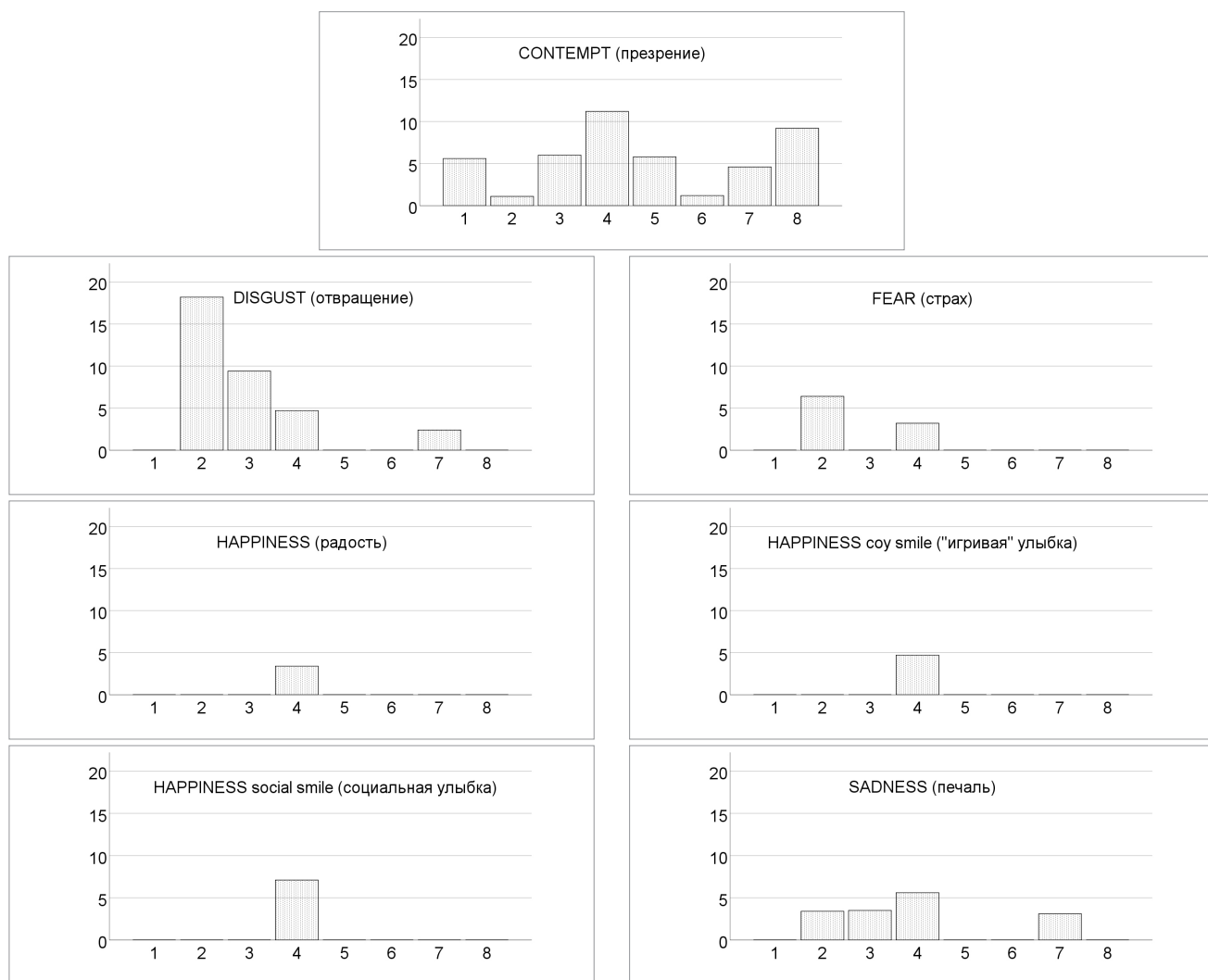


Рисунок 8
Изменение величины плотности эмоциональных экспрессий в ходе эксперимента в утренние часы у испытуемого 109. Обозначения те же, что и на Рисунке 4.

Figure 8
Change in the density of emotional expressions during the experiment in the morning hours for subject 109. The designations are the same as in Figure 4.

Максимальные значения выраженности лицевых экспрессий наблюдались по второй день эксперимента: доминировало отвращение, значительно меньшая выраженность была у эмоции страха. По нашему мнению, это отражает наличие негативных эмоциональных переживаний. В 6 и 7 дни эмоциональные экспрессии практически отсутствовали. Второй по значимости пик выраженности эмоций наблюдался в 4 день: доминировала эмоция презрения, в меньшей степени были выражены эмоция грусти и социальная улыбка. Появление социальной улыбки в контексте с двумя негативными эмоциями может означать попытку демонстрации возмож-

ности совладания со своими переживаниями, быть знаком придания своему сообщению оптимизма. В 3 день были умеренно выражены две эмоции: отвращение и презрение. Отметим также, что в ходе исследования часто (5 дней из 8) наблюдалось появление эмоции презрения. Как было отмечено выше, выражение этой эмоции является проявлением компенсаторного механизма, позволяющего справиться с негативными переживаниями, связанными с влиянием на испытуемого неблагоприятных условий деятельности.

Можно заметить, как в течение вторых, третьих и четвертых суток постепенно снижается выражен-

ность эмоции отвращения — как и в предыдущем случае это, скорее всего, связано с уходом болевого синдрома, характерного для острого периода адаптации (Tomilovskaya et al., 2019; Bersenev et al., 2021). На четвертый день в мимике появляются «новые» эмоции (удивление и радость), что говорит об «оживлении», и, возможно даже, об «эйфории» после снижения интенсивности (или даже окончания) неприятных болевых ощущений.

Анализ изменения плотности паттернов МА показывает преобладание на лице негативных экспрессий. В большей степени выражен паттерн напряжения, особенно в 1, 3 и 6 дни эксперимента. Причем

в 3 день мы видим его сочетание с паттерном fear/stress — это момент максимальной выраженности негативных эмоций. Характерным для эксперимента в целом является появление паттерна сужения глаз, что, по-видимому, может рассматриваться как реакция на высыхание склеры. Отметим, что к концу исследования его выраженность снижается в среднем с 13–17 до 6–7%. Судя по величине внешних признаков отрицательных эмоций, 2, 3 и 4 дни эксперимента для этого испытуемого были самыми сложными, поскольку лишь в эти дни наблюдался паттерн fear/stress, обозначенный нами как признак преобладания тревожного состояния.

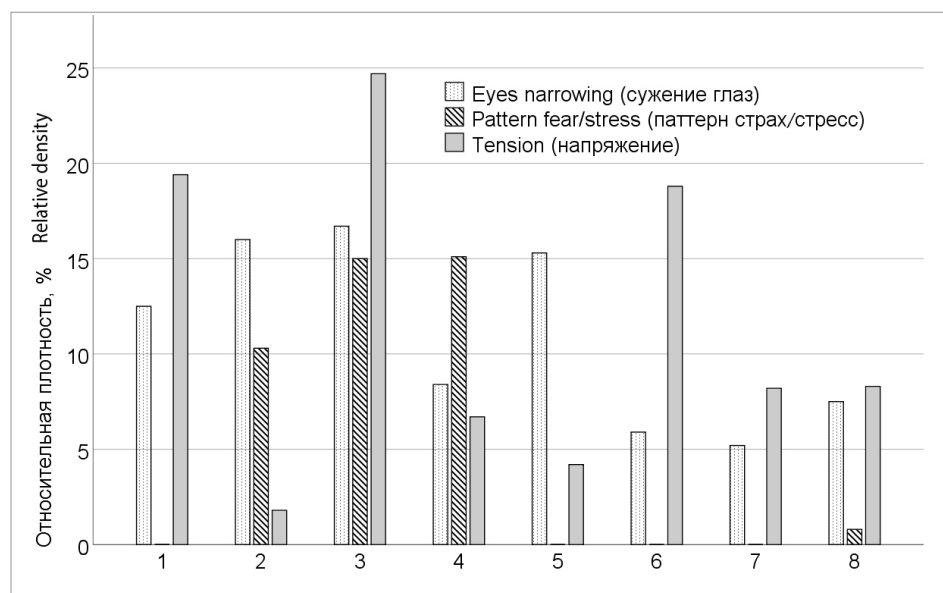


Рисунок 9

Изменение величины плотности паттернов МА в ходе эксперимента в утренние часы и испытуемого 109.

Обозначения те же, что и на Рисунке 5

Figure 9

Change in the density of facial activity patterns during the experiment in the morning hours for subject 109. Designations are the same as in Figure 5

Заключение

Описанные выше результаты дают основание полагать, что с помощью разработанной технологии автоматического анализа лицевых экспрессий, основанной на имплементации комплексного подхода (comprehensive approach) к измерению и интерпретации изменений поверхности лица человека (Ekman, Friesen, Nager, 2002; Rosenberg, Ekman, 2020), возможно описание изменений эмоционального состояния участников эксперимента «Сухая иммерсия». Это позволяет дать объективную и независимую от самооценок респондентов или опыта эксперта информа-

цию о характерных изменениях МА как надежных поведенческих показателей базовых эмоций и других паттернов эмоциональных экспрессий.

Подчеркнем, что выбранная нами для описания МА единица анализа — двигательная единица FACS, на наш взгляд, обладает принципиальными преимуществами: 1) соответствует де-факто принятому научным сообществом стандарту описания МА вне зависимости от расы, национальной или гендерной принадлежности человека; 2) создает возможность конструирования различных паттернов лицевых экспрессий; 3) не ограничивает исследователей в использовании имеющихся схем интерпретации наблюдаемых изменений лицевых экспрессий как

внешних индикаторов эмоциональных переживаний (Ekman, Friesen, Hager, 2002; Bänziger, Patel, Scherer, 2014; Feldman Barrett et al., 2019).

На наш взгляд, это открывает новые методические возможности для космической психологии при решении задачи автоматического мониторинга эмоционального состояния операторов, работающих в особых условиях профессиональной деятельности.

Наш опыт показал, что существенным ограничением использования разработанной технологии анализа МА является качество видеозаписи лица респон-

дента. В качестве перспектив наших исследований обозначим следующие: 1) разработка новых паттернов МА для оценки специфических изменений эмоционального состояния человека, характеризующих условия протекания его профессиональной деятельности, например: различные способы совладания со стрессом, уровни и индивидуальные особенности эмоциональных переживаний; 2) разработка и апробация экспериментальных моделей изучения эмоциональных экспрессий в реальной операторской деятельности.

Список литературы

- Гусев, А.Н., Баев, М.С., Кремлев, А.Е. (2021). Метод прямой оценки лицевых экспрессий на видеозаписи: от восприятия эксперта к компьютерному зрению. В сборнике Социально-психологические проблемы цифровизации современного общества: личность, организация, управление. Под ред. Т.А. Жалагина и др. Тверь: ТГУ, С. 268–278.
- Гущин, В.И., Кувшинова, О.Л., Шалина, О.С., Виноходова, А.Г., Зюдфельд, П., Джонсон, Ф.Д. (2018). Методический подход к исследованию автобиографических представлений космонавтов. *Авиакосмическая и экологическая медицина*, 52(5), 23–27.
- Дарвин, Ч., Экман, П. (2013). О выражении эмоций у человека и животных. Пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер.
- Изард, Э. (2021). Психология эмоций. Пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер.
- Лебедева, С.А., Швед, Д.М., Гущин, В.И. (2020). Возможности компьютерного анализа акустических характеристик речи человека-оператора в условиях космического полета. *Пилотируемые полеты в космос*, 36(3), 109–124.
- Леонова, А.Б. (1984). Психодиагностика функциональных состояний человека. Москва: Рипол Классик.
- Леонова, А.Б., Кузнецова, А.С. (2007). Психологические технологии управления состоянием человека. Москва: Смысл.
- Никонов, А.В. (1985). Психологические проблемы акустической диагностики функциональных состояний оператора в особых условиях. Психологические проблемы деятельности в особых условиях: сборник статей. Москва: «Наука».
- Осин, Е.Н. (2012). Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. Психология. *Журнал Высшей школы экономики*, 9(4), 91–110.
- Смирнов, Б.А., Долгополова, Е.В. (2007). Психология деятельности в экстремальных ситуациях. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр.
- Юсупова, А.К., Гущин, В.И., Ушаков, И.Б. (2011). Коммуникации космических экипажей в реальных и моделируемых космических полетах. Москва: ГИЦ РФ — ИМБП РАН.
- Baev, M., Gusev, A., Kremlev, A. (2023). Non-biased cFACS measurement tool: From idea to software application. In: Clara Pracana and Michael Wang (Eds.), *Psychological Applications and Trends* (pp. 666–670). Lisboa: Portugal.
- Banse, R., Scherer, K.R. (1996). Acoustic profiles in vocal emotion expression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(3), 614–636.
- Bänziger, T., Patel, S., Scherer, K.R. (2014). The role of perceived voice and speech characteristics in vocal emotion communication. *Journal of Nonverbal Behavior*, 38(1), 31–52.
- Barrett, L.F., Adolphs, R., Marsella, S., Martinez, A.M., Pollak, S.D. (2019). Emotional expressions reconsidered: Challenges to inferring emotion from human facial movements. *Psychological Science in the Public Interest*, 20(1), 1–68. <https://doi.org/10.1177/1529100619832930>
- Baykaner, K.R., Huckvale, M., Whiteley, I., Andreeva, S., Ryumin, O. (2015). Predicting fatigue and psychophysiological test performance from speech for safety-critical environments. *Frontiers in Bioengineering and Biotechnology*, (3), 124.
- Bell, M. (2013). *Hard Feelings: The Moral Psychology of Contempt*. New York: Oxford Univ. Press.
- Bersenev, E.Y., Ukraintseva, Y.V., Kovrov, G.V., Yakhya, Y.D., Vassilieva, G.Y., Tomilovskaya, E.S., Orlov, O.I. (2021). Sleep in 21-Day Dry Immersion. Are Cardiovascular Adjustments Rapid Eye Movement Sleep-Dependent? *Frontiers in Physiology*, (12), 749773.
- Cohen, A.O., Breiner, K., Steinberg, L., Bonnie, R.J., Scott, E.S., Taylor-Thompson, K., Casey, B.J. (2016). When is an adolescent an adult? Assessing cognitive control in emotional and nonemotional contexts. *Psychological Science*, 27(4), 549–562.
- Cordaro, D.T. et al., “Universals and Cultural Variations in 22 Emotional Expressions Across Five Cultures,” *Emotion*, Advance online publication, June 12, 2017, <http://dx.doi.org/10.1037/emo0000302>
- Ekman, P. (1989). The Argument and Evidence about Universals in Facial Expression of Emotion. In: Wagner, H., Manstead, A. (Eds.), *Handbook of Social Psychophysiology* (pp. 143–164). Chichester: John Wiley & Sons, Ltd.
- Ekman, P., Friesen, W.V., Hager, J.C. (2002). *The facial action coding system* (2nd ed.). London: Weidenfeld and Nicolson.
- Ellgring, H. (2008). *Non-verbal communication in Depression*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Kanas, N. (2023). *Living and Working in Space. Behavioral Health and Human Interactions in Space*. Cham: Springer International Publishing.
- Koglbauer, I.V., Braunstingl, R. (2021). Applications of Cardiac and Electrodermal Activity Assessment in Aviation. In: I. Koglbauer, S. Biede-Straussberger (Eds.), *Aviation Psychology: Applied Methods and Techniques* (pp. 141–162). Hogrefe Verlag GmbH & Co.KG.
- Lebedeva, S., Shved, D., Savinkina, A. (2022). Assessment of the Psychophysiological State of Female Operators Under Simulated Microgravity. *Frontiers in Psychology*, (12), 2562.
- Logan, D.L. (2022). *First Course in the Finite Element Method, Enhanced Edition, SI Version*. Cengage Learning.
- Oluwafemi, F.A., Abdelbaki, R., Lai, J.C.Y., Mora-Almanza, J.G., & Afolayan, E.M. (2021). A review of astronaut mental health in manned missions: Potential interventions for cognitive and mental health challenges. *Life Sciences in Space Research*, (28), 26–31.

- Robin, A., Auvinet, A., Degryse, B., Murphy, R., Bareille, M.P., Beck, A., Navasiolava, N. (2020). DI-5-CUFFS: venoconstrictive thigh cuffs limit body fluid changes but not orthostatic intolerance induced by a 5-day dry immersion. *Frontiers in Physiology*, (11), 383.
- Rosenberg, E.L., Ekman, P. (Eds.). (2020). What the face reveals: Basic and applied studies of spontaneous expression using the Facial Action Coding System (FACS). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Rusanov, V.B., Pastushkova, L.K., Larina, I.M., Chernikova, A.G., Goncharova, A.G., Nosovsky, A.M., Nikolaev, E.N. (2020). The effect of five-day dry immersion on the nervous and metabolic mechanisms of the circulatory system. *Frontiers in Physiology*, (11), 692.
- Slavich, G.M., Taylor, S., Picard, R.W. (2019). Stress measurement using speech: Recent advancements, validation issues, and ethical and privacy considerations. *Stress*, 22(4), 408–413.
- Supolkina, N., Yusupova, A., Shved, D., Gushin, V., Savinkina, A., Lebedeva, S.A., Kuznetsova, P. (2021). External communication of autonomous crews under simulation of interplanetary missions. *Frontiers in Physiology*, (12), 751170.
- Tomilovskaya, E., Shigueva, T., Sayenko, D., Rukavishnikov, I., Kozlovskaya, I. (2019). Dry immersion as a ground-based model of microgravity physiological effects. *Frontiers in Physiology*, (10), 284.

References

- Baev, M., Gusev, A., Kremlev, A. (2023). Non-biased cFACS measurement tool: From idea to software application. In: Clara Pracana and Michael Wang (Eds.), *Psychological Applications and Trends* (pp. 666–670). Lisboa, Portugal.
- Banse, R., Scherer, K.R. (1996). Acoustic profiles in vocal emotion expression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(3), 614–636.
- Bänziger, T., Patel, S., Scherer, K.R. (2014). The role of perceived voice and speech characteristics in vocal emotion communication. *Journal of Nonverbal Behavior*, 38(1), 31–52.
- Barrett, L.F., Adolphs, R., Marsella, S., Martinez, A.M., and Pollak, S.D. (2019). Emotional expressions reconsidered: Challenges to inferring emotion from human facial movements. *Psychological Science in the Public Interest*, 20(1), 1–68. <https://doi.org/10.1177/1529100619832930>
- Baykaner, K.R., Huckvale, M., Whiteley, I., Andreeva, S., Ryumin, O. (2015). Predicting fatigue and psychophysiological test performance from speech for safety-critical environments. *Frontiers in Bioengineering and Biotechnology*, (3), 124.
- Bell, M. (2013). *Hard Feelings: The Moral Psychology of Contempt*. New York: Oxford Univ. Press.
- Bersenev, E.Y., Ukrainitseva, Y.V., Kovrov, G.V., Yakhya, Y.D., Vassilieva, G.Y., Tomilovskaya, E.S., Orlov, O.I. (2021). Sleep in 21-Day Dry Immersion. Are Cardiovascular Adjustments Rapid Eye Movement Sleep-Dependent? *Frontiers in Physiology*, (12), 749773.
- Cohen, A.O., Breiner, K., Steinberg, L., Bonnie, R.J., Scott, E.S., Taylor-Thompson, K., Casey, B.J. (2016). When is an adolescent an adult? Assessing cognitive control in emotional and nonemotional contexts. *Psychological Science*, 27(4), 549–562.
- Cordaro, D.T. et al., “Universals and Cultural Variations in 22 Emotional Expressions Across Five Cultures,” *Emotion*, Advance online publication, June 12, 2017, <http://dx.doi.org/10.1037/emo0000302>
- Darwin, Ch., Ekman, P. (2013). On the expression of emotions in humans and animals. Trans. from English. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Ekman, P. (1989). The Argument and Evidence about Universals in Facial Expression of Emotion. In Wagner, H. and Manstead, A. (Eds.), *Handbook of Social Psychophysiology* (pp. 143–164). Chichester: John Wiley and Sons, Ltd.
- Ekman, P., Friesen, W.V., Hager, J.C. (2002). *The facial action coding system* (2nd ed.). London: Weidenfeld and Nicolson.
- Ellgring, H. (2008). *Non-verbal communication in Depression*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Gusev, A.N., Baev, M.S., Kremlev, A.E. (2021). Method of direct assessment of facial expressions on video recordings: from expert perception to computer vision. In: T.A. Zhalagin (Ed.), *Socio-psychological problems of digitalization of modern society: personality organization, management* (pp. 268–278). Tver': TGU. (In Russ.).
- Gushchin, V.I., Kuvshinova, O.L., Shalina, O.S., Vinokhodova, A.G., Zyudfeld, P., Dzhonson, F.D. (2018). Methodical approach to the study of autobiographical representations of cosmonauts. *Aviakosmicheskaya i Ekologicheskaya Meditsina (Aerospace and Environmental Medicine)*, 52(5), 23–27. (In Russ.).
- Izard, E. (2021). *Psychology of Emotions*. Translated from English. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Kanas, N. (2023). *Living and Working in Space. Behavioral Health and Human Interactions in Space*. Cham: Springer International Publishing.
- Koglbauer, I.V., Brauningl, R. (2021). Applications of Cardiac and Electrodermal Activity Assessment in Aviation. In: I. Koglbauer, S. Biede-Straussberger (Eds.), *Aviation Psychology: Applied Methods and Techniques* (pp. 141–162). Hogrefe Verlag GmbH and Co.KG.
- Lebedeva, S., Shved, D., Savinkina, A. (2022). Assessment of the Psychophysiological State of Female Operators Under Simulated Microgravity. *Frontiers in Psychology*, (12), 2562.
- Lebedeva, S.A., Shved, D.M., Gushchin, V.I. (2019). Preliminary results of studying the functional state of a human operator by analyzing acoustic characteristics of speech under the influence of simulated factors of space flight. *Aviakosmicheskaya i Ekologicheskaya Meditsina (Aerospace and Environmental Medicine)*, 53(2), 50–56. (In Russ.).
- Leonova, A.B. (1984). *Psychodiagnostics of functional states of a person*. Moscow: Ripol Klassik. (In Russ.).
- Leonova, A.B., Kuznetsova, A.S. (2007). *Psychological technologies of human condition management*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Logan, D.L. (2022). *First Course in the Finite Element Method, Enhanced Edition, SI Version*. Cengage Learning.
- Nikonov, A.V. (1985). Psychological problems of acoustic diagnostics of functional states of the operator in special conditions (pp. 136–153). In: *Psychological Problems of Activity in Special Conditions: Collection of Articles*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Oluwafemi, F.A., Abdelbaki, R., Lai, J.C.Y., Mora-Almanza, J.G., & Afolayan, E.M. (2021). A review of astronaut mental health in manned missions: Potential interventions for cognitive and mental health challenges. *Life Sciences in Space Research*, (28), 26–31.
- Osin, E.N. (2012). Measurement of positive and negative emotions: development of a Russian-language analogue of the PANAS methodology. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 9(4), 91–110. (In Russ.).
- Robin, A., Auvinet, A., Degryse, B., Murphy, R., Bareille, M.P., Beck, A., Navasiolava, N. (2020). DI-5-CUFFS: venoconstrictive thigh cuffs limit body fluid changes but not orthostatic intolerance induced by a 5-day dry immersion. *Frontiers in Physiology*, (11), 383.

Rosenberg, E.L., Ekman, P. (Eds.). (2020). What the face reveals: Basic and applied studies of spontaneous expression using the Facial Action Coding System (FACS). Oxford: Oxford Univ. Press.

Rusanov, V.B., Pastushkova, L.K., Larina, I.M., Chernikova, A.G., Goncharova, A.G., Nosovsky, A.M., Nikolaev, E.N. (2020). The effect of five-day dry immersion on the nervous and metabolic mechanisms of the circulatory system. *Frontiers in Physiology*, (11), 692.

Slavich, G.M., Taylor, S., Picard, R.W. (2019). Stress measurement using speech: Recent advancements, validation issues, and ethical and privacy considerations. *Stress*, 22(4), 408–413.

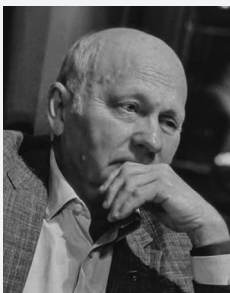
Smirnov, B.A., Dolgopolova, E.V. (2007). Psychology of activity in extreme situations. Kharkov: Publishing house Humanities Centre. (In Russ.).

Supolkina, N., Yusupova, A., Shved, D., Gushin, V., Savinkina, A., Lebedeva, S.A., Kuznetsova, P. (2021). External communication of autonomous crews under simulation of interplanetary missions. *Frontiers in Physiology*, (12), 751170.

Tomilovskaya, E., Shigueva, T., Sayenko, D., Rukavishnikov, I., Kozlovskaya, I. (2019). Dry immersion as a ground-based model of microgravity physiological effects. *Frontiers in Physiology*, (10), 284.

Yusupova, A.K., Gushchin, V.I., Ushakov, I.B. (2011). Communications of space crews in real and simulated space flights. Moscow: SSC RF — IMBP RAS. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Алексей Николаевич Гусев, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, angusev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9299-7092>

Alexey N. Gusev, Professor Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, angusev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9299-7092>



Михаил Степанович Баев, заместитель генерального директора «Учет-Н», Санкт-Петербург, Российская Федерация, mikhail.baev@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-1842-2012>

Mikhail S. Baev, Deputy CEO of LLC Uchet-N, St. Petersburg, Russian Federation, mikhail.baev@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-1842-2012>



Светлана Алексеевна Лебедева, младший научный сотрудник лаборатории когнитивной психологии и психологии малых групп Российской Федерации Института медико-биологических проблем Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, sveta-firefox@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0325-6397>

Svetlana A. Lebedeva, Junior Researcher at the Laboratory of Cognitive Psychology and Small Group Psychology of the Institute for Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences (IBMP RAS), Moscow, Russian Federation, sveta-firefox@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0325-6397>



Александра Олеговна Савинкина, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивной психологии и психологии малых групп Института медико-биологических проблем Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация, a.o.savinkina@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5460-9258>

Alexandra O. Savinkina, Cand. Sci. (Psychology), Researcher at the laboratory of Cognitive Psychology and Small Group Psychology of the Institute for Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences (IBMP RAS), Moscow, Russian Federation, a.o.savinkina@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5460-9258>

Поступила: 08.09.2023; получена после доработки: 11.12.2023; принята в печать: 30.01.2024.

Received: 08.09.2023; revised: 11.12.2023; accepted: 30.01.2024.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0112>
УДК/UDC 159.922

Стресс-факторы городской цифровой среды: личностные детерминанты восприимчивости

О.В. Кружкова¹, И.В. Воробьева¹, А.И. Матвеева¹✉, Н.Е. Жданова²

¹Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

²Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ lyonchik_7777@list.ru

Резюме

Актуальность. Современная цифровая городская среда, как репрезентация реальной городской среды, функционирует по правилам жизненной среды — в том числе является реальным источником стресса. Решение практических задач по улучшению качества жизни в условиях современной городской среды определяют актуальность исследований стресс-факторов цифровой городской среды и изучение их возможных детерминант.

Цель. Оценка роли личностных характеристик молодежи, детерминирующих субъективно более быструю реакцию на стресс-факторы цифровой городской среды.

Выборка. В исследовании приняли участие 619 человек в возрасте от 17 до 25 лет (41% юношей, 59% девушек), студенты колледжей и вузов г. Екатеринбурга.

Методы. Для изучения субъективной значимости стресс-факторов цифровой среды авторами была создана специализированная анкета, предполагающая оценку каждого из 34 предложенных стресс-факторов по шкале от 0 до 4 баллов. Для изучения личностных особенностей респондентов использовались психодиагностические методики НЕХАСО и «Темная триада». Для обработки количественных данных использовался факторный анализ, альфа Кронбаха, линейный регрессионный анализ.

Результаты. В результате факторизации были выделены 4 группы стресс-факторов цифровой городской среды в представлении молодежи: несовершенство городских цифровых сервисов и приложений; информационное принуждение и риски безопасности; агрессивное поведение и низкая культура взаимодействия субъектов в сети Интернет; эстетическая непривлекательность городского цифрового пространства. Регрессионный анализ позволил построить статистически значимые модели для каждого из четырех выделенных факторов. Было выявлено, что основными предикторами для сензитивности к стресс-факторам цифровой городской среды являются негативные личностные черты.

Выводы. Материалы проведенного исследования указывают на важность личностных характеристик для определения стрессовых реакций молодых людей на негативные факторы цифрового городского пространства и отражают вариативность их воздействия на стресс — ослабляя действие одних видов стрессоров, но одновременно с этим усиливая действие других стрессоров.

Ключевые слова: стресс, цифровая среда, городская цифровая среда, личность, стресс-фактор, восприимчивость, молодежь

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-013-00830, по теме «Реальное и виртуальное пространство мегаполиса: стресс и девиации поведения городской молодежи»).

Для цитирования: Кружкова, О.В., Воробьева, И.В., Матвеева, А.И., Жданова, Н.Е. (2024). Стресс-факторы городской цифровой среды: личностные детерминанты восприимчивости. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 175–186. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0112>

Stress Factors of the Urban Digital Environment: Personal Determinants of Susceptibility

Olga V. Kruzhkova¹, Irina V. Vorobyeva¹, Alena I. Matveeva¹ ✉, Natalia E. Zhdanova²

¹Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation

²Russian State Professional Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation

✉ lyonchik_7777@list.ru

Abstract

Background. Modern digital urban environment, as a representation of real urban environment, functions according to the rules of living environment, including its being a real source of stress. The solution of practical tasks to improve the quality of life in the conditions of modern urban environment determine the relevance of research on stress factors of digital urban environment and the study of their possible determinants.

Objectives. The study aims to assess the role of personal characteristics of young people, determining subjectively faster reaction to stress factors of digital urban environment.

Study Participants. The study involved 619 participants aged from 17 to 25 years (41% males, 59% females), students of colleges and universities of Ekaterinburg.

Methods. To study the subjective significance of stress factors of the digital environment, the authors created a specialised questionnaire, which involved the assessment of the 34 proposed stress factors on a scale from 0 to 4 points. The psychodiagnostic techniques HEXACO and “Dark Triad” were used to study personal characteristics of the respondents. Factor analysis, Cronbach’s alpha, and linear regression analysis were used to process quantitative data.

Results. As a result of factorization, 4 groups of stress factors in the digital urban environment as perceived by young people were identified: imperfection of urban digital services and applications; information coercion and security risks; aggressive behaviour and low culture of interaction of subjects in the Internet; aesthetic unattractiveness of urban digital space. Regression analysis made it possible to build statistically significant models for each of the four identified factors. It was found that the main predictors for sensitivity to stressors of the digital urban environment are negative personality traits.

Conclusions. The materials of the conducted research indicate the importance of personality characteristics in determining stress reactions of young people to negative factors of digital urban space, but reflect the variability of their impact on stress: weakening the effect of some types of stressors, but at the same time enhancing the effect of other stressors.

Keywords: stress, digital environment, urban digital environment, personality, stressor, susceptibility, young people

Funding. The study has been supported by Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-013-00830, on the topic “Real and virtual space of megapolis: stress and behavioural deviations of urban youth”).

For citation: Kruzhkova, O.V., Vorobyeva, I.V., Matveeva, A.I., Zhdanova, N.E. (2024). Stress factors of the urban digital environment: personal determinants of susceptibility. *National Psychological Journal*, 19(1), 175–186. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0112>

Введение

Современная городская среда — сложный многокомпонентный конструкт, в котором выделяются структуры, относящиеся и характеризующие его с одной стороны, как существующий географический объект, а с другой — описывающие город как своеобразное деятельностное пространство (Барковская, 2014), проявляющееся в экономическом, социальном, культурном и других аспектах (Метелева, 2011). Город сегодня содержит в себе не только материальные

объекты и их пространственные характеристики, но и системы самых разнообразных коммуникаций, в том числе и с использованием цифровых технологий (Балюшина, 2018, 2019).

Виртуальный или цифровой город понимается специалистами как своеобразная репрезентация реальной городской среды в цифровом пространстве, которая оказывает влияние на восприятие города и формирование отношения к нему со стороны жителей (Харламов, 2007). Являясь отражением реального пространства, цифровая среда города обладает полноценными характеристиками жизненной среды

(Панов, 2013), то есть она так же, как и материально-пространственная среда способна вызывать стресс у жителей города. Детальный анализ негативной стороны цифровой трансформации современного общества показал, что специалисты все чаще говорят о «технострессе» (Поздняк, 2021), понимая под ним широкий круг ситуаций, в которых новые информационные технологии приводят к ухудшению качества жизни (Fischer, Riedl, 2017). Однако важно понимать, что само по себе цифровое пространство современных мегаполисов не является автономным, цифровые технологии дополняют, но не заменяют материальную среду города (Kotus et al., 2022).

При рассмотрении городской среды в ее материальном, социальном и цифровом проявлениях следует обратить внимание, что насыщенность разнообразными высокодинамичными стимулами, интенсивность социального и технического взаимодействия не только формируют богатые возможности для реализации человека, но и представляют существенные угрозы его жизнедеятельности. Традиционно в научных исследованиях большое внимание уделялось влиянию проживания в городе на психическое здоровье человека, его комфорт и благополучие (Bhugra et al., 2019; Corcoran et al., 2017; Lederbogen et al., 2011; Кружкова, 2014; Смолова, 2008). Достаточно глубоко исследовались социальные отношения: психология соседства, групповой поддержки, городской анонимии и пр., обсуждались вопросы социальной изоляции, сплоченности сообщества и межкультурного диалога (Amin, 2013; Richaud, Amin, 2019; Piekut, Valentine, 2017; Simonsen, 2007; Wilson, 2017; Kruzhkova et al., 2021). Однако роль цифрового пространства города в формировании городского стресса — относительно новое направление теоретических и прикладных исследований.

Предупреждение возникновения и развития городского стресса в условиях цифровой среды мегаполиса может осуществляться в направлении минимизации действия стресс-факторов (Барсукова, 2018), что является достаточно ресурсозатратным процессом, поскольку требует регулярного широкомасштабного мониторинга потенциальных стресс-факторов. Другим вариантом решения проблемы может быть изучение детерминант оценки субъективной значимости стресс-факторов, обуславливающих как повышенную чувствительность человека к стресс-факторам, так и наоборот — сопротивляемость к их воздействию. Результаты научных исследований позволили выявить такие личностные предпосылки, как особенности психоэмоциональной сферы и коммуникативные характеристики (Кленова, 2016); locus контроля, психологическая устойчивость и самооценка (Бодров, 2012). Следует учитывать и тот факт, что степень стрессогенности и наносимый вред отдельному человеку, зависит как от его индивидуальной психофизиологической уязвимости к данному воздействию, так и от его собственной субъективной

оценки значимости для него воздействия (Кружкова, 2014).

При этом, по мнению ученых, именно цифровая городская среда способна стать тем инструментом, который будет содействовать адаптации человека к условиям жизни в новом цифровом обществе в ситуации непрерывной модернизации городской (Лебедева, Денискина, 2020). Но и сама цифровая городская среда, по сравнению с материальной городской средой, может служить источником стресса у людей, ранее активно не включенных в нее (Oksanen et al., 2021), приводя к увеличению социального неравенства между разными категориями горожан и росту сопутствующего стресса (Iaione et al., 2019; Chib et al., 2021), что может стимулировать развитие рискованного поведения и включение жителей города в «рисковые» сообщества (Dukas et al., 2021), в том числе в цифровом пространстве (Seo et al., 2021).

Соответственно, изучение стресс-факторов цифровой городской среды, а также определение возможных детерминант субъективной оценки их стрессогенности для горожанина, является актуальной научной задачей, а также перспективным основанием для разработки и внедрения мер по предупреждению возможного негативного влияния виртуального города и профилактике стресса у его жителей.

Цель — оценка роли личностных характеристик молодежи, детерминирующих субъективную значимость стресс-факторов цифровой городской среды.

Задачи исследования

- 1) определить наиболее субъективно значимые стресс-факторы цифровой городской среды для молодежи;
- 2) выявить группы стресс-факторов цифровой городской среды;
- 3) оценить роль личностных просоциальных и деструктивных характеристик, определяющих субъективную значимость стресс-факторов цифровой городской среды для молодежи.

Методы исследования

Для достижения обозначенной цели применялась батарея диагностических методик и метод анкетирования. Для изучения субъективной значимости стресс-факторов цифровой среды была создана специализированная анкета. Для этого на первом этапе было опрошено 228 молодых жителей российских мегаполисов, в ходе беседы респондентами перечислялись в форме свободного списка с последующим ранжированием 10 факторов цифрового города, вызывающих у них стрессовые реакции (Матвеева, Кружкова, 2021). На основе частотного и контент-анализа из полученных данных был сформирован итоговый список стресс-факторов цифровой среды мегаполи-

са из 34 пунктов. Итоговая согласованность анкеты по формуле α Кронбаха составила 0,958. Каждый из стресс-факторов предложенного списка респонденты оценивали по уровню субъективной значимости по шкале от 0 до 4 баллов, где 4 балла — максимальная субъективная значимость стресс-фактора. Для изучения личностных особенностей респондентов использовались психодиагностические методики НЕХАСО и «Темная триада». Методика НЕХАСО позволяет диагностировать шесть личностных просоциальных характеристик (честность-скромность, эмоциональ-

ность, экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и открытость новому опыту) и дополнительного фактора альтруизма (Егорова, Паршикова, 2017), в противовес негативным личностным чертам (нарциссизм, макиавеллизм и психопатия), измеряемым методикой «Темная триада» (Дериш, 2015).

Методы математико-статистической обработки: факторный анализ (метод максимального правдоподобия, «каменистая ось», варимакс-вращение), альфа Кронбаха, линейный регрессионный анализ с последовательным исключением предикторов.

Таблица 1

Результаты факторного анализа и проверки надежности факторов как шкал стресс-факторов цифровой городской среды (КМО = 0,956, критерий сферичности Бартлетта = 10736 при $p < 0,001$, общая объясненная дисперсия модели 52,09%)

Фактор, название, объясненная дисперсия	Компоненты фактора и их нагрузка	Альфа Кронбаха
F1 Несовершенство городских цифровых сервисов и приложений, а также связанные с этим затруднения и неудобства жителей 19,75%	неудобный интерфейс цифровых сервисов города (0,792) несовершенство мобильных приложений городских цифровых сервисов (0,762) отсутствие мобильной версии цифровых сервисов города (0,675) интерфейс большинства городских цифровых сервисов не адаптирован для мобильного телефона (0,661) непредставленность городских организаций в Интернете (0,653) трудности в нахождении значимой информации на цифровых сервисах города (0,615) отсутствие обратной связи при обращении на цифровые сервисы города (0,606) затрудненный поиск информации на цифровых сервисах города (0,558) низкое качество коммуникации городских властей и жителей в Интернете (0,556) перебои в работе сервисов и официальных сайтов города (0,510) недостаток полезной и нужной информации на цифровых сервисах города (0,495) устаревшая и неактуальная информация на цифровых сервисах города (0,491) медленное распространение нужной информации о городе в Интернете (0,457) отсутствие онлайн-путеводителя по городу (0,429) множество спама и рекламы (0,752) навязывание ненужных подписок и регистраций при получении услуг на цифровых сервисах города (0,721)	0,934
F2 Информационное принуждение и риски безопасности 15,44%	мошенничество в сети Интернет (0,656) наличие недостоверной и неактуальной информации о городе в Интернете (0,605) обилие навязчивой рекламы на цифровых сервисах города (0,596) утечка и распространение личной информации в Интернете (0,553) распространение ложной и непроверенной информации в Интернете (0,524) множество ненужной, лишней информации на цифровых сервисах города (0,516) сокрытие информации о событиях и происшествиях в городе (0,453) негативные, злые, грубые, «токсичные» комментарии в Интернете (0,727) кибербуллинг (0,605)	0,905
F3 Агрессивное поведение и низкая культура взаимодействия субъектов в сети Интернет 11,43%	отсутствие цензуры для городского цифрового контента (0,550) невежливость, грубое обращение и хамство операторов при получении услуг и товаров онлайн (0,520) низкая культура общения в сети Интернет (0,489) малочисленность городских сообществ по интересам в Интернете (0,443)	0,833
F4 Эстетическая непривлекательность городского цифрового пространства 5,48%	скучные, однообразные фотографии города в интернет-пространстве (0,785) скучный невыразительный дизайн цифровых сервисов города (0,678)	0,844

Примечание: в таблице приведены только те переменные, по которым абсолютные значения факторных нагрузок превысили 0,4.

Table 1

Results of factor analysis and reliability testing of factors as scales of stressors of digital urban environment (KMO = 0.956, Bartlett Sphericity Criterion = 10736 at p = 0.000, total explained variance of the model 52.09%)

Factor, name, explained variance	Factor Components and Their Loads	Alpha Cronbach
F1 Imperfection of the city's digital services and applications, as well as related difficulties and inconveniences for residents 19.75%	inconvenient interface of the city digital services (0.792) imperfection of mobile applications of city digital services (0.762) lack of a mobile version of the city digital services (0.675) interface of most city digital services is not adapted for cell phone (0.661) non-representation of city organizations on the Internet (0,653) difficulties in finding relevant information on the digital services of the city (0.615) lack of feedback when accessing the city's digital services (0.606) Difficulty in finding information on the digital services of the city (0.558) low quality of communication of the city authorities and residents on the Internet (0.556) interruptions in the work of services and official websites of the city (0.510) lack of useful and necessary information on the digital services of the city (0.495) outdated and irrelevant information on the digital services of the city (0.491) slow distribution of necessary information about the city on the Internet (0.457) absence of the on-line city guide (0.429) a lot of spam and advertising (0.752) imposition of unnecessary subscriptions and registrations when receiving services on the city's digital services (0.721) Internet fraud (0.656)	0.934
F2 Information coercion and security risks 15.44%	presence of unreliable and irrelevant information about the city on the Internet (0.605) abundance of obtrusive advertising on digital services in the city (0.596) leakage and distribution of personal information on the Internet (0.553) distribution of false and unverified information on the Internet (0.524) a lot of unnecessary, superfluous information on digital services of the city (0.516) withholding of information about the events and incidents in the city (0.453) Negative, angry, rude, "toxic" comments on the Internet (0.727) cyberbullying (0.605)	0.905
F3 Aggressive behavior and low culture of interaction of subjects on the Internet 11.43%	lack of censorship for urban digital content (0.550) Impoliteness, rude treatment and boorishness of operators when receiving services and goods online (0.520) low culture of communication on the Internet (0.489) Low number of urban communities of interest on the Internet (0.443)	0.833
F4 The aesthetic unattractiveness of urban digital space 5.48%	boring, monotonous photos of the city in the Internet space (0.785) dull, unimpressive design of the city's digital services (0.678)	0.844

Note: the table shows only those variables for which the absolute values of factor loadings exceeded 0.4.

Выборка

Исследование было проведено в 2020–2022 гг. в дистанционном режиме, что было обусловлено эпидемиологическими ограничениями и спецификой организации учебного процесса в образовательных организациях. Выборка 619 студентов колледжей и вузов г. Екатеринбурга в возрасте от 16 до 25 лет. После этапа сбора данных была осуществлена процедура чистки первичных таблиц, когда удалялись из общего набора результаты респондентов, демонстрирующие высокий уровень недостоверности и недобросовестности при заполнении электронных форм опросников (монотония ответов по каждому диагностическому инструменту). Итоговая выборка респондентов составила 518 человек (41% юношей, 59% девушек).

Результаты исследования

Изучение перечня стресс-факторов цифровой городской среды позволило определить наиболее субъективно тяжело переживаемые стрессовые ситуации для молодых жителей города при взаимодействии с цифровой средой мегаполиса. К ним относятся следующие факторы, имеющие медиану 3 балла (приведены в порядке убывания среднего арифметического):

- мошенничество в сети Интернет;
- навязывание ненужных подписок и регистраций при получении услуг на цифровых сервисах города;
- утечка и распространение личной информации в Интернет;
- наличие множество спама и рекламы в цифровом городском пространстве;

- обилие навязчивой рекламы на цифровых сервисах города.

Наименьшей стрессогенностью обладают следующие особенности городской цифровой среды (медиа равна 1, приведены в порядке возрастания среднего арифметического):

- большое количество пабликов и групп, в которых вынужден состоять горожанин;
- малочисленность городских сообществ по интересам в Интернете;
- отсутствие цензуры для городского цифрового контента;
- скучные, однообразные фотографии города в интернет-пространстве;
- скучный невыразительный дизайн цифровых сервисов города;

- отсутствие онлайн-путеводителя по городу;
- затрудненный поиск информации на цифровых сервисах города;
- отсутствие мобильной версии цифровых сервисов города;
- медленное распространение нужной информации о городе в Интернете;
- недостаточное количество мест в городе с доступным (бесплатным) wi-fi.

С целью выделения комплексных групп стресс-факторов цифровой городской среды в представлении молодежи был проведен факторный анализ. В результате было выделено четыре согласованных фактора (Таблица 1). Описательные статистики по полученным факторам приведены в Таблице 2.

Таблица 2
Результаты описательной статистики факторов

Статистики	Факторы			
	F1	F2	F3	F4
Среднее	1,70	2,39	1,68	1,36
Медиана	1,71	2,56	1,67	1,00
Стандартное отклонение	0,95	1,04	1,02	1,25
Асимметрия	0,07	-0,49	0,12	0,58
Экссесс	-0,67	-0,69	-0,94	-0,72
Минимум	0,00	0,00	0,00	0,00
Максимум	4,00	4,00	4,00	4,00
Статистика Колмогорова — Смирнова	0,93	2,30	1,71	3,63
Уровень значимости критерия Колмогорова — Смирнова	0,351	<0,001	0,006	<0,001

Table 2
Results of descriptive statistics of factors

Statistics	Factors			
	F1	F2	F3	F4
Average	1.70	2.39	1.68	1.36
Median	1.71	2.56	1.67	1.00
Standard deviation	0.95	1.04	1.02	1.25
Skewness	0.07	-0.49	0.12	0.58
Kurtosis	-0.67	-0.69	-0.94	-0.72
Minimum	0.00	0.00	0.00	0.00
Maximum	4.00	4.00	4.00	4.00
Kolmogorov — Smirnov test	0.93	2.30	1.71	3.63
Kolmogorov — Smirnov test, p-value	0.351	<0.001	0.006	<0.001

Результаты описательных статистик по сформированным на основе факторного анализа шкалам (сумма баллов по стресс-факторам, вошедшим в фактор, разделенная на количество стресс-факторов, вошедших в фактор) позволили заключить о незначитель-

ных отклонениях от нормального распределения для F2, F3 и F4, и наличии нормально распределенных данных по шкале F1, что дает возможность в дальнейшем с учетом объема выборки применять методы многомерной статистики.

Для оценки роли личностных характеристик в оценке субъективной значимости стресс-факторов цифровой городской среды был проведен регрессионный анализ, который позволил построить статистически значимые модели для каждого из четырех выделенных факторов. При выполнении регрессионного анализа зависимыми переменными выступали средние значения по каждой группе стресс-факторов,

а независимыми — шкалы психодиагностических методик (Таблица 3).

Объяснительная сила моделей относительно невелика (не более 10% общей объясненной дисперсии), то есть данные личностные характеристики важны, но не являются исключительно определяющими стрессовую реакцию молодых людей на негативные факторы цифрового городского пространства.

Таблица 3

Регрессионные модели (уровень значимости многокомпонентных моделей $p < 0,001$)

Зависимая переменная	Предикторы (независимые переменные)		
	Личностная характеристика	Коэффициент β	Уровень значимости, p
Несовершенство городских цифровых сервисов и приложений, а также связанные с этим затруднения и неудобства жителей	Открытость новому опыту	0,203	<0,001
	Психопатия	0,167	<0,001
	Макиавеллизм	0,108	0,019
	Нарциссизм	-0,104	0,019
Информационное принуждение и риски безопасности	Альтруизм	0,303	<0,001
	Доброжелательность	-0,147	0,001
	Открытость новому опыту	-0,097	0,026
Агрессивное поведение и низкая культура взаимодействия субъектов в сети Интернет	Эмоциональность	0,173	<0,001
	Нарциссизм	0,147	0,001
	Макиавеллизм	-0,122	0,005
Эстетическая непривлекательность городского цифрового пространства	Психопатия	0,131	0,003

Table 3

Regression models (significance level of multicomponent models $p < 0.001$)

Dependent variable	Predictors (independent variables)		
	Personal Characteristics	Coefficient β	Significance level, p
The imperfection of the city's digital services and applications, as well as the associated difficulties and inconveniences for residents	Openness to new experiences	0.203	<0.001
	Psychopathy	0.167	<0.001
	Machiavellianism	0.108	0.019
	Narcissism	-0.104	0.019
Information enforcement and security risks	Altruism	0.303	<0.001
	Kindness	-0.147	0.001
	Openness to new experiences	-0.097	0.026
Aggressive behavior and low culture of interaction of subjects on the Internet	Emotionality	0.173	<0.001
	Narcissism	0.147	0.001
	Machiavellianism	-0.122	0.005
The aesthetic unattractiveness of urban digital space	Psychopathy	0.131	0.003

Обсуждение результатов

Рассматривая наиболее субъективно значимые стресс-факторы цифровой городской среды, можно утверждать, что на первый план выступают те факторы, которые представляют прямую угрозу для безопасности и конфиденциальности жителя, а также

факторы принудительного взаимодействия с информацией, не представляющей ценности для субъекта. Это согласуется с данными разных исследователей цифрового пространства, которые отмечают высокую значимость для пользователей параметров безопасности и конфиденциальности интернет-пространства, в том числе и его реализации в рамках «умных городов», городских Интернета вещей и Интернета

людей (Badii et al., 2020). При этом вопросы социальных объединений, характеристики юзабилити (от англ. usability — степень удобства использования) цифрового пространства города не являются зоной конфликта и стресса в восприятии молодых жителей мегаполиса. Интересно, что отсутствие цензуры также не воспринимается как субъективно значимый стресс-фактор, в то время как проявления агрессии, грубость воспринимаются уже более угрожающими и вызывающими стресс у молодых людей. Во многом в этом противоречии отражается ситуация неготовности к выработке и соблюдению общих правил безопасного и экологичного взаимодействия в сети Интернет, подчинения цифровому этикету (Окушова, 2021), когда присутствует желание регламентировать поведение других людей в цифровом пространстве, но подчиняться общим правилам и ограничивать собственную свободу молодые люди не готовы (Фетисова, 2018).

Выделенные в рамках решения второй исследовательской задачи стресс-факторы цифровой городской среды позволили центрировать внимание на комплексных проблемах цифрового пространства и гибридных форм взаимодействия, к которым относятся вопросы безопасности цифрового пространства как в отношении персональных данных, так и в отношении безопасной и ненасильственной коммуникации, эргономичность, удобство использования цифровых городских сервисов, их эстетические характеристики. Разрабатываемые цифровые сервисы, предназначенные для удовлетворения потребностей жителей мегаполиса при взаимодействии с его инфраструктурой, получили активное развитие в последнее десятилетие, особенно интенсивно данные сервисы стали внедряться в условиях пандемии для обеспечения эпидемиологической безопасности. Тем не менее, этап внедрения, закономерно, сопровождается как реакцией сопротивления со стороны самих жителей (менее выражена среди представителей молодых поколений), их неготовностью к «цифровому доверию» (Козлова, Савченко, 2021), так и недоработками, и ограничениями возможностей самих цифровых сервисов (Попов, Семячков, 2019). Другой очевидной проблемой выступает информационное давление на жителя мегаполиса и частые риски нарушения информационной безопасности (Воробьева, Кружкова, 2020). Информация — основное наполнение цифрового пространства мегаполиса, а объем необходимой для обработки жителем города информации возрастает с каждым годом. При этом особую важность от человека требует оценка качества поступающей информации, ее полезности, достоверности и своевременности, что ведет за собой высокие затраты ресурсов (временных, интеллектуальных, эмоциональных и пр.) личности. Взаимодействие в цифровом городском пространстве требует от человека тщательного соблюдения норм безопасности в связи с широким распространением цифровых преступлений. «Получение преступниками в результате информационно-цифрового бума возможности обладать чрезвычайно эффективными,

не существовавшими ранее цифровыми технологиями, методами и инструментами, открывающими новые перспективы и возможности для криминальной деятельности... сделало еще более проницаемыми и уязвимыми практически все элементы жизни граждан» (Воронин, 2020, с. 77). Повышению уровня стресса в цифровом пространстве способствует также несоблюдение участниками взаимодействия норм культуры и этики поведения в сети Интернет. Наименее значимыми для жителей города выступают вопросы эстетической непривлекательности городского цифрового пространства, однако субъективная оценка здесь может не отражать в полной мере реальные эмоциональные реакции и состояния, переживаемые при непосредственном взаимодействии с цифровой средой города.

Реакция на раздражающие факторы может быть обусловлена не только характеристиками внешней среды, но и особенностями воспринимающего субъекта. Проведенное исследование позволило выявить отдельные личностные характеристики, выступающие предикторами в отношении оценки субъективной значимости стресс-факторов городской цифровой среды. К основным предикторами были отнесены негативные (деструктивные) личностные черты (психопатия, нарциссизм и макиавеллизм). При этом если психопатия является в большей степени фасилитирующим фактором для роста субъективной значимости стресс-факторов групп несовершенства городских цифровых сервисов и эстетической непривлекательности цифрового городского пространства, то нарциссизм и макиавеллизм для разных групп стресс-факторов выступают вариативно ингибиторами или фасилитаторами. Неклиническая психопатия, как правило, характеризуется импульсивностью, склонностью к риску, низкой эмпатией, плохой организованностью и непрогностичностью личности (Дериш, 2015), что может способствовать проявлениям раздражительности и враждебности в ситуациях, требующих сосредоточения и последовательных действий человека в цифровом пространстве города. Нарциссизм, как эгоистичная ориентация личности, способствует росту субъективной значимости стрессоров неэтичного поведения уже по отношению к самому человеку, и, наоборот, снижает субъективную значимость факторов стресса в ситуации технического взаимодействия с городскими цифровыми сервисами. Макиавеллизм — склонность к манипуляции и обесцениванию другого человека как равноправной личности (Иванова и др., 2021) — снижает ресурсы для преодоления стресса в обезличенном техническом взаимодействии, но повышает возможности личности при управлении социальным поведением окружающих в конфликтогенных ситуациях, что нивелирует субъективную значимость стресс-факторов третьей группы. Вариативность влияния на субъективную оценку стресс-факторов также присутствует по отношению к просоциальной черте «открытость новому опыту», когда она фасилитирует оценку

стрессогенности от столкновения с техническими трудностями взаимодействия с сервисами цифровой городской среды, но снижает стрессогенность при взаимодействии с информационными потоками.

Выводы

Таким образом, наиболее субъективно значимыми стресс-факторами для представителей молодежи в цифровом пространстве мегаполиса являются информационное принуждение и риски безопасности, связанные как с навязываемой цифровыми городскими сервисами дополнительной и не востребованной в данный момент времени пользователем информацией, так и с вероятностью нарушения конфиденциальности и безопасности персональных данных, мошенничеством в сети. Наименьшую субъективную значимость имеют стресс-факторы, связанные с эстетическими характеристиками и удобством использования цифрового городского пространства мегаполиса.

Широкий список стресс-факторов цифровой городской среды может быть разделен на четыре группы стрессоров: несовершенство городских цифровых сервисов и приложений, а также связанные с этим затруднения и неудобства жителей; информационное принуждение и риски безопасности; агрессивное поведение и низкая культура взаимодействия субъектов в сети Интернет; эстетическая непривле-

кательность городского цифрового пространства. Субъективную значимость каждой группы стресс-факторов цифровой городской среды в небольшой степени детерминируют такие личностные характеристики респондентов, как психопатия, нарциссизм, макиавеллизм, открытость новому опыту. При этом три последние характеристики имеют разнонаправленное влияние на субъективную значимость стресс-факторов цифровой городской среды разных групп, а психопатия способствует повышению субъективной оценки стрессогенности при оценке информационного принуждения и рисков безопасности, а также эстетической непривлекательности городского цифрового пространства.

Ограничения

Ограничения исследования, представленного в статье, связаны с использованием опросного метода, когда на ответы респондентов могут оказывать влияние факторы социальной желательности, симуляции неблагоприятия, актуальные эмоциональные и физиологические состояния, ретроспективные искажения и иные моменты, вызывающие погрешности в ответах. Другим ограничением выступает особенности места проживания респондентов выборки — уральский мегаполис, характеризующийся иным уровнем цифрового развития, в отличии от центральных мегаполисов России.

Список литературы

- Балюшина, Ю.Л. (2018). Репрезентация города в виртуальной среде как объект социально-философского исследования. В: Череповецкие научные чтения — 2017: Сб. тр. Всеросс. науч.-практич. конф. в 4 частях (21–22 ноября, 2017 г.). Под ред. Е.В. Целикова. Череповец: Череповецкий государственный университет.
- Балюшина, Ю.Л. (2019). Индустриальный город как виртуальный феномен (на материалах города Череповца). Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент, 9, 1(30), 212–218.
- Барковская, А.Ю., Назарова, М.П. (2014). Стресс-факторы в социокультурном пространстве современного большого города. *Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания*, 16(5), 37–42.
- Барсукова, Е.В. (2018). «Городской стресс» как психопатологический и патофизиологический феномен жизнедеятельности обитателей больших городских поселений и метод мезодиэнцефальной модуляции в лечении и коррекции состояний стрессовой и постстрессовой декомпенсации. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 7, 1(22), 247–251.
- Бодров, В.А. (2012). Психологический стресс. Развитие и преодоление: Учебное пособие. Москва: Пер Сэ.
- Воробьева, И.В., Кружкова, О.В. (2020). Стресс-факторы городской среды: восприятие молодежи. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, (3), 807–813.
- Воронин, Ю.А. (2020). Преступления в сфере обращения цифровой информации и их детерминанты. *Виктимология*, 1(23), 74–83.
- Дериш, Ф.В. (2015). Синдром «Темная триада» во взаимосвязи с базовыми свойствами личности. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1: Психологические и педагогические науки*, (1), 18–27.
- Егорова, М.С., Паршикова, О.В. (2017). Исследование структуры фактора Честность, Скромность из шестифакторного опросника личности НЕХАСО. *Психологические исследования*, 10(56). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.07.2021).
- Иванова, А.М., Комарова, О.Н., Андреев, А.М. (2021). Стилевые особенности межличностного взаимодействия сотрудников органов внутренних дел — носителей деструктивных черт. *Прикладная юридическая психология*, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilevye-osobennosti-mezhlichnostnogo-vzaimodeystviya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-nositel-ey-destruktivnyh-chert> (дата обращения: 31.08.2022).
- Кленова, М.А. (2016). Индивидуально-психологические особенности склонности к стрессу мужчин и женщин. *Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-osobennosti-sklonnosti-k-stressu-muzhchin-i-zhenschin> (дата обращения: 08.01.2022).
- Козлова, Ю.В., Савченко, И.А. (2021). Умный город: проблема цифрового доверия. *Российский экономический Вестник*, 4(5), 23–27.

- Кружкова, О.В. (2014). Индивидуальная детерминация субъективной значимости стресс-факторов городской среды в период юности. *Психологические исследования*, 7(34), <https://doi.org/10.54359/ps.v7i34.632> (дата обращения: 08.01.2022).
- Лебедева, Е.В., Денискина, А.И. (2020). Цифровая трансформация городской среды и цифровые компетенции горожан. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, (3), 101–110. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-101-110> (дата обращения: 30.01.2022).
- Матвеева, А.И., Кружкова, О.В. (2021). Репрезентация стресс-факторов мегаполисов в представлении молодежи. *Педагогическое образование в России*, (1), 76–87. https://doi.org/10.12345/2079-8717_2021_01_10 (дата обращения: 30.01.2022).
- Метелева, Е.Р. (2011). Уточнение содержания понятий «Город», «Городское развитие» и «Управление городским развитием». *Известия БГУ*, (3), 160–164.
- Окушова, Г.А. (2021). Цифровой этикет и регламенты в коммуникативном порядке социально-сетевое пространство. *Общество: социология, психология, педагогика*, 1(81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-etiket-i-reglamenty-v-kommunikativnom-poryadke-sotsialno-setevogo-prostranstva> (дата обращения: 10.11.2022).
- Панов, В.И. (2013). Экопсихологические взаимодействия: виды и типология. *Социальная психология и общество*, (3), 13–27.
- Поздняк, Е.В. (2021). Техностресс как следствие цифровизации экономики. Актуальные проблемы экспериментальной и клинической медицины: Сборник 79-й Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов (Волгоград, 21–23 апреля 2021 года). Волгоград: Волгоградский государственный медицинский университет. С. 434–435.
- Попов, Е.В., Семячков, К.А. (2019). Оптимизация процессов цифровизации городской среды. *Проблемы развития территории*, 5(103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-protseessov-tsifrovizatsii-gorodskoy-sredu> (дата обращения: 01.07.2021).
- Смолова, Л.В. (2008). Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. Санкт-Петербург: Изд-во Речь.
- Фетисова, Т.А. (2018). Агрессивное поведение в Интернет-коммуникации. Обзор. *Вестник культурологии*, 4(87), 185–193.
- Харламов, Н.А. (2007). Виртуальные города: большой город в эпоху технической воспроизводимости: В кн. Визуальный анализ виртуальной реальности. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/data/079/907/1224/Publ.02-Pokrovsky.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).
- Amin, A. (2013). The urban condition: a challenge to social science. *Public Culture*, (25), 201–208. URL: <https://doi.org/10.1215/08992363-2020548>
- Badii, C., Bellini, P., Difino, A., Nesi, P. (2020). Smart city IoT platform respecting GDPR privacy and security aspects. *IEEE Access*, (8), 23601–23623. URL: <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2968741>
- Bhugra, D., Ventriglio, A., Castaldelli-Maia, J., McCay, L. (2019). Urban mental health. Oxford: Oxford University Press.
- Chib, A., Alvarez, K., Todorovic, T. (2021). Critical Perspectives on the Smart City: Efficiency Objectives vs Inclusion Ideals. *Journal of Urban Technology*, 29(4), 83–99. URL: <https://doi.org/10.1080/10630732.2021.2001712>
- Corcoran, R., Mansfield, R., Giokas, T., Hawkins, A., Bamford, L., Marshall, G. (2017). Places change minds: exploring the psychology of urbanicity using a brief contemplation method. *SAGE Open*, 7(2), 1–11. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244017707004>
- Dykas, M.J., Goplen, J., Ewart, C.K., Gump, B.B. (2021). Early Adolescents' Risk Taking Propensity, Urban Stress, and Affiliation With Risky Peers. *Journal of Early Adolescence*, 41(5), 683–699. URL: <https://doi.org/10.1177/0272431620939192>
- Fischer, T., Riedl, R. (2017). Technostress research: a nurturing ground for measurement pluralism. *Communications of the Association for Information Systems*, (40), 375–401. URL: <https://doi.org/10.17705/1>
- Iaione, C., De Nicolis, E., Suman, A.B. (2019). The Internet of Humans (IoH): Human Rights and Co-Governance to Achieve Tech Justice in the City. *Law and Ethics of Human Rights*, 13(2), 263–299. URL: <https://doi.org/10.1515/lehr-2019-2008>
- Kotus, J., Rzeszewski, M., Olejniczak, A. (2022). Material and digital dimensions of urban public spaces through the lens of social distancing. *Cities*, (130), 103656. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103856>
- Kruzhkova, O.V., Simonova, I.A., Ljovkina, A.O., Krivoshechikova M.S. (2021). Vandal Practices as a Psychological Response to the COVID-19 Pandemic. *Changing Societies & Personalities*, 5(3), 452–480. URL: <https://doi.org/10.15826/csp.2021.5.3.145>
- Lederbogen, F., Kirsch, P., Haddad, L., Streit, F., Tost, H., Schuch, P., Meyer-Lindenberg, A. (2011). City living and urban upbringing affect neural social stress processing in humans. *Nature*, 474(7352), 498–501. URL: <https://doi.org/10.1038/nature10190>
- Oksanen, A., Oksa, R., Savela, N., Mantere, E., Savolainen, I., Kaakinen, M. (2021). COVID-19 crisis and digital stressors at work: A longitudinal study on the Finnish working population. *Computers in Human Behavior*, 122(8), 106853. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106853>
- Piekut, A., Valentine, G. (2017). Spaces of encounter and attitudes towards difference: a comparative study of two European cities. *Social Science Research*, (62), 175–188. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.08.005>
- Richaud, L., Amin, A. (2019). Mental health, subjectivity and the city: an ethnography of migrant stress in Shanghai. *International Health*, 11(1), 7–13. URL: <https://doi.org/10.1093/inthealth/ihz029>
- Seo, J., Lee, C.-S., Lee, Y.-J., Bhang, S.-Y., Lee, D. (2021). The type of daily life stressors associated with social media use in adolescents with problematic internet/smartphone use. *Psychiatry Investigation*, 18(3), 241–248. URL: <https://doi.org/10.30773/pi.2020.0060>
- Simonsen, K. (2007). Practice, spatiality and embodied emotions: an outline of a geography of practice. *Human Affairs*, 17(2), 168–181. URL: <https://doi.org/10.2478/v10023-007-0015-8>
- Wilson, H.F. (2017). On geography and encounter: Bodies, borders, and difference. *Progress in Human Geography*, 41(4), 451–471. URL: <https://doi.org/10.1177/0309132516645958>

References

- Amin, A. (2013). The urban condition: a challenge to social science. *Public Culture*, (25), 201–208. <https://doi.org/10.1215/08992363-2020548>
- Badii, C., Bellini, P., Difino, A., Nesi, P. (2020). Smart city IoT platform respecting GDPR privacy and security aspects. *IEEE Access*, (8), 23601–23623. URL: <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2968741>
- Balyushina, Yu.L. (2017). Representation of the city in the virtual environment as an object of socio-philosophical research: The collection Cherepovets Scientific Readings – 2017. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference: in 4 parts. In: E.V. Tselikova. (November 21–22, 2017). Cherepovets: Cherepovets State University. (In Russ.).
- Balyushina, Yu.L. (2019). Industrial City as a Virtual Phenomenon (based on Cherepovets). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment (Proceedings of Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management)*, 9, 1(30), 212–218. (In Russ.).

- Barkovskaya, A.Yu., Nazarova, M.P. (2014). Stress Factors in the Socio-Cultural Space of the Modern Big City. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. Seriya: Problemy Sotsial'no-Gumanitarnogo Znaniya (Izvestia of Volgograd State Technical University. Series: Problems of Socio-Humanitarian Knowledge)*, 16(5), 37–42. (In Russ.).
- Barsukova, E.V. (2018). “Urban stress” as a psychopathological and pathophysiological phenomenon of inhabitants of large urban settlements and the method of mesodiencephalic modulation in the treatment and correction of stress and post-stress decompensation states. *Azimut Nauchnykh Issledovaniy: Pedagogika i Psikhologiya (Research Azimuth: Pedagogy And Psychology)*, 7, 1(22), 247–251. (In Russ.).
- Bhugra, D., Ventriglio, A., Castaldelli-Maia, J., McCay, L. (2019). *Urban mental health*. Oxford: Oxford University Press.
- Bodrov, V.A. (2012). *Psychological Stress. Development and overcoming: Textbook*. Moscow: Per Se. (In Russ.).
- Chib, A., Alvarez, K., Todorovic, T. (2021). Critical Perspectives on the Smart City: Efficiency Objectives vs Inclusion Ideals. *Journal of Urban Technology*, 29(4), 83–99. <https://doi.org/10.1080/10630732.2021.2001712>
- Corcoran, R., Mansfield, R., Giokas, T., Hawkins, A., Bamford, L., Marshall, G. (2017). Places change minds: exploring the psychology of urbanicity using a brief contemplation method. *SAGE Open*, 7(2), 1–11. <https://doi.org/10.1177/2158244017707004>
- Derish, F.V. (2015). The Dark Triad Symptom Complex in Correlation with Basic Personality Properties. *Vestnik Permskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya 1: Psikhologicheskie i Pedagogicheskie Nauki (Bulletin of Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Series 1: Psychological and Pedagogical Sciences)*, (1), 18–27. (In Russ.).
- Dykas, M.J., Goplen, J., Ewart, C.K., Gump, B.B. (2021). Early Adolescents' Risk Taking Propensity, Urban Stress, and Affiliation With Risky Peers. *Journal of Early Adolescence*, 41(5), 683–699. <https://doi.org/10.1177/0272431620939192>
- Egorova, M.S., Parshikova, O.V. (2017). A study of the structure of the factor Honesty, Modesty from the six-factor HEXACO personality questionnaire. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 10(56). (In Russ.).
- Fetisova, T.A. (2018). Aggressive behavior in Internet communication. Review. *Vestnik Kul'turologii (Bulletin of Cultural Studies)*, 4(87), 185–193. (In Russ.).
- Filin, V.A. (2006). Video ecology. What's good for the eye and what's bad for the eye. Moscow: Videoekologiya. (In Russ.).
- Fischer, T., Riedl, R. (2017). Technostress research: a nurturing ground for measurement pluralism. *Communications of the Association for Information Systems*, (40), 375–401. <https://doi.org/10.17705/1>
- Iaione, C., De Nicolis, E., Suman, A.B. (2019). The Internet of Humans (IoH): Human Rights and Co-Governance to Achieve Tech Justice in the City. *Law and Ethics of Human Rights*, 13(2), 263–299. <https://doi.org/10.1515/lehr-2019-2008>
- Ivanova, A.M., Komarova, O.N., Andreev, A.M. (2021). Style features of interpersonal interaction of employees of internal affairs bodies — bearers of destructive traits. *Prikladnaya Yuridicheskaya Psikhologiya (Applied Legal Psychology)*, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilevye-osobennosti-mezhlichnostnogo-vzaimodeystviya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-nositeley-destruktivnyh-chert> (access date: 31.08.2022) (In Russ.).
- Kharlamov, N.A. (2007). Virtual Cities: The Big City in the Age of Technological Reproducibility: In: *Visual Analysis of Virtual Reality*. Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE. URL: <https://www.hse.ru/data/079/907/1224/Publ.02-Pokrovsky.pdf> (access date: 01.08.2022) (In Russ.).
- Klenova, M.A. (2016). Individual-psychological features of the propensity to stress of men and women. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya (Saratov University Bulletin. Series: Acmeology of Education. Psychology of Development)*, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-osobennosti-sklonnosti-k-stressu-muzhchin-i-zhenschin> (access date: 08.01.2022) (In Russ.).
- Kotus, J., Rzeszewski, M., Olejniczak, A. (2022). Material and digital dimensions of urban public spaces through the lens of social distancing. *Cities*, (130), 103656. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103856>
- Kozlova, Yu.V., Savchenko, I.A. (2021). Smart City: The Problem of Digital Trust. *Russian Economic Bulletin*, 4(5), 23–27. (In Russ.).
- Kruzhkova, O.V. (2014). Individual determination of the subjective significance of stress factors in the urban environment during adolescence. *Psikhologicheskiye Issledovaniya (Psychological Research)*, 7(34). (In Russ.).
- Kruzhkova, O.V., Simonova, I.A., Ljovkina, A.O., Krivoshechekova, M.S. (2021). Vandal Practices as a Psychological Response to the COVID-19 Pandemic. *Changing Societies & Personalities*, 5(3), 452–480. <https://doi.org/10.15826/csp.2021.5.3.145>
- Lebedeva, E.V., Deniskina, A.I. (2020). Digital transformation of the urban environment and digital competencies of citizens. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya (Journal of Belarusian State University. Sociology)*, (3), 101–110. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-101-110> (access date: 08.01.2022). (In Russ.).
- Lederbogen, F., Kirsch, P., Haddad, L., Streit, F., Tost, H., Schuch, P., Meyer-Lindenberg, A. (2011). City living and urban upbringing affect neural social stress processing in humans. *Nature*, 474(7352), 498–501. <https://doi.org/10.1038/nature10190>
- Matveeva, A.I., Kruzhkova, O.V. (2021). Representation of the stressors of megacities in the perception of young people. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii (Pedagogical Education in Russia)*, (1), 76–87. URL: https://doi.org/10.12345/2079-8717_2021_01_10 (access date: 30.01.2022). (In Russ.).
- Meteleva, E.R. (2011). Clarification of the content of the concepts of “City”, “Urban Development” and “Urban Development Management”. *Izvestiya BGU (BSU Proceedings)*, (3), 160–164. (In Russ.).
- Oksanen, A., Oksa, R., Savela, N., Mantere, E., Savolainen, I., Kaakinen, M. (2021). COVID-19 crisis and digital stressors at work: A longitudinal study on the Finnish working population. *Computers in Human Behavior*, 122(8), 106853. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106853>
- Okushova, G.A. (2021). Digital etiquette and regulations in the communicative order of the social network space. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika (Society: Sociology, Psychology, Pedagogy)*, 1(81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-etiket-i-reglamenty-v-kommunikativnom-poryadke-sotsialno-setevogo-prostranstva> (access date: 10.11.2022). (In Russ.).
- Panov, V.I. (2013). Ecopychological interactions: types and typology. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo (Social Psychology and Society)*, (3), 13–27. (In Russ.).
- Piecut, A., Valentine, G. (2017). Spaces of encounter and attitudes towards difference: a comparative study of two European cities. *Social Science Research*, (62), 175–188. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.08.005>
- Popov, E.V., Semyachkov, K.A. (2019). Optimizing the digitalization of the urban environment. *Problemy Razvitiya Territorii (Problems of Territorial Development)*, 5(103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-protsessov-tsifrovizatsii-gorodskoy-sredy> (access date: 01.07.2021) (In Russ.).
- Pozdnyak, E.V. (2021). Technostress as a consequence of the digitalization of the economy. Current Problems of Experimental and Clinical Medicine: Proceedings of the 79th International Scientific-Practical Conference of Young Scientists and Students, (April 21–23) (pp. 434–435). Volgograd: Volgograd State Medical University. (In Russ.).

- Richaud, L., Amin, A. (2019). Mental health, subjectivity and the city: an ethnography of migrant stress in Shanghai. *International Health*, 11(1), 7–13. <https://doi.org/10.1093/inthealth/ihz029>
- Seo, J., Lee, C.-S., Lee, Y.-J., Bhang, S.-Y., Lee, D. (2021). The type of daily life stressors associated with social media use in adolescents with problematic internet/smartphone use. *Psychiatry Investigation*, 18(3), 241–248. <https://doi.org/10.30773/pi.2020.0060>
- Simonsen, K. (2007). Practice, spatiality and embodied emotions: an outline of a geography of practice. *Human Affairs*, 17(2), 168–181. <https://doi.org/10.2478/v10023-007-0015-8>
- Smolova, L.V. (2008). Introduction to the psychology of interaction with the environment. Saint Petersburg: Rech. (In Russ.).
- Vorob'eva, I.V., Kruzhkova, O.V. (2020). Stressors of the Urban Environment: Perceptions of Youth. *Gertsenovskie Chteniya: Psikhologicheskie Issledovaniya v Obrazovanii (Herzen Readings: Psychological Research in Education)*, (3), 807–813. (In Russ.).
- Voronin, Yu.A. (2020). Crimes in the field of circulation of digital information and their determinants. *Viktimologiya (Victimology)*, 1(23), 74–83. (In Russ.).
- Wilson, H.F. (2017). On geography and encounter: Bodies, borders, and difference. *Progress in Human Geography*, 41(4), 451–471. <https://doi.org/10.1177/0309132516645958>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Ольга Владимировна Кружкова, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Российская Федерация, galiatl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>

Olga V. Kruzhkova, Cand. Sci. (Psychology), Head of the Laboratory of Advanced Sociomedial Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation, galiatl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>



Ирина Владимировна Воробьева, кандидат психологических наук, начальник управления научных исследований Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Российская Федерация, lorisha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0561-3888>

Irina V. Vorobyeva, Cand. Sci. (Psychology), Head of Research Department, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation, lorisha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0561-3888>



Алена Игоревна Матвеева, научный сотрудник управления научных исследований Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Российская Федерация, lyonchik_7777@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-3458>

Alena I. Matveeva, Researcher, Research Associate, Department of Scientific Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation, lyonchik_7777@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-3458>



Наталья Евгеньевна Жданова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии образования и профессионального развития Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург, Российская Федерация, zne1976@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6596-5685>

Natalia E. Zhdanova, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Psychology of Education and Professional Development, Russian State Professional and Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation, zne1976@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6596-5685>

Поступила: 01.09.2022; получена после доработки: 29.11.2022; принята в печать: 02.02.2024.

Received: 01.09.2022; revised: 29.11.2022; accepted: 02.02.2024.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0113>
УДК/UDC 378.124

Психологические предикторы профессиональной активности преподавателей вузов

Д.В. Бердникова ✉

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ dariyab@bk.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время, в связи с реформированием системы высшего образования, актуальной задачей является изучение тех характеристик преподавателя вуза, которые лежат в основе его способности быть субъектом своего труда. Одна из таких характеристик — профессиональная активность, которая является ядром субъектности специалиста и выступает как предиктор профессионального и личностного развития. Исходя из этого, на сегодняшний день очевидна необходимость изучения структуры, факторов и динамики профессиональной активности преподавателей вузов. Исследование данного психологического феномена даст нам возможность разработать эффективную систему методов развития профессиональной активности.

Цель. Изучить и описать психологические предикторы профессиональной активности преподавателей вузов, составить уравнение профессиональной активности.

Выборка. 445 преподавателей из разных университетов России, 150 мужчин и 295 женщин в возрасте от 24 до 83 лет.

Методы. В исследовании использовались следующие методики: авторская исследовательская методика профессиональной активности и авторская анкета профессиональной активности, опросник формально-динамических свойств темперамента В.М. Русалова и опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева.

Результаты. Показано, что к числу предикторов профессиональной активности относятся пол ($\beta = 0,10$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ для исследовательской методики; $\beta = 0,16$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты), стаж педагогической деятельности ($\beta = 0,21$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты), формально-динамические свойства индивидуальности: общий уровень активности ($\beta = 0,20$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ для исследовательской методики; $\beta = 0,18$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты), рефлексия: системная рефлексия ($\beta = 0,31$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ для исследовательской методики; $\beta = 0,15$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты) и интроспекция ($\beta = -0,34$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ для исследовательской методики; $\beta = -0,15$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты).

Выводы. Формирование и развитие профессиональной активности, с одной стороны, обуславливают природные качества, а именно общий уровень активности (эргичность, пластичность и скорость реакций в психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной сферах), с другой стороны, качества, свидетельствующие о зрелости личности: системная рефлексия. Полученные данные можно использовать при разработке тренинга профессиональной активности. Конечно, объективные параметры и свойства темперамента не поддаются коррекции. Но можно учитывать их в работе, обеспечивая тем самым индивидуальный подход, и делать акцент на развитии системной профессиональной рефлексии.

Ключевые слова: профессиональная активность, преподаватели вузов, предикторы профессиональной активности, рефлексия, системная рефлексия, общий уровень активности

Для цитирования: Бердникова, Д.В. (2024). Психологические предикторы профессиональной активности преподавателей вузов. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 187–196. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0113>

Psychological Predictors of Professional Activity in University Teachers

D.V. Berdnikova ✉

Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russian Federation

✉ dariyab@bk.ru

Abstract

Background. Currently, in connection with the reform in the system of higher education, studying characteristics of the university teacher that are the basis of ability to be a subject of work is a relevant task. Professional activity is one of these characteristics, which is a predictor of professional and personal development. Based on this, the need to study the structure, factors and dynamics of professional activity of university teachers is obvious. The study of this psychological phenomenon will give us the opportunity to create an effective system of methods for the development of professional activity.

Objective. The goal is to study and describe objective and psychological predictors of professional activity in university teachers, compiling a professional activity equation.

Study Participants. 445 teachers from different universities in Russia, 150 men and 295 women aged 24 to 83 years were involved in the study.

Methods. We used the following methods: research questionnaire of professional activity and a form on professional activity, a questionnaire of formal-dynamic properties of temperament by V.M. Rusalov and a questionnaire "Differential type of reflection" by D.A. Leontyev.

Results. It has been shown that the predictors of professional activity include gender ($\beta = 0,10$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ for research questionnaire of professional activity; $\beta = 0,16$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ for a question form on professional activity), experience of pedagogical activity ($\beta = 0,21$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ for a question form on professional activity), formal-dynamic properties of individuality: total level of activity ($\beta = 0,20$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ for research questionnaire of professional activity; $\beta = 0,18$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ for a question form on professional activity) and reflection: systemic reflection ($\beta = 0,31$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ for research questionnaire of professional activity; $\beta = 0,15$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ for a question form of professional activity) and introspection ($\beta = -0,34$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ for research questionnaire of professional activity; $\beta = -0,15$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ for a question form of professional activity).

Conclusions. The development of professional activity is determined by natural qualities, namely the general level of activity on the one hand. While, on the other hand, qualities that indicate the maturity of the personality as systemic reflection also determine professional activity. The data can be used in the development of professional activity training. Of course, the objective parameters and properties of temperament cannot be corrected. However, we can take them into account in our work, providing an individual approach, and focusing on the development of systemic professional reflection.

Keywords: professional activity, university teachers, predictors of professional activity, reflection, systemic reflection, general activity level

For citation: Berdnikova, D.V. (2024). Psychological predictors of professional activity in university teachers. *National Psychological Journal*, 19(1), 187–196. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0113>

Введение

В настоящее время профессиональная деятельность преподавателя вуза претерпевает существенные изменения. Это обуславливается как общемировыми тенденциями в образовании, так и тенденциями развития высшего образования конкретно в России (перестройка системы образования под западные образцы, быстро сменяющиеся образовательные тренды, переход от знаниевой парадигмы к компетентност-

ному подходу, интенсивная цифровая трансформация) (Смоляков, 2021; Зинченко, Дорожкин, Зеер, 2020; Асташова и др., 2020; Бернс и др., 2020; Другова, 2019; Елина и др., 2019).

Происходящие изменения неизбежно влекут за собой повышение нагрузки на преподавателя (Рафсанджани и др., 2022; Клименко и др., 2020). Педагогу необходимо овладеть современными образовательными технологиями и грамотно их использовать для эффективной реализации целей обучения (Бордовская и др., 2020; Батракова и др., 2021), постоянно

пересматривать структуру, концепцию лекций, находить баланс между разными формами обучения (Демина, Тепленева, 2020), выполнять не столько информационную, сколько организационную функцию, качественно организовывать самостоятельную работу студентов, выполнять большое количество бумажной работы (отчеты, составление программ и пр.), грамотно совмещать разных функционал: преподавание, научная деятельность, методическая работа (Москвина, Фишман, 2020; Алавердов, 2019). Существенно увеличила нагрузку на педагогов и ситуация пандемии, повлекшая за собой переход на дистанционное обучение (Тюриков и др., 2022; Рогозин, и др., 2021).

Можно сделать вывод, что для успешного осуществления своей профессиональной деятельности преподаватель вуза сегодня должен обладать большим набором разнообразных компетенций (Ефимова и др., 2021), постоянно повышать свою квалификацию (Лысаков, Лысакова, 2021), быстро и гибко адаптироваться к изменяющимся социальным условиям и условиям профессиональной среды и обладать преадаптацией — психологической готовностью к будущему, которое еще не наступило.

Соответственно, актуальной задачей является выявление и развитие тех характеристик человека, которые лежат в основе его способности быть субъектом своего труда, повышение продуктивности научно-педагогических работников. Об этом, в частности, пишут (Зборовский, Амбарова, 2022; Гуцу, Чилипенко, 2018).

Одна из таких характеристик — профессиональная активность, которая является ядром субъектности специалиста и выступает как предиктор профессионального и личностного развития. Именно активность обеспечивает становление человека как профессионала, позволяет ему постоянно совершенствоваться, преодолевать препятствия, управлять достижением своих целей, находить ресурсы и возможности для развития в быстро меняющейся профессиональной среде, даже если сейчас она является для него неблагоприятной.

На текущий момент нет четких и комплексных определений понятия «профессиональная активность», данный конструкт рассматривается, с одной стороны, как интегральное свойство личности, включающее в себя различные уровни и компоненты, с другой стороны, как динамическое свойство, самодвижение активности (Мусина, 2012; Антошкина, 2013; Андрущенко, 2010). Профессиональная активность представляет собой стремление к постоянному профессиональному развитию, она внутренне детерминирована и является проявлением субъектной активности: человек сам организует свою активность, контролирует ее, определяет меру своей включенности в профессиональную деятельность.

Изучение предикторов профессиональной активности, которые вносят положительный и отрицательный вклад в ее становление, является актуальной

задачей, решение которой позволит разработать эффективные методы развития активности. Это, в свою очередь, будет способствовать профессиональной самореализации педагогов, формированию у преподавателей творческого отношения к профессии, сохранению ими профессионального здоровья, а также будет выступать в качестве профилактики профессиональных деструкций и профессионального маргинализма (Садовникова, Мирзаахмедов, 2019).

Описание хода исследования

В рамках исследования изучались предикторы профессиональной активности: возраст, пол, стаж педагогической деятельности, формально-динамические свойства индивидуальности и рефлексия. Объективные предикторы были выделены на основе анализа теоретических источников, посвященных вопросам профессионального развития педагогов. Выбор психологических предикторов обусловлен гипотезой о том, что на профессиональную активность, с одной стороны, должны влиять формально-динамические свойства индивидуальности, с другой, качества, формирующиеся в течение жизни и свидетельствующие об умении человека самодистанцироваться, оценивать себя и свою деятельность со стороны (системная рефлексия). В основе гипотезы лежат теоретические представления В.Д. Небылицына (Небылицын, 1976) о том, что формальные свойства активности зависят от свойств ЦНС, и концепция Л.Ф. Алексеевой (Алексеева, 1997), согласно которой активность — интегральное свойство, проявляющееся на трех уровнях: психофизиологическом, психическом и личностном. Также гипотеза базируется на концепции субъектной активности А.К. Осницкого (Осницкий, 1996), в рамках которой активность рассматривается с позиции осознанности, саморегуляции, контроля за деятельностью, что, с нашей точки зрения, непосредственно связано с рефлексией.

Выборка

Выборку исследования составили 445 преподавателей гуманитарных (188), технических (89), естественно-научных и математических (67), экономических (54), юридических (14), медицинских (10) специальностей из различных вузов Российской Федерации, в том числе федерального и регионального уровня (УрФУ, УрГПУ, ЮУрГУ, НГУ и др.). Ряд преподавателей (23 человека) не указали информацию о своей специализации. Поскольку исследование проводилось только на преподавателях классических и технических вузов, мы не можем экстраполировать полученные данные на педагогов других вузов: медицинских, юридических и пр.

Участие в исследовании приняли 150 мужчин и 295 женщин в возрасте от 24 до 83 лет, из них 2 преподавателей в возрасте до 25 лет (0,01%), 24 — от 25 до

29 лет (5%), 55 — от 30 до 34 лет (12%), 71 — от 35 до 39 лет (16%), 70 — от 40 до 44 лет (16%), 48 — от 45 до 49 лет (11%), 50 — от 50 до 54 лет (11%), 38 — от 55 до 59 лет (9%), 29 — от 60 до 64 лет (7%), 58 — от 65 и старше (13%). Если мы обратимся к статье В.Н. Рудакова (Рудаков, 2020), где представлены данные по распределению профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования по возрастным группам за 2019 год, то увидим, что данные практически по всем возрастным группам совпадают с нашими в процентном соотношении. Исключение составляет группа старше 65 лет, у нас ее численность меньше, и она резко не выделяется среди других групп.

Методы исследования

Исследование было проведено в 2020–2021 гг. Преподавателям предлагалось заполнить ряд методик с использованием сервиса Google Forms.

Нами использовались следующие методики: исследовательская авторская методика профессиональной активности и авторская анкета профессиональной активности, опросник формально-динамических свойств темперамента В.М. Русалова и опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева.

Исследовательская методика разработана на основе эмпирико-теоретической модели профессиональной активности по направленности, которая была получена нами в ходе пилотного исследования преподавателей вузов. Методика позволяет определить степень выраженности профессиональной активности в целом и различных типов ее направленности. Опросник включает в себя следующие шкалы: «Направленность на внешний мир», «Направленность на внутренний мир», «Направленность на стабильность», «Направленность на функционал», «Рациональные компоненты профессиональной активности», «Иррациональные компоненты профессиональной активности», «Общий показатель профессиональной активности».

Рассмотрим каждую шкалу более подробно.

Шкала «Внешний мир» предполагает, что фокус внимания человека — профессиональная среда (коллеги, студенты) и ее возможности. Субшкала «Внешний мир: рациональный компонент» отражает стремление человека контактировать с миром в положительном ключе: учиться, взаимодействовать, обмениваться опытом, не только брать, но и давать, вносить свой позитивный вклад в мир, делать его лучше, служить людям, с интересом реагировать на новые вызовы, на происходящие изменения в профессиональной среде в соответствии со своими целями и развиваться посредством этого. Субшкала «Внешний мир: иррациональный компонент» предполагает, что профессиональная активность человека проявляется по типу реактивности: чрезмерная откликаемость на все, что происходит вовне, стремление брать за любые возможности и неспособность сконцентри-

роваться на чем-то одном, чрезмерная зависимость от мнения окружающих, их оценки, игнорирование себя.

Шкала «Внутренний мир» характеризуется тем, что фокус внимания человека направлен на себя: на свое профессиональное развитие. Субшкала «Внутренний мир: рациональный компонент» предполагает стремление человека к саморазвитию, к постоянному наращиванию своей профессиональной компетентности, самостоятельность в принятии профессиональных решений. Субшкала «Внутренний мир: иррациональный компонент» отражает чрезмерную сосредоточенность человека на себе, стремление брать, а не давать, стремление быть максимально независимым от организационных правил и предписаний.

Шкала «Стабильность» связана с потребностью человека сделать свою профессиональную жизнь максимально предсказуемой. Субшкала «Стабильность: рациональный компонент» характеризуется стремлением и умением человека планировать свою деятельность, прогнозировать и оценивать ее результаты. Субшкала «Стабильность: иррациональный компонент» предполагает, что человек избегает ситуаций неопределенности, возможностям профессионального роста предпочитает безопасность и привычную деятельность на одном и том же месте работы.

Шкала «Функционал» отражает направленность человека прежде всего на дело, на осуществление своих профессиональных функций. Субшкала «Функционал: рациональный компонент» отражает ответственное отношение человека к выполнению своих обязанностей, где реализация действий достигается главным образом за счет выносливости и усидчивости. Субшкала «Функционал: иррациональный компонент» предполагает отсутствие у человека мотивации к профессиональному росту, пассивное выполнение своей работы без стремления внести в нее что-то свое, избегание контактов с другими людьми.

Также посредством методики можно в целом посмотреть выраженность рациональных и иррациональных элементов суммарно по всем подструктурам профессиональной активности и рассчитать ее общий показатель посредством вычета из баллов шкалы «Рациональные компоненты профессиональной активности» баллов по шкале «Иррациональные компоненты профессиональной активности».

Опросник состоит из 32 вопросов, которые делятся на 4 блока по 8 вопросов в соответствии с моделью: 1-й блок — «Направленность на внешний мир», 2-й блок — «Направленность на внутренний мир», 3-й блок — «Направленность на стабильность», 4-й блок — «Направленность на функционал». При этом в каждом блоке 4 вопроса отражают рациональные проявления данного типа направленности профессиональной активности, а 4 — иррациональные, итого получается 4 шкалы и 8 субшкал.

При создании данной методики была использована модификация шкалы Р. Лайкерта с градацией отве-

тов от 1, что соответствует варианту «совершенно не согласен, это совсем не про меня», до 4, что означает «абсолютно согласен, это как раз про меня».

Методика обладает внутренней согласованностью (альфа Кронбаха = 0,68), одномоментной надежностью (коэффициент корреляции Спирмена между отдельными пунктами опросника и тремя итоговыми показателями теста (рациональная профессиональная активность, иррациональная, итоговый показатель профессиональной активности) варьировал от -0,46 до 0,61). Конкурентная валидность методики измерялась посредством анализа корреляционных связей между ее шкалами и суммарным показателем профессиональной активности по опроснику В.П. Мусиной (Мусина, 2012), надежность и валидность которого подтверждена. Корреляция между итоговыми показателями профессиональной активности составляет 0,56 ($r_{\text{крит}} = 0,10$ при $p \leq 0,05$; $r_{\text{крит}} = 0,13$ при $p \leq 0,01$). С целью оценки эмпирической валидности были проанализированы корреляционные связи между итоговыми показателями профессиональной активности по исследовательской методике и по разработанной нами анкете профессиональной активности в деятельности. Корреляция здесь составляет 0,41 ($r_{\text{крит}} = 0,10$ при $p \leq 0,05$; $r_{\text{крит}} = 0,13$ при $p \leq 0,01$), что может рассматриваться как одно из подтверждений эмпирической валидности опросника.

Анкета отражает показатель результативности преподавателя в профессиональной деятельности. Она базируется на выделении объективных параметров эффективности научной и педагогической деятельности (например, публикации в рейтинговых журналах, участие в конференциях в статусе докладчика и уровень конференций, использование при чтении курсов современных научных данных, разработка собственных курсов и пр.), а также на компетенциях, которыми должен обладать преподаватель вуза. Анкета состоит из 21 вопроса, к каждому из которых дается 3 варианта ответа. Каждому варианту ответа присваивается определенное количество баллов, которые впоследствии суммируются. Это дает возможность определить общий показатель профессиональной активности в деятельности.

Обращение к опроснику В.М. Русалова объясняется тем, что он позволяет определить общий уровень активности человека в единстве ее психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной составляющих. Мы предполагаем, что уровень общей активности должен выступать необходимой основой для формирования субъектной, профессиональной активности. В свою очередь, уровень общей эмоциональности, который также измеряет методика, может негативно влиять на становление и развитие активности преподавателей вуза. Опросник содержит 12 основных шкал, которые позволяют оценить сформированность 4 базовых свойств нервной системы: эргичности, пластичности, скорости и эмоциональ-

ности в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах.

Выбор опросника Д.А. Леонтьева для оценки степени сформированности рефлексии у испытуемых обусловлен тем, что здесь четко разграничиваются 3 типа рефлексии, один из которых — конструктивный, а два — деструктивные. Это дает возможность определить влияние рефлексии на профессиональную активность, выявить, какие конкретно типы рефлексии способствуют развитию профессиональной активности, что, в свою очередь, предоставляет материал для включения в программу повышения профессиональной активности различных техник работы с типами рефлексии. Методика включает в себя 3 шкалы: «Системная рефлексия», «Интроспекция», «Квасирефлексия».

Для статистического анализа данных использовался метод регрессионного анализа. Расчеты производились в программе Statistica.

Результаты исследования

Поскольку регрессионный анализ используется только для шкал с нормальным распределением данных, мы проанализировали коэффициенты асимметрии для всех шкал исследовательской методики. Коэффициент асимметрии выше критических значений — только по шкалам «Рациональные компоненты профессиональной активности» и «Иррациональные компоненты профессиональной активности». По остальным шкалам, в том числе по итоговому показателю, асимметрии нет, что дает основания предположить, что распределение соответствует нормальному. Для шкал «Рациональные компоненты профессиональной активности» и «Иррациональные компоненты профессиональной активности» была проведена z-стандартизация данных, чтобы к ним тоже мог применяться регрессионный анализ.

Предиктором субъективно оцениваемой профессиональной активности, измеренной по исследовательской методике, является пол (женский) ($\beta = 0,10$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$), из чего мы можем сделать вывод, что профессиональная активность женщин выше, чем у мужчин. Еще один фактор профессиональной активности — индекс общей активности ($\beta = 0,20$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$), отражающий показатели эргичности, пластичности, скорости процессов в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сфере. Отсюда следует, что он представляет собой базу для формирования и развития субъектной активности человека. Предиктором субъективно оцениваемой профессиональной активности является рефлексия: системная рефлексия ($\beta = 0,31$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$), интроспекция (отрицательный вклад, $\beta = -0,34$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$). В соответствии с представлениями Д.А. Леонтьева и др. (Леонтьев, Осин, 2014), системная рефлексия

обеспечивает способность человека к самодистанцированию, а интроспекция, напротив, предполагает, что фокус внимания человека сосредоточен на себе, на своих переживаниях.

Предикторами результативности профессиональной активности, оцениваемой с помощью анкеты, также являются пол (женский) ($\beta = 0,16$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$), индекс общей активности ($\beta = 0,18$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$), системная рефлексия ($\beta = 0,15$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$), интроспекция (отрицательный вклад, $\beta = -0,15$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$). Кроме этого, предиктор результативности профессиональной активности — стаж профессиональной деятельности ($\beta = 0,21$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$). Соответственно, чем выше стаж и, как следствие, больше профессиональный опыт, тем выше у человека результаты его активности в научной и педагогической деятельности: публикации статей в рейтинговых журналах, участие в престижных конференциях, выигранные гранты на научные исследования, собственные курсы, использование инновационных и авторских методов обучения студентов и пр.

Возраст, а также такие параметры, как индекс общей эмоциональности и квазирефлексия, не являются предикторами профессиональной активности и ее результативности в соответствии с данными, полученными в результате регрессионного анализа.

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что женщины-преподаватели вузов обладают более высокой профессиональной активностью, чем мужчины. На сегодняшний день, как отмечают А.В. Березина и др. (Березина, Витюховская, 2014), идет активный процесс «феминизации» российской науки и высшего образования. Этот факт и более высокую профессиональную активность женщин авторы связывают с их адаптивностью, гибкостью, коммуникабельностью, способностью быстро переучиваться и легче воспринимать новые идеи, конкретным мышлением и ориентированностью на получение необходимого результата. Кроме того, если мы говорим конкретно о педагогической деятельности, часто отмечается, что женщины предрасположены к ней больше, чем мужчины.

Также может быть и иное объяснение, связанное с тем, что мужчины просто более критично относятся к качеству своих знаний и различным аспектам своей профессиональной активности, чем женщины. Данный факт был выявлен в исследовании Т.В. Богдановой (Богданова, 2016), посвященном изучению профессиональной идентичности преподавателей вузов.

Закономерным является то, что профессиональную активность детерминирует индекс общей активности. Индекс общей активности, куда входят психомоторная, интеллектуальная и коммуникативная актив-

ность, обеспечивает выносливость преподавателя, которая необходима для осуществления профессиональной деятельности, способность быстро приспосабливаться к изменениям в профессиональной среде, что особенно актуально в условиях ее постоянных трансформаций, способность эффективно решать профессиональные задачи и выстраивать контакт с коллегами и студентами.

Что касается системной рефлексии, то она, согласно описанию Д.А. Леонтьева и др. (Леонтьев, Осин, 2014), дает возможность относиться к себе как к авторскому проекту, работать над собой и развивать себя, что непосредственно соотносится с сущностью профессиональной активности. Посредством системной рефлексии преподаватель обретает новое понимание, оценку и обоснование своих убеждений и ценностных отношений, находит индивидуальный стиль деятельности, достигает адекватной профессионально-личностной самооценки. Рефлексия повышает уровень самоорганизации преподавателя, помогает ему более гибко подходить к планированию занятий, принимая во внимание потребности и индивидуальные особенности обучающихся, позволяет прогнозировать и анализировать результаты своей деятельности, видеть затруднения при ее осуществлении и находить оптимальные пути их преодоления. Таким образом, рефлексия направляет профессиональную активность, вносит в нее необходимые корректировки, в конечном итоге способствуя ее развитию.

Другой тип рефлексии — интроспекция — напротив, вносит отрицательный вклад в профессиональную активность. Человек, который сосредоточен на собственных переживаниях, тратит энергию впустую, не видит возможности профессиональной среды, испытывает затруднения с коммуникацией. Особенно это актуально для педагогов, которые работают в системе «Человек-человек». Фиксация на собственных переживаниях негативно влияет на активность, поскольку в ситуациях практической деятельности ориентация на свое состояние проигрывает ориентации на действие, возможности видеть ситуацию во всех ее аспектах, включая себя, объект, альтернативные возможности (системная рефлексия). Соответственно, у педагога с данным типом рефлексии значительно меньше информации для эффективного взаимодействия со средой и для осуществления активности.

Возраст не является предиктором профессиональной активности. Это в том числе доказывает и дополнительное исследование методом поперечных срезов с использованием дисперсионного анализа, которое показало отсутствие различий в уровне профессиональной активности между всеми возрастными группами. Полученные данные противоречат теоретическому положению Э.Ф. Зеера (Зеер, 2008) о том, что профессиональная активность должна повышаться на стадиях профессиональной адаптации и профессионального мастерства, ко-

торы соответствуют определенным возрастным периодам, и понижаться на стадии выхода из профессии.

При этом стаж профессиональной деятельности не влияет на субъективно оцениваемую профессиональную активность, но приводит к повышению ее результативности, оцениваемой по объективным показателям. Получается, что по мере профессионального становления активность в плане ее результативности становится выше. Этот факт находит свое объяснение в работах Э.Ф. Зеера (Зеер, 2008). В процессе профессионального развития, если оно идет по конструктивному пути, преподаватель вырабатывает свой индивидуальный стиль деятельности, создает авторские методы обучения, выходит на уровень самоактуализации и профессионального мастерства. Напротив, активность педагогов с небольшим стажем работы направлена в основном на адаптацию, на формирование профессионально важных качеств, компетенций, а не на творческий, креативный подход к деятельности, для которого нужна определенная база.

Подводя общий итог, отметим, что для уравнения профессиональной активности, измеренной по исследовательской методике, коэффициент детерминации является значимым (0,34). Это свидетельствует о надежности математической модели для предсказания активности и подтверждает нашу гипотезу о том, что формально-динамические свойства индивидуальности и типы рефлексии оказывают влияние на данный психологический феномен. При этом для уравнения профессиональной активности, измеренной с использованием анкеты, коэффициент детерминации является не значимым (0,14). Это говорит о том, что полученные нами данные распространяются именно на самооценку испытуемыми своей активности, а не на объективные показатели ее результативности. Возможно, это объясняется тем, что на результативность активности ит влияет и большое количество других факторов, внешних (поддержка со стороны администрации и коллег, ресурсы вуза) и внутренних (личная мотивация, эмоциональное выгорание и пр.)

Список литературы

- Акульшина, А.В, Завьялова, Л.А. (2018). Интернационализация высшего образования: международные векторы стратегии развития университета. *Высшее образование в России*, 8(9), 117–125.
- Алавердов, А.Р. (2019). Публикационная активность преподавателей отечественной высшей школы и резервы ее повышения. *Высшее образование в России*, (2), 23–36.
- Алексеева, Л.Ф. (1997). Проблема активности личности в психологии: дисс. д-ра психол. наук. Томск.
- Андрющенко, О.Е. (2010). Профессиональная активность студенческой молодежи в условиях современного российского общества: дисс. канд. социол. наук. Волгоград.
- Антошкина, Ю.М. (2013). Профессиональная активность работников экономических и технических специальностей: Автореф. дисс. канд. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Асташова, Н.А., Мельников, С.Л., Тонких, А.П., Камынин, В.Л. (2020). Технологические ресурсы современного высшего образования. *Образование и наука*, 22(6), 74–101.

Выводы

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась. Формирование и развитие профессиональной активности, с одной стороны, обуславливают формально-динамические свойства индивидуальности, а именно общий уровень активности, с другой стороны, качества, свидетельствующие об осознанности личности и ее способности к самодистанцированию: системная рефлексия. В качестве объективного предиктора профессиональной активности выступает пол (женский). Предиктором результативности профессиональной активности является также стаж педагогической деятельности.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что в практической деятельности для повышения уровня активности преподавателей важно сначала способствовать развитию системной профессиональной рефлексии. Это позволит более эффективно выстроить работу посредством осознания педагогом системы своих ценностей и смыслов, внутренних и внешних ресурсов для самореализации.

Практическое применение

Полученные данные можно использовать при разработке тренинга профессиональной активности. Конечно, объективные параметры и формально-динамические свойства индивидуальности, заданные нервной системой, не поддаются коррекции. Но мы можем учитывать свойства темперамента в работе, обеспечивая тем самым индивидуальный подход, и делать акцент на развитии системной профессиональной рефлексии. Посредством углубления самопознания педагог будет лучше отражать, на каком уровне находится его профессиональная активность сейчас, что влияет на его активность в положительном и отрицательном смысле. Это даст преподавателю возможность видеть дальнейшие перспективы развития активности с опорой на свои внутренние ресурсы и исходя из особенностей своей личности.

- Батракова, И.С., Глубокова, Е.Н., Писарева, С.А., Тряпицына, А.П. (2021). Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования. *Высшее образование в России*, (89), 9–19.
- Березина, А.В., Витюховская, Я.А. (2014). Образ женщины-преподавателя в СМИ и в российском обществе. *Человек в мире культуры*, (1), 3–9.
- Бернс, Э., Сильвеннойнен, Э., Копнов, В.А., Щипанова, Д.Е., Папич-Благоевич, Н., Томашевич, С. (2020). Развитие цифровых компетенций преподавателей профессионального образования и обучения в Сербии и России. *Образование и наука*, 22(9), 174–203.
- Богданова, Т.В. (2016). Современные проблемы профессиональной идентичности преподавателей высшей школы. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, (15), 701–705.
- Бордовская, Н.В., Кошкина, Е.А., Бочкина, Н.А. (2020). Образовательные технологии в современной высшей школе (анализ отечественных и зарубежных исследований и практик). *Образование и наука*, 22(6), 137–175.
- Брызгалина, Е.В., Алексеева, Д.А., Дряева, Э.Д. (2021). Цифровая трансформация педагогики: опыт работы. *Высшее образование в России*, (5), 161–167.
- Гуцу, Е.Г., Чилипенко, Ю.Ю. (2018). Модель внутрикафедрального управления мотивацией преподавателя вуза. *Высшее образование в России*, (12), 69–78.
- Дёмина, О.А., Тепленёва, И.А. (2020). О трансформации методического мышления преподавателей вузов. *Высшее образование в России*, (7), 156–167.
- Другова, Е.А. (2019). Ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров. Обзор опыта высокорейтинговых университетов на материале зарубежных публикаций. *Вопросы образования*, (4), 8–29.
- Елина, Е.Г., Ковтун, Е.Н., Родионова, С.Е. (2019). Российское высшее образование в условиях профессиональной стандартизации: опыт, вызовы, риски. *Высшее образование в России*, (7), 9–27.
- Ефимова, Г.З., Сорокин, А.Н., Грибовский, М.В. (2021). Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции. *Образование и наука*, 23(1), 202–230.
- Зборовский, Г.Е., Амбарова, П.А. (2022). Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития. *Образование и наука*, 24(5), 147–180.
- Зеер, Э.Ф. (2008). Психология профессий. Москва: Академический проект.
- Зинченко, Ю.П., Дорожкин, Е.М., Зеер, Э.Ф. (2020). Психолого-педагогические основания прогнозирования будущего профессионального образования: векторы развития. *Образование и наука*, 22(3), 11–35.
- Клименко, Л.В., Скачкова, Л.С. (2020). Субъективное благополучие преподавателей российских вузов. Опыт эмпирического исследования. *Вопросы образования*, (4), 37–63.
- Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н. (2014). Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, (4), 110–135.
- Лысаков, Н.Д., Лысакова, Е.Н. (2021). Актуальные проблемы педагогики и повышение квалификации преподавателей. *Высшее образование в России*, (5), 32–43.
- Москвина, Н.Б., Фишман, Б.Е. (2020). Профессиональная деятельность преподавателя вуза: ценностно-временные коллизии. *Высшее образование в России*, (7), 144–155.
- Мусина, В.П. (2012). Диагностика профессиональной активности. *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*, 2(84), 111–115.
- Небылицын, В.Д. (1976). Психофизиологические исследования индивидуальных различий. Москва: Наука.
- Осницкий, А.К. (1996). Проблемы исследования субъектной активности. *Вопросы психологии*, (1), 5–19.
- Рафсанджани, М.А., Хаким, Л., Лайли, Н., Виджая, П.А., Ирвансиах, М.Р. (2021). Изучение предиктора инновационного обучения с использованием модели рабочих требований и ресурсов. *Образование и наука*, 23(3), 58–74.
- Рогозин, Д.М. (2021). Представления преподавателей вузов о будущем дистанционного образования. *Вопросы образования*, (1), 31–51.
- Рогозин, Д.М., Солодовникова, О.Б., Ипатова, А.А. (2022). Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования. *Вопросы образования*, (1), 271–300.
- Рудаков, В.Н. (2020). Различия в положении профессорско-преподавательского состава вузов по возрастным группам. *Мониторинг экономики образования РИУ ВШЭ*, (13), 1–6.
- Садовникова, Н.О., Мирзаахмедов, А.М. (2019). Актуальные смысловые состояния педагогов, переживающих профессиональный кризис личности. *Образование и наука*, 21(2), 113–131.
- Смоляков, Д.А. (2021). Институциональные условия интернационализации высшего образования: массовая высшая школа. *Образование и наука*, 23(5), 11–37.
- Тюриков, А.Г., Кунижева, Д.А., Фролова, Е.В., Рогач, О.В. (2022). Доверие к дистанционному обучению в условиях пандемии: оценки качества образования студентов и преподавателей российских вузов. *Образование и наука*, 24(6), 177–200.

References

- Akulshina, A.V., Zavyalova, L.A. (2018). Internationalization of Higher Education: International Vectors of the University's Development Strategy. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, 8(9), 117–125. (In Russ.).
- Alaverdov, A.R. (2019). Publishing activity of teachers of the domestic higher school and reserves of its increase. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, (2), 23–36. (In Russ.).
- Alekseeva, L.F. (1997). Problema aktivnosti lichnosti v psikhologii: diss. dok. psikhol. nauk. (The problem of personality activity in psychology). Dr. Sci. (Psychology). Tomsk. (In Russ.).

- Andryushchenko, O.E. (2010). Professional'naya aktivnost' studencheskoj molodezhi v usloviyax sovremennogo rossijskogo obshchestva: diss. kand. sociol. nauk. (Professional activity of student youth in the conditions of modern Russian society). Cand. Sci. (Sociology). Volgograd. (In Russ.).
- Antoshkina, Yu.M. (2013). Professional'naya aktivnost' rabotnikov ekonomicheskikh i tekhnicheskikh special'nostej: Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. (Professional activity of employees of economic and technical specialties). Cand. Sci. (Psychology). Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Astashova, N.A., Melnikov, S.L., Tonkikh, A.P., Kamynin, V.L. (2020). Technological Resources in Modern Higher Education. *Obrazovanie i Nauka (Education and Science Journal)*, 22(6), 74–101. (In Russ.).
- Batrakova, I.S., Glubokova, E.N., Pisareva, S.A., Tryapitsyna, A.P. (2021). Changes in the pedagogical activities of a university teacher in the context of digitalization of education. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, (89), 9–19. (In Russ.).
- Berezina, A.V., Vityukhovskaya, Ya.A. (2014). Image of a woman teacher in the media and in Russian society. *Chelovek v Mire Kul'tury (Man in the World of Culture)*, (1), 3–9. (In Russ.).
- Burns, E., Silvennoinen, E., Kopnov, V.A., Shchipanova, D.E., Papić-Blagojević, N., Tomašević, S. (2020). Supporting the Development of Digitally Competent VET Teachers in Serbia and Russia. *Obrazovanie i Nauka (The Education and Science Journal)*, 22(9), 174–203. (In Russ.).
- Bogdanova, T.V. (2016). Modern problems of professional identity of higher education teachers. *Nauchno-Metodicheskij E'lektronny'j Zhurnal "Koncept" (Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept")*, (15), 701–705. (In Russ.).
- Bordovskaia, N.V., Koshkina, E.A., Bochkina, N.A. (2020). Educational Technologies in Modern Higher Education Institutions (Analysis of Russian and Foreign Research and Practice). *Obrazovanie i Nauka (Education and Science Journal)*, 22(6), 137–175. (In Russ.).
- Bryzgalina, E.V., Alekseeva, D.A., Dryaeva, E.D. (2021). Digital transformation of pedagogy: work experience. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, (5), 161–167. (In Russ.).
- Gutsu, E.G., Chilipenok, Yu.Yu. (2018). Model of intra-academic management of motivation of a university teacher. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, (12), 69–78. (In Russ.).
- Demina, O.A., Tepleneva, I.A. (2020). On the transformation of methodological thinking of university teachers. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, (7), 156–167. (In Russ.).
- Drugova, E.A. (2019). Key characteristics of teaching excellence programs for academic leaders. Review of the experience of high-rating universities on the material of foreign publications. *Voprosy Obrazovaniya (Education Issues)*, (4), 8–29. (In Russ.).
- Elna, E.G., Kovtun, E.N., Rodionova, S.E. (2019). Russian higher education in conditions of professional standardization: experience, challenges, risks. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, (7), 9–27. (In Russ.).
- Efimova, G.Z., Sorokin, A.N., Gribovskiy, M.V. (2021). Ideal teacher of higher school: Personal qualities and socio-professional competencies. *Obrazovanie i nauka (Education and Science Journal)*, 23(1), 202–230. (In Russ.).
- Zborovskiy, G.E., Ambarova, P.A. (2022). Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development. *Obrazovanie i Nauka (Education and Science Journal)*, 24(5), 147–180. (In Russ.).
- Zeer, E.F. (2008). Psychology of professions. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
- Zinchenko, Yu.P., Dorozhkin, E.M., Zeer, E.F. (2020). Psychological and Pedagogical Bases for Determining the Future of Vocational Education: Vectors of Development. *Obrazovanie i Nauka (Education and Science Journal)*, 22(3), 11–35. (In Russ.).
- Klimenko, L.V., Skachkova, L.S. (2020). Subjective well-being of teachers of Russian universities. Experience of empirical research. *Voprosy Obrazovaniya (Education Issues)*, (4), 37–63. (In Russ.).
- Leontiev, D.A., Osin, E.N. (2014). Reflection "good" and "bad": from explanatory model to differential diagnosis. *Psixologiya. Zhurnal Vy'sshej Shkoly E'konomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, (4), 110–135. (In Russ.).
- Lysakov, N.D., Lysakova, E.N. (2021). Actual problems of pedagogy and advanced training of teachers. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, (5), 32–43. (In Russ.).
- Moskvina, N.B., Fishman, B.E. (2020). Professional activity of a university teacher: value-time conflicts. *Vy'sshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, (7), 144–155. (In Russ.).
- Musina, V.P. (2012). Diagnostics of professional activity. *Ucheny'e Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta (Scientific Notes of the University Named after P.F. Lesgaft)*, 2(84), 111–115. (In Russ.).
- Nebylitsyn, V.D. (1976). Psychophysiological studies of individual differences. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Osnitsky, A.K. (1996). Problems of research of subject activity. *Voprosy psikhologii*, (1), 5–19. (In Russ.).
- Rafsanjani, M.A., Hakim, L., Laily, N., Wijaya, P.A., Irwansyah, M.R. (2021). Exploring the predictor of innovative teaching using the job demands-resources model. *Obrazovanie i Nauka (Education and Science Journal)*, 23(3), 58–74. (In Russ.).
- Rogozin, D.M. (2021). Ideas of university teachers on the future of distance education. *Voprosy Obrazovaniya (Educational Studies Moscow)*, (1), 31–51. (In Russ.).
- Rogozin, D.M., Solodovnikova, O.B., Ipatova, A.A. (2022). How university teachers perceive the digital transformation of higher education. *Voprosy Obrazovaniya (Educational Studies Moscow)*, (1), 271–300. (In Russ.).
- Rudakov, V.N. (2020). Differences in the position of the faculty of universities by age groups. *Monitoring E'konomiki Obrazovaniya RIU VShE (Monitoring of the Education Economy of the Higher School of Economics)*, (13), 1–6. (In Russ.).
- Sadovnikova, N.O., Mirzaahmedov, A.M. (2019). Relevant concepts of a teacher's state when experiencing professional identity crisis. *Obrazovanie i Nauka (Education and Science Journal)*, 21(2), 113–131. (In Russ.).
- Smaliakou, D.A. (2021). Institutional conditions of internationalisation of higher education: Mass higher school. *Obrazovanie i Nauka (The Education and Science Journal)*, 23(5), 11–37. (In Russ.).
- Tyurikov, A.G., Kunizheva, D.A., Frolova, E.V., Rogach, O.V. (2022). Trust in distance learning in a pandemic: assessing the quality of education of students and teachers of Russian universities. *Obrazovanie i Nauka (Education and Science Journal)*, 24(6), 177–200. (In Russ.).



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дария Владимировна Бердникова, ассистент кафедры экономической теории и прикладной социологии института экономики и финансов Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Российская Федерация, dariyab@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7874-3291>

Daria V. Berdnikova, Assistant at the Department of Economic Theory and Applied Sociology, Institute of Economics and Finance, Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russian Federation, dariyab@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7874-3291>

Поступила: 31.08.2022; получена после доработки: 22.10.2022; принята в печать: 08.02.2024.

Received: 31.08.2022; revised: 22.10.2022; accepted: 08.02.2024.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0114>
УДК/UDC 159.922.7

Влияние профессионального мастерства и личностных особенностей педагога на психическое развитие ребенка в разных типах образовательной среды

Е.О. Шишова^{1,2} ✉

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

²Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Казань, Российская Федерация

✉ Evgeniya.Shishova@kpfu.ru

Резюме

Актуальность. Приоритетными задачами дошкольного образования являются когнитивное и личностное развитие ребенка. Качество развивающей подготовки детей в дошкольных учреждениях, уровень их готовности к обучению и степень их адаптации к школе, сверстникам и учителям во многом зависят от состояния образовательной среды, уровня профессионального мастерства педагога и его личностных особенностей.

Целью исследования является изучение развивающего потенциала образовательных сред и влияния профессионального мастерства и личностных особенностей педагога на становление личности ребенка в современном образовательном пространстве.

Выборка. В эмпирическом исследовании с письменным согласием родителей участвовали 413 дошкольника в возрасте от 4 до 6 лет ($M = 5,5$ лет), 413 родителей (матерей) детей-дошкольников и 50 воспитателей. Исследование проводилось в период с 2014 по 2022 г.

Методы. Эмпирическое исследование проводилось с помощью шкал оценки образовательной среды ECERS (Early Childhood Environment Rating Scale); была проведена диагностика уровня развития профессиональной культуры и мастерства педагогов детских садов (В.Ф. Габдулхаков, Л.М. Попов); использовались методика исследования субъектности педагога Е.Н. Волковой и методика исследования креативности (Е.Е. Туник). Для оценки различных аспектов игровой деятельности мы использовали экспериментальную ситуацию, предложенную Е.О. Смирновой, А.Н. Вераксой. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием критерия Т-Стьюдента, дисперсионного и корреляционного анализа.

Результаты. Показано, что в образовательной среде разного уровня показатели профессионального мастерства и личностных характеристик педагогов, как и личностное развитие детей различны. Установлены достоверные различия в выраженности различных аспектов игровой деятельности детей в разных типах образовательных сред (использовался однофакторный дисперсионный анализ, $p < 0,05$), в результате которого были получены достоверно значимые различия по следующим диагностическим критериям: «замещение» ($F = 25,72$); «взаимодействие» ($F = 29,3$), «игровой замысел» ($F = 13,76$); «инициативность» ($F = 5,25$).

Выводы. На основе изучения качественных характеристик образовательных сред (по шкалам ECERS-R) делается вывод о том, что специфика образовательной среды задает вектор развития ребенка, способствуя (или не способствуя) раскрытию индивидуальных особенностей. Уровень развития профессиональной культуры и мастерства педагогов дошкольных образовательных учреждений, их личностное развитие определяет возможности интеллектуального и личностного развития ребенка и зависит от системы условий для стимулирования качественной работы педагогического коллектива и руководителей, их включенности в творческое саморазвитие для реализации творческого потенциала и активности, совершенствования профессионального мастерства.

Ключевые слова: дошкольное образование, образовательная среда, типы образовательных сред, профессиональное мастерство педагога, личностные особенности, дети дошкольного возраста

Для цитирования: Шишова, Е.О. (2024). Влияние профессионального мастерства и личностных особенностей педагога на психическое развитие ребенка в разных типах образовательной среды. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 197–207. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0114>

Influence of Professional Skill and Personal Characteristics of a Teacher on the Mental Development of a Child in Different Types of Educational Environment

Evgeniya O. Shishova^{1,2} ✉

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

²Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Kazan, Russian Federation

✉ Evgeniya.Shishova@kpfu.ru

Abstract

Background. Cognitive and personal development are priority areas for the development of a child at preschool age. The quality of the developmental preparation of children in preschool institutions, their level of readiness to study at school, the degree of their adaptation to school, peers, and teachers largely depend on the state of the educational environment, the level of professional skills and personal characteristics of the teacher.

Objective. The aim of the study is to explore the developing potential of educational environments and the influence of the professional and personal characteristics of a teacher on the formation of a child's personality in modern educational space.

Study Participants. The empirical study involved 413 preschoolers aged from 4 to 6 years ($M = 5.5$ years), 413 parents (mothers) of preschool children and 50 teachers. For each child a written parental consent to participate in the study was signed. The study was conducted between 2014 and 2022.

Methods. An empirical study was conducted using the ECERS (Early Childhood Environment Rating Scale) educational environment assessment scales; diagnostics of the level of development of professional culture and skill in kindergarten teachers was carried out (V.F. Gabdulkhakov, L.M. Popov); the methodology for studying the subjectivity of the teacher by E.N. Volkova and the methodology for studying creativity by E.E. Tunik were used. To evaluate various aspects of gaming activity, we used the proposed experimental situation by E.O. Smirnova and A.N. Veraksa. Statistical processing of the obtained data was carried out using the Student's T-test, ANOVA and correlation analysis.

Results. It is shown that in the educational environment of different levels, the indicators of professional skills and personal characteristics of teachers, as well as the personal development of children, are different. Significant differences were established in the severity of various aspects of children's play activity in different types of educational environments (one-way analysis of variance was used, $p < 0.05$), as a result of which significant differences were obtained according to the following diagnostic criteria: "substitution" ($F = 25.72$); "interaction" ($F = 29.3$), "game intent" ($F = 13.76$); "initiative" ($F = 5.25$).

Conclusion. Based on the study of the qualitative characteristics of educational environments (according to the ECERS-R scales), it is concluded that the specifics of the educational environment sets the vector of a child's development, contributing (or not contributing) to the disclosure of individual characteristics. The level of development of professional culture and skill in teachers of preschool educational institutions, their personal development determines the possibilities of the intellectual and personal development of the child and depends on the system of conditions for stimulating the quality work of the teaching staff and leaders, their involvement in creative self-development in order to realize creativity and activity as well as to improve their professional skills.

Keywords: preschool education, educational environment, types of educational environments, teacher's professional skills, personal characteristics, preschool children

For citation: Shishova, E.O. (2024). Influence of professional skill and personal characteristics of a teacher on the mental development of a child in different types of educational environment. *National Psychological Journal*, 19(1), 197–207. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0114>

Введение

Когнитивное и личностное развитие являются приоритетными направлениями в исследовании ребенка в дошкольном возрасте. Эффективность предшкольной подготовки детей к обучению в школе, их адап-

тация к образовательной среде, сверстникам и учителям в значительной степени определяются качеством образовательного пространства, профессионализмом и личностными качествами педагога. Процесс когнитивного, эмоционального, коммуникативного и личностного развития дошкольников может опреде-

ляться совокупностью условий, обеспечивающих позитивные возможности и разнообразные варианты выбора оптимальной траектории развития ребенка.

Л.С. Выготский подчеркивал, что исходным моментом для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода является социальная ситуация развития, которую следует рассматривать как главный источник и условие психического развития личности, отмечая ключевое значение социокультурного механизма взаимодействия взрослого и ребенка (Выготский, 1984). «Однако, не всякое взаимодействие, в которое включен ребенок, автоматически создает интерпсихическую форму высшей психической функции. Это возможно лишь там, где намерения ребенка и взрослого пересекаются в теле знака, символа или орудия», подчеркивает Г.А. Цукерман (Цукерман, 2006, с. 63).

Опираясь на ключевые принципы социокультурной когнитивной теории Л.С. Выготского, важно подчеркнуть то, что обучение — это всегда сотрудничество, где обучающийся должен быть активным участником образовательного процесса, субъектом своего развития, а не пассивным слушателем. Развитие личности ребенка, раскрытие его внутреннего потенциала, учет индивидуальных особенностей каждого через создание специальных психолого-педагогических условий является основными задачами образования (Выготский, 2008; Давыдов, 1996, 1998; Кудрявцев, 2012). Создание современного образовательного пространства предполагает и изменение характера взаимодействия взрослого и детей с опорой на личностно ориентированную модель обучения (Лактионова, 2011).

На основе комплексного анализа основных направлений образовательной деятельности в системе дошкольного образования можно говорить о существовании двух подходов, имеющих серьезные недостатки. В первом случае действия дошкольников значительно ограничены и они должны следовать указаниям взрослых, лишаясь возможности самореализации и личностного роста. Во втором случае — детям предоставляется максимальная свобода действий и возможности для всестороннего развития личности, но это не гарантирует высокий уровень готовности ребенка к школе, где среда жестко регламентирована и характеризуется предельной нормативностью. В связи с этим появляется необходимость в расширении и углублении психологических исследований проблемы становления детской личности в системе дошкольного образования (Веракса, Веракса, 2008; Веракса, 2018).

Раскрывая особенности влияния основных тенденций современного дошкольного образования на развитие личности ребенка в исследованиях было установлено, что у современных детей в наибольшей степени страдают такие характеристики личности, как инициативность, самостоятельность, креативность, ответственность (Смирнова, 2019; Bayanova, Shishova, 2017; Шишова, 2021).

Образовательная среда, в которой ребенок развивается, обучается и воспитывается, рассматривается как подсистема социокультурной среды и представляет собой систему психолого-педагогических условий, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении, в результате взаимодействия с которыми происходит развитие личности. Многие зарубежные и отечественные ученые обращают внимание на то, что развивающие возможности образовательной среды реализуются через педагога, в значительной степени способствуя раскрытию внутреннего потенциала ребенка, интересов, склонностей, его интеллектуальному и личностному развитию (Слободчиков, 2000; Broström, Johansson, et al., 2014; Corcoran, O'Flaherty, 2016). В существующих исследованиях ученые по-разному подходят к раскрытию понятия «образовательная среда», построению различных моделей, типологий с различными классификационными основаниями (Евченко, 2011; Евтихов, 2014; Карпов, Ясвин, 2003; Соснова, 2007; Тарасов, 2011; Ткаченко, 2018; Шишова, 2017).

Модель векторного моделирования школьной образовательной среды В.А. Ясвина описывает четыре ее типа, где главными категориями выступают «свобода-зависимость» и «активность-пассивность»: догматическая, безмятежная, карьерная и творческая среда (Ясвин, 2010). Психологическая структура образовательной среды по В.А. Ясвину состоит из пространственно-предметного, социального и психодидактического компонентов.

В рамках концепции личностно ориентированного образования В.В. Давыдовым, В.П. Лебедевой, В.А. Орловым, В.А. Ясвиным и другими учеными была предложена психодидактическая модель образовательной среды школы. Авторы подчеркивают, что приоритетной стратегией содержания современного образования является развитие личности ребенка и раскрытие ее внутреннего потенциала, индивидуальности самого ребенка, его способностей, самостоятельности и самодеятельности. В этом смысле речь идет об образовательной среде как ресурсе личностного развития школьника, где подчеркивается значимость учащегося как субъекта познания, а не пассивного наблюдателя (Лебедева, Орлов, Панов, 1996; Панов, 2004).

Экопсихологический подход разработан В.И. Пановым на основе представления о том, что психическое развитие человека детерминировано социокультурными условиями, предметно-пространственным окружением, характером взаимодействия, сотрудничества и другими средовыми факторами, а не только зависит от профессионального мастерства педагога и индивидуально-психологических особенностей ребенка. Структурными компонентами образовательной среды являются: деятельностный (технологический), коммуникативный и пространственно-предметный (Панов, 2007).

В модели психологической безопасности образовательной среды И.А. Баевой анализируются основные

риски и угрозы в образовательной среде, препятствующие психическому развитию ее участников. Автор описывает четыре типа образовательных сред, где главными категориями выступают «лично-эмоциональная защищенность» и «социально-психологическая умелость»: либеральная, попустительская, манипулятивно-авторитарная и психологически безопасная (партнерско-диалогическая) среда (Баева, 2002).

Структурно-функциональная пятикомпонентная модель образовательной среды школы как объекта психологической экспертизы рассмотрена в диссертации Е.Б. Лактионовой. В качестве составляющих образовательной среды выделяются организационно-управленческий, пространственно-предметный, психодидактический, социальный и субъектный компоненты. В работе выявлены два типа образовательной среды — индифферентная и психологически комфортная (Лактионова, 2011).

Автор антрополого-психологической модели В.И. Слободчиков описывает образовательную среду как динамическое образование и системный продукт взаимодействия образующего и образуемого. Подчеркивается опосредующий характер образовательной среды, качественными характеристиками которой являются «насыщенность» (ресурсный потенциал) и «структурированность» (способ организации). Существует три способа организации образовательной среды: единообразие, разнообразие и вариативность (Слободчиков, 2000).

В рамках коммуникативно ориентированной модели В.В. Рубцова, образовательная среда рассматривается как совместная деятельность обучающего и обучаемых, самих обучаемых и средств ее организации, которая создает особую среду для формирования личности и служит основой для развития когнитивной и коммуникативной деятельности учащихся. Развитие ребенка возможно только в сфере взаимоотношения и сотрудничества со взрослыми или другими участниками образовательного процесса (Рубцов, 1996; Рубцов, Ивошина, 2002).

Рассматривая многообразие моделей образовательных сред, порождающих типологии с различными возможностями для развития и становления личности, следует отметить важность типа взаимодействия ребенка и взрослого, создающих зону ближайшего развития (Цукерман, 2006), способствуя максимальному раскрытию, как возможностей среды, так и индивидуальных особенностей ребенка (Панов, 2004; Слободчиков, 2000; Ясвин, 2001).

Цель исследования

Цель — изучение развивающего потенциала образовательных сред и влияния профессионального мастерства и личностных особенностей педагога на становление личности ребенка в современном образовательном пространстве.

Гипотеза исследования

Нами была выдвинута гипотеза о том, что уровень развития профессионального мастерства педагогов дошкольных образовательных учреждений, их личностное развитие определяет возможности интеллектуального и личностного развития ребенка и зависит от системы условий для стимулирования качественной работы педагогического коллектива и руководителей.

Выборка

Опытно-экспериментальная база исследования: 16 дошкольных образовательных организаций в Республике Татарстан с численностью населения более 3 млн человек. Среди них 4 дошкольные образовательные организации (ДОО) — лучшие детские сады по итогам муниципального рейтинга (утв. приказом Министерства образования и науки Республики Татарстан «О рейтинге дошкольных образовательных организаций»). Остальные выбраны из числа среднестатистических детских садов. Группы детских садов были разделены на две выборки по итогам муниципального рейтинга. В группу А вошли лучшие детские сады, а в группу Б — среднестатистические ДОО. Для осуществления сравнительного анализа уровня профессионального мастерства и показателей личностных характеристик педагогов и детей дошкольного возраста в разных типах образовательной среды были сформированы две выборки. В первую выборку были включены педагоги и дошкольники из лучших детских садов. Вторую выборку составили педагоги и дошкольники из дошкольных образовательных учреждений с низкими значениями параметров качества образовательной среды. В эмпирическом исследовании с письменным согласием родителей участвовали 413 дошкольника в возрасте от 4 до 6 лет ($M = 5,5$ лет), 413 родителей (матерей) детей-дошкольников и 50 воспитателей. Исследование проводилось в период с 2014 по 2022 г.

Методы исследования

Для комплексной оценки качества дошкольного образования были использованы международные шкалы оценки образовательной среды ECERS (Early Childhood Environment Rating Scale) (Хармс, Клиффорд, Крайер, 2016); была проведена диагностика уровня развития профессиональной культуры и мастерства педагогов детских садов (В.Ф. Габдулхаков, Л.М. Попов), оценивались выделенные в ходе исследования индикаторы (самореализации, эмпатийности, рефлексивности, когнитивности, коммуникативного ядра, природосообразности, аттрактивности, результативности) являются основными (Габдулхаков, Попов, 2013); использовались методика исследо-

вания субъектности педагога Е.Н. Волковой (Волкова и др., 2001), и методика исследования креативности Е.Е. Туник (Туник, 2006). Для оценки различных аспектов игровой деятельности (уровня замещения, особенностей взаимодействия, реализации игрового замысла, развернутости и устойчивости игровой идеи) мы использовали экспериментальную ситуацию, предложенную Е.О. Смирновой, А.Н. Вераксой (Смирнова и др., 2018).

Методы математической статистики позволили обработать полученные эмпирические данные в ходе исследования (критерий Колмогорова — Смирнова, Т-критерий Стьюдента, дисперсионный и корреляционный анализ).

Результаты исследования

В ходе исследования был проведен анализ условий образовательных сред дошкольного детства, влияющих на траекторию личностного развития детей и качество дошкольного образования (по шкалам ECERS-R). Вариативность образовательных сред, отличающихся развивающим потенциалом, обуславливают многообразие типов образовательных сред различного качества и траекторий развития личности ребенка. На основе экспертизы образовательной среды дошкольного детства была определена современная типология образовательных сред в системе дошкольного образования и особенности становления детской личности в условиях разной образовательной среды (Шишова, 2021). Экспертиза образовательной среды с помощью шкал комплексного оценивания качества образования детей ECERS-R показала, что все дошкольные образовательные учреждения характеризуются разным развивающим потенциалом.

Лучшие дошкольные образовательные организации характеризуются направленностью на раскрытие способностей и индивидуальных особенностей ребенка, поддержку детских инициатив и развитие креативного мышления. В среднестатистических — чаще ориентация на подготовку к школе и дисциплинированность.

По результатам кластерного анализа выделились четыре своеобразных современных типа образовательной среды дошкольного детства. В основу кластеризации были положены следующие ключевые позиции:

— условия, созданные в дошкольных образовательных организациях для когнитивного, эмоционального и личностного развития ее субъектов, раскрытия внутреннего потенциала ребенка с учетом возрастных и индивидуальных особенностей;

— комплексная и дифференцированная оценка качества образовательной среды;

— система условий для симулирования качественной работы педагогического коллектива и руководителей, их включенности в творческое саморазвитие

для реализации творческого потенциала и активности, совершенствование профессионального мастерства.

Так, в креативной образовательной среде в большей мере, чем в других, заданы и активно поддерживаются субъектами образовательной системы индивидуальное развитие ребенка и раскрытие его творческого потенциала. Приоритетным направлением креативной образовательной среды является не только развитие активности ребенка, творческого потенциала, но и побуждение потребности в творчестве у ребенка, его саморазвитию как творению себя и формированию умения самостоятельно ставить цели и реализовывать собственные замыслы. В этом типе обнаруженная эмпирическая закономерность становится не эвристикой, а самостоятельной проблемой. Ориентация идет не столько на выполнение требований со стороны педагога, сколько на удовлетворение потребности к творчеству через включение дошкольника в активную мыслительную, интеллектуальную и коммуникативную деятельности.

«Эвристическая образовательная среда» и «Креативная образовательная среда» были выявлены в лучших дошкольных образовательных учреждениях. В среднестатистических ДОО — «Стимульно-продуктивная» и «Учебная» типы сред.

Сравнительный анализ уровня профессионального мастерства и показателей личностных характеристик педагогов и детей дошкольного возраста в разных типах образовательной среды показал, что в лучших детских садах педагоги чаще ориентированы на самореализацию личности ребенка, порождение идей, замыслов и поддержку его инициативных действий, помогая ему достигнуть большей самостоятельности и способствуя исследовательской, творческой активности. Развивающее взаимодействие строится на способности устанавливать личностный (психологический) контакт, диалог с обучаемым, сопровождающийся положительными эмоциями радости, любопытства, удивления, восторга и удовольствия. Характер эффективного педагогического воздействия в значительной степени определяется в способности педагога к системной рефлексии, дающей возможность увидеть как саму ситуацию взаимодействия во всех ее аспектах, так и противоположные возможности. Эмоциональное качество взаимодействия взрослого и ребенка помогает мотивировать его к обучению и возвращает уверенность в собственных силах. Способность педагога организовать когнитивные формы деятельности с интригой на занятиях, ввести детей в ситуацию «ожидания эффекта неожиданного» становится важным показателем его профессионального мастерства.

Педагоги данной группы характеризуются активностью, как в деятельности, так и в процессе межличностного взаимодействия, умением переключаться с одной деятельности на другую, позитивным самоощущением, высокой степенью креативности в условиях свободы выбора и возможностями для ре-

лизации творческого потенциала, склонны к сотрудничеству, отличаются потребностью в саморазвитии и стремлением к личностному росту.

Образовательная среда с низким качеством образования способствует снижению продуктивности педагогической деятельности, низкой активности и эмоциональности педагогов, что приводит к избеганию

ответственности в деятельности и процессе общения, к неустойчивости в достижении цели, к неспособностям руководствоваться волевым контролем, тревожностью в трудных ситуациях, неудовлетворенности повседневной деятельностью и отсутствием стремления к профессиональному и личностному обогащению (Таблица).

Таблица

Различия в показателях профессионального мастерства и личностных характеристиках педагогов в разных типах образовательной среды

Список показателей	Средние значения		t-критерий
	Группа А	Группа Б	
Индикаторы профессионального мастерства педагога (Л.М. Попов, В.Ф. Габдулхаков)			
Самореализация	2,14	1,73	4,55***
Эмпатийность	2,01	1,05	5,41***
Рефлексивность	1,93	1,67	2,86**
Когнитивность	2,03	1,83	2,7**
Коммуникативное ядро	1,93	1,57	4,1***
Природосообразность	1,90	1,97	-1,44
Аттрактивность	1,73	1,67	1,44
Результативность	2,37	2,11	3,43**
Субъектность (Е.Н. Волкова)			
Активность	7	5,08	3,34**
Способность к рефлексии	7,52	4,6	2,78**
Свобода выбора и ответственность за него	7,61	4,08	4,15***
Осознание собственной уникальности	7,13	4,96	2,73**
Понимание и принятие другого	6,61	3,72	3,57***
Саморазвитие	7,43	5,16	3,10**
Креативность (Е.Е. Туник)			
Саморазвитие	8,38	6,56	3,14**
Сложность	15,15	13,14	2,09*

Примечание: * — p ≤ 0,05; ** — p ≤ 0,01; *** — p ≤ 0,001

Table

Differences in indicators of professional skills and personal characteristics of teachers in different types of educational environments

Indicators	Mean		t-test
	Group A	Group B	
Indicators of professional skill of a teacher (L.M. Popov, V.F. Gabdulkhakov)			
Самореализация	2.14	1.73	4.55***
Empathy	2.01	1.05	5.41***
Reflexivity	1.93	1.67	2.86**
Cognitive	2.03	1.83	2.7**
Communication core	1.93	1.57	4.1***
Natural conformity	1.90	1.97	-1.44

Attractiveness	1.73	1.67	1.44
Efficiency	2.37	2.11	3.43**
Subjectivity (E.N. Volkova)			
Activity	7	5.08	3.34**
Ability to reflect	7.52	4.6	2.78**
Freedom of choice and responsibility for it	7.61	4.08	4.15***
Awareness of your own uniqueness	7.13	4.96	2.73**
Understanding and accepting others	6.61	3.72	3.57***
Self-development	7.43	5.16	3.10**
Creativity (E.E. Tunik)			
Self-development	8.38	6.56	3.14**
Complexity	15.15	13.14	2.09*

Note: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$

На основе изучения качественных характеристик образовательных сред (по шкалам ECERS-R) делается вывод о том, что специфика образовательной среды задает вектор развития ребенка, способствуя (или не способствуя) раскрытию индивидуальных особенностей (Шишова, 2017). Уровень развития профессиональной культуры и мастерства педагогов дошкольных образовательных учреждений, их личностное развитие определяет возможности интеллектуального и личностного развития ребенка и зависит от системы условий для стимулирования качественной работы педагогического коллектива и руководителей, их включенности в творческое саморазвитие для реализации творческого потенциала и активности, совершенствования профессионального мастерства (Захарова и др., 2023; Schad, Johnsson, 2019).

Для исследования личностного развития дошкольников использовалась методика оценки различных аспектов игровой деятельности (Смирнова и др., 2018). Самостоятельность, креативность, ответственность, инициативность как базисные характеристики личности дошкольника (Трифоновна, 2018) выявлялись в процессе наблюдений и путем предложения игровых проблемных ситуаций. С целью проверки достоверности различий в выраженности различных аспектов игровой деятельности детей в разных типах образовательных сред было проведено сравнение средних значений (использовался однофакторный дисперсионный анализ, $p < 0,05$), в результате которого были получены достоверно значимые различия по следующим диагностическим критериям: «замещение» ($F = 25,72$); «взаимодействие» ($F = 29,3$), «игровой замысел» ($F = 13,76$); «инициативность» ($F = 5,25$).

Обсуждение результатов

Были установлены достоверные различия в уровнях развития игры современных дошкольников,

обучающихся в лучших и среднестатистических дошкольных образовательных учреждениях. Образовательная среда влияет на каждого субъекта образовательного процесса и от ее качества зависит личностное развитие детей в его интеллектуальной, социальной и личностной составляющих. Образовательная среда дошкольного детства стимулирует развитие субъектности дошкольников, интегрирующее такие атрибутивные характеристики, как активность, самостоятельность, креативность, конструктивное взаимодействие с окружающей средой, стремление к саморегуляции посредством овладения мотивирующей, активизирующей и направляющей функциями субъектности, проявляющимися в уровнях развития игровой деятельности дошкольников. Позитивное личностное развитие дошкольников наиболее успешно происходит в условиях, когда среда, способная побуждать и увлекать обучающихся к проявлению активности и инициативности, обеспечивает возможности для раскрытия внутреннего потенциала личности ребенка, становления его субъектного начала, развития креативного мышления и способствует индивидуальному развитию ребенка. В свою очередь предельная нормативность, отсутствие вариативности и поддержки индивидуальности ребенка обуславливают своеобразие его личностного развития: снижение познавательного интереса, обедненность игровой деятельности, ограниченность круга интересов и др.

Тема игры является одной из самых острых проблем в современной дошкольной педагогике и психологии. Ценность игры для детского развития признается практически всеми специалистами. Доказано, что именно игровая деятельность имеет решающее значение для формирования главных новообразований дошкольного детства: произвольного поведения, творческого воображения, самосознания и пр. Именно игра является содержанием общения дошкольни-

ков, в ней складываются межличностные отношения и коммуникативные способности детей.

Однако, несмотря на эти общепризнанные и безусловные аргументы, игра все больше вытесняется из системы дошкольного образования.

В режиме дня детских образовательных учреждений на свободную игру фактически не остается времени. Формирование игры не является самостоятельной задачей дошкольного образования (Суетайте-Волунгявичене, 2021). В результате уровень развития игры современных дошкольников резко снижается, что подтверждается в многочисленных исследованиях Е.О. Смирновой (Смирнова и др. 2018; Смирнова, 2019), в которых участвовали дошкольники 3–5 лет из ДОУ Москвы, показало, что низкий уровень игры (когда она сводится к манипуляциям и однообразным действиям с игрушками) наблюдался у 60% детей. Высокий уровень, для которого характерны развернутые ролевые отношения и создание игрового пространства, зафиксирован только в исключительных случаях (у 5% детей). Таким образом, игра старших дошкольников находится в основном на низком уровне.

Результаты корреляционного анализа показывают, что профессиональное мастерство педагога влияет на развитие игровой деятельности ребенка: способности играть самостоятельно, без предложений взрослых; избранные черты замены (предметная, позиционная, пространственная); особенности взаимодействия (организационные и внутриигровые); и игровую идею (уровень идеи, ее развитие, ее реализация). Развитие детской игры зависит от некоторых показателей профессиональных качеств педагогов в отношении их способности обеспечивать самореализацию детской личности через создание условий для стимулирования детской любознательности и учения, поддержку активности детей в процессе обучения, соблюдение баланса между действиями, инициированными взрослыми и самими детьми, создание рефлексивного поля, использование индивидуального подхода к детям, различных стратегий индивидуализации обучения, технологий разноуровневого обучения, лично ориентированного обучения и организации общения с учетом реальных потребностей детей.

Выводы

Именно дошкольный возраст является одним из сенситивных периодов когнитивного, эмоционального, коммуникативного и личностного развития детей. Поэтому при проектировании развивающей предметно-пространственной среды в детских дошкольных учреждениях необходимо оптимально согласовывать внешние условия с внутренними для полноценного, обогащающего психического развития субъектов образования, что предполагает включение ребенка и в многообразную деятельность.

Трансформация игровой деятельности детей в «детские деятельности» — игра-рисование, игра-проектирование и конструирование, игра-исследование, игра-экспериментирование, будут способствовать свободному развитию, творческой инициативе, самостоятельности, активной познавательной позиции ребенка и приводить к повышению у детей когнитивных функций, связанных с развитием памяти, мышления, воображения, вербально-коммуникативной и познавательной деятельности.

Таким образом, в ходе исследования было показано, что образовательная среда может быть поддерживающей, развивающей, насыщенная, комфортная или, в некоторых случаях, нейтральная, в той или иной степени будет способствовать эффективному формированию игровой деятельности детей дошкольного возраста. Детская игра возникает из условий жизни ребенка в окружающей среде. Игра объединяет «взрослый мир» и «мир детей», обеспечивая создание условий для их психического развития и «взросления», тем самым подготавливая ребенка к дальнейшей жизни.

Учитывая тот факт, что система оценки качества дошкольного образования должна быть сфокусирована на оценивании психолого-педагогических условий согласно ФГОС ДО, исключается использование оценки индивидуального развития ребенка в контексте оценивания работы организации. Психологически значимыми условиями, формирующими когнитивное, эмоциональное, личностное развитие дошкольников, являются состояние образовательной среды и уровень профессионального мастерства педагога и необходимость рассмотрения целостной социокультурной ситуации в контексте взаимосвязей социальных параметров образовательной среды и психологических качеств ее участников.

Практические рекомендации

При организации игровой деятельности в системе дошкольного образования педагогу необходимо учитывать:

— резильентность предметно-развивающей среды: эта среда должна обеспечивать комфортность и успешность игровой деятельности ребенка, условия для специфичных видов деятельности детей дошкольного возраста и развития интеллектуальных способностей детей, критического мышления, формирования навыков коллективной работы в процессе познавательно-исследовательской деятельности и научно-технического творчества;

— интегративность познавательной деятельности: познание ребенка во время игры должно быть интегративным (междисциплинарным), строиться на разных областях естественных наук, инженерного творчества, математики, цифровых технологий. В основе данной интеграции лежит метод проектов, базирующийся на познавательном и художественном

поиске и имеющий конкретный реальный продукт в качестве результата деятельности;

— игра должна учитывать психологию речевой деятельности: очередной результат игровой (познавательно-исследовательской) деятельности должен

попадать в «ловушку памяти» ребенка и становиться его собственным достоянием;

— ориентация на познавательные интересы ребенка (творчество нельзя навязать извне, оно рождается на основе внутренней потребности).

Список литературы

- Баева, И.А. (2002). Психологическая безопасность в образовании: монография. Санкт-Петербург: Издательство «СОЮЗ».
- Веракса, Н.Е. (2018). Детское развитие: две парадигмы. *Культурно-историческая психология*, 14(2), 102–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140211>
- Веракса, Н.Е., Веракса, А.Н. (2008). Проектная деятельность дошкольников. Пособие для педагогов дошкольных учреждений. Москва: Мозаика-Синтез.
- Волкова, Е.Н., Григорьева, Е.В., Серегина, И.А., Усова, Е.С. (2001). Психология субъектности педагога: Монография. Нижний Новгород: НГПУ.
- Выготский, Л.С. (2008). Психология развития ребенка. Москва: Эксмо.
- Выготский, Л.С. (1984). Проблема возраста. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.4. Москва: Педагогика. С. 244–268.
- Габдулхаков, В.Ф., Попов, Л.М. (2013). Об индикаторах профессионального мастерства педагога. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-indikatorah-professionalnogo-masterstva-pedagoga> (дата обращения: 29.10.2021).
- Давыдов, В.В. (1998). «Культурно-исторический подход: развитие гуманитарных наук и образование». Последние выступления. В: Доклад на Международной конференции (январь, 1986 г.). Москва: ПЦ «Эксперимент». С. 30–35.
- Давыдов, В.В. (1996). Теория развивающего обучения. Москва: Интор.
- Евенко, С.Л. (2011). Социально-психологические типы образовательной среды российских вузов. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, (3), 45–48.
- Евтихов, О.В. (2014). Типы образовательных сред в современном образовании. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 4(36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-obrazovatelnyh-sred-v-sovremennom-obrazovanii> (дата обращения: 29.10.2021).
- Захарова, Л.Н., Заладина, А.С., Махалин, А.И., Лангман, И.А. (2023). Субъективное благополучие учителей как эмоциональный регулятор профессионального роста: возрастной и гендерный аспекты. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 4(16), 197–217. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-36>
- Карпов, В.А., Ясвин, В.А. (2003). В поисках выхода из школьных лабиринтов. Развитие школьных образовательных систем: инновационный сетевой проект. Москва: МЦ ЭПОС.
- Кудрявцев, В.Т. (2012). Образование — «День сурка» или «разрыв шаблона»? *Современное дошкольное образование: теория и практика*, 5(31), 34–39.
- Лактионова, Е.Б. (2011). Личностное развитие педагога как субъекта психологической экспертизы образовательной среды. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnoe-razvitie-pedagoga-kak-subekta-psihologicheskoy-ekspertizy-obrazovatelnoy-sredy> (дата обращения: 24.03.2021).
- Лебедева, В.П., Орлов, В.А., Панов, В.И. (1996). Психодидактические аспекты развивающего образования. Педагогика, (6), 25–30.
- Панов, В.И. (2007). Психодидактика образовательных систем: теория и практика. Санкт-Петербург: Питер.
- Панов, В.И. (2004). Экологическая психология: Опыт построения методологии. Москва: Наука.
- Рубцов, В.В., Ивошина, Т.Г. (2002). Проектирование развивающей образовательной среды школы. Москва: Изд-во МГППУ.
- Рубцов, В.В., Поливанова Н.И., Ривина И.В., Улановская И.М., Высоцкая Е.В., Зак А.З. (1996). Коммуникативно-ориентированные образовательные среды. Психология проектирования. Москва: Вен-Мер.
- Слободчиков, В.И. (2000). О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования. В: Вторая Российская конференция по экологической психологии: тезисы докладов: Сб. тезисов 2-й Росс. конф. по экологической психологии (12–14 апреля, 2000 г.). Москва: Изд-во Экопсицентр РОСС. С. 172–176.
- Смирнова, Е.О., Веракса, А.Н., Бухаленкова, Д.А., Рябова, И.А. (2018). Связь игровой деятельности дошкольников с показателями познавательного развития. *Культурно-историческая психология*, 14(1), 4–14. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140101>
- Смирнова, Е.О. (2019). Специфика современного дошкольного детства. *Национальный психологический журнал*, 2(34), 25–32. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0205>
- Соснова, И.В. (2007). Обусловленность отношения учащихся к школе социальными условиями развития. *Психологическая наука и образование*, 12(4), 69–76.
- Суетайте-Волунгвичене, Г. (2021). Помощь детям младшего возраста в присоединении к игровому миру: Микроанализ. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (4), 34–71. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.04.02>
- Тарасов, С.В. (2011). Образовательная среда: понятие, структура, типология. *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*, 3(3), 133–138.
- Ткаченко, Н.Н. (2018). Типология образовательных сред в современной педагогической психологии. *Саратовский университет. Страховские Чтения*, (26), 319–324.
- Трифонова, Е.В. (2018). Инициативность и самостоятельность как базисные характеристики личности дошкольника. *Исследователь/Researcher. Научно-методический журнал*, (1–2), 21–22.

- Туник, Е.Е. (2006). Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. Адаптированный вариант. Санкт-Петербург: Речь.
- Хармс, Т., Клиффорд, Р.М., Крайер, Д. (2016). Шкалы для комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях. Москва: Изд-во «Национальное образование».
- Цукерман, Г.А. (2006). Взаимодействие ребенка и взрослого, творящее зону ближайшего развития. *Культурно-историческая психология*, 2(4), 61–73.
- Шишова, Е.О. (2017). Взаимосвязь качества образовательной среды и субъектно-личностных характеристик дошкольника. *Современное дошкольное образование. Теория и практика*, (10), 50–59.
- Шишова, Е.О. (2021). Влияние типа образовательной среды на психическое развитие дошкольников. *Психолого-педагогические исследования*, 13(1), 84–100. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130106>
- Ясвин, В.А. (2001). Образовательная среда: от моделирования к проектированию. Москва: Смысл.
- Ясвин, В.А. (2010). Школа как развивающая среда: Монография (Серия: Научно-издательский проект в поддержку национальной образовательной инициативы «Наша новая школа»). Москва: Институт научной информации и мониторинга РАО.
- Bayanova, L., Shishova, E. (2017). Educational Environment As The Factor Of Development Of Childrens Subjectivity. In: R. Valeeva (Ed.), *Teacher Education — IFTE 2017*, (29). European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 89–99). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.02.12>
- Broström, S., Johansson, I., Sandberg, A., Frøkjær, T. (2014). Preschool teachers' view on learning in preschool in Sweden and Denmark. *European Early Childhood Education Research Journal*, 22(5). <http://dx.doi.org/10.1080/1350293X.2012.746199>
- Corcoran, R.P., O'Flaherty, J. (2016). Personality development during teacher preparation. *Frontiers in Psychology*, (7), 1677. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01677>
- Schad, E., Johnsson, P. (2019). Well-Being and Working Conditions of Teachers in Sweden. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12(4), 23–46. <http://doi.org/10.11621/pir.2019.0402>

References

- Baeva, I.A. (2002). Psychological safety in education: a monograph. Saint-Petersburg: Soyuz. (In Russ.).
- Bayanova, L., Shishova, E. (2017). Educational Environment As The Factor Of Development Of Childrens Subjectivity. In: R. Valeeva (Ed.), *Teacher Education — IFTE 2017*, (29). European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 89–99). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.02.12>
- Broström, S., Johansson, I., Sandberg, A., Frøkjær, T. (2014). Preschool teachers' view on learning in preschool in Sweden and Denmark. *European Early Childhood Education Research Journal*, 22(5). URL: file:///C:/Users/Irina/Downloads/Preschool_teachers_view_on_learning_in_preschool.pdf (access date: 04.12.2012). <http://dx.doi.org/10.1080/1350293X.2012.746199>
- Corcoran, R.P., O'Flaherty, J. (2016). Personality development during teacher preparation. *Frontiers in Psychology*, (7), 1677. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01677>
- Davydov, V.V. (1996). Theory of Developmental Learning. Moscow: INTOR.
- Davydov, V.V. (1998). “The cultural-historical approach: the development of the humanities and education.” Latest performances. In: Report at the International Conference. (January, 1986). Moscow: Human Rights Center “Experiment”. (pp. 30–35). (In Russ.).
- Smirnova, E.O. (2019). Specific features of modern preschool childhood. *National Psychological Journal*, (2), 25–32.
- Evenko, S.L. (2011). Socio-psychological types of educational environment of Russian universities). *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: Psikhologicheskie Nauki (Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences)*, (3), 45–48.
- Evtikhov, O.V. (2014). Types of educational environments in modern education. *Sovremennye Issledovaniya Sotsial'nykh Problem (Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal). Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal)*, 4(36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-obrazovatelnyh-sred-v-sovremennom-obrazovanii> (access date: 29.10.2021).
- Gabdulkhakov, V.F., Popov, L.M. (2013). About indicators of professional skills teacher's. Scientific notes of the Kazan federal University, 155(6), 212–220.
- Karpov, V.A., Yasvin, V.A. (2003). In search of a way out of school mazes. The development of school educational systems: an innovative network project. Moscow: Publ. MC EPOS. (In Russ.).
- Kharms, T., Richard, M., Klifford, M., Krayer, D.M. (2016). Scales for a comprehensive assessment of the quality of education in preschool educational institutions. ECERS-R: revised edition. Moscow: Publ. National education. (In Russ.).
- Rubtsov, V.V., Polivanova, N.I., Rivina, I.V., Ulanovskaya, I.M., Vysotskaya, E.V., Zak, A.Z. (1996). Communicatively-oriented educational environments. Design Psychology. Moscow: Publ. Ven-Mer.
- Kudryavtsev, V.T. (2012). Education — “Groundhog Day” or “gap template”? *Modern pre-school education. Theory and practice*, 5(31), 34–39.
- Laktionova, E.B. (2011). Personal development of a teacher as a subject of psychological expertise of the educational environment. *Izvestiya RGPU A.I. Herzen*, (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnoe-razvitie-pedagoga-kak-subekta-psihologicheskoy-ekspertizy-obrazovatelnoy-sredy> (access date: 24.03.2021).
- Lebedeva, V.P., Orlov, V.A., Panov, V.I. (1996). Psychodidactic aspects of developing education). *Pedagogika (Pedagogy)*, (6), 25–30. (In Russ.).
- Panov, V.I. (2004). Environmental Psychology: An Experience in Building a Methodology. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Panov, V.I. (2007). Psychodidactics of educational systems: theory and practice. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Rubtsov, V.V., Ivoshina, T.G. (2002). Designing the educational environment of the school. Moscow: MSUPE. (In Russ.).
- Schad, E., Johnsson, P. (2019). Well-Being and Working Conditions of Teachers in Sweden. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12(4), 23–46. <http://dx.doi.org/10.11621/pir.2019.0402>
- Shishova, E.O. (2017). The impact of an educational environment's quality on personality development in early preschool. *Sovremennoe Doshkol'noe Obrazovanie. Teoriya i Praktika (Modern Preschool Education. Theory and Practice)*, (10), 50–59. (In Russ.).

- Shishova, E.O. (2021). The Influence of the Type of Educational Environment on Preschool Children's Mental Development. *Psychological-Educational Studies*, 13(1), 84–100. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130106> (In Russ.).
- Slobodchikov, V.I. (2000). On the concept of the educational environment in the concept of developmental education. In: Second Russian Conference on Environmental Psychology: abstracts: Sat. theses of the 2nd Russian conf. in Environmental Psychology (April 12–14, 2000). Moscow: Publishing house Ecopsychcenter ROSS. (pp. 172–176).
- Smirnova, E.O., Veraksa, A.N., Bukhalenkova, D.A., Ryabkova, I.A. (2018). Relationship between Play Activity and Cognitive Development in Preschool Children. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 1(14), 4–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2018140101>
- Sosnova, I.V. (2007). Social Conditions of Development as a Determinant of Pupils' Attitude towards School. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 12(4), 69–76. (In Russ.).
- Sujetaitė-Volungevičienė, G. (2021). Helping Young Children Join Playworld: Microanalysis. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, (4), 34–71. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.04.02> (In Russ.).
- Tarasov, S.V. (2011). Educational environment: concept, structure, typology. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina (Bulletin of Leningrad State University A.S. Pushkin)*, (3), 133–138. (In Russ.).
- Tkachenko, N.N. (2018). Typology of educational environments in modern educational psychology. *Saratovskii Universitet. Strakhovskie Chteniya (Saratov University. Strakhov Readings)*, (26), 319–324. (In Russ.).
- Trifonova, E.V. (2018). Initiative and independence as basic characteristics of the personality of a preschooler. *Researcher. Scientific and Methodical Journal*, (1-2), 21–22. (In Russ.).
- Tunik, E.E. (2006). Diagnostics of creativity. E. Torrens test. Adapted version. St. Petersburg: Rech. (In Russ.).
- Veraksa, N.E. (2018). Child Development: Two Paradigms. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 14(2), 102–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140211> (In Russ.).
- Veraksa, N.E., Veraksa, A.N. (2008). Design activities of preschoolers. A manual for teachers of preschool institutions. Moscow: Mozaika-Sintez. (In Russ.).
- Vygotski, L.S., Rieber, R.W. (1998). The collected works of L.S. Vygotsky. Volume 5: Child psychology. Springer: Science Business Media. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-4615-5401-1> (access date: 31.06 2021). (In Russ.).
- Volkova, E.N., Grigorieva, E.V., Seregina, I.A., Usova, E.S. (2001). Psychology of subjectivity of a teacher: A monograph. Nizhny Novgorod: NGPU. (In Russ.).
- Vygotsky, L.S. (2008). Psychology of child development (collection). Moscow: Publ. House Eksmo. (In Russ.).
- Yasvin, V.A. (2001). Educational environment: from modeling to design. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Yasvin, V.A. (2010). School as a Developing Environment: Monograph. Moscow: Institute of Scientific Information and Monitoring of RAE. (In Russ.).
- Zakharova, L.N., Zaladina, A.S., Machalin, A.I., Langman, I.A. (2023). Subjective well-being of teachers as an emotional regulator of professional growth. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya (Theoretical and Experimental Psychology)*, 4(16), 197–217. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-36> (In Russ.).
- Zuckerman, G.A. (2006). Child-Adult Interaction: The Creation of Zone of Proximal Development. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 2(4), 61–73. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR



Евгения Олеговна Шишова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической психологии Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета; старший научный сотрудник Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Казань, Российская Федерация, Evgeniya.Shishova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4903-9021>

Evgeniya O. Shishova, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Educational Psychology, Kazan (Volga region) Federal University; Senior Researcher, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Kazan, Russian Federation, Evgeniya.Shishova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4903-9021>

Поступила: 05.09.2022; получена после доработки: 09.02.2023; принята в печать: 06.02.2024.

Received: 05.09.2022; revised: 09.02.2023; accepted: 06.02.2024.